The background is a vibrant blue with abstract, flowing lines and circles, creating a sense of movement and depth. The lines are in various shades of blue, from light to dark, and the circles are semi-transparent, overlapping each other. The overall effect is a modern, digital aesthetic.

**ДИНАМИКА И СТАТИКА
В ПОЗНАНИИ РЕАЛЬНОСТИ ЯЗЫКА:
ПОДХОДЫ, ФЕНОМЕНЫ,
СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ**

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации

ДИНАМИКА И СТАТИКА В ПОЗНАНИИ РЕАЛЬНОСТИ ЯЗЫКА: ПОДХОДЫ, ФЕНОМЕНЫ, СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Монография

Под общей редакцией
Е. Ф. Серебренниковой

УДК 800.1
ББК Ш1в
Д46

Печатается по решению ученого совета ИФИЯМ ИГУ

Автор идеи и руководитель проекта

Е. Ф. Серебренникова, доктор филологических наук, профессор

Рецензенты:

Л. Г. Викулова, доктор филологических наук, профессор

П. П. Дашинимаева, доктор филологических наук, профессор

Т. Ю. Игнатович, доктор филологических наук, профессор

Д46

Динамика и статика в познании реальности языка: подходы, феномены, способы репрезентации : монография / под общ. ред. Е. Ф. Серебренниковой. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2021. – 285 с. <https://doi.org/10.26516/978-5-9624-1920-6.2021.1-285>
ISBN 978-5-9624-1920-6

Монография посвящена разработке теоретических аспектов соотношения динамики и статики как фундаментального модуса познания онтологических, феноменологических и телеологических аспектов языка с точки зрения придания особой значимости пространству, конституирующему само данное соотношение в интегративном и порождающем планах. На материале разных языков, в контекстах различных дискурсивных практик рассматриваются подходы, модели, феномены и способы репрезентации пространства нелинейного совмещения между идеальным и объективированным; интенциональным и событийным; устойчивым и изменяющимся; конвенциональным и креативным; социальным и индивидуальным в деятельном бытии «человека в языке» в концептуальной рамке «Я – Мир – Другие», разработка которых получает новый импульс в момент смены парадигмы знания и новых условий развития общества.

Адресована лингвистам, профессионально занимающимся теорией языка; аспирантам, обучающимся по профилю «Теория языка» направления «Языкознание и литературоведение», а также магистрантам, обучающимся по направлению «Лингвистика» по дисциплинам «История и методология науки», «Общее языкознание и история лингвистических учений», «Теория текста и дискурса».

УДК 800.1
ББК Ш1в

ISBN 978-5-9624-1920-6

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
1. На пути осмысления динамики и статики языка в онтологическом пространстве «Я – Мир – Другие»	10
1.1. Лингвоаксиологические операции: в пространстве между миром реальным и мирами дискурсивного позиционирования	10
1.2. «Я – Мир – Другие»: место фреймов, концептов и ментальных пространств	29
1.3. Проблема культурно-языковых контактов в изменяющемся мире: коды и стратагемы	49
2. Конструирование как порождающий механизм дискурсивизации: ориентиры, ограничения, векторы и модели репрезентации в дискурсивных практиках	131
2.1. Дискурсивное конструирование имиджа растительного стиля питания в англоязычном медиадискурсе	131
2.2. Пандемия COVID-19 как время культуры в зеркале игровых дискурсивных практик: из архива высказываний	150
2.3. Дискурсивное конструирование образа города Красноярска в российских и англоязычных медиа	163
3. Интерпретация: когнитивный процесс и акт оязыковлечения	131
3.1. Бесконечность интерпретаций оязыковленных телодвижений	131
3.2. Интерпретативный аспект уступительных высказываний в современном французском языке	150
4. Феномены лингвосинергийной природы: технологичность и стратегичность дискурса	163
4.1. Технология «умная настройка» как динамическая модель управления медийным дискурсом	163
4.2. Дискурсивное конструирование субъектности цифровой личности: стратегии самоидентификации в коммуникативном интернет-пространстве	180
4.3. Модусный подход к анализу аксиологических стратегий в дискурсе об инновациях	196

5. Моделирование аспектов соотношения статики и динамики в языке и культуре: системность, континуальность, трансформации	211
5.1. Феномен статики и динамики синонимических отношений в терминосистеме медицины	211
5.2. Статика и динамика в диахроническом моделировании истории китайского языка	221
5.3. Моделирование гастрономического кода японской лингвокультуры	232
Заключение	254
Библиографический список	258
Сведения об авторах	284

ВВЕДЕНИЕ

Настоящую монографию следует отнести к ряду исследовательских работ, вписывающихся в проблематику теории языка. Ее актуальность проистекает из назревшей необходимости осмысления современной постановки и предлагаемых решений по фундаментальным для лингвистики вопросам, касающимся онтологии, феноменологии и телеологии языка в эпоху смены научных парадигм. Особое внимание привлекает уже достаточно общее, принятое в научном сообществе положение о том, что вопрос онтологии языка включен в познание реальности самого человека. Данное положение имеет характер познавательной установки, которая, открывая новые перспективы в решении фундаментальных проблем теории языка, ориентирует вектор поиска решений в область «третьего», связующего пространства, конституирующего само дихотомическое соотношение статики и динамики как базовых феноменологических аспектов изучения деятельной реальности «языка в человеке и человека в языке».

Дихотомия «статика и динамика», отражая дуализм познания мира человеком, представляет фундаментальную эпистему в познании реальности языка. Эволюция знания о языке показывает плодотворность обращения к диалектике соотношения двух сторон дихотомии и понимания интегрального пространства «между» ними как пространства феноменологии языка. Само формулирование соотношения статики и динамики И. А. Бодуэном де Куртене как константы языка в историческом эволюционном плане, понятие «речевой деятельности» в концепции Ф. де Соссюра, идея «энергейя/энергон», «дух народа, склад ума» В. фон Гумбольдта; идея не «древя», но постоянных пересечений в «волновой теории» И. Шмидта, концепция «Язык и жизнь» Ш. Балли, философское осмысление обыденного языка как игры – формы жизни Л. Витгенштейна, концепция М. Хайдеггера о языке как «Доме бытия человека» с идеей экзистенции человека в потоке сознания и его бытии в языке, а также многих других концепций, способствуют смене доминирования статико-объективистского подхода в базовой дихотомии и выдвигают динамику как исходной процессуальной инстанции; осмысления дихотомии не как антиномии, но как парадокса, само конструирование и познание которого открывает путь к «здесь и сейчас» осуществляющейся дискурсивной целостности. Смысл парадокса конструируется не путем соотношения противопоставленных сущностей и констатации наличия того и другого в аспектах их взаимосвязи, а на самом интегральном стыке – третьем порождающем измерении, в пространстве «между» ними, дающем новое качество понимания феномена.

Представления о трехмерности/многомерности пространства языка в семиозисе, развитие функционализма, генеративизма, деятельностного, акционального, инструментального, лингвоаксиологического подходов; герменевтической и интерпретативной теоретических моделей; теории интеграции ментальных пространств и других концептуальных моделей пространства интегрального совмещения «между» (между воспринимаемым и означиваемым, значимым и не значимым, виртуальным, идеальным и объективированным; внешним и внутренним по отношению к языку, устойчивым и изменяющимся, конвенциональным и креативным, нормативным и узуальным; континуальным и дискретным, социальным и индивидуальным) получает новый импульс в момент смены парадигмы знания и развития направлений в русле углубляющегося антропоцентрического и, значит, лингвокультурологического, лингвосоциального, когнитивно-коммуникативного подхода к языку в концептуальной рамке «Я – Мир – Другие». Проблемизируется как само понятие субъектности человека в его ипостасях наблюдателя, концептуатора и интерлокутора, так и подход к высказыванию как способу субъективации: высказыванию, реализующему субъектность человека (Э. Бенвенист) или конструирующему субъектность (М. Фуко) в дискурсивном пространстве в креативном статусе дискурсивной личности в его обращенности к Другому.

От результативных понятий «текста» и «дискурса» следует переход к процессуальным понятиям «становления текста перед мысленным взором» интерпретатора (В. З. Демьянков) и «дискурсивизации» в траектории ее реализации в коммуникации (С. Н. Плотникова, Е. Ф. Серебряникова). Компьютерная метафора языка как рационального интеллектуального оператора когниции трансформируется под влиянием понимания синергичной природы интеллекта, оперирующего на стыке рационального, аффективного и инстинктивного начал человека.

Осмысление языка в его неразрывности с феноменом человека и шире – общества и культуры – усложняет исследовательскую задачу в установочно-предпосылочном, предметно-познавательном и процедурно-методологическом планах рассмотрения в координатах концептуальной рамки «Я – Мир – Другие».

Понимание когнитивной природы языка, опора на принципы конструктивизма, синергичности и интерпретативности в лингвистическом анализе акцентируют динамический подход к реальности языка, ориентируют на раскрытие динамики лингвокогнитивных процессов в феноменологии текста/дискурса в коммуникативном пространстве. Вместе с тем усиливается интерес к моделированию способов репрезентации и телеологии лингвокогнитивных процессов, механизмов, категорий на стыке динамического и статического в языке:

– устойчивых моделей опыта и когнитивной неопределенности референциальных ситуаций в коммуникации;

- эмоциональности переживания и рациональности интеллектуальной деятельности;
- экзистенциального состояния человека между императивами реальности и ориентирами должного, необходимого, желаемого;
- объемности, многомерности, энциклопедичности структур знания и единственности вербализации высказываемого смысла;
- конструирующего потенциала дискурса и ограничений на высказывание смысла в порождающем его контексте;
- динамики референциального мира и конвенциональности языкового кода;
- континуальности коллективного измерения концептосферы и аксиосферы и проблемной прерывности и альтернативности оценочной концептуализации для дискурсивной личности;
- общезначимой системности языка и специфичности порождаемых возможных дискурсивных миров и дискурсивных позиционирований;
- бесконечности интерпретаций и конечности структуры текста/дискурса;
- дискурсивизации как порождения нового смысла и наличных структур оязыковления смысла в данный момент эволюции культуры;
- потока информации и выведения смысла;
- преемственности разделенного, общекультурного знания и разрывов в его освоении индивидом;
- власти дискурса и наличия аксиологических фильтров интерпретатора;
- давления глобальных медиа и устойчивости национальных языков и картин мира в условиях открытости и проницаемости коммуникативных пространств и сред;
- целостности личности и множественности начал и ипостасей человека говорящего в различных и новых коммуникативных средах;
- социального и индивидуально-личностного интеллекта.

Осмысление данного интегративного пространства часто носит образный и метафорический характер (*язык, погруженный в жизнь, жизнь языка в культуре и социуме, типы языковых значений в оптике «небо и земля»*) либо осуществляется на основе терминов предшествующих парадигм (*уровневый подход, актуализация инвариантных языковых систем в речи*); многие интегральные понятия остаются намеченными, но не раскрытыми в их значимости в лингвистическом анализе (*событийность, архив знания, современный стиль мышления, дискурсивное мышление, человек «медийный» и др.*). В этой перспективе востребованными являются уточнение и обогащение метаязыка интегрального пространства «*между*», дальнейшая разработка моделей и методик анализа языка в диалектике соотношения динамики и статики, включая критическое рассмотрение востребованных в лингвистической практике

терминов «операций», «инструментов», «измерений», «модусов», «проекции», терминологических рядов и парадигм (означивание – обозначение – знак; сказывание – высказывание – сказанное; дискурс – дискурсивизация; сообщение – послание – смысл; интерпретация – акт оязыкования – знак; метафора – метафоризация, оценка – оценивание – ментальная шкала оценивания, субъект – субъективизация, лицо – персонализация, концепт самости – идентичности – самоидентификация, профиль – профилирование, модус – модальность – модализация, категория – категоризация, концепт – концептуализация и т. д.) и раскрытие их методологического потенциала. Актуальной остается проблема диагностирования и объяснения соотношения внешних и внутренних факторов и фактов изменений в языке, разработки подходов к прямым, непрямым или имедиатным способам оязыкования динамики лингвокогнитивных процессов в связи с изменениями общества в цивилизационный период «смены эпох». Назревает необходимость в научной рефлексии опыта антропоцентризма, уже достаточно длительное время преобладающего в лингвистике. Вероятен в этом плане вопрос о том, не смещаются ли акценты на пути от «человека говорящего» к «языковой личности» и «дискурсивной личности», к диалектическому смыслу «развития человека и его языка» в своеобразии современного контекста определения концептуальной рамки «Я – Мир – Другие».

Работы авторов монографии, представляющие их исследовательский опыт, объединяет концепция о том, что целостное представление о языке определяется в интегрирующем пространстве «между» двумя сущностными ипостасями феномена языка в концептуальной рамке «Я – Мир – Другие», имеющей онтологический характер для человека говорящего. Данное глубинное измерение динамики и статики языка изменяется феноменологически и телеологически в настоящий период эволюции культуры. Особое внимание авторы уделяют разработке принципа конструктивизма, операционального механизма дискурсивного мышления, динамике процессов в языке и культуре. Пути осмысления динамики и статики языка в онтологическом пространстве «Я – Мир – Другие» представлены с точки зрения анализа перевода лингвокогнитивных процессов в практическую плоскость аксиологических операций в пространстве между миром реального и мирами дискурсивного позиционирования в коммуникации (Е. Ф. Серебренникова, пар. 1.1); определения места фреймов, концептов и ментальных пространств в концептуальной рамке «Я – Мир – Другие» (С. А. Хахалова, пар. 1.2), реализации кодов и стратагем в динамике культурно-языковых контактов (Н. Н. Казыдуб, пар. 1.3). Конструирование как порождающий механизм дискурсивизации раскрывается в изучении дискурсивного конструирования имиджа растительного стиля питания на материале англоязычного медиадискурса (Т. И. Семенова, пар. 2.1); в анализе со-

бытия пандемии Covid-19 как времени культуры в координатах игровых дискурсивных практик и «архива» высказываний (Е. Ю. Куницына, пар. 2.2); выявлении способов дискурсивного конструирования образа города Красноярска в российских и англоязычных медиа (А. В. Колмогорова, М. И. Мельникова, пар. 2.3). Теоретические подходы и результаты анализа проблемы интерпретации как когнитивного процесса и акта оязыковлени представлены в разделе, посвященном феномену бесконечности интерпретаций оязыковленных телодвижений на материале французского и русского языков (В. Е. Горшкова, пар. 3.1), а также интерпретативному аспекту уступительных высказываний в ситуации коммуникации (И. В. Камнева, пар. 3.2). Технологичность и стратегичность дискурсов, имеющих лингвосинергийную природу, раскрываются в обосновании «умной» модели управления медийным дискурсом (И. А. Якоба, пар. 4.1); установлении стратегий самоидентификации цифровой личности в интернет-пространстве (Д. А. Попова, пар. 4.2); модусном подходе к реализации аксиологических стратегий в дискурсе об инновациях (О. Н. Садовникова, пар. 4.3). Моделирование феномена статики и динамики с точки зрения принципов системности, континуальности и изменчивости производится на материале изучения синонимических отношений в терминосистеме медицины (В. М. Хантакова, пар. 5.1), периодизации истории китайского языка (О. Ю. Воронина, пар. 5.2), а также гастрономического кода японской лингвокультуры (Н. Ю. Тразанова, пар. 5.3).

1. НА ПУТИ ОСМЫСЛЕНИЯ ДИНАМИКИ И СТАТИКИ ЯЗЫКА В ОНОТОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ «Я – МИР – ДРУГИЕ»

1.1. ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ: В ПРОСТРАНСТВЕ МЕЖДУ МИРОМ РЕАЛЬНЫМ И МИРАМИ ДИСКУРСИВНОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ

В динамике современного мира, отмеченного возрастанием информационных ресурсных возможностей и моделирующей роли массмедийного коммуникативного пространства, усилением конфликтности в условиях реальных цивилизационных сдвигов, рефлексии о «новой» рациональности и «новых» нормальностях, актуальное измерение языка как деятельного способа субъективации человека устанавливается в онтологических координатах концептуальной рамки «Я – Мир – Другие». Данное измерение получает прагма-технологическую трактовку в контексте поисков эффективных способов управления, контроля, доминирования для целей достижения коммуникативных «побед» (Я. Хинтиikka) в апеллятивной (К. Бюлер) адресации дискурсов к целевому адресату, к его рационально-аффективному интеллекту. Вопрос о ценностях как мотивирующей и ориентирующей идеологической системе человека приобретает ключевое значение. Постигается ли человеком система ценностей/антиценностей, данная ему из «мира вечного» (Г. Рикерт), или же она «становится», проходит путь становления всякий раз, когда человек оказывается в ситуации и в момент выбора решения между миром реальным и миром должным, необходимым, желаемым в соответствии с некоторой целью, целеполаганием человека. Данный момент открывает перспективу интерпретации – оценочного осмысления мира и себя в этом мире, которая и лежит в основе эвристического принятия решения, самоидентификации человека по отношению к «статике», представленной конвенциональной системной норм, образцов, эталонов, сценариев, осваиваемой в процессах социализации и аккультурации.

В условиях трудности верификации информации по отношению к миру реальному язык, языковой знак в социальной коммуникации все более аксиологизируется в направлении не столько более полной и точной репрезентации фактов и событий, сколько в направлении валоризации «своего» значимого на фоне девалоризации не своего, менее или

вовсе незначимого путем аттрактивизации знака для пользователя и легитимации продвигаемой дискурсивной позиции. Аксиологизация самого знака усиливается в дискурсивном позиционировании, организующем различные позиции, по отношениям противопоставления, единения, доминирования, способствуя созданию виртуальных сообществ единомышленников или противников позиций. Дискурс не только проецирует новое видение мира или фрагмента мира, не только интенсифицирует апеллятивную функцию, но и продвигает ценностные ориентиры мировидения, миропонимания, мирозидания, принятия решений, т. е. идеологическую сущность дискурсивной позиции как точки зрения. Точкой пересечения динамики герменевтического пространства между миром реальным и миром дискурсивных позиционирований следует считать точку перехвата самоидентификации адресата [Викулова, 2019]. Очевидно, что современные социальные медийные практики, реализуясь в изначально аксиологически параметризованных коммуникативных средах, открывают многовалентные интерпретативные перспективы в векторах от мира реального к миру желаемому, должному и необходимому, которые ориентированы или должны быть ориентированы определенным образом. Ориентирование дискурсивных позиций должно выводить на приемлемые – убедительные для самоидентификации целевого адресата смыслы. При этом понимание синергично-креативной, а не линейной сущности лингвокогнитивных процессов обуславливает важность силовой трактовки дискурсивных технологий формулирования и продвижения дискурсивных формаций в центрированном пространстве, настроенном оценочными отношениями вовлечения/отвлечения; присоединения/противопоставления; доминирования/подчинения или сервильности и т. д.

Аксиологическая параметризация коммуникативного пространства [Серебренникова 2013а, с. 13–18] усиливает свою значимость в качестве, с одной стороны, фундаментального настраивающего фактора для медийных дискурсов и, с другой стороны, в качестве финального способа достижения целеполагания. В первом случае имеется в виду результативно-следственное состояние коммуникативного пространства, образованного дискурсами, проистекающее из изначальной настройки дискурсивных формаций интересами, приоритетами, концептуально-идеологическими установками дискурсивной личности как субъекта дискурсивной позиции. Во втором случае речь идет об ориентированности реализации самой траектории дискурсивизации (о термине и модели дискурсивизации см. работы [Плотникова, Серебренникова, 2013; Якоба, 2016]) на ее дестинацию – предназначенность данного дискурса внести содержательный вклад в проблемно осмысляемую ситуацию, обеспечив качество событийности. При этом проблемность коммуникативной ситуации, которая и порождает дискурсивизацию «топика», может быть создана, сконструирована медийным способом.

В этом плане особое поле для анализа проблемы управления пространством между миром реальности и конструируемыми мирами дискурсивного позиционирования составляет сетевое веб-пространство. Одна из его ключевых характеристик, на наш взгляд, состоит в том, что оно коммуникационно-технологически разрешает дискурсивное позиционирование в концептуально-аксиологической рамке «Я – Мир > Другие», что порождает такие феномены виртуального глобального и персонального расширения ресурсов человека и общества, как «информационная кибер-война, атака», мир «постправды», «стена» пропаганды, «геймерство», «хайтерство», «информационное гетто», «информационное заражение» и многие другие. Одним из актуальных вопросов, касающихся происходящих качественных изменений инклюзивного соотношения язык – медиа – культура – общество, является вопрос о технологическом инструментарии в интерпретативном аксиологически параметризованном коммуникативном пространстве, призванном управлять динамическими синергийно-силовыми процессами в коммуникации.

Операция – термин динамического подхода к языку, востребованный развитием концепций о категориях стратегичности и технологичности, свойственных дискурсам в процессе их реализации в коммуникативных социальных практиках, хотя и употребляемый с осторожностью, чаще всего в виде атрибуции рассматриваемому феномену признака «операциональности», характера «операбельности»: *операционный термин, операционный концепт, операционный механизм, операционное знание, оперирование* и др. Ограничителем в использовании знака «операция» в лингвистическом анализе является исходная действенно-агентивная и техническая семантика, включающая его в концептуальную область инструментальной технической процедуры по достижению конкретного результата в виде точечного, одновременного, намеренного вмешательства в некоторую целостную ткань, ситуацию, состояние для достижения конкретного планируемого эффекта. В данном значении слово «операция» относится к определенным сферам специального знания, употребляется чаще всего в медицинской, военной, торговой сферах. Вместе с тем приведем дефиниции слова в толковом словаре, в которых явно выявляется, с одной стороны, специальная, с другой стороны, потенциальная, более общая – действенная, технологическая, преобразующая в сторону практического осуществления процесса сущность концептуальной структуры, стоящей за знаком, проецирующая его семиотические экстенциональные возможности [<https://gufo.me/dict/efremova/операция>]:

– намеренное нарушение целостности больного органа тела или ткани – вскрытие, отсечение и т. п. – с целью их излечения (хирургическое вмешательство);

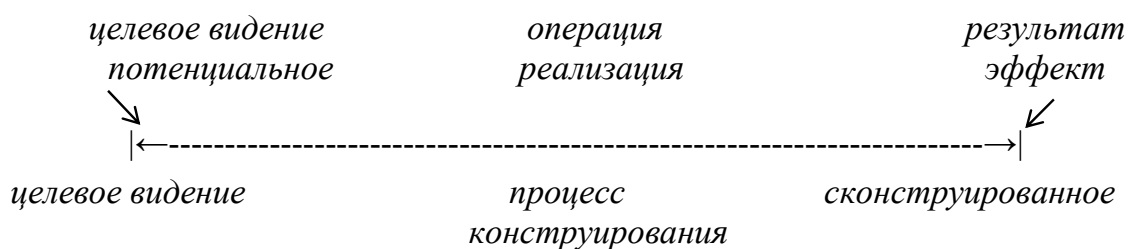
- военное действие или ряд военных действий, подчиненных единому стратегическому плану;
- отдельная фаза технологического или какого-либо иного процесса;
- ряд действий, объединенных общей целью или направленных на один предмет.

Основным препятствием для использования данного термина по отношению к динамике реализации языка является, на наш взгляд, фундаментально двойственная сущность языка: его материально-идеальная природа. Знак «операция» по своей семантике предполагает действия видимые, наблюдаемые, контролируемые как по своему способу выполнения, так и по конкретно фиксируемому результату. В лингвистическом же анализе, прежде всего в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы познания языка, исследователь обращается к реконструктивному моделированию глубинных ментальных процессов и сущностей, объясняющих порождаемую и порождающую реальность языка в динамике ее воплощения в речевом общении, в дискурсивизации смысла, в коммуникации. Речевое высказывание как реальность есть осуществление смысла (в терминах Л. С. Выготского); высказывание есть субъективация говорящего (в терминах Э. Бенвениста) в его прагматической интенциональности воздействия и управления интеракцией с Другим в коммуникации. Поэтому неслучайно вхождение знака «операция» в концептуальном и методологическом планах в лингвистике начиналось с наблюдения экплицитных на поверхностном уровне синтаксического анализа процедурных действий, приводящих к явному трансформирующему эффекту/результату, прежде всего, на уровне трансформаций непосредственно составляющих синтаксическую структуру высказывания (синтаксические «операции» трансформации в концепции З. Харриса, в частности).

В то же время знак «операция» становится одним из ведущих терминов в тех направлениях науки о языке и речевой деятельности, которые концептуально позиционируют себя в русле динамического (или «кинесического») конструктивирующего подхода к раскрытию природы языка. Особую значимость термин приобретает в направлениях французской лингвистики – одной из научных школ, в которой предложены и обоснованы концептуальные и методологические основания динамического подхода к анализу дискурса.

К таким направлениям отнесем теорию психосистематики и психомеханики языка Г. Гийома, развиваемую в работах А. Жоли, Э. Стефанини, Л. М. Скрелиной и других ученых. В работе А. Жоли *Autour du concept d' "opération" chez Gustave Guillaume* [Joly, 1997, p. 203–218] постулируются следующие положения, которые мы приводим в переводе с французского на русский язык (перевод. – Е. Ф. С.): «Одним из оснований теории Гийома является то, что все в языке является движением без

ограничения в количестве движения. Нет глагола без процесса формирования образа-времени, нет фразы без генезиса фразы, нет местоимения без генезиса лица. Ингерентному кинетизму всякого лингвистического феномена – то есть его глубинной “оперативности” – противопоставлен статизм перехвата, с которым имеет дело аналитик. Лингвист приходит слишком поздно, когда феномен, который он ставит целью изучить, уже представлен как результат, конструирование которого ускользнуло от него. Отсюда возникает необходимость для Гийома разработать метод анализа, который позволил бы соотнести результат конструирования с оперативностью ее конструирования. Речь идет о представлении цепи каузаций, исходящей от наблюдаемого как результата произошедших операций «мысли мыслящей», по схеме:

В данной схеме операция представляет собой реализацию процесса конструирования результата/эффекта...».

В статье А. Жоли подчеркивается, что в теории Гийома выделяется два базовых типа операций, которые действуют в плане возможного в языке и в плане реализованного, выраженного в дискурсе. Субстанциями операций как мыслительных движений являются две сущностные, «суверенные» операции мышления человека, от которых зависят все другие операции: генерализация и партикуляризация, движение к общему и движение к частному, единичному. Перехват мыслимого осуществляется на стыке между двумя встречными мыслительными операциями.

Лингвиста, принимающего постулат динамического характера языковых феноменов в их диалектическом соотношении со статизмом, данная теория вооружает концептуально и методологически. Важнейшей опорой лингвокогнитивного моделирования дискурсивных феноменов, в том числе дискурсивных операций, следует считать разработанный в теории психосистематики и психомеханики языка векторный анализ, позволяющий реконструировать схематически динамику исследуемого феномена. Проясняется сущность движения мыслимого как основа динамики, которая состоит в активизации причинной цепочки каузаций, ее синергичном характере. Высвечивается идея о том, что движение конституируется диалектически связанными и взаимообусловленными оппозиционно мыслительными операциями, перехват в соотношении которых «мыслью мыслящей» (интеллектом, когито человека говорящего) позволяет объяснить наблюдаемое как результат, эффект операции дискурсивного конструирования.

Другим направлением в анализе дискурса в динамическом процессуальном подходе к его практической реализации, выдвигающим понятие «операции» как ключевого термина, является праксематический подход (от греч. «праксис» – реальность процесса) [Barb eris, 2001, p. 7–15].

Праксематическая лингвистика развивается в более широкой эпистемологической рамке анализа порождения смысла в дискурсе, про­ставляя акцент на операциях, необходимых для реализации продуцируемого смысла, т. е. на способе, который вписывает праксические схемы субъектов, говорящих в динамику речевой деятельности и структурирует языковую репрезентацию. Праксематическая лингвистика ориентирована на разработку проблематики способа, в котором конкретные дискурсы сохраняют и выявляют следы динамики речевой деятельности.

Данное направление в современных науках о речевой деятельности зародилось в 70-х гг. XX в. в группе исследователей под руководством Робера Лафона и развивалось далее в Национальном центре научных исследований Франции. В качестве основной задачи исследователями выдвигается анализ продуцирования смысла путем выявления следов – маркеров в реализованном дискурсе.

Продуцирование смысла постоянно артикулируется (форматируется, структурируется) в праксисе (реальности), т. е. речемыслительной деятельности производящего ее субъекта во взаимодействии с субъектом воспринимающим. Праксематическая лингвистика ставит под сомнение имманентность смысла (заданного субъектом) и выводит на первое место не только вопрос о смысле, конструируемом в дискурсе, но и способе, каким дискурсы производят смыслы, направляя внимание на условия, факторы смыслопорождения и восприятия смысла, изучая их в рамках дискурсивных формаций, в которых они порождаются. Дискурсивная формация, структурируемая по определенной модели, формирует точку зрения в коммуникации.

Важно при этом то, что речь идет о динамическом анализе функционирования дискурсов с выделением таких аспектов, как целевое завершение (или финализация) дискурса, жанр, тип, вид дискурса, маркеры высказывания, конструируемые референциальные категоризации в соотношении с ситуацией коммуникации. Данные аспекты как раз и составляют то, что называется сегодня анализом дискурса. Отличие праксематической лингвистики от «чистого» анализа дискурса состоит в том, что она ставит задачу не только описать дискурсы на основе вербальных, паравербальных средств их реализации наряду с невербальными средствами, но также сконструировать понимание продуцирования смысла как такового, т. е. выявить необходимые операции, ведущие к реализации продуцированного смысла. В анализе коммуникативного акта выделяется информационное содержание и прагматическое содер-

жание. Отсюда речь рассматривается и как сообщение (смысловое послание), и как действие (акция – отдать приказ, попросить, предупредить, поставить вопрос, пообещать и т. д.). Понимание прагматического содержания достигается благодаря ситуации коммуникации и способности к инференции субъекта восприятия.

Развитием понимания инструментального способа функционирования языка в дискурсивных практиках, в практическом аспекте взаимодействия, является подход к особо значимым, ценностным смыслам с точки зрения прагматического подхода в теории ценностей, который условно можно обозначить как аксио-прагматический [Пирс, 2009]. Прагматический аспект означивания определяет способ принятия решения и возможность достижения поставленной цели с учетом полученной информации. Данный аспект отражает потребительские свойства информации. Если информация оказалась ценной, поведение ее потребителя меняется в нужном направлении.

Экстенсии термина «операция» в область анализа дискурса способствует развитие когнитивной трактовки природы дискурса [Степанов, 1995], ценностного измерения языка [Серебренникова, 2018]; принципа конструктивизма в понимании феноменологии и телеологии дискурса [Филипс, Йоргенсон, 2004], усиления инструментальной роли языка в сетевом информационном пространстве и понимания силовой сущности языка в процессах управления коммуникацией [Дейк ван, 2015; Серебренникова, 2015а, Чернявская, 2006; Якоба, 2016; Fairclough, 1989], в формировании прагматически ориентированных направлений лингвистики, таких как маркетинговая лингвистика, интернет-лингвистика, чему способствует антропологическая и коммуникативно-прагматическая ориентированность современной лингвистики, интегрирующая семиотические «пространства языка», семантику, синтактику и прагматику в призме телеологической смыслопорождающей субъектности дискурсивной личности, имманентно находящейся в экзистенциальном интенциональном пространстве «между» – между миром реального и миром должного, желаемого, необходимого.

В данных параметрах использование термина «операция», во-первых, не противоречит самому общему определению понятия «операция», которое мы можем почерпнуть в качестве достаточно иллюстративного в одном из признанных толковых словарей французского языка (*Opération – action d'un pouvoir, d'une fonction, d'un organe qui produit un effet* 'Операция – действие некоторой силы, некоторой функции, некоторого органа, производящее некоторый эффект' (перевод. – Е. Ф. С.) [Micro Robert, 2008, p. 731]. Во-вторых, оно отвечает актуальной востребованности концепта «операция» в анализе дискурса, в котором сформировалась достаточно обширная, многочленная парадигма терминов, отражающих искомые технологические параметры реализации

дискурса; схемы, матрицы, силы влияния, категории, акты, механизмы, способы, процессы, стратегии и тактики, технологии, инструменты, маркеры, средства и др.

В этой связи возникают вопросы, касающиеся как разграничения данных терминов, так и вопрос о том, на основе чего, каких действий активизируются механизмы и определяются динамические когнитивно-коммуникативные характеристики реализации дискурса, если мы будем придавать статус «операции» праксемигическому способу реализации смыслопорождения в коммуникации. Как рассматривать, например, манипуляцию – как дискурсивную стратегию? Как механизм? Способ убеждения? Шире – дискурсивную технологию? Положение о том, что дискурс реализуется в совокупности определенных актов речи уводит ответ скорее в сторону квалификации и классификации наблюдаемого в сообщении в параметрах контекста коммуникации. Такого же рода пример проблемности очевиден, в частности, с терминами «фреймирование/рефреймирование», «фасцинация/фасцинирование», «вовлечение/вовлеченность» и другими, которые могут рассматриваться то как стратегии, то как процессы, то как способы конструирования или трансформации знания. Иными словами, возникает, на наш взгляд, определенная концептуальная лакуна в категориально-терминологическом аппарате анализа дискурса, которая может быть заполнена более активным употреблением термина «операция».

Под «дискурсивной операцией» будем понимать в общем виде «суверенное» интеллекту целевое векторное движение, конструирующее дискурсивизацию (структурирование и продвижение смысла в коммуникации) определенным способом в соответствии с ее дестинацией (предназначенностью) в параметрах коммуникации. Движение ориентировано на установки, запросы и ожидания, сложившиеся в наличном состоянии фундаментального когнитивного модуля «Я – Мир > Другие».

Исходя из данного определения, попытаемся схематизировать кинесику дискурсивной операции посредством векторного анализа, предполагающего диалектическую оппозитивную составность, перехват которой выявляет эффект/результат: то «сконструированное», которое наблюдается, воспринимается, осмысливается интерпретатором. Для целей схематизации понадобится ряд терминов, позволяющих выстроить «цепочку каузаций», в основе движения. К данному ряду отнесем следующие термины:

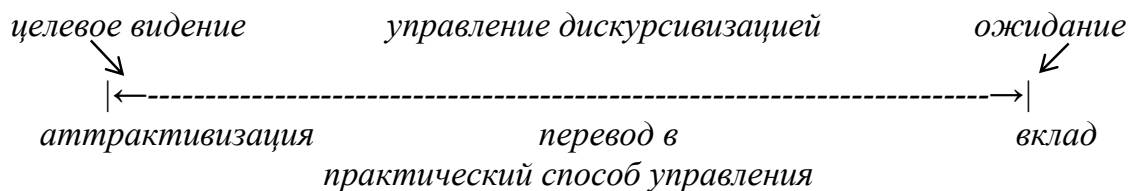
– аттрактивизация: придание качества аттрактивности высказыванию, т. е. способности привлечь внимание, возбудить интерес, активизировать процессы восприятия и интерпретации как на основе формы, структуры высказывания – макрознака коммуникации, так и на основе его «пропускаемого через человека» (в терминах Н. Д. Арутюновой) содержания в рамках «целевого видения», связанного с установками говорящего;

– дестинация дискурсивизации: достижение (степень достижения) событийности дискурса, в соответствии с его предназначенностью, с одной стороны, и его эффективностью (достигнутым эффектом/результатом), с другой стороны, в управлении дискурсивизацией в коммуникации;

– ожидание, горизонт ожидания – состояние наблюдателей/интерпретаторов как существ социального мира в момент коммуникации, отвечающее, по крайней мере, двум константным параметрам.

Участники, вступающие или находящиеся в некотором пространстве коммуникации, не могут не общаться определенным образом; адресант оказывает иллокутивное вынуждение адресата к общению и, следовательно, к прерыванию когнитивной (семантико-прагматической) однородности его мира [Греймас, 2007], ведущему к активизации чувствительности, мышления, воображения в поиске того вклада, который сообщение может внести в данное состояние для его гармонизации. В этом плане активизируемые в коммуникации лингвокогнитивные ресурсы когито коммуниканта, организованные ценностным измерением его мира, выступают в качестве опоры для концептуализации и категоризации дискурсивного пространства, образованного актуальной дискурсивизацией некоторого смысла.

Опираясь на данные термины, попытаемся выстроить общую кинесическую схему дискурсивной операции в коммуникации:

Вектор дискурсивной операции означает дестинацию дискурсивизации. Уточним, что понятие «дестинация» в модели траектории реализации дискурсивизации является установочной характеристикой плана проецируемого вклада данного макрознака (сообщения/текста/дискурса) в коммуникации для достижения искомого эффекта. Дестинация распознается, выявляется интерпретатором в момент «после» реализации, через вопросы, которые имплицитно ожидание. Зачем это говорилось? Зачем это говорилось так, а не иначе? Это интересно, оправданно, ценно, удачно, красиво, сильно, ничтожно, бездарно и т. д.? В чем смысл этого сказанного по отношению к данному, проблемно осмысляемому «топику» коммуникации? Как оно помогает, не помогает, усложняет понимание данной неопределенной или проблемной ситуации? Как это меняет мое отношение, понимание данной ситуации, данного лица, данного типа поведения? Что это мне дает? Какой интерес представляет это сказанное для меня, шире – для «моих», «наших», в отличие от «не мо-

их», иных, чужих? По каким маркерам распознается этот «истинностный» смысл высказанного?

В такой трактовке дестинация высказывания, отличаясь от понятий коммуникативного намерения, коммуникативной цели, принадлежащих адресанту, определяет общую событийность дискурса как его имманентную характеристику, связанную с качеством аттрактивности в реализации дискурсивизации. Понятие «дестинации» предполагает как «дестинатора», т. е. субъекта восприятия, интерпретатора-адресата, способного к данной дискурсивной рефлексии и поиску «вклада» данной дискурсивизации в коммуникацию, так и адресанта в его силовой дискурсивной позиции.

Общая схематизация дискурсивной операции позволяет вывести несколько следствий, исходных как от терминов, обозначающих компоненты движения, так и целостной кинесики его реализации. Следствие первое состоит в том, что компоненты схематизации имеют безусловно интегративный синергийный характер и могут быть истолкованы множественно в зависимости от аспекта, ракурса и подхода к изучению. Например, «целевое видение конструирования» может быть истолковано в терминах «стратегии», «проецирования», «установок», «целеполагания» и др. Термин «аттрактивизация», обладая значительным семантическим объемом, во многом аналогичен терминам «вовлечение», «привлечение», «присоединение», «фасцинация» [Серебренникова, 2013б, с. 158–168]. Аттрактивизация осмысляется в ментальном фрейме оценочной категоризации – пресуппозиционной шкале оценивания, организованной полюсами – максимумами и минимумами (эталонами, идеалами и их антиподами), проводящими категоризацию в тройственном сопоставлении: позитивно – нейтрально – отрицательно.

Второе следствие состоит в том, что дискурсивная «операция» является базовым элементом динамики дискурсивизации и может применяться при анализе других когнитивно-коммуникативных процессов в анализе дискурса. Для описания данного способа представления «операции» в анализе возможно как автономное использование термина, когда речь идет именно о дискурсивной операции (например, дискурсивная операция «финализации» высказывания), так и использование метатермина в рамках рассмотрения более общих когнитивно-коммуникативных аспектов дискурса. По вопросу о сущности и реализации операции финализации в дискурсе сошлемся на работу [Серебренникова, 2015б].

В поиске данного метатермина для обозначения включенного в общий тип дискурса способа реализации операции целесообразно обратиться к семиотическим ресурсам французского языка. Как известно, именно существование множества слов для обозначения феномена языка (*langue, language, discours, parole*) было использовано Ф. де Соссюром

для разработки семиологической концепции языка. Опираясь на данный опыт, обратимся к семиотическим возможностям абстрактного по своей семантике причастного оборота *mis en*, образованного от *mettre en* (рус. превратить во что-либо, перевести во что-либо), достаточно часто употребляющегося в работах по французской лингвистике. Использование данного оборота в форме, точнее, формуле анализа, как «превращение/перевод в» позволит показать роль дискурсивной операции в реализации более сложных когнитивно-коммуникативных сущностей и вместе с этим произвести их операциональный анализ. Покажем это положение на примере соотношения «операции» с более крупными дискурсивными понятиями в анализе дискурса (табл. 1).

Таблица 1

Перевод дискурсивизации в реализующую его операцию

Конструктивное целевое видение дискурсивизации	Реализация	Аттрактивизация дискурсивизации	Дискурсивные операции
Аргументация, определяющая стратегии убеждения	Процесс и аргументативный способ организации дискурса	Превращение/перевод аргументативного смыслообразования в дискурсивные операции (<i>mis en argumentation</i>)	Топикализация, фокусирование, вопрошание, проблемизация, оценивание, генерализация, финализация и др.

Аттрактивизация дискурса имеет по своему глубинному измерению оценочный характер, отражающий совмещенность интерпретативных процессов когниции (концептуализации и категоризации) с градуированным модусным оцениванием для человека говорящего.

Выделяя лингвоаксиологические дискурсивные операции как некий вид или тип дискурсивных операций, мы имеем в виду не только то, что фундаментально категоризация выводит на ценностный уровень познания, не только то, что высказывание как единица дискурса есть «живое» субъектное конструирование знания и мнения [Залевская, 2009], результат позиционирования субъекта в коммуникативном пространстве, аксиологически параметризованном иными позициями, отражающими ориентиры, ценностные смыслы, интересы, приоритеты различных социальных групп, слоев, объединений. Мы имеем в виду, прежде всего, само конструктивное целевое видение дискурсивизации как продвижение наиболее значимого на фоне не значимого или менее значимого и, следовательно, такую ориентацию дискурсивизации и дискурсивного движения, которое конституирует дестинацию по принципу значимости.

Именно значимость является тем базовым принципом когниции, который ориентирует ожидание, конституирует дестинацию и опреде-

ляет степень событийности дискурса. Отметим важность понятия «опоры» в реализации лингвоаксиологических дискурсивных операций – устойчивой, сформировавшейся в предшествующем опыте познания, чувствования и коммуникации по критерию значимости картины мира и гармонизирующей на момент коммуникации состояние внутреннего интенционального мира человека, переживающего состояние прерывания когнитивной целостности. Как видно из данного определения, предлагаемое понимание аксиологизации/оценивания преодолевает дифференциацию высказываемого и его значения либо как оценки, либо как факта. Полагаем, что высказывание/сообщение ингерентно является конструированием, при котором возможна как операция эвалюации (оперирования фактом), так и операция апрециации (оперирования квалификативной или квантитавной оценкой/мнением). Тем не менее представляется обоснованным выделение аксиологических дискурсивных операций в ряду другого рода дискурсивных операций по доминанте, которая прослеживается как на уровне концептуального целевого видения дискурсивизации, так и, как следствие, на уровне дестинации. Концептуальное целевое видение в этом случае состоит в необходимости трансформации ситуации в векторе от реального к возможному, должному, желаемому; как следствие, данного типа операции порождаются базовой установкой и стратегией на валоризацию наиболее значимого в дискурсивизации на стыке векторов собственно валоризации и девалоризации в аттрактивизации дискурса.

Задачей нашего анализа является выделение и систематизация лингвоаксиологических дискурсивных операций, разработка которых предпринимается в рамках нашей гипотезы о том, что выделяется два основных типа лингвоаксиологических дискурсивных операций. Первый тип организован вектором дискурсивизации, возводящим к ценностному смыслу, эксплицированному аксиологемой – знаком, относящимся к аксиологическому словарю языка и феноменологически к аксиосфере дискурсивной личности. Второй тип лингвоаксиологических дискурсивных операций организован вектором перевода различных, контекстуально и жанрово обусловленных способов организации дискурса в русло валоризации наиболее значимого в параметрах соответствия, приспособления к ожиданиям и запросам дестинатора дискурса.

Анализ дискурсивных операций производится на основе интерпретации корпуса текстов, прежде всего медиатекстов, образующих некоторый фрагмент дискурсивного пространства, с целью реконструирования операций как способов реализации дискурсивных формаций, рассчитанных и приобретающих эффект/результат в дискурсивном коммуникативном пространстве. При анализе дискурса учитываются его базовые характеристики: некоторый дискурс в виде дискурсивной формации трансфрастичен, контекстуализован, жанрово параметризо-

ван, неразрывно связан с интердискурсом. Исходной дискурсивной операцией является операция топикализации, которая состоит в выдвигании некоторой темы, обладающей креативным потенциалом неопределенности, проблемности, контрастности, эмоциогенности, ориентированной на ожидания и запросы адресата. При этом особое внимание для анализа лингвоаксиологического аспекта исходной операции приобретает способ ее формулирования в продвигающих дискурсивных формациях или их фрагментах: заголовках текстов, кратких по формату медиасообщениях, формациях слоганового типа.

Наш анализ корпуса текстов позволил выделить некоторую совокупность основных лингвоаксиологических дискурсивных операций.

Первый тип составляют операции валоризации/девалоризации, возводящие дискурсивизацию к ценностному измерению конструируемого видения мира на основе использования аксиологем в номинативных и предикативных структурах.

Конструирование жесткой аксиологической оппозиции, опорой которой является фундаментальная когнитивная оппозиция «свой/чужой» – одна из глубинных констант индивидуальной/коллективной картины мира, ориентирующая ожидание в координатах коммуникации. Данного типа операция имеет чаще всего прямой эффект прерывания семантической когерентности интеллекта, его реагирование.

Другими константами, составляющими способ реализации операции, являются дискурсивные антитезы, основанные на оппозиции допустимого и недопустимого, приемлемого и неприемлемого в их различных проявлениях. Посредством векторов противопоставления и неизбежного «интегрирования в ментальных пространствах человека» (Ж. Фоконье) происходит конструирование ментального, аксиологического «стыка» и его перехват на границе между представлениями о нормальном и аномальном, комическом и трагическом, прекрасном и уродливом – совместимом и несовместимом для когито коммуникантов.

Данного типа оппозиция обладает достаточной степенью архетипичности, безусловным вхождением в общий когнитивный багаж диалогизирующих личностей и произвольным воспроизведением оценочного смысла; непреодолимостью авторитета проверенной опытом ценности; идентифицирует личность в ее принадлежности социуму, к коллективной идентичности. Вклад операции состоит в легитимации реальности противопоставленности членов оппозиции путем аксиологизации предикативной связи: *«Запад – Россия: тысячелетняя война. Почему мы так любим ненавидеть Россию?»* (Г. Меттан, заголовок книги).

Как видим, данная операция, конструируя топикализацию, очерчивает траекторию дискурсивизации в целом, конструируя аттрактивизацию на встрече-стыке ценности и антиценности, валоризации и девалоризации темы отношения, восприятия страны, народа. В этом случае «перевод» дискурсивизации в аргументацию и наррацию направляется

достаточно жестко в данный параметр аттрактивизации дискурса, проецируя соответствующие аксиологические стратегии эвалюативного или аппрециативного планов и комбинируясь с другими дискурсивными операциями, например, вопрошанием и переводом в дискурсивный перформатив.

Приведем примеры и антропологических аксиологических оппозиций в номинации, восстанавливающихся либо в данной дискурсивной формации, либо в интердискурсе, к которому относится данная формация:

– интердискурс выборов: молодые политики / *«кремлевские старцы»* – оппозиция времени предвыборной кампании в России;

– интердискурс терроризма, протестного движения: террористы, боевики / *комбатанты, бойцы сопротивления, оппозиционеры, диссиденты.*

– интердискурс социально-политический, категоризирующий отношение к другим людям или странам: россияне / *наш восточный сосед / братский народ / партнеры с восточной стороны в многовекторной политике* (политические номинации россиян времени предвыборной кампании в Белоруссии в августе 2020 г.).

Отметим роль оценочной градуальной номинации в реализации данной аксиологической операции. Важно, что акт именования/переименования кого-либо оценочным именем означает акт его создания как существа коммуникации для себя и для других и одновременно акт «навешивания ярлыка». Именования «*нищоброды*», «*совки*», «*нерукопожатные*», «*быдло*» по отношению к народу или группе людей является операцией их «создания» здесь и сейчас, в концепте данных имен и перевода «этих» в мир не наш, в мир без нас. Эффективная дискурсивная «контроперация» против «акта презрения и оскорбления» осложняется тем, что она неизбежно будет реагированием по существу, требует постоперации оправдывания и разоблачения, хотя, по существу, аксиологически данный тип дискурса ставит вопрос не о том, почему производится такая категоризация и насколько она обоснована, а вопрос о том, почему она возможна и кто является ее «конструктором».

Данный способ придания аттрактивности знаку особенно эффективен в условиях конкурентной борьбы путем создания «альтернативного» сценария мира в нужных идеологических установках. Частотной в этом плане можно считать **аксиологическую операцию «перевертывания»** для адресата какого-либо актанта ситуации на основе семиотического копирования, т. е. подведения его под семантику симулякра, «блуждающего» в медиапространстве и оторванного от референциальной ситуации исходного для него семиозиса знака в виде слова-фары или слова-изгоя [Серебренникова, 2008а, с. 38–48]. К ряду таких слов относятся «*террорист*», «*иностраный шпион*», «*коррупционер*», «*гомофоб*» и т. д. В пресуппозиции такого рода номинации немедленно

порождают фрейм ситуации, который достаточно трудно преодолить в сознании целевого адресата. Другой аксиологической операцией «переворачивания» является квалификация оспариваемого дискурса как некоторого «кода», содержащего сигналы для ограниченного круга сторонников. Такого рода квалификация представлена, например, в утверждениях противников Д. Трампа о его речах в период после выборов, приведших к беспорядкам в Вашингтоне в январе 2021 г.

Частотна также операция инверсии ценностей в конструировании оппозиции. *Бедность не порок, но быть бедным стыдно. Если ты такой умный, почему же ты такой бедный?*

К этому же типу относится операция конструирования ценностного выбора, частным случаем которой является операция мнимого выбора, т. е. выбора, который в реальности не представляется таковым, не может содержать альтернативы, поскольку предопределен аксиологически. (*Люди, не способные обеспечить материально условия развития ребенку, имеют ли они право иметь детей?*) В этом случае оправданно говорить об операции в манипулятивной технологии «овертона».

Операция **стягивания дискурсивизации** к аксиологеме, перевод дискурсивизации в концептуальную область репрезентируемой аксиологемы. Аксиологема управляет дискурсивизацией зонтично и инструментально благодаря прецедентности образа и аллюзивной насыщенности интерпретативной сетки осмысления. Данного типа операция может реализовываться как на уровне топикализации (*экологическая катастрофа на берегу Байкала; апокалипсис локдауна*), так и на уровне структурирования целостной траектории дискурсивизации, в том числе на уровне операции финализации дискурса.

Одной из наиболее эффективных операций перевода в аксиологическую сферу дискурса следует считать операцию «захвата аксиологической высоты» [Серебренникова, 2013б, с. 158–168]. Способ ее реализации состоит в том, что тот из коммуникантов, находящихся в агональном диалоге, кто первым присвоит себе некую абсолютную, всеми разделяемую ценность, оказывается на высоте в данном противостоянии, ставит оппонента неизбежно в позицию необходимости оправдываться и уверять, что он не против данной ценности. Например, в ходе и в завершении выборов проигравшая сторона нередко выступает за честность, «за честные выборы», призывая к справедливости и истинной свободе выражения мнения. Соответственно, другая сторона вынуждена доказывать, что прошедшие выборы были справедливыми, а результат выражает волю большинства, что они вовсе не против, а, наоборот, за честные выборы. Такой эффект «оправдывания» не является аттрактивным для массового публичного адресата. Переубедить в этом случае оппонентов оказывается возможным только в случае выхода из «захва-

ченного» ценностного поля и представления иного поля, предложения иной повестки для обсуждения.

Следующий тип аксиологических дискурсивных операций не сопряжен с явным эксплицированием аксиологом и аксиологических конструкций, но ориентирован на такие способы придания аттрактивности дискурсу, которые активизируют ценностное измерение картины мира интерпретантов, валоризируют значимость самой личности в дискурсе, ее способность к языковому творчеству, языковой игре и коммуникативному сотрудничеству.

В данном случае реализуется эмоциогенная дискурсивная операция, в том числе в виде перформативизации, придания «перформансности» дискурсу, когда слово есть действие. Эта операция состоит в переводе дискурсивизации в диалогический режим общения и характеризуется персонализацией высказывания, т. е. импликацией или экспликацией «живой позиции» адресанта, его включенности в событие, что обуславливает эффект сопричастности, соучастия в действии. Перформативная дискурсивная операция придает силу дискурсу в управлении коммуникацией путем категорической, мобилизующей тональности (*А ты записался добровольцем?*), иллюкативно вовлекающей адресата, превращенного в актора, в игру, в акцию, в переосмысление *ad hoc*: *Вместе мы победим! We can! Ты за великую Россию? Значит, ты за Путина!* [<http://lenta.ru/photo/2012/02/04/poklonnaya/#26>]; *Едро в ведро!* [<http://alsedov.ru/samarskij-primer-edro-vvedro>].

Другим видом данного типа операций является операция перехода на общий язык с адресатом, конструирование эффекта в котором сопряжено либо с «опорным» употреблением различного рода паремий, особенно в ироничном ключе (*Взятки – сладки!*), либо со снижением функционально-стилистического регистра общения и использование бытового стиля общения в контекстах институциональной типологизации текста/дискурса (*красноречивый пример из Твитта президента США Д. Трампа о «супер-пупер-ракете»*).

Опора на языковую креативность адресата также способствует профилированию и фокусировке на наиболее значимом (*демократия – дерьмократия; приватизация – прихватизация*).

Условию аттрактивности отвечает валоризирующее олицетворение, очеловечивание – вид персонализации, состоящий в создании из неодушевленного объекта «персоны» – лица коммуникации (*самолет «Пржевальский», аэропорт «Сергей Рахманинов»*). Конструируемый для восприятия дискурсивный объект должен получить новые идентификационные черты, должен быть трансформирован в новый мир, в иную ипостась жизненного мира. Очевидно, что в обществе «спектакля» (в терминах Г. Дебора) особо востребованы дискурсы мифологизации, идеологизации, конструируемые различного рода операциями, переводящими данные установочно-целевые проекции в дискурсивные

стратегии для достижения искомой дестинации дискурса. Операция визуализации конструируемого смысла занимает при этом одну из ведущих позиций.

Общим типом операции для конструирования дестинации и событийности дискурса следует считать операцию **направленной контекстуализации некоторого события, его драматизации**.

Данный вид лингвоаксиологической операции состоит в переводе описания в цепь ярких эпизодов путем постановки «эстетического и драматического декора», конструировании обстоятельств контекста и режиссирования ситуацией; способствует вовлечению в раскадровку дискурсивного мира: сценария, сцены, мизансцены, картинки, что позволяет управлять восприятием и оценочной интерпретацией способами выделения некоторой фигуры на общем фоне, профилированием некоторой черты на фоне стирания общего портрета, создавать и ориентировать эмпатию, т. е. декодировать сцену не только по выраженным маркерам, но и имплицированным индикаторам с опорой на когнитивную, аксиологически параметризованную систему интерпретатора, конструировать мобилизующий, солидарный или агональный эффект в коммуникации. Репортажи и интервью, которые размещаются в массмедиа, вполне могут служить, на наш взгляд, иллюстративным материалом для данного типа дискурсивной операции.

Достаточно частотными являются операции перевода дискурсивизации в сферу **ценностных максимумов/минимумов** данной сферы концептуализации. Первый подвид состоит в переводе (подмене, амальгаме) конкретной идеологически нацеленной идеи в концептуальную структуру общепринятой аксиологемы. Например, в части современного политологического медийного дискурса под «свободой» прочитывается вполне конкретный *«европейский выбор»*. Ментальное интегрирование практически детерминирует восприятие в рамках заданного перевода. Дальнейшее развитие интерпретаций зависит от степени критического мышления целевого адресата. Тенденция перевода дискурсивизации в сферу аксиологических максимумов может способствовать семантической и воздействующей релятивизации и «инфляции» аксиологем максимальной значимости для человека, таких как *«война»*, *«апокалипсис»*, *«катастрофа»*, *«победа»*, *«гений»*.

Второй подвид состоит в переводе сложного в своей реальности факта, явления, ситуации в сферу упрощенной бинарной (добро/зло) оценочной категоризации, стереотипно переориентирующей интерпретацию. Тем самым производится перевертывание аксиологической схемы восприятия и понимания. Прослеживается в таких дискурсивных стратегиях аргументации и контраргументации, как *героизация нацизма*, *демонизация политических деятелей*, *развенчание кумиров прошлого* и т. д.

Отметим в этой связи усиливающуюся тенденцию **перевода оценивающей концептуализации в сферу эмоциогенной экспрессивности**, каузируемой «первичными» психофизиологическими ощущениями, образами и чувствами человека. Модальный предикат оценки «плохо» заменяется на «*заиквар*», «*западло*»; «хорошо» на «*кайф*», «*все пучком*», «*не кисло*», что особенно явно прослеживается на межперсональном уровне общения в коммуникативном интернет-пространстве, формирующем особый формат функционирования языка.

С точки зрения конструирования социальных смыслов в коммуникативном дискурсивном пространстве важно проявление и управление феноменами, разделяющими или соединяющими, консолидирующими общество. Особое внимание в этом смысле приобретает операция эмпатизации дискурса как проявление чуткой и дружественной интерсубъектности в коммуникации. Перевод дискурсивизации в эмпатию основывается на аффективно-рациональном когнитивном механизме децентрации в отличие от обычно действующей эгоцентриции, в отвлечении от своего Я и способности занять позицию Я другого в восприятии и оценивании проблемной ситуации. Эмпатизация состоит в способности почувствовать и понять, разделить эмоцию другого и принять решение в пользу Другого: проявить понимание, солидарность, поддержку. При этом, однако, эмпатизация по своей аксио-прагматике не имеет однозначно позитивной ценности объединения людей, но может конструировать или усиливать уже имеющиеся ценностные оппозиции в русле базовой оппозиции «свой – чужой», а именно социальные антитезы «друг и враг», «жертва и палач», «страдающая сторона и источник страдания». Из данных реагирующих высказываний, организованных эмпатизацией, лишь некоторые однозначно являются «инструментами» дружественности и консолидации в коммуникативном пространстве, что можно видеть в следующих примерах.

Иницилирующее высказывание: *Я сильно заболел.*

Реагирующие высказывания:

1. *Все болеют, не жалуйся! У меня тоже куча проблем (дискурс антиэмпатии, безразличия, равнодушия, эгоцентриция).*
2. *Бедненький! Как же тебе сейчас тяжело, особенно, когда столько дел срочных! (аффективная и рациональная эмпатия, эмоциональная поддержка).*
3. *Конечно, взвалили на тебя столько работы, у тебя нет времени, чтобы отдохнуть и позаботиться о своем здоровье. Надо жаловаться, требовать, чтобы тебе изменили нагрузку (рациональная эмпатия, оппозиция «жертва – враг», призыв к агональному действию).*

4. *Выздоровливай, береги себя, нам тебя не хватает. Чем тебе помочь?* (эмоциональная эмпатия, поддержка, лодативное пожелание-подбадривание) и т. д.

Понимание, что эмпатия имеет первостепенное значение для коммуникативного взаимодействия, прослеживается, в частности, в современных стратегиях организации общения в формате «человек – робот (машина)» путем создания формата эмпатии, дружеской тональности общения. В этом плане актуальна разработка совокупности и типологии операций эмпатизации дискурсов.

Результаты проведенного исследования относятся к начальному этапу разработки проблематики лингвоаксиологических операций, лежащих в основе конструирования событийного потенциала дискурса и степени достижения его дестинации. К данным результатам относится определение дискурсивной операции как способа реализации дискурсивизации в динамическом подходе к анализу дискурса, в интересующем, интеракционном измерении коммуникации. Операции переводят лингвокогнитивные процессы в практическую область воздействия в коммуникации; обладают силовым, агентивно-технологическим свойством, преобразующим синергичный процесс «от слова к силе» к эффекту аттрактивизации дискурса. Аттрактивность дискурса определяется на стыке движения оппозитивных или коррелирующих векторов мышления, в пространстве между опорой и вкладом данного дискурса в управление коммуникацией. Лингвоаксиологические дискурсивные операции в ряду других дискурсивных операций отличаются тем, что векторы его конструирования имеют амбивалентный характер валоризации/девалоризации, интегрирования стыка, встречи, восприятие которых ставит интерпретатора – дискурсивную личность – в позицию ментального выбора для преодоления контраста и возобновления когнитивной когерентности внутреннего мира. Типологизация лингвоаксиологических операций возможна на основе маркеров – эксплицированных или трансфрастически устанавливаемых аксиологических оппозиций или корреляций, отдельных аксиологем, а также маркеров перевода дискурсивизации в формат коммуникативного сотрудничества, персонализации, вовлечения дискурсивных личностей в общение.

1.2. «Я – МИР – ДРУГИЕ»: МЕСТО ФРЕЙМОВ, КОНЦЕПТОВ И МЕНТАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ

Метафоризация и метафора, процесс и результат в интегральном пространстве «между» представляют собой феномены мира знания и познания. Метафора принадлежит когнитивной системе человека, она чрезвычайно многогранна в своих проявлениях благодаря своей фрактальной природе [Хахалова, 2008, 2013]. Теоретической посылкой настоящего исследования являются достижения когнитивной науки третьего поколения, согласно которым все живые системы представляют собой когнитивные системы, а жизнь – процесс познания, в котором имеет место так называемая распределенная когниция [Кравченко, 2009, с. 61]. В познании огромную роль играют процессы метафоризации, возникающие на стимул извне, в результате чего активизируются центральная нервная система и нейронные соединения. Активизация нейронных соединений и их комбинация подлежат дальнейшему исследованию. На сегодняшний момент можно констатировать, что результаты познания, накапливаясь, хранятся в ментальном лексиконе памяти языковой личности как живой системы в разного рода структурах – фреймах, концептах и ментальных пространствах.

Цель данного исследования заключается в комплексном анализе соотношения статики и динамики процессов метафоризации с позиции фреймовой семантики [Minsky, 1975; Fillmore, 1976, 1982; Fraas, 1996, 2012; Konerding, 1992, 1993, 1994; Konerding, Wiegand, 1994; Lönneker, 2003; Ziem, 2008], с одной стороны, с другой стороны – теории когнитивного моделирования [Rosch, 1978; Palmer, 1978; Schwarz, 1996; Lakoff, 1999], с третьей – теории ментальных пространств [Fausonnier, 1985, Ziem, 2008].

Известно, что фреймовая семантика берет начало из лингвистической теории глубинных падежей Ч. Филлмора [Fillmore, 1976, 1982] и когнитивной теории фреймов М. Минского [Minsky, 1975]. Базовой единицей фреймовой семантики считается фрейм, он рассматривается как динамическая концептуальная единица [Barsalou, 1991, 2008; Fillmore 1976, 1982], имеющая когнитивный сценарий. Фреймы и когнитивные сценарии названы Ч. Филлмором схемами и трактуются как общий структурный формат, не вписывающийся в модели и, таким образом, не имеющий модельной спецификации. Понятия «фрейм» и «модель» в понимании Ч. Филлмора несовместимы. Схема или фрейм [Konerding, Wiegand 1994; Konerding, 1994] представляют собой гипероним по отношению ко всем сложным концептуальным структурам (рис. 1).

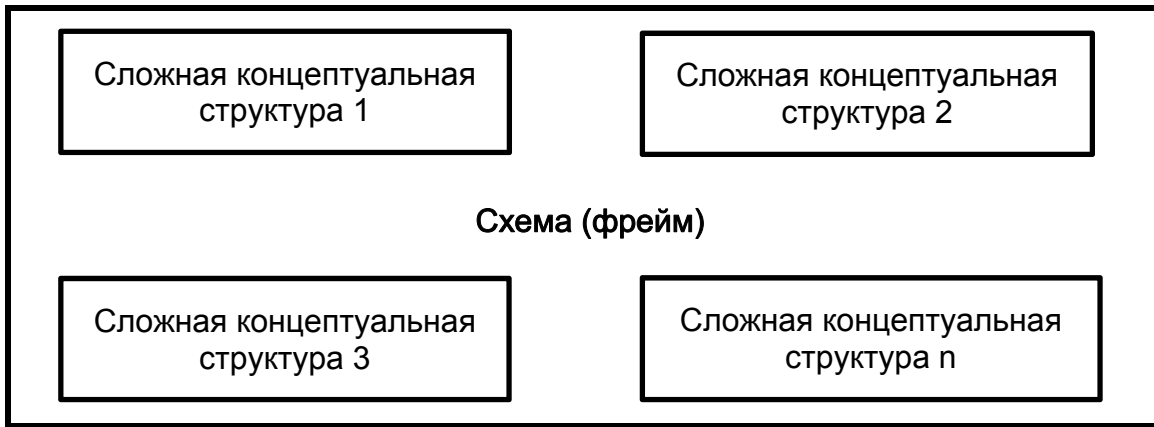

Рис. 1. Соотношение фрейма с концептуальными структурами

Другими словами, исходя из такой трактовки вопроса, можно предположить, что концепты входят в состав фреймов. Концепты находятся внутри фреймов, и вполне возможно, что порядок следования концептов определяет типизированное знание о той или иной ситуации.

По мнению М. Минского [Minsky, 1975], фреймы это также схемы, специфика которых состоит в том, что они представляют и структурируют знание, значимое для понимания и интерпретации языковых выражений, например: схема = знание 1 + знание 2 + знание 3 + знание n (рис. 2).

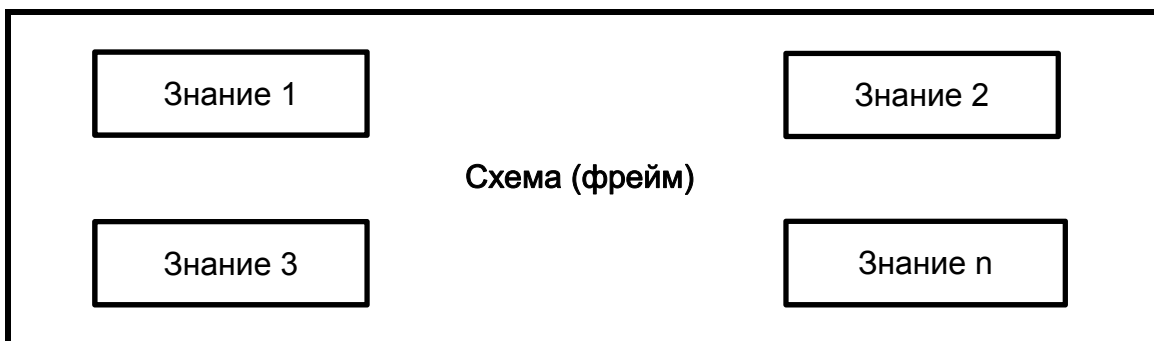

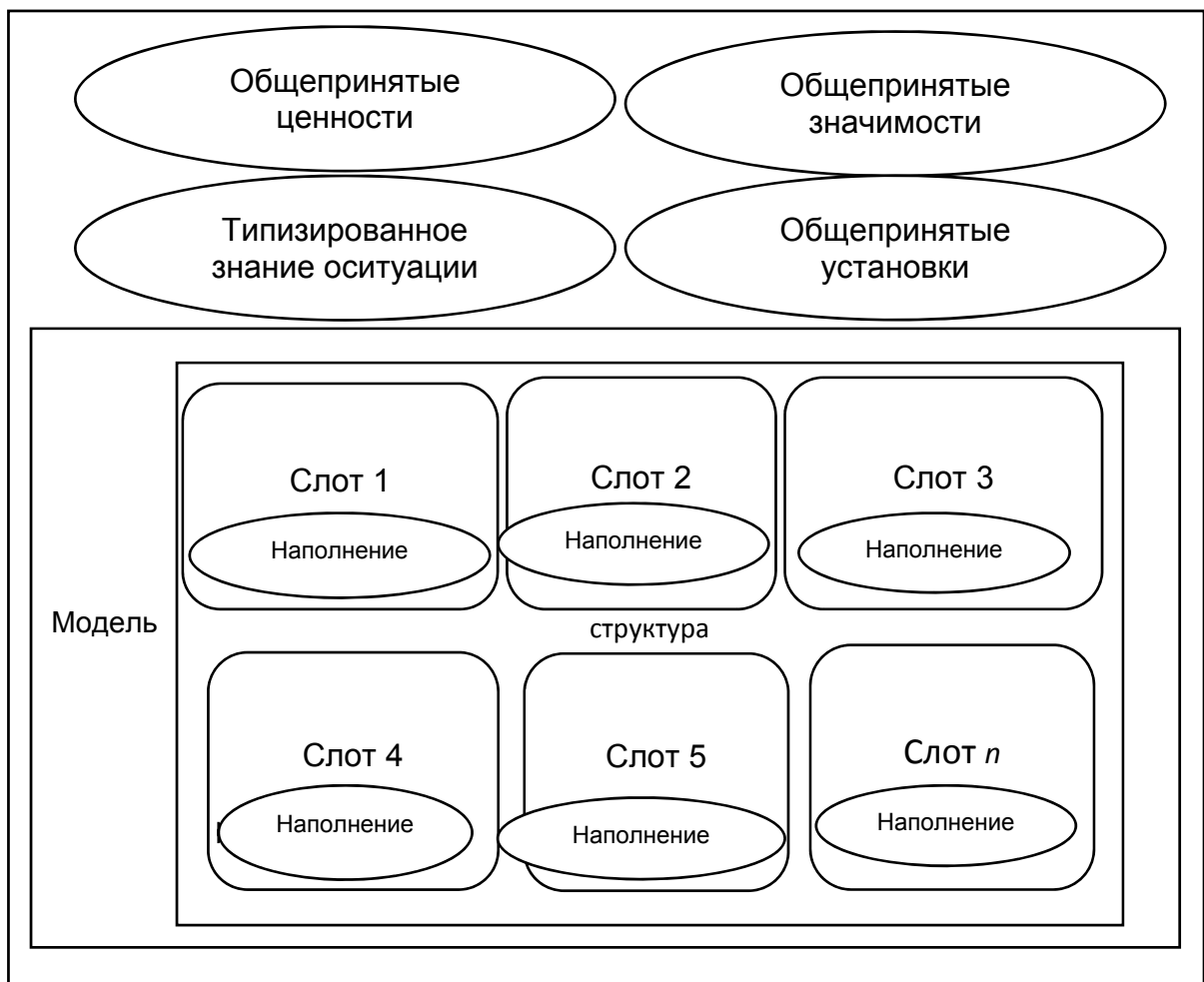
Рис. 2. Фрейм как совокупность знаний

На основе двух вышеприведенных утверждений, изображенных на рис. 1 и 2, можно предположить, что фреймы состоят из совокупности знаний и совокупности концептов (рис. 3) и образуют иерархическое единство.

Но существует и другая точка зрения [Ziem, 2008], в соответствии с которой фрейм представляет собой структурный формат, *имеющий* модельную спецификацию (рис. 4).

Рис. 3. Фрейм как совокупность знаний и концептов

Рис. 4. Фрейм как модель

Известно, что фрейм как термин (от англ. *frame* – кадр, рамка) имеет отношение к наименованию структуры, содержащей некоторую информацию [<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D1%80%D0%B5%D0%B9%D0%BC>]. Потенциальное значение слова «фрейм» включает

следующее: 1) инженерия знаний в системном анализе, искусственном интеллекте, инженерии знаний: *структура, содержащая описание объекта в виде атрибутов и их значений*; 2) понятие в социальных науках, означающее определенного рода *целостность, в рамках которой люди осмысливают себя в мире*; 3) *область окна браузера для представления отдельной веб-страницы* в языке HTML, веб-дизайне; 4) область на странице, содержащая текст или графику в настольных издательских системах; 5) фрагмент определенного формата для передачи по каналу связи в телекоммуникациях и компьютерных сетях; 6) отдельный кадр в видеопотоке в видеографике; 7) область памяти, выделяемая для хранения локальных переменных функций в программировании (особенно на языках низкого уровня); 8) один из компонентов VCL в Delphi; 9) интервал времени, используемый при построении ценового графика (таймфрейм); 10) Фрейм в игре «Периметр» – это огромный город-корабль, предназначенный для путешествия по параллельным мирам – психосфере [<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D1%80%D0%B5%D0%B9%D0%BC>].

Приведенные выше терминологические разновидности структуры фрейма наводят на вопрос: насколько сильно отличаются между собой термины «схема» и «модель»? Обратимся к словарям.

Схема происходит от латинского слова *schema*, заимствованного из греческого языка (σχῆμα), обозначало первоначально «выражение лица, осанка, фигура». Потенциальное значение этого слова сегодня включает следующее: 1) графический документ; 2) изложение, изображение, представление чего-либо в самых общих чертах, упрощенно (например, схема доклада); 3) электронное устройство, содержащее множество компонентов (интегральная схема) [<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%85%D0%B5%D0%BC%D0%B0>].

Модель происходит от французского слова *modèle*, заимствованного из латинского языка (*modulus*), имеет первоначальное значение «мера, аналог, образец». Сегодня модель трактуется как система, исследование которой служит средством для получения информации о другой системе, представление некоторого реального процесса, устройства или концепции [<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%8C>].

Потенциальное значение слова «модель» включает в себя как первичные, так и вторичные значения: 1) образец изделия, по которому осуществляется серийное воспроизводство; 2) тип, марка, образец конструкции; 3) изделие из твердого материала, служащее образцом, с которого снимается форма для отливки или для воспроизведения в другом материале; 4) воспроизведение или схема какого-либо материального объекта, обычно в уменьшенном виде; 5) тот, кто позирует перед фотографом или художником, служит образцом для изображения, воспроизведения; натурщик, натурщица; 6) тот, кто демонстрирует на подиуме

образцы одежды; 7) идея или схема, объясняющая или описывающая какой-либо объект, природное или общественное явление [<https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BC%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%8C>].

При этом каждый фрейм имеет универсальную модель, но ее наполнение специфично в зависимости от коммуникативной ситуации. В этом находят свое отражение дихотомии статичное vs динамичное, универсальное vs специфичное. Специфику каждой из моделей фрейма определяют ее составляющие: слоты (Lehrstelle = slot), конкретные наполнители (konkreter Füllwert = filler) и общепринятые установки/значимости/ценности (Standardwert = default value). По-другому модель фрейма можно записать в виде приведенной ниже формулы: $F = \langle N, S_1, S_2, S_3 \rangle$ [<http://www.aiportal.ru/articles/knowledge-models/frame-model.html>].

При переводе термина Standardwert с немецкого языка на русский возникает вопрос: в чем состоит актуальное значение данного слова? Переводы данного слова на русский язык (*значение по умолчанию, средняя величина, средний показатель, стандартная стоимость, стандартное значение* [<https://www.multitran.com/m.exe?l1=3&l2=2&s=standardwert>]) не в полной мере, на наш взгляд, отражают суть вопроса. Поэтому разберем значение данного слова по отношению к контексту его употребления. Проанализируем исходное сложное слово и каждую из его составляющих по двум наиболее значимым толковым словарям немецкого языка.

Standardwert = Standard + Wert = 1. Eichmass (эталон); 2. Norm, allgemeines Niveau, 3. Feingehalt (der Münzen) (ценность) [Wahrig, с. 870] + 1. Geltung, Bedeutung, Wichtigkeit [Wahrig, с. 1041]. В объем значения этого слова входят семантические признаки: эталонная норма / ценность + значительность/значимость/важность. Другими словами, использование слова Standardwert имплицитно означает *эталонную норму значимости чего-то или ситуации*.

Standardwert = Standard + Wert = 1. Qualität auf einem bestimmten Niveau; 2. Das, was die meisten Leute als normal betrachten und woran man sich halten muss oder sollte [Langenscheidt, с. 914] + 1. der Preis, den etwas kostet oder kosten würde; 2. die Nützlichkeit und Qualität von etwas; 3. nur.Pl.Gegenstände, die e-n hohen Wert haben; 4. mst bleibende unvergängliche Werte; 5. das Ergebnis einer Messung, in Zahlen ausgedrückt [Langenscheidt, с. 1112]. В объем значения этого слова входят семантические признаки: качество, принятое за норму, которого следует придерживаться + стоимость, польза и качество, результат измерения, выраженный в цифровых показателях. Как показывает проведенный анализ толкования слова в словаре [Langenscheidt, с. 1112], использование слова Standardwert, имплицитно означает *качество чего-то, ситуации, принятое большинством людей за норму*.

Обобщая анализ словарных статей, можно утверждать, что термин Standardwert имеет следующее содержание: качество, принятое большинством людей за норму, которое позволяет создавать образ ситуации, привычной для носителя конкретной культуры, другими словами, мы приходим к значению *типизированное знание о ситуации*. Поэтому в качестве переводного термина выберем именно его и будем его использовать в дальнейшем.

Согласимся с тем, что когниция «...позволяет вступать в значимые взаимодействия со средой именно благодаря предшествующему опыту... взаимодействий, репрезентированному в частности, в состояниях активности центральной нервной системы» [Кравченко, 2009, с. 62]. Такая трактовка ассоциируется с термином «распределенная когниция» [Clark, Chalmers, 1998 цит. по: Кравченко, 2009, с. 62], вполне можно согласиться и с тем, что знание и приобретение знания не зависят исключительным образом от того, что происходит внутри телесной оболочки организма [Там же]. Знание существует в нас, и оно же существует помимо или вне нас. Это общее знание организовано в концептуальные системы, которые можно описать в терминах фреймов [Дейк ван, 1989, с. 16]. Как утверждает Т. А. ван Дейк: «Фреймы не являются произвольно выделяемыми «кусками» знания. Они являются единицами, *организованными «вокруг» некоторого концепта, с одной стороны;* а с другой стороны, эти единицы *содержат основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом*» [Там же, с. 16–17]. Фреймы формируются вокруг концептов, и фреймы же ассоциируются с концептами. Концептуальные фреймы он называет «сценариями» и утверждает, что они определенным образом организуют поведение людей и позволяют правильно интерпретировать поведение других людей. Знание мира заключено во фреймы, считает Т. А. ван Дейк [Там же, с. 18]. Восприятие, знание и понимание включаются в этот процесс при том, что они базируются на концептах, категориях, правилах и стратегиях.

Фрейм как схема искусственного интеллекта для репрезентации знания об объектах... обнаруживается в падежных отношениях, выполняющих определенные роли, посредством которых репрезентируются аспекты концепта [Bussmann, 1990, s. 251] (перевод. – С. А. Х.) (“Frames – schema-basierter Ansatz der künstlichen Intelligenz zur Wissensrepräsentation, der insbesondere für Objekte verwendet wird... die eine starke Beziehung zu Kasus-Rahmen aufweisen... verfügen über Rollen... durch die die Bestandteile bzw. Aspekte eines Konzeptes repräsentiert werden”) [Ibid].

Итак, схема не предполагает наличие информации и системность, модель непременно предполагает системность и наличие информации. Фрейм требует как наличие схемы, модели и системности, так и информации об объектах внешнего мира, находящихся между собой в роле-

вых и падежных отношениях, которые репрезентируют признаки концепта. Фреймы организуют поведение людей и позволяют правильно интерпретировать поведение других людей. Таким образом, фрейм представляет собой сложную модель со специфической структурой и концептуальным наполнением. Фрейм не предполагает противопоставления схемы и модели. Фрейм представляет собой единство статики и динамики. Он статичен в части системности и динамичен или подвижен в части наполнения и ассоциаций.

Достаточно дискуссионной представляется точка зрения А. Цима, в соответствии с которой он предлагает различать два вида фреймов. С одной стороны, это когнитивные реальные фреймы, с другой стороны, это фреймы как инструмент анализа (матричные фреймы) [Ziem, 2008, s. 374]. По версии А. Цима процесс познания составляют ментальные единицы и матричные фреймы. Отсюда возникает два *понимания фрейма*: *фрейм как когнитивная ментальная единица и фрейм как инструмент анализа*.

Фреймы как когнитивные ментальные единицы активируются носителями языка и представляют собой постоянно используемые события (А. Ziem, R. Langacker) с типизированным знанием о коммуникативной ситуации (Standardwert). На наш взгляд, именно об этом типе фрейма пишет М. Минский, утверждая, что фрейм – это знание о типизированной ситуации [Minsky, 1975], которая хранится в долговременной памяти. Другими словами, типизированная ситуация включает в себя некоторое количество качеств, известных большинству людей и принятых ими за норму. Следовательно, фрейм можно моделировать как общепринятую в социуме ситуацию с определенным количеством объектов (ролей, падежей, агенсов, пациенсов) и предсказуемыми действиями субъектов.

Вторая разновидность фреймов – инструмент анализа корпусной лингвистики (frame-basierte Korpusanalyse – А. Ziem). Дескриптивная эмпирическая семантика является областью применения такого вида фрейма. Предполагается, что фрейм – это базовая структура познания, которую нужно или можно обнаружить в восприятии, создать в голове, а также необходимо распознать ее характеристики. Этот вид фреймов называется А. Цимом матричными фреймами. Совокупность матричных фреймов представляет пустую схему, некий аналитический перечень в виде набора инструментов, который позволяет определить важные знания для понимания коммуникативной ситуации. Фрейм как инструмент анализа открывает возможности для восприятия некоего знания, его постижения в результате декодирования определенного количества квази-эксплицитных предикатов. При этом наличие качеств, принятых большинством людей за норму, в этой модели фрейма не предполагается. Они реконструируются гораздо позже, в результате перехода фреймов

из инструмента анализа в когнитивные ментальные единицы. Но, и это важное замечание А. Цима, фреймы как инструменты анализа, в отличие от когнитивных реальных фреймов, не являются ментальными единицами. Следует обратить внимание на то, что фрейм как инструмент анализа в немецкой лингвистике рассматривается с двух позиций – с позиции модульного и с позиции холистического подходов [Ziem, 2008].

С позиции модульного подхода фреймы имеют двухуровневую и трехуровневую структуру. Фрейм как объект двухуровневой семантики представлен *уровнем языкового знания и уровнем энциклопедического знания*. Трехуровневая структура фрейма представлена *языковым знанием* (лексическое значение входит в семантическую систему) на первом уровне. Второй уровень образует *обыденное знание* (актуальное значение высказывания входит в концептуальную систему). Третий уровень организует *интерактивное знание* (коммуникативный смысл высказывания входит в концептуальную систему) [Ziem, 2008]. Все три уровня заполняют семантическими и концептуальными единицами некий тип контейнера в направлении снизу вверх. В качестве функционирования фрейма как инструмента анализа (матричного фрейма) можно привести постижение значения слова Heuschrecken человеком, который не является носителем немецкого языка. Этот звуковой сигнал надо соотнести с квазиэксплицитными предикатами. Человек начинает поиск предикатов в первую очередь в словаре:

1. “ein Insekt, das fliegen und sehr weit springen kann” приводится контекст: “Die Heuschrecken fielen in Schwärmen über die Felder her und vernichteten die Ernte” [Langenscheidt, s. 470].
2. “Einer Ordnung der Geradflügler angehörendes, meist mittelgrosses Insekt, dessen Hinterbeine mit verdickten Schenkeln als Sprungbeine entwickelt sind” [Wahrig, c. 470].
3. “Mit Hilfe ihres Rüssels stechen die erwachsenen Tiere die Leitungsbahnen verschiedener Gehölze und krautiger Pflanzen an und saugen den an Nährsalzen und Wasser reichen Pflanzensaft” [https://de.wikipedia.org/wiki/Sing_zikaden].

Итак, пустая схема в голове под названием фрейм начинает заполняться конкретными наполнителями (Insekt, springen, weit, mittelgross), инициированными предикатами, характеризующими референт на первом уровне абстракции фреймовой динамики. На втором уровне появляются имплицитные предикаты (über die Felder herfallen, die Ernte vernichten, Hinterbeine dienen als Sprungbeine), которые извлекаются из глубин сознания или считываются из словарных статей. На третьем уровне абстракции происходит детализация знания при помощи эксплицитных и имплицитных предикатов: Sie sind die einzige Gruppe, bei der die Mehrzahl der Arten polyphag ist, d. h., dass sie Nahrungspflanzen aus mehr als

einer Familie akzeptieren. [<https://de.wikipedia.org/wiki/Heuschrecken>]. Еще один подход к уровневой стратификации фрейма обнаруживается при анализе теоретического материала. Первый уровень абстракции заполняется *конкретными наполнителями* в соответствии с предикатами, характеризующими референт. На втором уровне абстракции возникают *имплицитные предикаты* или стандартные значения (узуальные значения), которые возникают из разумного сознания. Третий уровень *абстракции* позволяет детализировать знание при помощи эксплицитных и имплицитных предикатов. Стандартные значения/ценности/показатели/качества, принятые большинством людей за норму (Standardwerte), создаются в дискурсе в результате одинаковых повторяющихся схематичных, структурных отношений [Ziem, 2008, s. 367]. Языковое знание соотносится или ассоциируется с конкретными наполнителями слотов. Обыденное знание ассоциируется с имплицитными предикатами. Интерактивное активное знание ассоциируется с детализацией знания при помощи эксплицитных и имплицитных предикатов.

Далее динамика познания диктует необходимость перехода матричного фрейма из категории инструмента анализа в когнитивную ментальную единицу, функция которой состоит в придании метафорам когнитивной и дискурсивно-теоретической значимости. Так, в политическом дискурсе Германии метафора Heuschrecke (саранча) активно используется с 2004 г. и считается уничижительной метафорой животного мира для обозначения частных акционерных обществ и других форм инвестиций. Именно она стала концептуально значимой когнитивной ментальной единицей в период с 2005 по 2006 г. [Ziem, 2008, s. 368].

Рассмотрим значение слова Heuschrecke. Первое значение относится к разделу зоологии, изучающему насекомых (Entomologie) и обозначает Vertreter verschiedener Insektenordnungen innerhalb der Geradflügler (Orthopteroidea), namentlich der Langfühlerschrecken (Ensifera) und der Kurzfühlerschrecken (Caelifera). Второе значение – переносное, отрицательное, уничижительное (übertragen, abwertend) включает в себя Finanzinvestor, der Unternehmen bzw. deren Mitarbeiter durch kurzfristige und/oder überzogene Renditeziele schädigt in zahlreichen Arten vorkommendes, Wiesen und Laubbäume bewohnendes Insekt, dessen Hinterbeine verdickt und dadurch sehr sprunghaft sind [Digitales Wörterbuch <https://www.dwds.de>].

Рассмотрим текст, в котором процесс метафоризации отражает динамику когниции: “Der Begriff ‘Heuschrecke’ gilt im deutschen politischen Sprachgebrauch seitdem als eine abwertende Tiermetapher für Private-Equity-Gesellschaften und andere Formen der Kapitalbeteiligung wie u. a. im Public-private-partnership-Modell, mit mutmaßlich kurzfristigen oder überzogenen Renditeerwartungen, wie Hedge-Fonds oder sogenannte Geierfonds. Dabei wird unterstellt, dass Private-Equity-Gesellschaften al-

теingesessene profitable Unternehmen erwerben und diese mit Schulden überladen, unter denen die Firmen dann später zusammenbrechen. Personalabbau, Produktionsverlagerungen oder sogar das Filetieren der Firmen sind die Folgen”.

Konkret sagte Münte in der Bildzeitung: *“Wir müssen denjenigen Unternehmen, die die Zukunftsfähigkeit ihrer Unternehmen und die Interessen ihrer Arbeitnehmer im Blick haben, helfen gegen die verantwortungslosen Heuschreckenschwärme, die im Vierteljahrestakt Erfolg messen, Substanz absaugen und Unternehmen kaputtgehen lassen, wenn sie sie abgefressen haben. Kapitalismus ist keine Sache aus dem Museum, sondern brandaktuell”*.

Und weiter: *“Manche Finanzinvestoren verschwenden keinen Gedanken an die Menschen, deren Arbeitsplätze sie vernichten – sie bleiben anonym, haben kein Gesicht, fallen wie Heuschreckenschwärme über Unternehmen her, grasen sie ab und ziehen weiter. Gegen diese Form von Kapitalismus kämpfen wir”* [<https://drs-investment.com/de/heuschrecken-und-andere-arten/#:~:text=Der%20Begriff%20%E2%80%9EHeuschrecke%E2%80%9C%20gilt%20im,%C3%BCberzogenen%20Renditeerwartungen%2C%20wie%20Hedge%2DFonds>].

Метафора саранчи была введена в политический обиход председателем социал-демократической партии Германии Францем Мюнтеферингом (с марта 2004 по 31 октября 2005 г.). Источником метафоризации является саранча, целью метафоризации являются зарубежные финансовые инвесторы. Поведение конкретных финансовых инвесторов сравнивается с налетами саранчи (Der damalige SPD-Vorsitzender Franz Müntefering hat das Verhalten bestimmter Finanzinvestoren mit Heuschreckenplagen verglichen). Связность и косвенная анафоричность присущи метафоре как феномену ассоциативного сходства. Она проявляется в следующих ассоциациях: саранча налетает в огромных количествах (*Heuschreckenschwärme*), жадно объедает все (*grasst ab*) и перекочевывает в другое место (*zieht weiter*). Наряду с этой метафорой присутствует еще одна метафора животного мира – коршун (*Geier*) разделывает мясо на филе (*filetiert*).

Анализ корпуса примеров употребления метафоры в политическом дискурсе Германии в период с апреля по май 2005 г. позволил доказать, что высокая частотность употребления слова *Heuschrecke* определяет концептуализацию вреда, наносимого немецкой экономике частными зарубежными инвесторами, которые уничтожают ее (*Als Heuschreckendebatte wird eine politische Debatte in Deutschland im April und Mai 2005 um eine Äußerung des damaligen SPD-Vorsitzenden Franz Müntefering bezeichnet. Dieser verglich das ökonomische Agieren mancher „anonymer Investoren“ mit Heuschreckenplagen*). А. Цим проводит фреймовый анализ метафоры *Heuschrecke* и доказывает, что метафора стано-

вится обладателем большой взрывной силы, вследствие этого она становится базовой в корпусе метафор на тему Kapitalismus-Debatte, die Macht des Kapitals [Ziem 2008, с. 368]. Метафора саранчи вводится во фрейм «государство», в слот «финансовая ситуация» со стандартной оценкой экономической ситуации «крах».

А теперь обратимся к анализу концепта САРАНЧА в русском языке. В каком фрейме хранится концепт САРАНЧА или какие фреймы структурируются вокруг этого концепта? Такая двойственная постановка вопроса является следствием имеющихся взглядов на проблему динамики соотношения терминов «концепт» и «фрейм». С какими качествами, принятыми за норму в социуме, он ассоциируется? Как показывает анализ словарных статей, к ним можно отнести:

- *крупные стаи саранчи численностью до сотен миллионов особей, бывают стаи саранчи, насчитывающие несколько миллиардов особей;*
- *нашествие, мгновенное уничтожение урожая;*
- *ежедневный объем растительной пищи одной особи саранчи составляет количество, равное ее собственному весу;*
- *стаи саранчи образуют «летучие облака» или «тучи», площадь которых может достигать 1000 м².*

Известен исторический факт. В 1824 г. нашествие саранчи наблюдалось на юге современной Украины, в Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерниях, причем на борьбу с ней был откомандирован А. С. Пушкин. Он представил отчет «Саранча» в следующей краткой поэтической форме с эллиптическими вербальными предложениями [<https://histrf.ru/biblioteka/b/kak-pushkin-voieval-s-saranchoi>]:

23 мая — Летела, летела;

24 мая — И села;

25 мая — Сидела, сидела;

26 мая — Все съела;

27 мая — Опять улетела.

Так, концепт САРАНЧА ассоциируется с фреймом качества, заполняемого слотами «хорошие прыгуны», «быстрота», «огромное количество», со стандартной оценкой ситуации «потеря всего урожая».

Сравнительно-сопоставительный анализ слова «саранча» и Neuschrecke показывает, что ментальные пространства в немецком политическом дискурсе и в русском политическом дискурсе не совпадают. Таким образом, можно сделать вывод о том, что языковые выражения соотносимы с концептами, которые структурируются и конкретизируются во фреймах с заранее сформированным содержанием благодаря принятым в социуме нормативным характеристикам различной степени прочности. Два концепта накладываются один на другой с целью описания экономической ситуации в стране (САРАНЧА) в обыденном дискурсе и в политическом дискурсе (NEUSCHRECKE). При этом каждый

читатель домысливает метафору по-своему. Ему не навязывается решение, воля. В силу вступает действие механизма распределенной когнитивности, обнаруживаются собственные когнитивные маркеры для оценки внешней ситуации, существующей вне зависимости от индивида. Согласимся с тем, что «...словарь обеспечивает говорящего системой понятий, а за синтаксисом закреплена система “конфигураций”, которые организуют эти понятия в коммуницируемые формы» [Jackendoff, 1990 цит. по: Фурс, 2009, с. 306]. Как считает Р. Джекендофф, «концепты, репрезентируемые предложением, могут быть описаны на основе определенного набора ментальных примитивов и определенного набора принципов комбинирования этих примитивов. Вместе они составляют грамматику синтаксически репрезентируемых концептов (sentual concepts)» [Jackendoff, 1990, с. 9]. Если идти вслед за Р. Джекендоффом [Jackendoff 2010], то грамматика синтаксически репрезентируемого концепта Heuschrecken выглядит следующим образом: gefräßige Schwärmen der Wanderheuschrecken, ihre Fressgier, die verantwortungslosen Heuschreckenschwärme, die im Vierteljahrestakt Erfolg messen, Substanz absaugen und Unternehmen kaputtgehen lassen, wenn sie sie abgefressen haben. Концепт как набор ментальных примитивов и принципов их комбинирования входит не только в грамматику синтаксически репрезентируемых концептов, но и в лексику и семантику. Наглядными примерами такой репрезентации могут быть концепты IDENTITÄT, DEUTSCHE, HEUSCHRECKE, САРАНЧА, ГИЛЬОТИНА, ДОРОЖНАЯ КАРТА.

Не только А. Цима интересуется политический дискурс, он же становится предметом пристального изучения К. Фраас с позиции анализа функционирования в нем двух концептов Identität (ИДЕНТИЧНОСТЬ) и Deutsche (НЕМЦЫ). К. Фраас удалось доказать, что концепты долговечны, что отражает их статику, но в то же время они не являются статичными ментальными единицами, они исторически и идеологически изменчивы, что говорит об их динамике. Долговечность концептов, на наш взгляд, является результатом синтаксической, лексической и семантической синергии.

Холистическая же модель фрейма не предполагает наличия уровней, она представляет собой единую целостную систему взаимодействия компонентов, включая молчаливое знание (stillschweigendes Wissen), значимые (стратегические) вопросы, пустые слоты, предикаты и предикации. Так называемое молчаливое знание возникает в социуме при условии, что в языковом сообществе активно используются общепринятые (gebräuchlich) предикаты [Fraas, 1996, s. 5; Ziem, 2008, s. 369]. *Это, скорее всего, стандартные характеристики, принятые социумом или узуальные ситуативные маркеры.* Холистический подход к исследованию фреймов (А. Ziem) основан на понимании того, что семантические и концептуальные структуры [Langacker, 2008; R. Jackendoff, 2010,

2012] образуют целостное единство. Р. Лангакер считает, что синтаксические конструкции и семантические функции тождественны, в то время как Р. Джекендофф приписывает синтаксическим конструкциям статус квазиавтономных. В холистической концепции синтаксические структуры не являются результатом действия автономной системы правил, а являются формами выражения значимых конструкционных процессов. Грамматические категории и синтаксические конструкции являются индикаторами того, как языковое выражение следует семантически интерпретировать.

Важной характеристикой фрейма с позиции холистического подхода является признание наличия перечня стратегически значимых вопросов, контролирующих контекстуальную информацию, активирующую фрейм [Fraas, 1996, s. 27; Ziem, 2008, s. 369–370] в системе. Заполнение пустых мест во фрейме (С. Fraas, А. Ziem, К.-Р. Konearding) происходит в результате редукции разных типов гиперонимов конкретными выражениями. Оно определяется содержанием языковых выражений, относящихся к разным фреймам. Предикаты признаются в качестве языковых реализаций концептуального содержания выражения, так что на основании определенного количества (квази)эксплицитных предикатов можно сделать заключение об аспектах знания, релевантных для понимания [Fraas, 1996, s. 78; Ziem, 2008, s. 370]. Границы содержания фрейма определяются, с одной стороны, качественным анализом реализованных предикаций, с другой стороны, частотностью употребления отдельных предикаций с их нормативными характеристиками [Fraas, 1996, s. 72–74; Ziem, 2008, s. 370].

Если К. Фраас показала на примере анализа концептов IDENTITÄT и DEUTSCHE, что метод стратегических вопросов позволяет идентифицировать фреймы и последние могут быть инструментом историко-эпистемологического анализа, то А. Цим, используя ее методику трактовки фрейма, анализируя концепт HEUSCHRECKE, показывает, как активизируется концептуальная метафора ИНВЕСТОРЫ – это САРАНЧА. Вводится термин «домены метафоризации», в который включаются, с одной стороны, домен-источник метафоризации и, с другой стороны, домен-цель метафоризации. Оба домена имеют фреймовую структуру с типизированной ситуацией и набором нормативных (типических) качеств, и последние заполняют пустые слоты в домене-цели метафоризации. Домены в понимании А. Цима долговечны, а понятие «концептуальная структура» отождествляется с термином «метафорическое значение».

Холистический подход, по мысли А. Цима, основан на понимании фрейма как контейнера, который может различаться по следующим критериям: вид (дом); функция (сохранение энергии); материал, из которого контейнер выполнен; величина, размеры контейнера; содержа-

ние контейнера (энергия); часть контейнера (*перегородка, стенка, вход, выход*); место расположения контейнера [Ziem, 2008, s. 61–62] (в организме человека) [Русская, Хахалова, 2020].

Итак, если фрейм есть контейнер, то для распознавания его содержимого разработана методика [Fraas, 1996, с. 16–27] в виде списка стратегических вопросов [Konerding, 1993; Fraas, 1996]:

- Что такое фрейм?
- Из чего состоит фрейм?
- Какие характерные черты присущи фрейму?
- Какие функции и какую роль выполняет фрейм в познании?
- Какие преимущества дает употребление фрейма?
- Какие обязанности и запреты налагаются на фрейм?
- Каким статусом обладает фрейм?
- Каким образом человек связан с фреймом?
- Когда и при каких условиях появляется фрейм?
- Какие фазы проходит фрейм?
- При каких условиях существует фрейм?
- Какие условия способствуют продуктивности фрейма? По каким причинам это происходит?

Анализ стратегических вопросов наводит на мысль, а каким образом они формулируются? При ответе на этот вопрос К. Фраас исходит из понимания того, что категории являются основой для формулирования вопросов, определяющих тот или иной фрейм. А сам фрейм включает совокупность значимых предикативных схем (“...die Auswahl der für die Konstituierung von Frames relevanten Prädikatorenschemata wird auf der Basis der Kategorienbildung bei Pallmer/Brennstuhl (1986) vorgenommen. Diese Kategorien bilden das Material, um die Fragen für die Herleitung der betreffenden Frames bestimmen zu können”) [Fraas, 1996, s. 16].

А. Цим дополняет методику К. Фраас следующими стратегическими вопросами [Ziem, 2008, s. 243]:

- Какие мотивы существуют для данного действия?
- Каковы предпосылки действия?
- Каким образом происходит действие?
- В чем заключается суть действия для участников?
- О чем свидетельствует действие?
- В какой функциональной субординации происходит действие?
- Как долго длится действие?
- Каковы участники действия?
- Действует ли участник в соответствии со своей ролью?
- При каких условиях протекает действие?
- При каких условиях участник продолжает свое действие?
- Из каких процессов или промежуточных фаз состоит действие?
- При каких условиях происходит существенное изменение действия?

- Существует ли типичный план действий?
- Каким образом участник действия может откорректировать ошибочное поведение?

Наряду с предложенной трактовкой фрейма в виде слотовой модели представляется необходимым заявить еще один вариант фрейма – метафорический – также в виде списка стратегических вопросов [Хахалова, 2009]:

I. Структурные отношения и свойства:

- 1) что представляет собой метафора?
- 2) из чего состоит метафора?
- 3) какие характерные черты присущи метафоре?
- 4) какие функции и какую роль выполняет метафора в познании?
- 5) какие преимущества дает употребление метафоры?
- 6) какие обязанности и запреты налагаются на метафору?
- 7) каким статусом обладает метафора?
- 8) каким образом человек связан с метафорой?

II. Генезис метафоры:

- 1) когда и при каких условиях появляется метафора?
- 2) какие фазы проходит метафора?
- 3) при каких условиях существует метафора?
- 4) какие условия способствуют продуктивности метафорообразования, по каким причинам это происходит?
- 5) какие обстоятельства приводят к деметафоризации?

III. Миссия метафоры:

- 1) в каких общественных процессах метафора играет важную роль?
- 2) какие цели преследует метафора в данных общественных процессах?
- 3) какие средства использует метафора при выполнении своих функций?

IV. Метафора как феномен:

- 1) чем является метафора?
- 2) какие синонимы используются для обозначения метафоры?
- 3) существует ли метафора?
- 4) из чего состоит метафора?
- 5) наряду с какими родственными феноменами сосуществует метафора?
- 6) каковы отличительные характеристики родственных феноменов?

Й. Олвуд предлагает рассматривать структуру фрейма [Allwood, 2003, s. 53] так же, как и А. Цим, в русле холистического подхода, но как единство пяти показателей: потенциального значения, актуального значения, общепринятых ценностей, конкретных ценностей и пустых ниш. Наличие общепринятых ценностей, конкретных ценностей и пустых ниш в модели фрейма логично, не противоречит принятым во

фреймовой теории положением. Новизной является введение терминов, потенциальное и актуальное значения фрейма.

Если в теории речевых актов используются термины «пропозиция», «референция», «предикация», то А. Цим предлагает во фреймовой теории использовать термины «активированный фрейм» (соответствует референции), «слоты», «заполнители» и «общепринятые качества» (соответствуют предикации). А. Цим утверждает, что фреймовая семантика позволяет подойти к анализу лингвистических феноменов с позиции единого подхода и объяснить их с точки зрения единых когнитивных и теоретико-языковых предпосылок, используя термины «референция», «предикация», «связность», «косвенная анафоричность», «языковые изменения», «дискурсивно-семантические базовые фигуры», «метафоры».

Теперь перейдем к теории когнитивного моделирования, объектом которой является в том числе концептуальная метафора. Исходной посылкой является то, что концептуальные метафоры подлежат фреймово-семантическому осмыслению. Для этого используются такие понятия, как область-источник / домен-источник (Quelldomäne) метафоризации и область-цель / домен-цель (Zieldomäne) метафоризации [Ziem, 2008, s. 377]. Обе области образуют основу для логического подведения к фрейму. Каждая из областей имеет набор типизированных (прототипических) характеристик. Специфика взаимодействия состоит в том, что объединенные общепринятые характеристики области-источника заполняют соответствующие слоты области-цели. В результате возникает новая концептуальная структура, называемая метафорическим значением. Обратим внимание на то, что *метафорическое значение признается в качестве новой концептуальной структуры*. “Frame-semantische Reformulierung der konzeptuellen Metapher: Die Quelldomäne und die Zieldomäne” bilden Inferenzbasen, die durch Frames derart strukturiert sind, dass konsolidierte Standardwerte der Quelldomäne entsprechende Leerstelle der Zieldomäne besetzen. So entsteht eine neue konzeptuelle Struktur – eben eine metaphorische Bedeutung” [Ziem, 2008, s. 377].

В политическом дискурсе Германии метафора саранчи переносится с концептуальной области экономики на другую концептуальную область – социальные отношения, например: *Die eigentlichen Heuschrecken sind die Gewerkschaften* [Die Zeit. 4.5.2005] (*Настоящая саранча – это профсоюзы*). Область-источник метафоризации – *Heuschrecke* (*саранча*), область-цель метафоризации – *Gewerkschaften* (*профсоюзы*).

Из одной области в другую происходит метафорическая проекция (Mapping = metaphorische Projektion), которая акцентирует внимание на существенных характеристиках ситуации. Скорее всего, в метафорической проекции заложена разница между доменами и ментальными областями. Ментальные области можно соотнести с тем, что называет Й. Олвуд ак-

туальными значениями фрейма, в то время как домены можно соотнести с тем, что называет Й. Олвуд потенциальными значениями фрейма.

Разница между терминами «домены» (Domäne) и «ментальные области» (mental spaces) состоит в том, считает А. Цим, что ментальные области менее долговечны. Ведение критерия долговечности служит основанием для различения между фреймами, концептами и ментальными пространствами. Фреймы и концепты более долговечны, в то время как ментальные пространства менее долговечны.

Так в чем же разница между доменами А. Цима и ментальными пространствами Ж. Фоконье (Fauconnier, 1985)? Перейдем к характеристике теории ментальных пространств Ж. Фоконье. Установлено, что в теории ментальных пространств взаимодействуют четыре ментальных составляющих: два входных пространства (Input-space I, Input-space II), генерирующее пространство (generischer space), и блендовое пространство (blended space). Взаимодействие ментальных пространств иллюстрируется на примере концептуальной метафоры *Der Chirurg ist ein Metzger* (ХИРУРГ – это МЯСНИК). В стилистической фигуре сравнения *Chirurg als Metzger* активизируется метафора мясника. А в концептуальной метафоре происходит переосмысление концептуального содержания. Вслед за А. Цимом проследим за анализом всех четырех пространств. Первое пространство называется входным пространством 1 (Input-space I), оно актуализируется концептом METZGER (мясник) с концептуальными признаками: агенс – мясник, пациенс – животные, место действия – разделочный цех, образ действия – разделка туши, цель – подготовка мяса к продаже (Agens – Metzger, Patiens – Tiere, Ort – Fleischerei, Tätigkeit – Fleisch präparieren, Ziel – Fleisch verkaufsfertig machen).

Второе пространство называется вторым входным пространством (Input-space II), оно актуализируется концептом CHIRURG (хирург) с концептуальными признаками: агенс – хирург, пациенс – больные, место действия – операционный зал, действие – оперирование, цель – лечение (Agens – Chirurg, Patiens – Patienten, Ort – Operationssaal, Tätigkeit – operieren, Ziel – heilen).

Третье пространство называется генерирующим пространством (generischer “space”), в него входят: агенсы, пациенсы, места действия, виды деятельности, цели (Agens, Patiens, Ort, Tätigkeit, Ziel).

Четвертое пространство (blended “space”) – блендовое – составляют агенс – хирург в роли мясника, пациенсы – пациенты, место действия – операционный зал, деятельность – обработка мяса, цель – лечение (Agens – Chirurg in der Rolle des Metzgers, Patiens – Patient, Ort – Operationssaal, Tätigkeit – Fleisch präparieren, Ziel – heilen) [Ziem, 2008, с. 380].

Сравнение теории ментальных пространств с теорией концептуальной метафоры позволяет считать, что обе теории находятся в состоянии дополнительности [Ziem, 2008, s. 281], при этом элементы менталь-

ного пространства имеют фреймовую структуру [Ibid, s. 382]. Генерирующее пространство является пространством с пустыми нишами, которые могут заполняться наполнителями из второго входного пространства.

Концепт HEUSCHRECKEN лежит в основе когнитивной модели концептуальной метафоры *INVESTOREN sind HEUSCHRECKEN* в дискурсе *Kapitalismus-Debatte*. Концептуальная метафора представляет собой дискурсивно-семантическую базовую фигуру немецкого политического дискурса дебатов о капитализме [Ziem, 2008, s. 387, 399] и принадлежит глубинной структуре текстовой семантики, при этом она регулярно используется как содержательный элемент текстов, входящих в корпус отдельных дискурсов [Ibid, s. 396]. Дискурс при этом понимается как виртуальное количество текстов, связанных между собой тематически и образующих таким способом эпистемиологическое и функциональное единство (перевод. – С. А. Х.) (“...eine virtuelle Menge von Texten, die durch einen gemeinsamen thematischen Themenbezug aufeinander verweisen und so eine epistemisch funktionale Einheit bilden...”) [Ibid, s. 369].

По большому счету область-источник метафоризации называется вторым входным пространством, область-цель метафоризации называется первым входным пространством, область проекции – генерирующим пространством, новизной является нахождение того, что называется блендовым пространством. Это то ментальное пространство, которое значимо в данный момент для данной ситуации общения. Блендовое пространство определяет метафорическое значение.

Обратимся теперь к дискурсу российского законодательного пространства, в котором значительное место занимает концепт ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ. В этой связи лингвистический интерес вызывает метафора гильотина как дискурсивно-семантическая базовая фигура государственного контроля. Введение термина «регуляторная гильотина» в дискурсивное пространство государственного контроля является тенденцией нового времени [<https://knd.ac.gov.ru/groups/797/>].

Обратимся к анализу словарной статьи слова «гильотина». Оно происходит из французского языка (*guillotine*) и обозначает механизм для приведения в исполнение смертной казни путем отсечения головы. Как свидетельствует пояснительный комментарий к вошедшему в сегодняшний обиход термину «регуляторная гильотина», он означает «инвентаризацию всех действующих и обязательных для бизнеса требований с целью понять – соответствуют ли они современным реалиям... помогают ли они развивать бизнес, помогают ли они обеспечить безопасность людей... Регуляторная гильотина необходима для укрепления экономического потенциала России, для этого следует пересмотреть нормативно-правовую базу, исключив устаревшие и излишние нормы» [<https://knd.ac.gov.ru/about/>].

Но почему не был использован термин «нормативное регулирование», а почему возникла необходимость в введении термина регуляторная гильотина? С точки зрения структуры оба термина являются атрибутивными словосочетаниями и языковой экономии здесь не наблюдается. Скорее всего, суть в трактовке содержания. Использование первого термина мягче со стилистической и прагматической точек зрения. Нарушил норму, не отрегулировал, никаких последствий от этого допущенного тобой нарушения нет. Использование второго термина имеет жесткую стилистическую и прагматическую коннотацию. Не отрегулировал до нормы, ждет тебя смертная казнь путем отсечения головы. Голова – область тела человека, которая включает в себя процессы мышления, языковой деятельности, восприятия, осознания, познания и знания. Регуляторная гильотина с точки зрения классификации метафор представляет собой метафорическое адъективное словосочетание [Хахалова, 2011, с. 122], окказиональную одностороннюю ономаσιологическую метафору [Там же, с. 126, 131] с отрицательной оценкой [Там же, с. 133]. Метафорическое значение регуляторной гильотины выводит на область блендового пространства – теряешь способность мыслить, говорить, воспринимать, осознавать, впитывать новые знания, а значит, ты ни на что не годен и вследствие этого теряешь работу. «При восприятии такой окказиональной метафоры создается лишь иллюзия полной неожиданности функционирования окказионализма» [Там же, с. 131]. Во фрейм вводится прагматическая установка для манипулирования сознанием тех, кто работает в бизнесе с помощью речевого акта. Напомним, что Т. А. ван Дейк предлагает рассматривать речевой акт как часть фрейма [Дейк ван, 1989, с. 18]. В таком случае речевой акт *исполняй все, что написано в нормативных документах, иначе потеряешь и работу, и голову* входит в структуру фрейма наказание и находит свою реализацию в документах «регуляторной гильотины» [<https://knd.ac.gov.ru/documents/>]:

- новые санитарно-эпидемиологические требования к организациям общественного питания;
- реестр членов саморегулируемой организации кадастровых инженеров;
- правила проведения в Российской Федерации оценки регулирующего (ОРВ) и фактического (ОФВ) воздействия нормативных актов;
- правила организации деятельности отделений и кабинетов медпрофилактики для взрослых;
- обновленный порядок экспертизы проекта освоения лесов в сфере лесного хозяйства;
- порядок назначения, организации и проведения профилактических и санитарно-оздоровительных мероприятий в лесах для защиты лесов от насекомых-вредителей;
- проведение регуляторной гильотины в образовании.

Остановимся на проведении регуляторной гильотины в образовании. Значит ли это, что образование приравнивается к бизнесу. Если именно это значение вкладывается в метафору *регуляторная гильотина*, то косвенная анафора указывает на концептуальную метафору ОБРАЗОВАНИЕ – это БИЗНЕС. Генерирующее пространство включает характеристику *получение прибыли*. Отсюда понятна установка на то, что каждое образовательное учреждение высшего профессионального образования должно приносить прибыль, в противном случае оно не является эффективным и подлежит ликвидации. Это одно из проявлений регуляторной гильотины в образовании. Метафора *регуляторная гильотина* основана на концептах КОНТРОЛЬ И НАДЗОР. Отсюда возникают концептуальные метафоры РЕГУЛЯТОРНАЯ ГИЛЬОТИНА – это КОНТРОЛЬ, РЕГУЛЯТОРНАЯ ГИЛЬОТИНА – это НАДЗОР. РЕГУЛЯТОРНАЯ ГИЛЬОТИНА – это СМЕРТЬ. Концепты ГИЛЬОТИНА, КОНТРОЛЬ, НАДЗОР, СМЕРТЬ на равных правах участвуют в формировании фрейма *образовательное пространство*. Если коннотативное значение слова «контроль» нейтральное, то коннотативное значение слова «надзор» достаточно жесткое, а коннотативное значение слова «смерть» находится на верхней грани жесткости. Итак, введение дискурсивно-семантической фигуры регуляторная гильотина в образовательное пространство РФ определяет его развитие на ближайшее время, какое развитие – домысливает участник процесса коммуникации в том числе и при восприятии расширения метафоры *регуляторная гильотина* до механизма «регуляторной гильотины», *аналог регуляторной гильотины (в регионах)*.

Наряду с метафорой *регуляторная гильотина* в образовательном пространстве РФ активизируется еще одна метафора *дорожная карта*, которая образует дискурсивно-семантическую фигуру. Обе дискурсивно-семантические фигуры функционируют в генерирующем ментальном пространстве эксплицированным предложением: «Конкретно разработан план мероприятий “Дорожная карта” по реализации механизма “регуляторной гильотины”» [<https://knd.ac.gov.ru/about/>]. *Дорожная карта, регуляторная гильотина, аналог регуляторной гильотины* – три метафоры, определяющие дискурс образовательного пространства на сегодняшнем этапе развития общества.

Подводя читателя к вопросу о статике и динамике познания, можно утверждать, что существуют две разнонаправленные точки зрения на соотношение понятий «концепт» и «фрейм». С одной стороны, концепты находятся внутри фреймов, порядок следования концептов определяет типизированное знание о той или иной ситуации [Minsky, 1975; Fillmore, 1976, 1982; Konerding, Wiegand, 1994; Konerding, 1993, 1994]. С другой стороны, фреймы группируются вокруг концептов [Дейк ван, 1989]. Обе точки зрения, на наш взгляд, имеют право на существование. Напомним, что в биологии познания на природу разума (разумности)

предполагается, что организм находится в состоянии структурного сцепления со средой и поддерживает гомеостазис в этой системе [Кравченко, 2009, с. 62]. Если метафора *саранча* предостерегает от широкого привлечения зарубежных инвесторов в экономику Германии, то какова цель метафоры *регулятивная гильотина*? Убережет ли она систему образования от неверных шагов, является ли она предостережением от дальнейших ошибок, или она является маркером шаблонизации и уничтожения качественного образования? В этой связи возникает очередная дихотомия шаблонизация vs творчество в образовательном пространстве. Какая из членов этой дихотомии должна определять качество образования? На это ответ может дать очередная дискурсивно-семантическая фигура, подлежащая лингвистическому осмыслению в рамках дихотомии статика vs динамика.

1.3. ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: КОДЫ И СТРАТАГЕМЫ

Взаимодействие культур и языков в координатах динамически меняющегося мира порождает сложные коммуникативные среды с высоким уровнем турбулентности, что помещает в центр методологической рефлексии проблему эффективного управления когнитивными сценариями и коммуникативными процессами в условиях культурно-языковых контактов. Коммуникативное взаимодействие в поликодовых средах развивается с учетом совокупного воздействия глобализационных процессов, информационных технологий и социальных преобразований. Методологический формат управления культурно-языковыми контактами включает широкий диапазон проблемных вопросов:

- проблема преодоления культурной и языковой асимметрии, порождаемой несовпадением когнитивных структур, интерпретационных моделей и коммуникативных стилей;
- проблема ориентирующего взаимодействия идентичностей, аффилированных с различными национальными и/или социальными культурами;
- проблема навигации языковой личности в поликодовой коммуникативной среде;
- проблема переживания чужеродности как источника когнитивного диссонанса;
- проблема трансфера культурных и языковых паттернов;
- проблема адаптации языковой личности в инокультурной или поликультурной среде посредством преобразования когнитивных пат-

тернов, заложенных в культурных кодах, на основе конструирования и актуализации коммуникативных адапторов – стратагем.

Решение этих проблем лежит в плоскости синергического взаимодействия разнообразных сущностей: дискурсивных интенциональностей, культурных идентичностей, когнитивных моделей, прагматических стратегий, иллокутивных потенций языковых знаков [Казыдуб, 2019]. С этой точки зрения представляется методологически значимым выявление и теоретическое описание линий сопряжения разноплановых и разностатусных, в частности статических и динамических, сущностей в дивергентной коммуникативной среде.

В данном исследовании обосновывается потенциал диалектического взаимодействия культурных кодов как когнитивных констант, формирующих образ мира, и стратагем как динамических инструментов, адаптирующих культурные коды к условиям конкретной социокультурной ситуации в векторе совпадения интенциональностей коммуникантов. Таким образом, проблема соотношения статики и динамики помещается в плоскость стратегического управления преобразованием константных (устойчивых) характеристик языковой личности в поликодовой коммуникативной среде.

Культурный код, в соответствии с устоявшейся теоретической традицией, рассматривается как инструмент категоризации, концептуализации и интерпретации окружающего мира. Культурные коды представляют собой когнитивные матрицы, содержащие наиболее значимые смыслы, восходящие к базовым ценностям лингвокультурного сообщества, и правила интерпретации внешней и внутренней реальности в соответствии с прескрипциями, вложенными в содержание таких матриц. Например:

- (1) *One of our most important rules is that the individual may never disturb the wa, the harmony of the group, remember?* [Clavell, 1975, p. 642].
- (2) *Karma is the beginning of knowledge. Next is patience. Patience means holding back your inclination to the seven emotions: hate, adoration, joy, anxiety, grief, fear* [Ibid].

Культурные коды конструируют системы ориентирования языковой личности. Они выполняют функцию навигаторов в условиях ориентирующего взаимодействия в разноплановых коммуникативных контекстах, в том числе и в культурологически диверсифицированной среде. Культурные коды обязательно становятся частью коммуникативного аудита, цель которого заключается в соизмерении содержания и эффекта(ов) коммуникативного воздействия.

Культурные коды находят свое воплощение в языковых и коммуникативных единицах. В круг таких единиц входят:

1. Лексемы, воплощающие аксиологические концепты, что наделяет их статусом ключевых слов культуры [Вежбицкая, 1999; Wierzbicka, 1997]: достоинство, здоровье, истина, равенство, патриотизм, свобода, успех; dignity, equality, freedom, individualism, independence, politeness, etc.

2. Лексические коллокации:

(3) *Reverence for old age is one of the most admirable traits of the human race and I think it may safely be stated that in no other country than ours is this trait more marked. The awe and love with which other nations regard old age is often platonic; but ours is practical. Who but the English would pay to see dancers so decrepit that they can hardly put one foot before the other and say to one another admiringly in the intervals: "By George, sir, d'you know he's a long way past sixty?"* [Maugham, 2004, p. 12].

(4) *Personal Competencies for Managerial Success:*

<...> Self-objectivity – ability to evaluate others realistically

Analytical thinking – ability to interpret and explain patterns in information

Behavioral flexibility – ability to modify personal behaviour to reach a goal

Oral communications – ability to express ideas clearly in oral presentations

Written communication – ability to express one's ideas clearly in writing

Personal impact – ability to create a good impression and instill confidence

Resistance to stress – ability to perform under stressful conditions

Tolerance for uncertainty – ability to perform in ambiguous situations

[Montana, Charnov, 2000, p. 8–9].

3. Формульные высказывания:

(5) *When things are investigated, then true knowledge is achieved,
When true knowledge is achieved, then the will becomes sincere,
When the will becomes sincere, then the heart is set right,
When the heart is set right, then the personal life is cultivated,
When the personal life is cultivated, then the family life is regulated,
When the family life is regulated, then the national life is orderly,
And when the national life is orderly, then there is peace in the world* [Confucius: cited in: 501 must-know speeches, 2010, p. 203].

4. Тексты-навигаторы (ориентирующие языковую личность в системе кодов лингвокультуры):

- (6) *For you, it's all about how you stand out. Who is the smartest, the richest, the best. For us, it's all about blending in. Like the patches that make up a quilt. One by one, we're not much to look at. But put us together, and you've got something wonderful* [Lustig, Koester, 2010, p. 128].

Культурные коды обосновывают принципы когнитивной интерпретации внешней среды и внутреннего мира человека, равно как и моделируют поведение языковой личности в коммуникативных событиях. Подтверждением является сопряжение культурных кодов и мировоззренческих принципов при конструировании дискурсов. Иллюстрацией служит следующий пример:

- (7) *Another basic factor in the method of non-violent resistance is that this method does not seek merely to avoid external physical violence, but it seeks to avoid **internal principle of love**. Love is always the regulating ideal in the technique, in the method of non-violence. This is the point at which the non-violent resister follows the love and Saviour Jesus Christ, for it is this love ethics that stands at the center of Christian faith...* [Martin Luther King; cited in 501 must-know speeches, 2010, p. 34; выделено. – Н. Н. К.].

В контексте культурно-языковых контактов значительный интерес представляют исследования, раскрывающие опыт переживания языковой личностью базовых кодов в инокультурной среде. Так, в статье [Kreuzer, Mühlbacher, von Wallpach, 2018] обобщается опыт переживания базового кода/концепта *home / (родной) дом* иммигрантами. Феноменологические интервью эксплицируют линии дискурсивного конструирования данного концепта в новых культурных контекстах. Смоделированы три сценария транскультурного переживания концепта *home / (родной) дом*. **Первый** сценарий демонстрирует стремление иммигрантов сохранить переживание (родного) дома в домене родной культуры. Свидетельством этому является предпочтение оригинальных артефактов, культурных ритуалов и традиций. **Второй** сценарий отражает нацеленность иммигрантов на интеграцию опыта переживания родной и принимающей культур. В этом случае появляется возможность взаимообогащающего межкультурного взаимодействия. Как следствие, значительно расширяется сфера социальных контактов языковой личности и, соответственно, ускоряется процесс ее интеграции в инокультурную среду. **Третий** сценарий подразумевает локализацию переживания (родного) дома во внутреннем мире человека. При этом решается задача достижения баланса между внутренним миром и внешней средой [Kreuzer, Mühlbacher, von Wallpach, 2018]. Вариативность переживания базовых кодов при навигации языковой личности в инокультурной среде раскрывает их ключевую роль как инструментов когни-

тивной обработки новой информации. С другой стороны, допускается возможность альтернативных стратегических решений, обоснованных взаимодействием культурных кодов, интенциональных установок языковой личности и параметров внешней среды.

В рамках лингвокультуры иллокутивная сила кода варьируется в зависимости от социокультурной идентичности языковой личности (о типах идентичности см. подробнее [Crystal, 1997]). Рассмотрим пример:

- (8) *One of the characteristics of the aristocrat is the extreme sentiment he feels towards his **house** and his inheritance. His wife is expected to feel the same.*

When the Marchionness of Travistok recently expressed her boredom at running Woburn her father-in-law's sharp reaction was quoted in the Daily Mail:

'If you marry some guy with a title, you have a duty and a responsibility to carry on what his ancestors did in the past. She was perfectly aware of what she was getting into. Trouble is she's an only child' [Cooper, 1999, p. 23].

Приведенный выше фрагмент дискурса раскрывает критическую значимость культурного кода, воплощенного в лексемах HOUSE и INHERITANCE, для определенной социальной группы – английских аристократов. Иллокутивная сила культурного кода иррадирует когнитивные эффекты – DUTY и RESPONSIBILITY и, соответственно, моделирует сценарии социального поведения, согласующегося с принципом социальной ответственности, что предполагает следование традициям и выполнение определенных ритуалов. Пренебрежение традициями или нарушение поведенческих норм получает негативную оценку внутри социальной группы.

Дифференциация культурных кодов в зависимости от фактора социокультурной идентичности подтверждается следующим примером:

- (9) *The middle classes are in fact quite different <...> Unlike the upper classes and the working classes they think careers are important. They start little businesses, they work hard to pass exams after they live school, they believe in the law of the jungle and not the Welfare State. If you get on in life good luck to you.*

For this reason they believed in the importance of education long before the other classes [Cooper, 1999, p. 24].

Культурные коды могут порождать ситуации коммуникативного и социального неравенства:

- (10) *Colossal self-confidence is perhaps the hallmark of the aristocrat. Like the chevalier he goes through his life unafraid; he doesn't question his motives or feel guilty about his actions. When I went shooting*

in Northumberland last summer I noticed a beautiful blonde young man in a red sweater at the next butt. Why didn't he have to wear green camouflage like the rest of us, I asked.

'Because he is a duke's so,' said my host, 'he can do what he likes' [Cooper, 1999, p. 24].

Культурный код SELF-CONFIDENCE (self-confidence – the feeling that you can do things well and that people respect you [MED, 2007, p. 1347]) в высшей степени его проявления, вербализуемой прилагательным *colossal*, негативно оценивается при его активации в социально и культурологически дивергентной среде, т. е. при его восприятии представителями иной социальной культуры. В таких случаях формируются риски развития конфликтных сценариев, преодоление которых требует трансфера специального знания в форме разъяснений, пояснений и металингвистических комментариев. Например:

(11) *'It is a matter of cultural sensitivity, I think," she said. "As an American, you are very direct. We Japanese are more polite; we discuss matters indirectly. It is our custom to communicate through mind-reading."*

Alex protested. "But I'm not Japanese! How can I possibly be expected to read Japanese minds? Or know her class rules, he thought.

"You must be patient. Most Japanese are not used to foreigners. We don't realize that Westerners don't think as we do. And, we are shy" [Lustig and Koester, 2010, p. 108].

В поликультурных (поликодовых) средах имеет место столкновение культурных кодов, восходящих к различным системам ценностной ориентации лингвокультур:

(12) *All her life, in the Chinese way, April had tried to avoid conflict with her parents. She didn't want them to lose face by her marrying a Mexican American. But this correct Asian passivity was highly incorrect and even considered self-destructive in Western culture. Self-destructive didn't even exist in Asian thinking, for the self was not regarded as a separate entity* [Lustig and Koester, 2010, p. 117].

В приведенном выше контексте фактором, осложняющим межкультурную коммуникацию, становится культурный код FACE, предписывающий языковой личности сохранение «лица» своего социального окружения, в данном случае своей семьи, т. е. избегание репутационных рисков. Но в другой системе координат поведенческий сценарий, воплощающий этот код, получает негативную оценку: *<...> this correct Asian passivity was highly incorrect and even self-destructive in Western culture.*

С учетом аксиологического обоснования культурных кодов их расхождение можно интерпретировать в терминах аксиологической асимметрии, которая проявляется в условиях культурно-языковых контактов как: а) различие оценок: скупость vs frugality; б) различие нюансов (включение/невключение в семантическое содержание аксиологемы тех или иных компонентов): успех vs success; в) различие прагматических интерпретаций: равенство vs equality. Выявление специфики аксиологического содержания культур и языков осуществляется с применением инструментария лингвоаксиологического анализа [Викулова, Серебренникова, Вострикова, Герасимов, 2018; Серебренникова, 2017].

Соответственно, проблема культурно-языковых контактов включает поиск решений в плане управления различиями, порождаемыми уникальным содержанием культурных кодов. В этом контексте следует рассмотреть креативный потенциал стратагем как инструментов, моделирующих модус взаимодействия в поликодовой коммуникативной среде.

Сопоставление культурных кодов и стратагем позволяет обнаружить ряд различий между этими феноменами (табл. 2).

Таблица 2

Сопоставление кодов и стратагем

Коды	Стратагемы
Система	Функция
Ригидность	Гибкость
Традиционность	Инновационность/эвристичность
Статика	Динамика
Контент	Сценарий
Категоризация	Коммуникация
Конвенциональность	Креативность

Коды как константы культуры приобретают динамику при их встраивании в стратагемы – планы реализации интенциональных (прагматических) установок. Стратагема является способом преодоления ограниченности культурного кода за счет расширения диапазона его вариативности путем преобразования культурных значений в соответствии со стратегическими иллюкуциями участников коммуникативного взаимодействия. В качестве инструментов коммуникативного менеджмента стратагемы организуют со-бытие культурных кодов по типу ориентирующего взаимодействия, в рамках которого происходит трансфер культурологического знания о мире и формируются векторы его переживания в формате интерпретирующего дискурса. С учетом иллюкутивной цели коммуникативного взаимодействия в поликодовой среде рассмотрим стратагемы кооперации, конфронтации и эскапизма.

Стратагема кооперации восходит к принципу коммуникативного партнерства как необходимого условия эффективного взаимодействия. Эта стратагема отражает ориентированность участников комму-

никации на достижение взаимопонимания и консенсуса в условиях культурно-языковых контактов. Проанализируем пример:

(13) *Malaysian: Can I ask you a question?*

European American: Yes, of course.

Malaysian: Do you know what time it is?

European American: Yes, it's two o'clock.

Malaysian: Might you have a little soup left in the pot?

European American: What! I don't understand.

Malaysian: (becoming more explicit since the colleague is not getting the point): I will be on campus teaching until nine o'clock tonight, a very long day for any person, let alone a hungry one!

European American: (finally getting the point): Would you like me to drive you to a restaurant off campus so you can have lunch?

Malaysian: What a very good idea you have! [Lustig, Koester, 2010, p. 111].

Данный фрагмент дискурса демонстрирует процесс взаимoadaptации культурных кодов участников коммуникации в векторе совпадения интенциональностей, который формируется нацеленностью на достижение взаимопонимания и решение коммуникативной задачи в ключе, приемлемом для обоих собеседников. Преподаватель из Малайзии обращается с просьбой к коллеге (американскому преподавателю) отвезти его пообедать в ресторан, находящийся за пределами университетского кампуса. Культурный код высококонтекстной культуры, к которой принадлежит адресант, предписывает транслирование такой просьбы косвенным образом, посредством активации имплицитур, вложенной в речевую формулу: *Might you have a little soup left in the pot?* Эта формула не опознается и не декодируется адресатом, аффилированным с низкоконтекстной культурой, что передается соответствующими языковыми номинациями: *What? I don't understand.* Возникает коммуникативное напряжение, которое разрешается адресантом за счет перемоделирования речевого сообщения, включения в это сообщение комментария-обоснования его просьбы: *I will be on campus teaching until nine o'clock tonight, a very long day for any person, let alone a hungry one!* В таком виде сообщение становится более прозрачным, и адресат извлекает смысл, вложенный адресантом: *Would you like me to drive you to a restaurant off campus so you can have lunch?* Обращает на себя внимание тот факт, что адресант в конечном итоге сохраняет свой культурный код, о чем свидетельствует заключительная фраза: *What a very good idea you have!* Атрибутируя принятие решения своему собеседнику, адресант тем самым ослабляет свойственный речевому акту просьбы эффект иллюкутивного вынуждения. Этот диалог эксплицирует взаимодействие

культурных кодов при конструировании собеседниками коммуникативного партнерства, восходящего к принципам взаимопонимания, солидарности и толерантности. В этом случае фактором, обеспечивающим успех межкультурной коммуникации, становится реализация стратегемы, обоснованной максимой кооперации. Включение такой стратегемы в коммуникативное пространство запускает процесс преобразований на когнитивном, семантическом и прагматическом уровнях. Как следствие, имеет место перемоделирование культурного кода на основе допущения его вариативной реализации в условиях культурно-языковых контактов [Казыдуб, 2018].

Стратегема кооперации представляет собой кластер стратегий, моделирующих культурно-языковые контакты по типу благоприятной коммуникативной среды. Этот кластер включает стратегии аттрактивизации, вежливости и толерантности.

Аттрактивизация понимается как конструирование области притяжения коммуникантов на основе включения в коммуникативное пространство набора аттракторов, т. е. смыслов, воплощенных в языковых репрезентациях, ориентированных на формирование интереса к содержанию коммуникативного события, и вовлечение адресата в когнитивный сценарий, заложенный в программу речевого воздействия адресантом. Как замечает И. А. Якоба, притяжение в качестве доминирующего смысла способствует формированию значительного пенетрационного потенциала аттрактивизации и обеспечивает тем самым кратчайший путь к достижению дестинации [Якоба, 2020]. Аттрактивизация конструируется на трех уровнях: когнитивном, прагматическом и лингвистическом (языковом). Таким образом моделируется и реализуется синергичный эффект коммуникативного воздействия.

Вежливость как прагматическая стратегия получила освещение в ряде работ [Brown, Levinson, 1987; Levinson, 1995; Yule, 1996]. Это системный оператор, гармонизирующий коммуникативное пространство путем включения в его содержание гармонем – языковых единиц, транслирующих уважение к собеседнику, ориентированность на кооперативное взаимодействие и эмпатию. По умолчанию исключаются конфликтемы – языковые единицы, порождающие очаги коммуникативного напряжения. В условиях культурно-языковых контактов вежливость моделирует обсуждение культурных и языковых различий в режиме конструктивного диалога.

Толерантность как стратегия актуализирует инструменты формирования и продвижения позитивного отношения к иноязычным культурным паттернам. Толерантность эксплицирует принципиальную готовность языковой личности к диалогу с иной ментальностью. Допущение альтернативной концептуализации и интерпретации значительно расширяет функциональный диапазон языковой личности при ее нави-

гации в инокультурной или поликультурной среде. По этому признаку толерантность включена в реестр стратегических инструментов, моделирующих культурно-языковые контакты по типу кооперативного взаимодействия.

Стратегема конфронтации порождает дискурс различий: участники демонстрируют несовпадение интенциональных установок, оценок и интерпретаций. Например:

(14) *Marie-Louise was just very difficult, and didn't seem like a happy person. Sarah could see she wasn't. But Jeff more than made for it, with his warm, easy manner, and extensive explanations. He said the boiseries were exceptionally valuable, were probably early eighteenth century, and had been removed from a château somewhere in France, which caused a comment from Marie-Louise, this time in English.*

“It's amazing how Americans stripped our country bare of treasures that should never have been let out of the country. They would never get away with it today”. She looked at Sarah as though she had been personally responsible for this travesty on French culture. All Sarah could do was nod and appear to agree with her. There was nothing else to say. The same was true of the floors, which were clearly far older than the house on Scott Street and had presumably been removed from a château in France and sent to the States. Jeff said he hoped that the heirs didn't try to strip the house of the parquet floors and boiseries in order to sell them separately, probably at Christie's or Sotheby's. He said they would go for a fortune, but he hoped they would stay here, which was Sarah's hope too. It would have seemed a crime to her to cannibalize the house now, after it had survived intact for so long [Steel, 2007, p. 150–151].

В этом дискурсе стратегема конфронтации конструируется одним из участников коммуникативного события: француженкой, которая выражает возмущение по поводу вывоза ценностей, составляющих культурное наследие Франции, из страны. Дискурс насыщен эмотивно-оценочными дескрипциями, порождающими эффект речевой агрессии: *It's amazing how Americans stripped our country bare of treasures that should never have been let out of the country. They would never get away with it today.* Оппоненты демонстрируют понимание проблемы и переводят ее обсуждение в позитивное русло: подтверждают ценность артефактов и выражают заинтересованность в их сохранении: *Jeff said he hoped that the heirs didn't try to strip the house of the parquet floors and boiseries in order to sell them separately, probably at Christie's or Sotheby's. He said they would go for a fortune, but he hoped they would stay here, which was Sarah's hope too.*

Стратегема эскапизма обоснована стремлением языковой личности исключить развитие конфликтного сценария посредством ухода

от обсуждения разногласий в области культурных предпочтений, в том числе культурных кодов. Рассмотрим пример:

(15) *Do you like our pyramid? The agent asked.*

Langdon frowned. The French, it seemed, loved to ask Americans this. It was a loaded question, of course. Admitting you liked the pyramid made you a tasteless American, and expressing dislike was an insult to the French. The pyramid was said to have suffered from a 'Pharaoh complex'. Single-handedly responsible for filling Paris with Egyptian obelisks, art and artefacts, François Mitterand had an affinity for Egyptian culture that was so consuming that the French still referred to him as the Sphinx. 'What is the captain's name?' Langdon asked, changing topics [Brown, 2009, p. 32].

Данный контекст эксплицирует поведение языковой личности при возникновении интерпретационных дилемм, восходящих к различным культурным кодам. Адресант формулирует вопрос, помещающий собеседника в ситуацию выбора альтернатив с одинаковой долей риска. Ср.: *Admitting you liked the pyramid made you a tasteless American, and expressing dislike was an insult to the French.* Адресат находит свое решение: он меняет тему разговора: *'What is the captain's name?' Langdon asked, changing topics.* Такое решение помогает адресату избежать потенциального конфликта. В данном случае делается выбор в пользу безопасного коммуникативного сценария, исключающего репутационные риски.

Стратегема эскапизма, возможно, не является эффективным инструментом управления культурно-языковыми контактами, но в сложных прагматических контекстах и проблемных ситуациях решает задачу безопасной навигации языковой личности в инокультурной или поликультурной среде.

Выбор стратегемы обосновывается содержанием аксиологической перспективы, которая понимается как образ, воплощающий целевое назначение коммуникативного события [Казыдуб, 2020]. Аксиологическая перспектива моделирует конфигурации ценностных концептов, в соответствии с принципами, вложенными в содержание ключевой стратегемы.

Таким образом, контактирование культур и языков в современном мире порождает области взаимодействия языковых личностей, включенных в разные системы координат. Своеобразие таких систем формируется культурными кодами, моделирующими процессы категоризации, концептуализации и интерпретации реального мира. В условиях культурно-языковых контактов культурные коды могут быть модифицированы при их включении в стратегемы, организующие коммуникативное пространство в соответствии с интенциональными установками коммуникантов. Системы культурных кодов встраиваются в вектор динамического развития, что значительно расширяет диапазон взаимодействия языковых личностей, аффилированных с различными культурами.

2. КОНСТРУИРОВАНИЕ КАК ПОРОЖДАЮЩИЙ МЕХАНИЗМ ДИСКУРСИВИЗАЦИИ: ОРИЕНТИРЫ, ОГРАНИЧЕНИЯ, ВЕКТОРЫ И МОДЕЛИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ

2.1. ДИСКУРСИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ИМИДЖА РАСТИТЕЛЬНОГО СТИЛЯ ПИТАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В ракурсе когнитивно-дискурсивной парадигмы аксиоматичным признается положение о том, что язык используется не только для осуществления дискурсивной деятельности, но и как средство конструирования внеязыковой реальности. Это значит, что в процессе коммуникации мы не только воспринимаем мир и формируем представление о нем, но и создаем реальность в том смысле, что «действительность *производится заново при посредничестве языка*» [Бенвенист, 1974, с. 27]. Понятие конструирования мира коррелирует с единой для когниции и коммуникации «ориентирующей или мирозозидающей функцией языка» [Кубрякова, 2012, с. 68]. Термин «конструирование» используется для обобщенного наименования процессов языковой интерпретации и репрезентации структурируемого в дискурсе объекта или ситуации. Происходящее в языке вариативное «конструирование мира» (*alternative construal*) заключается в выборе способов языковой объективации ментальных структур [Langacker, 2002; Lee, 2004; Kövecses, 2006]. Именно поэтому проблему конструирования мира, как подчеркивает Е. С. Кубрякова, «необходимо решать, как проблему номинативную, проблему выбора определенных средств номинации в зависимости от интенций говорящего и для достижения конкретных целей» [Кубрякова, 2004, с. 327]. Понимание дискурса как «новой реальности языка» [Кубрякова, 2004, 2012] высвечивает дискурс как такую форму использования языка в реальном времени, которая «создается в целях конструирования особого мира (или его образа)» [Кубрякова, 2004, с. 525]. Подход к дискурсу как к особому формату порождения, представления и трансфера знания выводит в фокус конструирующий потенциал дискурса, специфичность порождаемых «возможных» дискурсивных миров. Отражение в процессах концептуализации и категоризации специфики мировидения

как отдельным индивидом, так и целым социумом задает возможности для выявления роли и механизмов дискурса в конструировании или построении модели мира. В идеализированную модель возможного мира как совокупность представлений об устройстве действительности «входит и то, что уже или еще есть, и то, к чему человек стремится, и то, что он воспринимает, и то, что он потребляет, и то, что он создает» [Арутюнова, 1999, с. 183].

Значимое место в модели мира индивида занимает феномен еды. Статус еды выходит далеко за пределы поддержания биологической потребности человека. Дж. Ковеней, современный исследователь в сфере нутрициологии из Австралии, аргументируя воздействующую, символическую, трансформирующую, регулятивную сущность еды, приходит к выводу о том, что еда «была и до сих пор остается идентификатором и маркером класса, культуры и цивилизации, национальной, социальной идентичности, самоидентичности» [Coveney, 2014, p. 2]. Р. Барт, рассуждая о пище как материальном носителе сложных культурных значений, характеризует еду как «систему коммуникации, собрание образов, свод обычаев, ситуаций и поступков» [Барт, 2004, с. 368]. В пространство культурологического дискурса вводится понятие «гастрономическая культура» как родовая характеристика системы пищевых привычек определенной культурной общности и как обозначение степени соответствия некоему идеальному образцу питания [Капкан, 2010]. Гастрономическая культура, как и любая другая форма культуры, обладает структурирующе-дисциплинирующим и рационализирующим характером, регистрируя первичную биологическую потребность в поле культурных значений [Сохань, 2013, с. 100]. Как материальный носитель социокультурной символики еда служит знаком не только определенных тем, но и определенных ситуаций, т. е., в конечном счете, определенного образа жизни [Барт, 2004].

В ракурсе социологии еда признается важной формой реализации власти, инструментом управления (*nutrition as a 'tool' of government*) [Nettleton, 1991]. С. Нетлтон трактует еду как функцию власти, опираясь на концепцию власти М. Фуко в терминах управленческих практик (*governmentality*) тех институтов, которые формируют убеждения, регулируют поведение населения [Nettleton, 1991]. Примером дисциплинарного характера практик питания могут служить тоталитарные стратегии в сфере советской культуры еды [Сохань, 2010].

Для лингвистического осмысления феномена пищи важным является подход А. В. Олянич, суть которого заключается в том, что представления о пище образуют когнитивную систему ценностных и культурных доминант, связанных общей идеей глоттонии. Как особая знаковая система пища состоит из достаточно четко иерархизованных знаков, имеющих свою особую лингвистическую интерпретацию [Олянич,

2004]. Лингвистический ракурс сферы, связанный с пищей, ее лингво-семиотическими характеристиками и социокультурной значимостью, получает воплощение и закрепление в дискурсе, который называют пищевым [Еда по-русски в зеркале языка, 2013], дискурсом еды [Сохань, 2010], гастрономическим [Олянич, 2004; Земскова, 2009], глоттоническим [Ермакова, 2011; Ундрицова, 2015]. В исследовательский фокус вовлекается номинативная составляющая гастрономического дискурса в совокупности знаков-глоттонимов [Олянич, 2004], глоттонических прагматонимов [Ермакова, 2011; Файзуллина, 2012], выявляются гастрономические неологизмы и устанавливается их роль в когнитивно-дискурсивном освоении действительности [Катермина, 2017], анализируется аксиологический потенциал гастрономического дискурса [Чередникова, 2011], его жанровая дифференциация [Косицкая, Зайцева, 2016]. Рассмотрению подвергается этноспецифичность гастрономической лингвокультуры [Земскова, 2009; Пожидаева, 2012; Ащенкова, 2013; Никишкова, 2017], гастрономическая картина мира [Ермакова, 2011; Ундрицова, 2015]. Обосновывается важность исследования кулинарного медиатекста в проблемном поле медиалингвистики [Шестакова, 2020].

В динамично меняющейся картине мира регулятором трансляции и продвижения в социум информации о состоянии пищевых ресурсов, новых пищевых продуктах, пищевой безопасности, проблемах и рисках для здоровья, обусловленных пищевым поведением, является массово-информационный дискурс. Интерес к сфере еды в социологическом, политическом этнографическом, культурологическом контекстах формирует в массмедийном дискурсе гастрономический контент [Предметно-тематическое поле ... , 2019]. Функция дискурсивной деятельности в условиях массовой коммуникации как системе особого рода социального взаимодействия заключается в воздействии на модель мира адресата в целях формирования и воспроизводства знаний, мнений, оценок, ценностных установок. Трансформирующий потенциал массмедийного дискурса обусловлен трактовкой информационной среды как сферы «массового потребления со всеми присущими ей законами продвижения товара, формирования спроса, при этом информация зачастую дает не описание, а предписание» [Барышков, 2005, с. 71].

В рамках массово-информационного дискурса А. В. Олянич выделяет гастрономический дискурс, лингвистические знаки пищи которого формируют особую когнитивную и информационно-коммуникативную среду. В лингво-семиотическом пространстве гастрономического дискурса формируются и транслируются в социум «принципы и представления о питании, выгодные власти или доминирующим в социуме группам» [Олянич, 2004, с. 424], что свидетельствует об институционализации массово-информационного дискурса в отношении глоттонической системы [Там же, с. 425]. Другими словами, медиатексты, связанные с

гастрономическим контентом, становятся проводниками практик и моделей пищевого и культурного поведения, отвечающих интересам и идеологии доминирующих социальных институтов. Идеология в понимании Т. А. ван Дейка представляет собой форму социального знания, разделяемого членами социальных формаций [Дейк ван, 2015]. Идеологичность гастрономического дискурса, как отмечает О. С. Иссерс, связана с формированием имиджа и продвижением нового продукта, с навязыванием выгодной производителю картины мира в сознании адресата [Иссерс, 2013]. Когнитивная структура, объективируемая словом «имидж», содержит импликации о том, что имиджи создаются для реализации определенных целей, и «их создание тем убедительнее, чем больше они отражают необходимое для поддержания образа положение дел» [Кубрякова, 2012, с. 174]. Именно поэтому в задачи гастрономического медиадискурса входит конструирование позитивного имиджа продуктов питания, что обеспечивает «как воздействие на потребителя в смысле выбора его пищевых предпочтений, так и формирование самих предпочтений и культурных доминант, связанных с поддержанием жизни посредством потребления пищи» [Олянич, 2004, с. 424–427].

Изменения в политической, экономической, демографической и социокультурной сферах, которые претерпевает современный социум, не обошли стороной и феномен еды как компонент социокультурной реальности. В условиях быстро меняющегося мира трансформируется смысл, ценностные ориентации еды, пищевое поведение, возникают новые образы и реалии пищи, такие как макдональдизация, фастфуд, слоуфуд, космополитическая еда, гибридная еда [Coveney, 2014, 2006; Кравченко, 2015; Сохань, 2010]. Происходит глобализация и интеграция гастрономических практик [Сохань, Нужа, 2014]. Меняются пищевые привычки, модифицируются гастрономические модели, трансформируются практики питания [Кравченко, 2015; Зарубина, 2014]. Практики питания выходят за рамки биологической потребности, они структурируются социальными институтами, ценностными ориентациями, традициями и господствующими дискурсами [Зарубина, 2014].

В настоящее время коммуникативные интенции в гастрономическом медиадискурсе направлены на дискурсивное конструирование ментальной модели растительного стиля питания как идеологии здорового и экологичного питания. Эмпирическим материалом дискурсивного конструирования имиджа растительной еды в англоязычном медиадискурсе послужили информационно-аналитические статьи, публицистические статьи (так называемые *features*), редакционные статьи, медиатопиком которых является растительная еда (*plant based food / plant food*), размещенные в *The New York Times* и *The Guardian*. Ракурс интерпретации растительного стиля питания задают заголовки медиатекстов, эксплицирующие социально-одобряемые ресурсные ценности

(здоровье, экология, гуманное отношение к животным), усиливая тем самым аксиологический потенциал растительной еды, ср.: *AMAZING HEALTH BENEFITS OF EMBRACING A PLANT-BASED DIET; NEW PLANT-FOCUSED DIET WOULD 'TRANSFORM' PLANET'S FUTURE.*

Для разработки глобальных научно обоснованных целевых показателей оценки моделей и рационов здорового питания, в 2019 г. под эгидой Международной комиссии по питанию EAT-Lancet, объединяющей ученых из 16 стран, была разработана так называемая *The planetary health diet*. Модель здорового и экологичного питания задает вектор на потребление продуктов растительного происхождения, ср.: *The planetary health diet is largely plant-based* [<https://www.theguardian.com/environment/2019/jan/16/new-plant-focused-diet-would-transform-planets-future-say-scientists>]. Сама по себе концепция не нова, новацией является то, что растительная еда из маргинального сегмента субкультуры вегетарианства и веганизма трансформируется в доминирующий стиль питания, ср: *Plant-based foods aren't new, but what's happening now is it's gone from being a niche industry targeting mostly vegetarians and vegans, now it's grown into a mainstream industry that is targeting everyone* [www.foodbusinessnews.net/articles/15105-trend-of-the-year-plant-based-foods]. Афоризм «Ты есть то, что ты ешь» с его здоровьеориентирующим потенциалом получает в медийном дискурсе экологический вектор с каузальной связью между потребляемой едой и ее воздействием на экологическую безопасность планеты, о чем свидетельствует пропозициональное содержание высказываний, ср.: *What we eat matters for the planet – То, что мы едим, имеет значение для планеты* [www.nytimes.com/2019/06/21/opinion/fake-meat-climate-change.html].

Переход на растительный стиль питания структурируется в медиадискурсе в терминах экологического императива как необходимость переосмысления отношения к еде в целях решения триединства проблем здоровья, экологической устойчивости, охраны животных, ср.: *It's an environmental imperative for people to eat more plants* [<https://www.theguardian.com/environment/2019/jan/27/environmentally-friendly-foods-samin-nosrat>]. Таким образом, от морального императива ответственного отношения к здоровью и питанию [Coveney, 2014, 2006] происходит переход к экологическому императиву, социокультурной основой которого является безусловный приоритет непричинения вреда себе, другим и природе. Выведение в фокус принципа сокращения или отказа от продукции животного происхождения интерпретируется как вклад индивида в сохранение экологической устойчивости, что свидетельствует об интенциональности формирования субъективных предпосылок реализации экологического императива, ср.: *The single best thing an individual can do is to eat less meat and dairy; Eat less meat to avoid dangerous global warming, scientists say.* Изменение пищевых предпочте-

ний продвигается как глобальная цель спасения планеты, ср.: *Changing what we eat is the biggest thing we can do to save the planet* [www.nytimes.com/2019/06/21/opinion/fake-meat-climate-change.html].

Модель растительного питания оценивается как «беспроигрышная» (*win-win*) не только для здоровья людей, но и для экологической устойчивости планеты [<https://www.theguardian.com/environment/2019/jan/16>]. Таким образом, вектор на изменение практики питания выходит за пределы понимания пищи как физиологической потребности и как носителя культурных значений. В фокусе оказывается подход к еде как к особому нормативно-регулятивному поведению. В данном случае уместно вернуться к рассуждению Р. Барта о питании как поведении, которое заходит дальше своей прямой цели, заменяет, вбирает в себя или обозначает другие виды поведения, отчего именно и является знаком [Барт, 2004].

Дискурсивное конструирование растительного стиля питания в терминах тренда

О трансформации практик питания свидетельствует обновление в сфере лексической категоризации, связанной с едой. Обращение к языковой действительности убеждает в том, что когнитивно значимой лексической категорией становится растительная пища (злаки, овощи, листовая зелень, бобовые, фрукты, ягоды, орехи, грибы), объективируемая словосочетанием *plant food*. В англоязычных медиатекстах растительный стиль питания категоризируется как тренд, ср.: *Trend of the year: Plant-based foods; Plant-Based Eating – A New Trend on the Rise; Plant-based Trend Will Grow in 2020* [<https://www.theguardian.com/food/2019/mar/14/impossible-burger-meat-from-cells-change-eating-habits>]. Концептуальным основанием значения слова *trend* являются признаки градуального изменения, развития, достижение результата, вычленяемые из словарных дефиниций, ср.: *trend – gradual change or development that produces a particular result* [LDCE]. Понятие тренда ассоциируется с новизной, признаки которой концептуализируются «в терминах как происходящих, так и грядущих изменений, перемен, преобразований» [Артюнова, 1999, с. 698]. Концептуально значимый признак новизны растительного стиля питания вербализуется языковыми единицами с семантикой изменения, преобразования, сдвига – *shift, switch, change, transition, swap, new, innovation*, ср.: *Switching to a plant-based diet can help fight climate change; The shift towards plant-based eating; Plant-based meat and dairy: recent innovations; Innovation opportunities in a meat-free market*. Интенсификация степени новизны и, как следствие, степени актуальности растительного тренда, интерпретируется в терминах температурной метафоры, ср.: *The hottest new food trend: plant-based burgers*.

Значимость, важность растительного стиля питания эксплицируется языковыми единицами с семантикой интенсификации, ср: *Inside the Impossible Burger: is the meat-free mega trend as good as we think?* [<https://www.theguardian.com/food/2019/mar/14/impossible-burger-meat-from-cells-change-eating-habits>]. Приставка *mega* с квантитативным значением ‘увеличенный в миллион раз’ реализует значение высокой степени признака, высвечивая концептуальный вектор масштабности нового тренда. Глобализация растительного стиля питания лексикализуется прилагательными *planetary*, *global*, ср.: *The planetary health diet is largely plant-based New plant-focused diet would ‘transform’ planet’s future, say scientists* [<https://www.theguardian.com/environment/2019/jan/16/new-plant-focused-diet-would-transform-planets-future-say-scientists>]; *Plant-based food is here to stay and will be a global phenomenon* [<https://www.theguardian.com/food/2020/feb/09/hold-the-beef-how-plant-based-meat-went-mainstream>]. Концептуально лексема *тренд* коррелирует с понятием моды, о чем свидетельствует семантика прилагательного *trendy* (*extremely fashionable*), в терминах которого структурируется представление о моде на растительное питание, ср.: *Plant-based meat is the trendiest food phase of the new year*. Превосходная степень прилагательного *trendy* актуализирует высокую степень интенсивности тренда на растительный стиль питания.

Понятие новизны включает в себя ценностный потенциал и тем самым входит в круг социального интереса [Арутюнова, 1999]. О социальной значимости растительной еды свидетельствует ее концептуализация в терминах социального движения (*social movement/ mock-meat movement*, господствующего направления (*mainstream movement*), движения «за еду без мяса» (*meatless meat movement*). Высокую степень социальной значимости происходящих и грядущих радикальных изменений в сфере питания вербализуют лексемы *revolution*, *revolutionary*, *revolutionize*, ср.: *plant-based revolution; mainstream revolution*, ср.: *Makers of animal-free products aim to revolutionize the very idea of meat* [<https://www.theguardian.com/food/2019/mar/14/impossible-burger-meat-from-cells-change-eating-habits>]. Динамика изменений пищевого поведения вербализуется глаголами с семантикой роста, движения вверх – *thrive*, *boost*, *boom*, ср.: *The plant-based food market is booming; The cause of meat-free diets has been given in recent years a rocket boost, not by religion but by reason* [<https://www.theguardian.com/food/2020/feb/09/hold-the-beef-how-plant-based-meat-went-mainstream>]. Признание тренда со стороны социума концептуализируется глаголом *embrace* (*обнимать*), посредством которого метафорически интерпретируется позитивное отношение к новому стилю питания, ср.: *Embrace a Fake-Meat Future; At the same time, many are embracing a plant-based diet because of health issues and to help environmental sustainability; Instead of seeking*

ways to undermine plant based foods, we **should be embracing** them for our health, the environment and animal welfare; *Amazing Health Benefits of Embracing a Plant-Based Diet* [<https://www.foodbusinessnews.net/articles/15105-trend-of-the-year-plant-based-foods>]. Оценочная категоризация растительной пищи в терминах тактильного контакта активизирует знание о вхождении этого тренда в личное ментальное пространство человека – пространство мнений, оценок, убеждений, социокультурного знания. Тренд на растительное питание осмысливается не только в терминах актуального настоящего, но и в терминах потенциального будущего. Известно, что языковое представление будущего глубоко модализовано. Любое суждение о будущем «в принципе имеет значение предположительности, что как раз и порождает соответствующую модальность» [Радбиль, 2011, с. 255]. Футуристическая ориентация будущего планеты дискурсивно конструируется в негативной и положительной перспективе.

Негативный образ будущего интерпретируется в терминах угрозы экологической устойчивости, безопасности планеты, ср.: *Humanity now poses a threat to the stability of the planet* [<https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/jun/12/fake-meat-plant-based-burgers-vegetarians-vegans>]. Специфика концепта «угроза» состоит в том, что «в качестве потенциальной причины заведомо негативной ситуации выступает фактор, дальнейшее развитие которого неминуемо каузирует наступление ситуации» [Левицкий, 2011, с. 148]. Потенциальным фактором негативного будущего планеты выступает потребление продуктов животного происхождения, что, как явствует из медиатекстов, с неизбежностью приведет к проблемам здоровья и глобального потепления, ср.: *a continuation of today's unsustainable diets would inevitably mean even greater health problems and severe global warming* [<https://www.theguardian.com/environment/2019/jan/16/new-plant-focused-diet-would-transform-planets-future-say-scientists>]. Практики питания, основу которых составляет значительное потребление мяса, интерпретируются в медийном дискурсе как угрожающие человечеству рисками экзистенциального порядка, ср.: *Meat eaters are destroying the planet – Мясоеды разрушают планету; Five ways the meat on your plate is killing the planet – Мясо на твоей тарелке убивает планету; How our growing appetite for meat is harming the planet – Как наш растущий интерес к мясу причиняет вред планете*. Глаголы с семантикой разрушения, причинения вреда, уничтожения категоризируют межсобытийную каузативную ситуацию, в которой устанавливается причинно-следственная связь между потреблением мяса и его негативным влиянием на экосистему.

Фокусным элементом модели оптимистичного образа будущего планеты выступает амбициозная цель по созданию будущего без мяса, вербализацией которого являются языковые единицы *meat-free future*, *meat-free world*. Модель растительного питания задает ценностные ори-

ентиры, кодирующие новый гуманистический формат гастрономической культуры, в которой нет места убийству животных. Образ гуманного будущего, свободного от жестокости по отношению к животным, закрепляется номинациями *slaughter-free / animal-free / cruelty-free future, cruelty-free food*. В дискурс растительной еды внедряются «заместительные» номинации мясной продукции, ср.: *meat alternatives, meat replacements, meat substitutes*. В социокультурном контексте еды растительное мясо позиционируется как достойная альтернатива для потребителя, как способ решения вопросов экологии, здоровья, гуманного отношения к животным, ср.: *So plant-based meat products are safe, and they are likely at least as healthy as the products they're replacing* [<https://www.theguardian.com/environment/2019/jan/16/new-plant-focused-diet-would-transform-planets-future-say-scientists>].

Прогнозирование оптимистичного будущего маркируется модальными глаголами *would, can, could*, реализующими значения желательности, алетической возможности, ср.: *Planetary health diet would prevent millions of deaths a year and avoid climate change ; Plant-based meat could create a radically different food chain; Shifting towards a "planetary health diet" can nurture both people and planet; Plant-based diet can fight climate change* [<https://www.theguardian.com/environment/2019/jan/16/new-plant-focused-diet-would-transform-planets-future-say-scientists>]. Языковое конструирование имиджа растительного стиля питания строится на апелляции к витальным ценностям адресата, среди которых *жизнь, безопасность, здоровье*. Как явствует из примеров выше, переход на растительное питание позволит предотвратить миллионы смертей от голода и избежать климатических изменений. Внедрению в сознание потребителя концепта PLANT FOOD (РАСТИТЕЛЬНАЯ ЕДА) способствует апелляция к мнению ученых, врачей, исследователей как «эпистемическим авторитетам» [Dijk, 2014]. Отсылка к экспертному знанию предполагает активацию в картине мира адресата понимания зависимости будущего планеты от трансформации пищевого поведения, ср.: *New plant-focused diet would 'transform' planet's future, say scientists; The planetary health diet is based on really hard epidemiological evidence, where researchers followed large cohorts of people for decades* [<https://www.theguardian.com/environment/2019/jan/16/new-plant-focused-diet-would-transform-planets-future-say-scientists>].

Переход на растительное питание интерпретируется как необходимое условие достижения прогнозируемого оптимистического результата, о чем свидетельствует модальность долженствования и необходимости. В языковом конструировании имиджа растительного стиля питания на уровне модальных преобразований задействованы когнитивные механизмы распределения внимания. Фокусирование агенса \ внешнего каузатора содержит импликацию побуждения к действию, и сама ситуа-

ция конструируется как волитивная, ср.: *What we eat matters: to change climate crisis, we need to reshape the food system; We must change food production to save the world* [<https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/oct/08/climate-change-food-global-heating-livestock>]. Предикатная валентность модальных глаголов *need, must* заполняется инфинитивным обозначением действий созидания, изменения, преобразования, трансформации, переосмысления: *reshape, transform, create, remake, diversify, rethink (our relationship with food)*. Синтаксическое дефокусирование агенса сдвигает фокус на объект воздействия, в качестве которого выступает нуждающаяся в трансформации система питания, ср.: *The world's diets must change dramatically; The planet needs alternatives to meat; If the world is to make an impact on climate crisis, the food system needs to be radically reshaped* [<https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/oct/08/climate-change-food-global-heating-livestock>]. Социальная значимость изменений пищевых предпочтений вербализуется лексемами *dramatically, radically*.

Номинативные стратегии конструирования имиджа растительного стиля питания

Динамика референциального мира находит отражение в динамике языковых изменений и, прежде всего, в обновлении лексических ресурсов. Происходящие в обществе социокультурные, материальные преобразования «постоянно требуют номинации, комментирования и оценивания, что проявляется в языке: в его семиотическом коде, в функционировании его подсистем» [Шаховский, 2015, с. 17]. Появление новых реалий, социокультурных феноменов, освоение новых сфер опыта сопровождается созданием языковых единиц, которые закрепляют результаты структурирования, осмысления и категоризации релевантных фрагментов внеязыковой действительности, фиксирующих новые концепты в картине мира. Общеизвестно, что номинативная деятельность неотделима от интерпретации и конструирования внеязыковой реальности. Результатом когнитивно-дискурсивного освоения и означивания мира являются новые единицы номинации как ответ на социальные запросы и потребности. Необходимым условием успешности коммуникативного взаимодействия является выбор номинативной единицы в целях адекватного именованя фрагмента внеязыковой реальности. Выбирая способы номинации компонентов референтной ситуации, которые соответствуют его коммуникативной интенции, говорящий тем самым выбирает определенный способ конструирования одного из «возможных миров». Выбор и использование единиц номинации в конструировании высказывания трактуется в терминах номинативной стратегии [Гришачева, 2006; Левицкий, 2009]. От выбора номинативной единицы «зависит

адекватность передачи информации, выраженной в языковой форме» [Левицкий, 2009, с. 355].

Поиск и создание в дискурсивной деятельности обозначения для формируемой в сознании человека новой структуры знания (концепта, концептуальной структуры, категории) опирается на когнитивный процесс категоризации, и, как отмечают лингвисты-когнитологи, акт номинации неразрывно связан с необходимостью идентифицировать референт, определить его место в когнитивной системе говорящего и категоризовать его [Кубрякова, 2004; Заботкина, 2012]. Связь между номинацией и когницией определяется тем, что «каждый отдельный акт наречения мира представляет собой акт категоризации – осмысления обозначаемого как принадлежащего какой-либо из известных рубрик членения мира» [Кубрякова, 2004, с. 328]. Одним из средств объективации лексических категорий является словосочетание как номинативная единица языка. Как было отмечено выше, атрибутивное сочетание *plant food* объективирует знание о пище растительного происхождения. О фиксации новых признаков лексической категории РАСТИТЕЛЬНАЯ ЕДА (PLANT FOOD) сигнализирует неологизм *plant meat* (*растительное мясо*), который представляет собой соединение языковых единиц, принадлежащих когнитивно несовместимым концептуальным областям.

Порождение нового слова связано «с пониманием определенной пропозициональной структуры и со способом ее превращения в ту или иную языковую форму» [Кубрякова, 2004, с. 335]. Структура знания, которую объективирует сочетание *plant meat*, имеет форму пропозициональной модели. В понимании Дж. Лакоффа, пропозициональная модель какой-либо области знания включает элементы, существующие в данной области, их характеристики, признаки и логические отношения между ними [Lakoff, 1987]. Пропозициональная модель, характеризующая знание о растительном мясе, имплицитно предикаты BE MADE FROM, BE LIKE, устанавливающие логическую связь между концептами PLANT и MEAT. Таким образом, словосочетание *plant meat* категоризирует продукт питания, произведенный из продукции растительного происхождения в целях имитации мясного продукта. Доступ к когнитивной структуре, объективируемой данной языковой формой, осуществляется через пропозициональные компоненты высказывания, содержание которых транслирует релевантную информацию о новом продукте питания, ср.: *Plant meat is **meat made from plants**; Plant-based meats are foods that **mimic** the taste, texture and nutritional qualities of meat, without a single animal in sight* [<https://www.theguardian.com/food/2020/feb/09/hold-the-beef-how-plant-based-meat-went-mainstream>]. В. И. Заботкина уточняет, что при анализе причин создания нового слова «приоритет отдается прагматически релевантным факторам при определенном участии когнитивных факторов» [Заботкина, 2012, с. 338]. Прагматика номинации

plant meat активирует в модели мира адресата гуманистический аспект растительного мяса – образ *как бы* мясного продукта, при производстве которого «не пострадало ни одно животное».

Дж. Лакофф, анализируя сложные в структурном плане атрибутивно-именные сочетания типа *imitation brass*, *small galaxy*, высвечивает проблему составных/комплексных концептов (*complex concepts*), которые не поддаются толкованию посредством традиционной теории множеств. Так, имитация латуни не является пересечением множества имитаций и множества объектов из латуни, а маленькая галактика не предполагает пересечение множества маленьких вещей и множества галактик. Наречение фрагментов мира составными образованиями, в которых значение целого не выводится из его частей, трактуется автором в терминах комплексной категоризации (*complex categorization*) [Lakoff, 1987]. Особенности языковой категоризации комплексных лексических единиц (сложных слов, словосочетаний) исследует О. К. Ирисханова. Автор опирается на категоризирующую значимость в системе языка когнитивных механизмов фокусирования и дефокусирования, которые позволяют «через сдвиги внимания зафиксировать в акте номинации новую категорию или субкатеорию» [Ирисханова, 2014, с. 135]. Присоединение атрибута *plant* к существительному *meat* приводит к образованию новой категории – категории мясopodobных продуктов в том смысле, что растительное мясо – это уже не мясо, а его имитация. В анализируемом материале словосочетание *plant meat* служит средством субкатегоризации внутри лексической категории *plant food*, что приводит к такому расширению категории, «при котором в нее попадают изначально противопоставленные друг другу переменные признаки» [Ирисханова, 2014, с. 140]. Словосочетание *plant meat* закрепляет знание о совмещении на концептуальном уровне признаков ‘отсутствие мяса’ и ‘сходство с настоящим мясом’, что наводит на мысль о том, что каждый из этих признаков может оказаться когнитивно выделенным и получить отдельное языковое закрепление.

Обращение к языковой действительности подтверждает, что знание о феномене растительного мяса структурировано двумя типами атрибутивных словосочетаний. В одном из них – *meatless meat* (*безмясное мясо*) – атрибут актуализирует признак отрицания онтологического свойства денотата, в другом – *imitation meat* (*имитированное мясо*) – атрибут высвечивает признак сходства с онтологическим свойством денотата. В целях выявления структуры знания, с которой соотносятся эти языковые формы, необходимо определить когнитивные механизмы, которые лежат в основе их образования.

Номинации типа *meatless meat* (*мясо без мяса*), *chicken-free chicken nuggets* (*куриные нагетсы без курицы*), *cowless beef* (*говядина без коровы*), *non-meat haggis* (*безмясная версия ливера в телячьем руб-*

це), *non-meat burger* (безмясной бургер) эксплицируют контрадикторную несовместимость свойств номинируемого объекта. Судя по языковому материалу, антонимия компонентов актуализируется аффиксальными производными, как в примерах выше, и сочетаниями с разнокорневой антонимией составляющих лексем, ср.: *vegan ham* (веганская ветчина), *veggy pork scratchings* (вегетарианские свиные шкварки), *vegan meat* (веганское мясо). Когнитивной основой семантики слов с корнем *veg* (*vegan*, *veggy*, *vegetarian*) как раз является признак 'отсутствие мяса в продукте питания'. Соединение двух антонимических понятий, противоречащих друг другу по смыслу, традиционно трактуется как оксюморон [Ахманова, 2013]. В результате объединения в языковой единице двух противоречащих друг другу по смыслу понятий возникает новое концептуальное единство, позволяющее выявить новые свойства референта. Словосочетания, в которых атрибутивный признак и носитель этого признака находятся в отношениях, логически взаимоисключающих, будем категоризовать вслед за Н. В. Юдиной как сочетания оксюморонного типа, «в которых создается радикально новый образ за счет соединения контрастных по значению слов» [Юдина, 2006, с. 306]. Анализируемые сочетания содержат в своей структуре концепт отрицания, в сфере действия которого оказывается признак «мышечная ткань животных как пищевой продукт», релевантный для второго члена антонимической оппозиции. Отрицание при этом «профилирует отсутствие чего-либо на фоне определенного стереотипного знания, которое выступает в качестве источника инферентного вывода» [Болдырев, 2019, с. 397]. В социокультурном контексте здорового, экологичного, этичного питания признак 'отсутствие мяса' интерпретируется как положительная характеристика нового продукта питания, как преимущество для здоровья и экологии, что актуализируется на пропозитивном уровне, ср.: *So there's potential for meatless meat to make a huge difference for the environment – Потенциал мяса на растительной основе (безмясного мяса) имеет колоссальное значение для окружающей среды* [<https://www.theguardian.com/environment/2019/jan/16/new-plant-focused-diet-would-transform-planets-future-say-scientists>]. Семантический признак 'интенсивность' как компонент значения прилагательного *huge* усиливает воздействующую, прагматическую силу оксюморонной номинации растительного мяса.

Вторая группа номинаций растительного мяса представлена сочетаниями, первый компонент которых содержит семантику ненастоящности – обманчивости, видимости, кажимости, ср.: *fake meat*, *fake fish*, *faux meat*, *mock meat*, *lookalike meat*, *imitation meat*, *bogus burgers*, *make-believe meat*, *pretend pork*, *deceptive duck*, *simulated meat*, *quasi-meat*, *plant-based simulacra*. Концептуальную основу атрибутивных комплексов данного типа составляют признаки отрицательной истинностной

оценки и сходства с референтом, что эксплицируется словарными дефинициями слов-атрибутов, ср.: *fake – made to look like a real thing* [CIDE]; *not real but very similar to the real thing* [CED]; *something that looks very similar to something* [LDCE]. Структура знания, стоящая за каждым из этих атрибутов, связана с представлением о ненастоящности референта и о его сходстве с прототипическим референтом.

Е. С. Кубрякова, анализируя случаи нетривиальной семантики в сочетаемости прилагательных с существительными, выделяет атрибутивные словосочетания *фальсифицирующего* типа, суть которых заключается в том, что они не столько описывают имитацию объекта, сколько его фальсификацию, подделку, т. е. нечто, связанное с нарочитым обманом (*искусственная улыбка, фальшивые деньги, поддельные документы*) [Кубрякова, 2004а]. В англоязычной картине мира атрибуты *fake, false, faux, bogus, mock, forged* активируют знание о том, что есть подлинные вещи (произведения искусства, драгоценности, антиквариат, документы, деньги, оружие) и их подделки, которые используются в корыстных, обманных целях [Семенова, 2018].

Будучи приложимы к существительным, обозначающим мясную продукцию, прилагательные *fake, faux, imitation, lookalike, bogus (meat)* приводят к модификации исходного концепта MEAT, в том смысле, что слово *meat* уже не активирует структуру знания о мясе как о продукте животного происхождения. Номинаруемый существительным *meat* объект оказывается членом иной категории, в данном случае категории искусственно созданных *мясоподобных* продуктов, которые по перцептивным параметрам имеют высокую степень сходства с натуральным мясом: они имеют аналогичный запах, вкус, такую же волокнистую структуру. Высокая степень правдоподобия делает их практически неотличимыми от продукции животного происхождения, ср.: *Plant-based sandwich offering is virtually indistinguishable – in flavour, texture and appearance – from the beef-based fare that they are familiar with* [<https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/jun/12/fake-meat-plant-based-burgers-vegetarians-vegans>]. Однако единицы номинации, категоризирующие имитированные мясные продукты, не вводят адресата в заблуждение в том смысле, что производители не выдают мясозаменители за настоящее мясо, т. е. «обманного действия» как такового нет. Параллельная продажа натурального и искусственного мяса даже признается эффективной маркетинговой стратегией, ср.: *Sainsbury's to sell vegan 'fake meats' next to real thing* in trial; *Another proposal is placing veggie burgers alongside their meat counterparts instead of separating them on menus or in supermarket aisles* [<https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2018/jun/11/sainsburys-to-sell-vegan-fake-meats-next-to-real-thing-in-trial>].

Отсутствие признака обманного действия в анализируемых сочетаниях позволяет категоризовать номинации с прилагательными типа

fake meat в когнитивном контексте растительного питания как сочетания *имитирующего* типа (термин Е. С. Кубряковой). Прилагательное *fake* в такого рода словосочетаниях семантически пересекается с той долей значения определяемого существительного, которая относится к имитационной природе, высвечивая значение ‘искусственно созданный, имеющий высокую степень сходства с настоящим’. Смена оценочного знака обусловлена профилированием утилитарной оценки, при этом значение обманного действия не наследуется.

Таким образом, оба типа номинаций (оксюморонного и имитирующего типа), по сути, объективируют альтернативные способы языкового конструирования референта, в качестве которого выступает аналог мясного продукта, другими словами, *мясоподобный* продукт. Функционирование в дискурсе альтернативных способов именования растительного мяса когнитивно обусловлено механизмом распределения внимания. Выбор номинации зависит от того, какие именно признаки мясоподобного продукта оказываются в коммуникативном фокусе и как они осмысляются в конкретном акте познания и коммуникации. Так, в сочетаниях оксюморонного типа (*meatless meat, meat-free meat*) основанием для выбора номинации становится признак ‘отсутствие онтологического свойства денотата’, что интерпретируется как преимущество продукции. В сочетаниях имитирующего типа (*fake meat, imitation meat*) в фокусе оказывается сходство с настоящим мясным продуктом, т. е. его имитационная природа. Выведение из фокуса внимания одних свойств объектов в пользу ограниченного количества других характеристик лежит в основе селективности, избирательности языковой номинации [Ирисханова, 2014]. В ракурсе концептуальной интеграции атрибутивные сочетания оксюморонного и имитирующего типа представляют собой концептуальную эмерджентную структуру (emergent structure) как концептуальный бленд, посредством которого категоризуется знание человека о концепте PLANT MEAT как о пищевой продукции, не содержащей мяса в своем составе, но имитирующей сходство с настоящим мясом.

Пропозициональная модель категоризации знания о растительном аналоге мяса как новом пищевом продукте реализуется и дериватами, производящей основой в которых выступает слово *meat*, ср.: *meatlike taste, meatish meat, meaty flavor, meaty appearance (of a real steak)*. Производные слова как «особые дескрипции обозначаемого» [Кубрякова, 2004, с. 333] сформированы на основе пропозиции «свойственный тому, что названо производящей основой». Превращение пропозициональной структуры в языковую форму обеспечивают суффиксы *-like, -ish, -y* с общим словообразовательным значением сходства и подобия, ср.: *The taste seemed “bacony” to Pete (похожий на вкус бекона); It tastes convincingly beefy (убедительно похожий на вкус говядины)*. Оппозиция настоящего и имитированного мяса обуславливает семантическую про-

тивопоставленность внутри словообразовательной парадигмы слова *meat*. Так, в когнитивных контекстах, где речь идет о мясных блюдах, дериват *meaty* реализует значение '*full of meat, containing a lot of meat*' – наличие большого количества мяса, как например, в описании мясного рагу, ср.: *Meaty stew is a meat food item cooked by adding any meats*. В когнитивном контексте номинаций *мясоподобной* продукции дериват *meaty* реализует значение сходства, дефинируемое как *strongly tastes like meat*. Антонимичность словообразовательных значений эксплицируется в примере ниже, ср.: *A good vegetarian burger can't be meaty of course, but it should be definitely meatish* – *Хороший вегетарианский бургер не содержит мяса, но он должен походить на мясо* [<https://www.cnet.com/news/beyond-meat-vs-impossible-burger-whats-the-difference/>].

Анализируемые номинации свидетельствуют не только о дискурсивном освоении новаций в сфере еды, но и о формировании новой лингвокультурной реальности. Оксюморонные и имитирующие номинации активизируют гастрономическую модель, в которой мясо играет значимую роль, новым же является представление о безопасности этого продукта для здоровья и экологии при его сходстве по питательной ценности, вкусовым качествам, текстуре с настоящим мясом. Исследование динамики британской лингвокультуры питания свидетельствует о том, что глуттонический архетип *meat* «мясо» широко представлен в номинативных ресурсах англоязычного гастрономического дискурса [Ермакова, 2011; Пожидаева, 2012]. Создание новых номинаций, в состав которых входит лексема *meat*, обусловлено ее интеграцией с фоновыми знаниями адресата о мясе, его питательной ценности, вкусовых качествах, которые могут быть имитированы в растительной альтернативе. Неологизмы, номинирующие мясоподобную продукцию, отвечают прагматическим требованиям, суть которых сводится к тому, что «информация, вводимая новым словом, должна быть релевантной, т. е. она должна быть интегрирована с предшествующей информацией (знаниями) коммуникантов» [Заботкина, 2012, с. 170]. В. П. Барышков, анализируя ценностную обусловленность восприятия человеком информации, акцентирует избирательность в освоении информации, что проявляется в идентификации информации как «своей», являющейся благом, наделенной личностным смыслом, являющейся значимой для индивида [Барышков, 2005]. Растительное мясо оказывается значимым, «своим» продуктом для тех потребителей, которых волнуют проблемы экологии, здоровья, гуманного отношения к животным, но в то же время им нравится вкус мяса. Именно поэтому в номинациях для обозначения аналогов, заменителей, альтернатив натуральному мясу присутствует лексема *meat*. Тем самым становится очевидным, что намерение безболезненно исключить мясо из рациона питания, на самом деле усиливает его важность на когнитивном уровне.

Категоризация растительного мяса номинациями, в составе которых есть лексема *meat*, приводит к тому, что значение слова *meat* как *product derived directly from animals* – продукт животного происхождения постепенно «выветривается». Язык реагирует на эту десемантизацию появлением номинаций, категоризирующих признак ‘настоящность’ мяса, ср.: *real meat, actual meat, animal-based meat, animal-sourced meat, regular meat, traditional meat, ground beef, ground meat, conventional meat, animal meat*. Прилагательные в атрибутивной позиции обозначают полноту обладания вышеназванным признаком. Наличие оппозитивных номинаций (*настоящее мясо vs имитированное мясо*) закрепляет в языке знание о том, что существует мясная продукция как продукт животного происхождения и определенные способы имитации этого продукта.

Дискурсивное конструирование имитационной природы растительного мяса

Ослабление границ между подлинным и мнимым, реальным и иллюзорным расширяет представление о специфике имитации в рамках современных социокультурных изменений. Научное осмысление феномена имитации подводит исследователей к выводу о том, что имитация пронизывает значимые социальные сферы, среди которых образование, политика и экономика, повседневное существование людей, их социальная идентичность, социально-ролевое взаимодействие. Имитация выступает как фактор, изменяющий социальную реальность, создающий ее новые образцы [Пучков, 2006; Закирова 2015]. Языковая репрезентация трансформации пищевого поведения свидетельствует о том, что в сферу имитационной реальности вовлекаются и практики питания. Представление о семантике словосочетаний, вербализующих мясо на растительной основе, дает схема *Imitation X made of Y*, в которой объект из *Y* – это имитация *X* [Pitt, Katz, 2000, с. 414] Так, имитированное мясо – это продукт, который по своим вкусовым свойствам, внешнему виду *кажется* мясом, не являясь таковым, и создание этой кажимости является целью процесса имитации, ср.: ***Imitation meat food product is any product manufactured to appear as a meat food*** [<https://www.theguardian.com/environment/2019/jan/16>]. Ситуация имитации категоризируется глаголами *imitate, replicate, mimic, mock, ape, emulate (the taste/ texture of real beef)*. Интегральным глаголом для категоризации ситуации имитации является глагол *imitate*, который дефинируется как *to make something that looks like something else* [CIDE]. С когнитивной точки зрения глаголы с семантикой имитации являются полипропозитивными, категоризируемая ими ситуация имитации является когнитивно сложной, поскольку она содержит импликацию действия по созданию объекта и импликацию сходства созданного объекта с прототипическим объектом.

Значимую роль в языковой категоризации действительности играют когнитивные механизмы распределения внимания, делая возможным акцентирование различных аспектов референтной ситуации [Taylor, 1995; Kövecses, 2002; Lee, 2004; Кубрякова, 2004; Ирисханова, 2014]. В языковом представлении ситуации имитации могут высвечиваться отдельные ее фрагменты, т. е. когнитивно выделенным может быть либо действие по созданию имитированного мяса, либо признак сходства с натуральным мясом. На языковом уровне фокусирование на процессе производства имитированного мяса вербализуется глаголами физического действия с семантикой *созидания, создания, преобразования, трансформации* объекта, т. е. деятельности, связанной с изменением характеристик исходных растительных продуктов в целях создания мясоподобного продукта. «Технологические» предикаты, такие как *manufacture, create, cultivate, engineer, design, manipulate, transform, reconfigure, make from, produce, build, rebuild* заменяют предикаты из гастрономического дискурса *fry, stew, roast, cook*, номинирующие процессы приготовления пищи, ср.: *And how will consumers react to a world where their meat is engineered in a lab or made out of plants?; Second, the ingredients that are being used to create fake meat are easy to find and relatively cheap; It then went out into the plant world to find these building blocks and rebuild meat from the peas* [https://www.theepochtimes.com/fake-meat-the-future-of-food_2676044.html]. Ситуация имитации/каузации кажимости содержит признак контролируемости, о чем свидетельствуют обстоятельства цели, слова со значением попытки, намерения, ср.: *Plant meats are designed to look, taste and even appear to bleed like real meat; Moreover, most meat alternatives attempt to imitate meat as closely as possible; The goal of making the product as meaty as possible* [<https://www.cnet.com/news/beyond-meat-vs-impossible-burger-whats-the-difference>]. Целью при этом является создание наиболее точной копии мясного продукта, но без негативных свойств последнего, ср.: *to create the most accurate replica of a beef burger the world has ever tasted, without the negative aspects associated with the real thing* [<https://www.theguardian.com/food/2020/feb/09/hold-the-beef-how-plant-based-meat-went-mainstream>].

Выведение в фокус результата имитации манифестируется глаголами с семантикой каузации впечатления, создания кажимости, сходства, ср.: *mimic (the taste), ape (meat), replicate (meat), mock (meat), emulate (the taste and texture of real beef), seem*, ср.: *The Impossible Burger quite successfully replicates the “bloody” look and taste of a rare burger* [<https://www.cnet.com/news/beyond-meat-vs-impossible-burger-whats-the-difference>]. Сходство растительного мяса с натуральным эксплицируется конструкциями субъективного восприятия, кажимости, впечатления, ср.: *The taste seemed “bacony” to Pete; These meat alternatives may look*

and taste and even bleed like meat; Fake meat products taste exactly like meat, and that's because producers have worked at bringing the same taste in them throughout the years [https://www.theepochtimes.com/fake-meat-the-future-of-food_2676044.html]. В данном случае, говоря словами Н. Д. Арутюновой, «компаративность создает кажимость» [Арутюнова, 1999, с. 701]. Кажущееся сходство вербализуется адъективным дериватом *realistic*, в семантике которого фиксируется признак субъективного впечатления *not real but appearing to be real* [LDCE], ср: *The difference with the new fake meats is that, thanks to developments in food technology, many of them have become uncannily realistic in both texture and appearance* [<https://www.theguardian.com/food/2020/feb/09/hold-the-beef-how-plant-based-meat-went-mainstream>].

Известно, что суждение о сходстве выносится на основе сенсорных впечатлений. В качестве релевантных перцептивных параметров мясной продукции выступают эмпиричные (чувственно воспринимаемые) признаки: вкус, запах, волокнистость текстуры, цвет, внешний вид, свойства кулинарной обработки (*taste, flavor, texture, appearance, cooking experience*). Н. Д. Арутюнова, выделяя в типологии оценок сенсорную оценку, отмечает, что сенсорно-вкусовые предикаты, порожденные вкусовыми, осязательными, обонятельными впечатлениями не обильны. Вкусы, запахи не имплицируют дескриптивных характеристик, они воспринимаются синтетически, они неотделимы от соответствующих классов предметов [Арутюнова, 1999]. Однако в современном гастрономическом дискурсе уже привычными стали номинации продуктов, в которых сенсорные впечатления функционируют независимо от своего природного аналога, ср.: *чай со вкусом лимона, йогурт со вкусом малины, жевательная резинка со вкусом арбуза, крабовые палочки со вкусом крабов*, т. е. вкус есть, а онтологическая основа вкуса отсутствует. Существующие пищевые технологии модификации состава пищи позволяют прививать материальному субстрату вкус, запах, который закреплен в гастрономической памяти индивида, хранящей те или иные вкусовые значения и ассоциирующей их с конкретными продуктами и блюдами. В результате появляются вкусы, детерминированные не природными компонентами, а создаваемые их химическими заменителями. Так, производителями имитированного мяса было установлено, что ключевым компонентом, который придает мясу вкус, являются геммы, железосодержащие молекулы, синтезированные из мяса сои, ср.: *The company's use of heme, an iron-rich molecule in animal proteins, has enabled it to replicate the "meaty" flavor in its plant-based products* [<https://www.theguardian.com/food/2019/mar/14/impossible-burger-meat-from-cells-change-eating-habits>]. Вкус мяса, его *meatiness* (мясистость) создается растительными ингредиентами миндаля, томатов и белых грибов, ср.: *The Naturli products have an underlying "meatiness" thanks to*

the flavour of almonds, tomatoes and porcini mushrooms [https://www.theepochtimes.com/fake-meat-the-future-of-food_2676044.html].

Создаваемым является и характерный для бифштекса с кровью цвет, для производства которого используется свекла, ср.: *The final touch was the addition of beetroot juice, which would give the illusion that the burger was “bleeding”* [<https://www.theguardian.com/food/2020/feb/09/hold-the-beef-how-plant-based-meat-went-mainstream>]. Таким образом, в сферу имитационной социальной реальности вовлекаются и стратегии трансформации современной гастрономической культуры.

Итак, дискурсивное конструирование в массмедийном дискурсе тренда на растительное питание нацелено на трансформацию ценностных приоритетов в отношении практик питания. В картину мира адресата внедряется модель пищевого поведения, ценностным ориентиром которого является сокращение потребления мяса и переход на аналоги, заменители, имитации мясной продукции. Решение когнитивных и коммуникативных задач по конструированию положительного имиджа растительного мяса обеспечивается через реализацию номинативных стратегий. Языковыми маркерами трансформации практик питания являются оксюморонные и имитирующие номинации, когнитивно обусловленные свойствами именуемого продукта, его имитационным содержанием. Посредством анализируемых номинаций объективируется структура знания о концепте PLANT MEAT как о пищевой продукции, не содержащей мяса в своем составе, но имитирующей сходство с настоящим мясом. Перспективным представляется исследование эпистемических и оценочных модусов аргументации и лежащих в их основе когнитивных механизмов и языковых средств, направленных на формирование позитивного имиджа растительного мяса в гастрономической картине мира потребителя.

2.2. ПАНДЕМИЯ COVID-19 КАК ВРЕМЯ КУЛЬТУРЫ В ЗЕРКАЛЕ ИГРОВЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК: ИЗ АРХИВА ВЫСКАЗЫВАНИЙ

«В языке все живет, все течет, все движется», – писал П. А. Флоренский [2000, с. 148]. Языковое пространство динамично, говорил Ю. М. Лотман [2000] и подчеркивал, что это единственная реальность. Тем динамичнее процессы в языке, чем острее динамика культуры и общества. Речь в разделе пойдет о вербальной (лингвистической) реализации, т. е. совокупности знаков [Фуко, 2012], возникающих, сменяющихся, дополняющих друг друга и «запечатленных» на страницах истории пандемии коронавирусной инфекции, охватившей мир в 2020 г. и

унесшей жизни более полутора миллионов человек. Опасность заражения, тяжелое течение болезни, возможные серьезные осложнения, риск летального исхода, с одной стороны, и ограничения, введенные правительствами для сдерживания распространения инфекции и недопущения тотального локдауна¹ (этот заимствованный и русским языком термин – один из примеров новой «коронавирусной» языковой реальности), сопутствующие замедление экономического роста и обострение социальных проблем, с другой стороны, не могут не влиять на психологическое состояние, настроение людей, оказавшихся перед лицом серьезных испытаний, включая, помимо указанных выше, и новый режим работы (дистанционный, удаленный)², и вынужденный отказ от привычного ритма жизни, привычных занятий, форм социализации и т. д. Цель исследования – проанализировать вербальные, лингвистические (впрочем, в орбиту исследования попадают и гибридные семиотические) «средства профилактики и терапии», которые уже «занесены в архив», предназначенный для того, чтобы сохранить их в качестве документальных свидетельств времени культуры под названием «пандемия COVID-19». Предмет исследования составляют игровые дискурсивные практики и, соответственно, высказывания, выполняющие людическую функцию.

Игра, пишет в предисловии-введении к своему фундаментальному труду *Homo Ludens* Й. Хёйзинга, «необходима индивиду как биологическая функция, и она необходима обществу в силу заключенного в ней смысла, в силу своего значения, своей выразительной ценности, а также духовных и социальных связей, которые она порождает, ... как культурная функция», она «закрепляется как культурная форма», «игра есть порядок» [Хёйзинга, 2011, с. 33–35]. Иными словами, игра – это универсальная категория человеческого существования, структурная основа человеческих действий, а «человек является человеком постольку, поскольку обладает способностью по своей воле выступать и пребывать субъектом игры» [Селиверстов, 2011, с. 8–11]. Игра – это не только колыбель культуры, цивилизации, игра – это еще «жизнеутверждение», торжество жизни над смертью. Данное исследование призвано продемонстрировать, как люди, столкнувшись со смертельной опасностью, ищут спасения, ищут поддержания душевных сил в игре, игре языковой, дискурсивной. «Язык, посредством которого человек различает, определяет, устанавливает, короче говоря, именует, то есть возвышает вещи до сферы духа», – пишет Й. Хёйзинга. – «Играя, речетворящий дух то и дело перескакивает из области вещественного в область мысли. Всякое абстрактное выражение есть речевой образ, всякий речевой образ есть

---

¹ Путин: в России не планируется общенациональный локдаун (29.10.2020). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4550788>.

² И это не говоря о возросших на фоне вводимых ограничений для бизнеса, затронувших самые разные сферы, рисках остаться без работы вообще.

не что иное, как игра слов» [Хёйзинга, 2011, с. 27]. Игровые дискурсивные практики выступают в качестве так называемой дискурсивной волны, отражающей «взаимосвязь актуальности феномена и возможности упреждающего³ реагирования на него с его практическим развитием в поступках людей и событиях. Осмысление данного феномена другим дискурсом способно изменить реакцию людей на него, иначе направить социальный резонанс» [Петряков, 2014, с. 14]. Конкретизируя тезис российского философа Л. Дж. Петрякова применительно к нашим объекту и предмету, остается добавить, что осмысление феномена жизни людей в условиях пандемии коронавирусной инфекции посредством игрового дискурса позволяет изменить (или скорректировать) реакцию на причину этих самых условий – COVID-19⁴ – и следствие, критически оценить себя и свои действия в сложившейся ситуации, уменьшить вызываемое тревогой и страхами эмоциональное напряжение, укрепить дух и силы для преодоления трудностей.

Опираясь на положения М. Фуко, его археологию знания, порядок «слов и вещей», а также на положения «философии семиотики» У. Эко [Еко, 1979], под временем культуры мы будем понимать исторически (эпистемически) обусловленную семиотическую реальность, вызванную к жизни определенным событием или ситуацией и репрезентированную соответствующими дискурсивными практиками и архивом высказываний⁵. Принципом производства и функционирования высказываний выступает дискурсивная формация. Под дискурсивной формацией имеется в виду система, позволяющая установить «закономерность (*regularité*) (порядок, корреляции, позиции и действия, преобразования)» «между объектами, типами высказываний, понятиями и тематическими выборами» [Фуко, 2012, с. 91]. Архив высказываний, согласно М. Фуко, «это прежде всего закон того, что может быть сказано, это система, управляющая появлением высказываний как единичных событий», это «система высказываемости» и, наконец, архив – «это то, что различает *все* дискурсы в их многообразном существовании и определяет их в собственной длительности» [Там же, с. 244, 245] (курсив. – *Е. Ю. К.*). О высказывании как единице речевого общения задолго до археологии зна-

³ Ср.: упреждающе-рефлексивного [Петряков, 2014, с. 12].

⁴ Наглядный пример неоднозначности реакции – неологизм *ковидиот*, заключающий в своей семантике эффект энантиодромии (бег навстречу, игра противоположностей, по К. Юнгу [2017]). Ковидиотами называют и «тех, кто отрицает наличие пандемии и ее опасность, нарушает режим самоизоляции, пренебрегает мерами предосторожности, и тех, кто, напротив, чересчур паникует: кинулся закупать гречку и туалетную бумагу, моет руки до ран, панически боясь заражения» [Мелихова, 2020]. Английский оригинал, слово *covidiot* уже включено в онлайн-словарь англоязычного сленга *Urban Dictionary* [Шмелева, 2020].

⁵ Ср.: CORONAVERSE: Стихи на карантине и из карантина. Стихи коронавирусного времени. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-52595776>.

ния Фуко говорил русский философ М. М. Бахтин, предвосхищая понятия и дискурса, и дискурсивных практик, и архива: «Использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных и письменных) участников той или иной области человеческой деятельности. Эти высказывания отражают специфические условия и цели каждой такой области не только своим содержанием (тематическим) и языковым стилем, то есть отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка, но прежде всего своим композиционным построением. Все эти три момента – тематическое содержание, стиль и композиционное построение – неразрывно связаны в целом высказывания и одинаково определяются спецификой данной сферы общения. Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои *относительно устойчивые типы* таких высказываний, которые мы и называем *речевыми жанрами*» [Бахтин, 1979, с. 237] (курсив. – Е. Ю. К.). Данное исследование предполагает анализ дискурса как совокупности высказываний, подчиняющихся определенной системе формирования, и описание дискурсивных практик, создающих аппарат производства знания и обнаруживаемых «архивом». Дискурсивная практика, согласно М. Фуко, есть «совокупность анонимных, исторических, всегда детерминированных во времени и пространстве правил, которые в данную эпоху и для данного социального, географического или лингвистического сектора определили условия осуществления функции высказывания» [Фуко, 2012, с. 224]. В русле «археологии» М. Фуко О. С. Иссерс определяет дискурсивные практики как «способы производства текстов, целенаправленные речевые действия, отражающие предрасположенность членов социума вести себя сходным образом в широком диапазоне ситуаций» [Иссерс, 2011, с. 53], а О. А. Крапивкина рассматривает их как вид социальных практик, как дискурсивную деятельность участников дискурсивного сообщества [Крапивкина, 2019].

Возвращаясь к понятию «время культуры», следует сделать несколько комментариев. Во-первых, необходимо отметить, что оно уже получило научное обоснование в качестве новой категории анализа дискурса в работе У. В. Смирновой [Smirnova, 2015]. Автор указывает на связь времени культуры с моделью дискурса и ключевыми знаками, «которые отражают новую интенциональность и ментальность социума», обращает внимание на его продолжительность, от нескольких дней до нескольких лет [Ibid, p. 1745–1747]. Во-вторых, понятие «время культуры», сопоставимое с понятием эпистемы и метонимически связанное с понятием прерывности М. Фуко, в этом смысле перекликается с идеей взрыва Ю. М. Лотмана: момент взрыва знаменует начало другого этапа [Лотман, 2000, с. 25], соответственно, другой, новой интенциональности, новых дискурсивных практик. В-третьих, время культуры,

его интенциональность может быть осмыслена в терминах «озабочения временем» М. Хайдеггера как «*потом*» – это надо исполнить, «*прежде того*» – другое довести до конца, «*теперь*» – наверстать, что «*тогда*» не удалось и ускользнуло» [Хайдеггер, 1997, с. 406]. Событие, точнее обстоятельства, ситуация, заложником которой оказалось сегодня человечество, мы все, запустило механизм сопротивления, борьбы, чтобы иметь возможность устоять в *теперь*, успеть *прежде того*, не повторить *тогда* и получить надежду, шанс на *потом*. В-четвертых, апеллируя в своих рассуждениях к концепции времени Г. В. Ф. Гегеля, М. Хайдеггер отмечает «примечательное колебание» относительно того, какой характер следует «усваивать» времени, объективный или субъективный. «Где его берут как по себе сущее, его все же относят преимущественно к “душе”. А где оно имеет “сознаниеразмерный” характер, функционирует оно все же объективно» [Хайдеггер, 1997, с. 405]. Гегель приводит обе возможности к снятию и «пытается определить связь между “временем” и “духом”, – пишет Хайдеггер, – чтобы сделать отсюда понятным, почему дух как история “проваливается во время”» [Там же]. Нас интересует то, что вслед за М. Хайдеггером можно смело назвать *теперь-говорением* (см. [Хайдеггер, 1997, с. 416]), объемлющим *что-* и *как-говорение*, обусловленные и одновременно отражающие то, что Гегель обозначил термином *Zeitgeist*.

В фокусе нашего внимания личностно-ориентированный дискурс. Персональный дискурс служит ключевой инстанцией игровых дискурсивных практик, что вполне закономерно, поскольку «исполняя в социальных институтах обязанности, индивид стремится за пределы строго институционализированной, организованной реальности, за пределы «“социального” в область “символического”, или медиального» [Штайн, 2012, с. 58]. Ковид-эпистема закономерно «интендирует» исследовательский интерес к персональному дискурсу, в его бытовом измерении характеризующемуся «спонтанностью, сильной ситуативной зависимостью, ярко выраженной субъективностью», в бытийном – как раскрывающему внутренний мир говорящего во всем его многообразии [Карасик, 2000, с. 6–7]. Кроме того, изучаемые дискурсивные практики локализованы преимущественно в виртуальном сетевом пространстве. Здесь, в свете идеологии архива, важно отметить, что «высказывания и тексты в информационном (виртуальном) пространстве разделены условно, а чаще – тесно связаны друг с другом, что способствует их взаимной коммуникации и обмену идеями» [Петряков, 2014, с. 40]. Идеи Л. Дж. Петрякова о дискурсивной реальности как реальности множества взаимодействующих дискурсов [Там же, с. 10] созвучны рассуждениям С. Н. Плотниковой о виртуальном дискурсивном пространстве, согласно которой это пространство образуется именно как взаимодействие дискурсов [Plotnikova, 2019, p. 111]. Виртуальное пространство интер-

нета стало сегодня буквально убежищем, дающим людям защиту (можно работать удаленно, дистанционно, минимизировать контакты с миром реальным, коронаопасным), с одной стороны, и одновременно особым «пространством сопротивления» внезапно возникшей угрозе, с другой. Знаком этого сопротивления является игра, воплощенная в дискурсивных практиках разных форм и жанров. Переосмысливая положения философа, культуролога М. Маклюэна, можно добавить, что игровые дискурсивные практики, как любые другие игры, есть «расширения человека», «расширения наших Я», они «суть средства коммуникации», «вымышленные контролируемые ситуации, или расширения группового сознания, дающие передышку от обычных паттернов. Это своего рода разговор всего общества с самим собой» [Маклюэн, 2003, с. 267, 279, 277] (курсив. – Е. Ю. К., см. также культурная функция игры по Й. Хёйзинге выше).

Сущностной характеристикой любого сознания, согласно Э. Гуссерлю, является интенциональность. Всякое сознание, подчеркивает философ, интенционально, оно всегда есть «сознание-о». Мы ««направлены» на объекты, мы «“интендируем” их» [Гуссерль, 1991, с. 13]. Разговор о том, что представляет собой наше «сознание-о» коронавирусе, пандемии, и о нас самих в условиях новой реальности, уместно начать не совсем с высказываний, а с игры новых слов. Неологизмы, появившиеся в период пандемии, служат иллюстрацией тезиса Х.-Г. Гадамера о примате игры в отношении сознания играющего. Релевантными для нас в данном случае являются размышления философа об игре как о порядке, о чем говорил и Й. Хёйзинга (см. выше), в котором «игровые движения производятся как бы сами собой»; упорядоченность игры позволяет игроку «раствориться» в ней, что «проявляется и в спонтанном стремлении к повторению, возникающем у игрока, и в постоянном самообновлении игры, фиксируемом ее формой (например, рефреном в игровой песне)» [Гадамер, 1988, с. 150]. Среди новых «коронавирусных» слов действительно выделяются слова с повторяющимися корневыми морфемами *ковид-/корон-* или *карант-*: *ковидиот, корониалы, карантье, карантини, карантикулы* [Герасюкова, 2020]. Интересно, что *ковид* из транслита аббревиатуры COVID стремительно превратился в самостоятельное русское слово, которое уверенно образует новые формы, вступает в новые связи, пример – *ковидный (госпиталь), ковидиот*. По мнению профессора НИУ ВШЭ М. Кронгауза, слово *ковидиот*⁶, в отличие от «ковидиворса», хорошо звучит по-русски. Труднопроизносимое «ковидиворс» от английского *covidivorce* (расторжение брака из-за невозможности оставаться вместе в замкнутом пространстве) вряд ли сможет заручиться языковым гостеприимством (термин П. Рикёра [2011]) русского языка, его не используют, и причиной тому, словами

---

⁶ См. сноску 4.

М. Кронгауза, «Мы не чувствуем языковую игру» [Кронгауз, 2020]. А вот пример «азартной» игры с языком, со словами из коллекции журнала *The New Yorker*: *Someday, Noneday, Whoseday?, Whensday?, Blursday, Whyday?, Doesn'tmatterday*: исковерканные названия дней недели («какой-то-из-дней», «ни-один-из-дней», «чей-день», «когда-день», «размытый-день», «почему-день», «не-имеет-значения-какой-день»)⁷ [<https://www.newyorker.com/magazine/2020/07/20/lexicon-for-a-pandemic>; <https://www.buro247.ua/lifestyle/new-yorker-pandemic-lexicon.html>], часть из которых образована путем осложненной конверсии квазипредложение → слово (*Whoseday? Whensday? Whyday?* с использованием знака препинания) или напоминает атрибутивную конструкцию (*Doesn'tmatterday*), при этом все весьма близки своим прототипам по звучанию – случай, когда интенциональный горизонт языковой игры соединяет мимесис и агон (типология игр по Р. Кайуа [2007]).

Приведенные выше в качестве «словарных» примеров неологизмы, формально, разумеется, нетождественные высказываниям, парадоксальным образом могут быть квалифицированы именно как дискурсивные практики, как высказывания, в которых кристаллизуются смыслы, извлекаемые в результате интерпретации определенного фрагмента картины мира, оценки положения вещей в этом мире. Пример с квазиименами дней недели потерявшего счет времени самоизолированного тем убедительнее знаменует переход непосредственно к дискурсивным практикам и высказываниям в их жанровом многообразии, общим знаменателем которых выступает карнавальный хронотоп и его главный имманентный признак – смех [Бахтин, 1965].

Начнем с появившегося нового жанра, говорящее название которого навеяно новой реальностью – стихи-карантинки (смешные двустишия). В то время, как большинство анализируемых публикаций в сети анонимно, карантинки размещаются с указанием фамилии автора. Свидетельством тому карантинки писателя-фантаста, поэта Леонида Каганова: *Давайте все паниковать не будем – / доверим это компетентным людям; Как большой ценитель и эксперт / в карантин садился интроверт; Грабитель в маске вышел из сберкасс / и стал неотличим от общей массы; Как романтично мы с тобой делим / флакон с дезинфицирующим гелем! / Гаишник отпустит, не требуя прав, – / достаточно сухо покашлять в рукав; Кого вы, сударь, тут называли дураком? / Лицо потрогаю нематым кулаком!; Поставил кашель на звонок мобилы. / Я ж думал, шутка! Хватит бить! Дебилы!; «Лицо на улице не трогай, как привык», – / нам объяснял художник Мунк в картине*

---

⁷ Ср.: Третий месяц самоизоляции. Наверное, одна из самых последних стадий самоизоляции выглядит примерно так: просыпаешься рано утром и никак не можешь вспомнить, по какой именно причине ты уже третий месяц не ходишь на работу. URL: <https://ruanekdot.ru>.

«Крик»; Ура, не подтвердился мой анализ! / Врач говорит, пробирки потерялись; Трагедия не в том, что вирус близко, / А что Кащей Бессмертный в группе риска; Узнал, что завезли гробы в «Икею». / Купить – купил, собрать-то хоть успею? Обращают на себя внимание следующие размышления автора: «У меня есть так называемая последняя карантинка: “Каганов умер, весело шутя. Конечно, очень жаль его, хотя...”. Если со мной что-то случится, друзья ее опубликуют, и она станет последней. Но если не смеяться над собой, вообще берега потеряем. Это попытка оценить свои поступки, понять, что мы делаем и куда идем. Пока можно шутить, мне кажется, нужно шутить» [Каганов, 2020]. Аналогичное мнение высказывал М. Маклюэн: когда нас что-то пугает (холодная война, горячая бомба – философ – об этом, в нашем случае коронавирус), говорил он, «культурной стратегией, в которой мы отчаянно нуждаемся, являются юмор и игра» [Маклюэн, 2003, с. 38]. Важно отметить еще один момент. Следующее далее очень искреннее признание автора: «Месяц назад мы с Васей Обломовым решили написать песенку про коронавирус. Я сочинил текст, вроде бы смешной, а потом Вася говорит: “Слушай, давай не будем. Сейчас начнут люди умирать, а мы с этими шутками”. И я согласился, потому что действительно жестковато. Над смертями, травмами и другими несчастьями – никаких шуток. Но я-то смеюсь не над смертью, а над собой» [Там же] важно в контексте нашего исследования аксиологически и идеологически, точнее, идеологически (термин В. В. Ильина [2005])⁸. Мы имеем дело с динамикой обусловленного когнитивным диссонансом интенционального состояния, заставляющего автора искать себе оправдание, «право на помилование». Этими оправданием и правом служит то, что дестинаторность (см. также дестинация дискурса – термины С. Н. Плотниковой и Е. Ф. Серебренниковой [Плотникова, Серебренникова, 2013; Серебренникова, 2014]) смеха, шуток – не высмеивание смерти (или, на самом деле, высмеивание не смерти), а самоирония, часто даже самосатира Я, человека, того самого *homo ludens*, *homo ridens*. «Есть ли на свете еще более сильное средство противостоять всем издевательствам мира и судьбы, чем смех! Перед этой сатирической маской испытывает ужас сильнейший враг, и само несчастье отступает передо мною, если я осмеливаюсь его осмеять!» – к такому выводу приходит ночной сторож из «Ночных дозоров» Бонавентуры [Бахтин, 1965]. Нельзя не упомянуть в связи с вопросом о смерти как объекте шулки блуждающий по просторам сети демотиватор с изображением смерти, как обычно, в виде старухи (по крайней мере, так думается) в плаще с капюшоном, маской на лице, в перчатках, санитайзером обрабатывающей косу. Картинка подписана словами «Такую панику сделали, что аж сама испугалась»

⁸ Термин В. В. Ильина. Ср.: «Человек не только и не столько существо разумное; он – существо ценностное, идеологическое» [Ильин, 2005, с. 10].

[<https://demotos.ru/node/4987>] и, конечно, вызывает улыбку. Но главное здесь то, что и это высказывание – креолизованный текст – воспринимается не как насмешка над смертью, но как искрометная, живая самоирония, сопровождаемая одновременно даже сочувствием и симпатией к мрачной героине. Таким образом, демотиваторы – еще одна жанровая разновидность игровых дискурсивных практик, сочетающих вербальный компонент в виде слогана с графическим изображением, вместе образующих особый тип пародийного высказывания (см. далее) на тему в данном случае коронавирусной инфекции.

Вернемся к поэзии. Другой поэтический жанр известен и популярен уже довольно давно – стихи-пирожки. Прототипически пирожки восходят к русскому фольклору, в частности, к частушке [Щукина, 2015], ее разновидности нескладухе [Жутовская, 2013], а также к традиционным жанрам японской поэтической миниатюры – танка, хайку и сэнрю (шуточное трехстишие) [Дымарский, 2012]. Считается, что в русской поэзии жанр пирожков «возник под влиянием иронической поэзии рубежа веков, восходящей к поэтике обэриутов» [Петренко, 2014, с. 148]. Пирожки называют жанром интернет-фольклора [Там же], комическим речевым жанром [Щурина, 2014] и направлением литературы нонсенса [Соковнина, 2014]. Особенности жанровой формы остроумно-поэтично сформулированы Е. Ивановым в его иллюстративном пирожке: *стих пирожок всегда без рифмы / а также без заглавных букв / в нем знаков препинанья нету / а есть лишь юмор ритм и ямб* [<https://vk.com/perazhki>]. В целях экономии пространства текста приведем «коронавирусные» пирожки также в строку: *коронавирус наступает / на миллионы россиян / но каждый третий / атипичен и пьян* [<https://poetory.ru/100323>]; *кругом царит коронавирус / во всех аптеках пустота / и я шагаю за лекарством / в ликероводочный отдел* [<https://poetory.ru/99800>]; *коронавирус не опасен / для тех кто хочет умереть / ну так он их убьет конечно / но как бы в этом и прикол* [<http://jokesland.net.ru/stishki-pirozhki-coronavirus.html>].

Приведенные примеры карантинных и пирожковых демонстрируют тонкую грань между эсхатологическими настроениями и верой в торжество жизни над смертью. Столкновение их на интенциональном горизонте адресанта сообщает мощный энергетический заряд макроречевому акту, пропозициональное содержание которого можно выразить так: *мы осознаем опасность вируса и драматичность ситуации, признаем, что испытываем страх и потому призываем на помощь смех в качестве целительной, духоподъемной силы.* Времена сменяют друг друга, меняются жизнеустройства, одно время культуры уступает другому, меняется человек, но есть то, что остается в человеке неизменным в его реакции на неизбежность. Размышления М. М. Бахтина о средневековом человеке, его желании победить страх и смехе, в котором он ощу-

щал эту возможность, остаются актуальными и для человека сегодняшнего. Философ видел в смехе не только победу «над мистическим страхом (“страхом Божиим”) и над страхом перед силами природы», но прежде всего, как победу «над моральным страхом, сковывающим, угнетающим и замутняющим сознание человека». «Побеждая этот страх, – подчеркивает Бахтин, – смех прояснял сознание человека и раскрывал для него мир по-новому» [Бахтин, 1965].

Из многообразия жанровых воплощений игровых дискурсивных практик особого внимания заслуживает пастиш. Актуальность данной дискурсивной практики обусловлена временем культуры в двух его инстанциях: пандемия коронавируса и собственно историко-культурное время, эпистема – постмодернизм. Пастиш является основным модусом постмодернистского искусства (Ф. Джеймсон), это фантазия и одновременно своеобразная пародия (А. Гульельми) [Ильин, 1996]. Пастиш – оригинальная языковая игра, служащая целям манифестации того, что называют «постмодернистской чувствительностью», связываемой постмодернистами с интуитивным «поэтическим мышлением», с «поэтическим прислушиванием к миру» (термин И. Пригожина и И. Стенгерс [Там же, с. 205]). Пастиш есть носитель и/или выразитель *Zeitgeist*-а. Теоретики постмодернизма с особым вниманием относятся к проблеме «авторитета письма» и характеризуют его как специфическую «власть художественного произведения, способного своими «внутренними» (например, для литературы – чисто риторическими) средствами создавать самодовлеющий “мир дискурса”» [Там же, с. 223]. В основании пастиша лежит специфическая ирония и интертекстуальность. Чтобы проиллюстрировать реализацию еще одной жанровой разновидности игровых дискурсивных практик под названием пастиш, приведем пример поэтического экзерсиса Павла Клокова, корреспондента «Комсомольской правды», который, как следует из ироничного заглавия статьи, «замахнулся на святое и написал во время самоизоляции несколько пародий». Прежде добавлю, что пародированию подверглись произведения очень разных по своей эстетике поэтов – К. Чуковский, Л. Филатов, В. Маяковский, С. Есенин, В. Высоцкий и А. Фет. Пародии доступны по ссылке <https://www.kem.kp.ru/daily/21712090.5/4325415/>. Выбор сделан в пользу пародии на сказку «Про Федота-стрельца, удалого молодца» Леонида Филатова: *Голова с утра болит. / Сразу мысль – а вдруг ковид. / Я ж к болезням восприимчив / И к тому же не привит. / Только вот моя жена / Мне не верит ни хрена / Говорит, что пью я больше, / Чем весь Клин и вся Дубна: / – А придет недуг какой, / Ты дынешь разок, другой – / И пойдет он свечку ставить / Сам себе за упокой. / Ох и стерву я пригрел. / Непорядок. Беспредел. / Хорошо еще, заначка / В брюках есть на опохмел.* Напомним первые строки пародируемого оригинала: *Утром мажу бутерброд – / Сразу мысль: / А как народ? / И икра*

не лезет в горло, / И компот не льется в рот! [Филатов, 2008, с. 71]. Поэт-пародист успешно следует «рецепту» дерридеанской деконструкции [см. V. Leitch в: Ильин, 1996, с. 194]: берет «традиционную концепцию или устоявшуюся формулировку» (в данном случае и то и другое), переворачивает «наоборот весь порядок ее иерархических термов» (ср. субверсия), подвергает «их фрагментации», а оторвав «все элементы от их структуры или текстуальной системы ради их радикальной игры свободного взаимодействия», отходит в сторону и «просеивает обломки в поисках скрытых или неожиданных образований», добавляет к этому «немного эротического лиризма и апокалиптических намеков» и создает конгениальное произведение. Достойный образчик архива постмодернизма, оперирующего тем, что М. М. Бахтин называл символами карнавального языка, для которого, помимо прочего, «характерны разнообразные виды пародий и травестий, снижений, профанаций, шутовских увенчаний и развенчаний. Вторая жизнь, второй мир народной культуры строится в известной мере как пародия на обычную, т. е. «внекарнавальную жизнь, как “мир наизнанку”». Философ подчеркивал при этом, что «карнавальная пародия очень далека от чисто отрицательной и формальной пародии нового времени: отрицая, карнавальная пародия одновременно возрождает и обновляет» [Бахтин, 1965].

Актуальной сатирико-юмористической формой массовой художественной речи остается анекдот как жанр городского фольклора, целевое назначение которого – осмеяние недостатков общества [Чистякова, 2012]. Анекдот также не обошел стороной коронавирус, и старые добрые темы, сюжеты обрели в новых условиях новое звучание. Приведем только два примера. Первый соединяет в себе два сценария, один из которых – излюбленный сценарий анекдотов про тещу: *Первая жертва коронавируса. В России произошел первый случай летального исхода от коронавируса. Мужчина задушил свою тещу после нескольких дней совместного домашнего карантина*. Вторым анекдот также соединяет два сценария, на сей раз коронавирусный сценарий накладывается на не менее популярный сценарий «красота, фигура»: *Об обратной стороне медали... Весеннюю одежду можно не покупать – не понадобится. А размер летней вы еще не знаете* [<https://ruanekdot.ru>].

Следующий пример игровой дискурсивной практики можно охарактеризовать как жанр заголовка псевдоновостной ленты – «коротко о текущей ситуации», включающего высказывания, лаконично описывающие положение дел в мире с использованием идиом, образная основа которых изоморфна специфике (концептуальному представлению о ней) конкретной предметной области, отрасли, точнее сферы бизнеса (также приведем в строку полный текст): *Авиаперевозчики в полете / Турагенты ждут у моря погоды / В ресторанах запахло жареным / Фитнес-клубы протягивают ноги / У топливных компаний дело пахнет ке-*

росином / Мебельный бизнес дал дуба / Производители одежды затягивают пояса / Коворкинги не находят себе места / У пекарен дырка от бублика / У кондитеров жизнь не сахар / Парфюмерия испускает дух / Парикмахерские висят на волоске / Магазины одежды остались без штанов / Обувные сели в калошу / Автомобильные компании завинчивают гайки / Сувенирный бизнес сейчас не подарок / Денег у фондов защиты животных кот наплакал / У массажистов все из рук вон плохо / Канцелярские магазины дошли до ручки / Бани накрылись медным тазом / Туризм идет лесом / Прачечные оказались у разбитого корыта / Ателье трещат по швам / В музыкальной отрасли финансы поют романсы / В кинотеатрах кина не будет / В цветочном бизнесе довольно вяло / Детские центры доигрались / В боулинге хоть шаром покати / Мастера маникюра грызут ногти / Производители масок зашиваются / У производителей ИВЛ открылось второе дыхание / В аптеках все на мази [<http://jokesland.net.ru/o-bogatstve-russkogo-yazyka.html>]. Это оригинальное высказывание невольно заставляет вспомнить И. А. Тургенева и его гимн русскому языку, поистине великому и могучему: «во дни сомнений и тягостных раздумий» не дающему «впасть в отчаяние при виде всего, что совершается» [Тургенев, 1982].

В развитие тезиса об игре, определяющей интенциональный горизонт исследуемых дискурсивных практик времени культуры «пандемия COVID-19», рассмотрим еще один пример, венчающий предложенный вниманию русский архив, который служит яркой иллюстрацией того, как в игре люди ищут отдохновения, утешения, черпают силы продолжать борьбу, выражают благодарность и восхищение тем, кто оказался на передовой борьбе с инфекцией – медикам. Прежде чем обратиться к самому факту, следует подчеркнуть, что анализируемый дискурс соединяет в себе персональный и институциональный типы. Дискурсивной трансгрессии, реализуемой по линии личность vs институт, сопутствует трансгрессия семиотического кода как такового, результатом чего является гибридизация-креолизация дискурса – перед нами сочетание вербального, музыкального и иконического кодов, где первые два служат репрезентации собственно личности, а последний отражает код документальный, профессиональный и тем самым выступает манифестацией практики институциональной. Речь идет о видеоролике, снятом врачами ГКБ № 15 им. О. М. Филатова (г. Москва), которая в марте 2020 г. за неделю была перепрофилирована в инфекционный госпиталь. Восемь месяцев круглосуточно на пределе сил и возможностей медики оказывали (и продолжают оказывать сегодня) помощь заразившимся коронавирусом людям, многих пациентов возвращая практически с того света. Это не единственный антиковидный госпиталь в стране или столице. В знак профессиональной и просто человеческой солидарности с коллегами врачи филатовской клиники и сняли этот документально-

художественный клип о работе во время пандемии. «Словами песни, идущими от самого сердца, мы хотели сказать спасибо всем тем, кто сейчас находится на передовой пандемии, отдает себя без остатка, исполняя профессиональный долг», – говорится в подписи к видео, которое разместил на своей странице в Facebook главный врач больницы В. И. Вечорко⁹. «Некоторые кадры были сняты еще весной, во время первой волны инфекции. При этом в видео отражена не полная картина – там, по словам Вечорко, очень смягченный вариант» [<https://moslenta.ru/news/moskovskie-mediki-snyali-klip-o-rabote-vo-vremya-pandemii-19-11-2020.htm>]¹⁰. Музыкально-текстовой основой клипа стала песня «Тишины хочу» группы «Антиреспект», которая, как говорят сами медики, «наиболее точно передает их внутренний настрой» [Там же]. Приведем несколько строк:

*Тишины, тишины хочу,
Тишины в молчании сколотом!
Легким ветром вольно пролечу
Над крестами, покрытыми золотом.
Тишины хочу, чтобы допьяна!
Тишины и не жаль память стертую,
Чтобы осень листьями желтыми
Мне накрыла душу распростертую.*

Документальная хроника жизни госпиталя (облачение врачей в защитные костюмы перед заходом в красную зону, их уставшие, но героически спокойные, красивые лица со следами от вдавившихся масок и очков после смены, жесты поддержки по отношению друг к другу, пациентка с подключенным аппаратом ИВЛ знаками показавшая, что ей нужно написать, получившая из рук медика лист бумаги и ручку и написавшая большими буквами слово «спасибо», одна за другой подъезжающие скорые и т. д.), (не)зримое присутствие трагического в кадре, музыкальное сопровождение, сам текст песни и прекрасное исполнение – все это производит сильное впечатление, мощный эффект, вызывает эмоциональное напряжение, или, в терминах Л. С. Выготского, аффект. Обращает на себя внимание двойственная природа аффекта: собственный аффект зрителя и соаффект [Выготский, 1997], переживаемый зрителем вместе с медиками – авторами и героями видеоролика. «Удвоение» аффекта амплифицирует катарсис. В диалоге «Федон» Платон сформулировал свое понимание катарсиса: «...истинное – это действительно очищение от всех [страстей], а рассудительность, справедли-

---

⁹ В. И. Вечорко удостоен Государственной премии Российской Федерации за выдающиеся достижения в области гуманитарной деятельности.

¹⁰ Клип «ГКБ № 15: тишины хочу» см. на сайте <https://ar-ar.facebook.com/15gkb/videos/%D0%B3%D0%BA%D0%B1-15%D1%82%D0%B8%D1%88%D0%B8%D0%BD%D1%8B-%D1%85%D0%BE%D1%87%D1%83/2769688823288783/>.

вость, мужество и само разумение – средство такого очищения» [Платон, 2006, с. 133]. Платоновское метафизическое понимание катарсиса сменяется естественно-научным и художественно-эстетическим¹¹ у Аристотеля: «...трагедия есть подражание действию важному и законченному, имеющему определенный объем, подражание при помощи речи, в каждой из своих частей различно украшенной; посредством действия, а не рассказа, совершающее путем сострадания и страха очищение подобных страстей» [Аристотель, 2007, с. 27]. Украшенной Аристотель называет речь, заключающую в себе ритм, гармонию и пение [Там же]. И ритм (художественно продуманная смена кадров, изображающих экстренные ситуации и плановые, обычные, рядовые, вербально сопровождаемых наложенным органично соответствующим текстом песни, строки которой произносят герои фильма, медики), и гармония целого: видеоряда, текста песни, музыки и пения – все это рождает прекрасную синергию и проникает в душу. Клип, снятый, напомним, самими медиками о самих себе, но в честь всех своих коллег, получился настоящим гимном профессионализму, стойкости и самопожертвованию врачей и медсестер. Антагонизм эмоций, вызываемых материалом (хроника ковидного госпиталя), и эмоций, вызываемых формой (логически выстроенная сюжетная линия, музыка, песня, естественность, искренность, красота героев), по закону эстетической реакции порождает аффект, который, развиваясь в противоположных направлениях, в своей «завершительной точке, как бы в коротком замыкании, находит свое уничтожение» – этот процесс Л. С. Выготский и определяет словом *катарсис* [Выготский, 1997, с. 260, 261]. Игровые дискурсивные практики, таким образом, выполняют катартическую функцию, игра, как известно, «познается в опыте как разрядка» [Гадамер, 1988, с. 150].

Опираясь на положения У. Эко [Есо, 1979; Эко, 1984], данное видео можно квалифицировать как особое семиотически осложненное высказывание, что сообразуется самым непосредственным образом, в прямом смысле слова, с одним из ключевых тезисов М. Хайдеггера, провозглашающего существом речи показывание [Хайдеггер, 1993], – **высказывание**. В этой связи уместно привести еще один показательный случай. В самом начале пандемии 11-летняя школьница по имени Тамара МакОли из города Ньюмаркет (графство Саффолк, Великобритания) решила вывесить на окнах своей квартиры (дома) сердечки синего цвета, цвета Национальной службы здравоохранения Великобритании, которые она сама придумала и сделала своими руками в знак поддержки медиков, вставших на борьбу с коронавирусом. Кэрролайн Хатчинсон, мать девочки, создала свою страничку в соцсетях и назвала ее *Blue Hearts for NHS* (Синие сердечки в честь НСЗ). Девочка и ее мама хоте-

---

¹¹ Новая философская энциклопедия // Электронная библиотека ИФ РАН. URL: iphlib.ru > Катарсис.

ли, чтобы к этой акции присоединились другие дети и взрослые, чтобы медики по дороге на работу или домой видели на окнах своих сограждан эти синие сердечки, знали, чувствовали, что люди ценят их беспрецедентный труд, стараются их ободрить и **выСКАЗ**ывают таким образом им свою благодарность и восхищение¹². Сердечко само по себе не есть речь или речевой акт, текст как таковой здесь – пост Кэролайн в соцсетях об инициативе своей дочери. Вместе с тем об этой совместной акции девочки, прежде всего, поскольку идея принадлежит именно ей¹³, и ее матери можно говорить также в терминах дискурсивной практики и, собственно, высказывания. «Коллективное» высказывание девочки и ее мамы представляет собой макроречевой акт, преследующий одновременно комиссивную (намерение выразить медикам сердечную (!) благодарность), ассертивную (информирование интернет-пользователей), директивную (приглашение присоединиться), декларативную (провозглашение сердечка цвета Национальной службы здравоохранения символом признательности и гордости) и, наконец, самую важную – экспресивную иллокуцию (благодарность – самим фактом изготовления и вывешивания сердечек на окнах). Тот факт, что подписчиками страницы стали пользователи из самых разных стран, от Австралии до США, среди которых и медработники, свидетельствует о перлокутивном эффекте речевого акта самой дискурсивной практики.

Резюмируя изложенное, необходимо подчеркнуть следующее. Совершение речевого акта, согласно Дж. Сёрлю, предполагает два уровня интенциональности: интенциональное состояние и интенцию, с которой производится высказывание. Интенциональное состояние авторов приведенных высказываний, субъектов дискурсивных практик носит смешанный характер и сочетает веру, надежду, желание, намерение, сомнение, страх, озорство и удовольствие, а также благодарность и восхищение [Searle, 1983; Vanderveken, 1994]. Пропозициональное содержание «гиперречевого» акта, который представляет собой высказывание как минимальная единица дискурсивных практик, и который есть все основания квалифицировать в качестве комиссивного речевого акта, отвечающего условиям искренности и ориентированного на приспособление мира к словам, можно выразить примерно так: *«Мы обязательно победим коронавирус»*. Игровые дискурсивные практики исследуемого времени культуры обнаруживают доминанту, коей выступают смеховые практики. Смех нейтрализует страх и активизирует веру и надежду, ибо «жизнь – игра с неявным, непредсказуемым исходом» [Ильин, 2005, с. 62], при этом смех является закономерной реакцией на озорство и

---

¹² Newmarket schoolgirl, 11, starts ‘blue heart’ campaign for NHS. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-england-suffolk-52124715> (дата обращения: 21.04.2020).

¹³ В Великобритании детям до 13 лет запрещено создавать свои аккаунты в социальных сетях. URL: <https://www.ft.com/content/8261a236-6260-11e8-90c2-9563a0613e56>.

причиной удовольствия (см. выше). Смеховые дискурсивные практики служат одним из ресурсов реализации экзистенциального предназначения игры. Игровые дискурсивные практики, и смеховые, и серьезные, возвышенные (это как раз те, интенциональное состояние субъектов которых включает, помимо других, благодарность и восхищение, адресованные медикам), таким образом, образуют особое дискурсивное пространство, создают ту самую дискурсивную волну (см. начало), которая способствует изменению реакции людей на пандемию коронавируса, переориентации социального резонанса. Словами М. М. Бахтина, «игра на время становится самой жизнью» [Бахтин, 1965].

Игровые дискурсивные практики – это своего рода маска, которую надевает человек, чтобы, оставаясь неузнанным или признанным в качестве другого¹⁴, иметь возможность лучше рассмотреть мир вокруг, лучше понять, что происходит. В маске, подчеркивал М. М. Бахтин, «воплощено игровое начало жизни, в основе ее лежит совсем особое взаимоотношение действительности и образа» [Бахтин, 1965]. В этом смысле исследуемая нами маска, словами О. Штайн, «энергетически светоносна» [Штайн, 2012, с. 6]. «Энергетически светоносная» маска, которая была представлена в данной статье, свидетельствует о том, что субъекты представленных дискурсивных практик, авторы высказываний с удовольствием соблюдают этот особый духоцелительный и духоподъемный «масочный режим».

Как известно, в русском языке есть только одно обозначение для игры, в английском – их три, но мы остановимся на *game* и *play*. Английский термины наилучшим образом позволяют интерпретировать с этой точки зрения интересующее нас время культуры. Дискурсивные практики как языковые игры (ср. *language games* [Витгенштейн, 1994]) реализуют интенциональность игры-*game*, репрезентированной *Agon*-ом (состязательные игры [Кайуа, 2007]), – это стратегия противостояния человека коронавирусной угрозе, тактически реализуемая посредством *play*. *Play* – дискурсивное «оружие», с помощью которого человек оказывает сопротивление, это игра с жанровыми формами, игра текстами (интертекст), игра дискурсами, игра словами и образами, игра семиотическими кодами (ср. *art as play* [Gadamer, 2006]). В терминах А. Уайтхеда это можно обобщить следующим образом. *Game* и *play* соотносятся между собой как означающие, соответственно, принадлежность исследованных дискурсивных практик Миру Деятельности (Творчества), «который увеличивает разнообразие смертных вещей», и Миру Ценности, «который увеличивает продолжительность существования», при этом «ценность не может рассматриваться отдельно от деятельности» и сущностью ценности является способность ее «к реализации в Мире

---

¹⁴ Одним из назначений игрового дискурса В. И. Карасик называет речевое лицедейство [Карасик, 2002, с. 276].

Деятельности» [Уайтхед, 1990, с. 306–307]. Категориальный признак Мира Ценности как увеличивающего продолжительность существования обретает в данном случае значение как продлевающего существование самого человека, оберегающего его. Не случайно М. Маклюэн оперирует понятием «центральная система ценностей», ставя ее в один ряд с центральной нервной системой [Маклюэн, 2003, с. 29].

Время культуры, имя которому «пандемия COVID-19», еще ждет своего исчерпывающего системного описания. Рамки одной статьи не вместили бы в себя всего многообразия игровых дискурсивных практик, всего архива высказываний. Однако это означает только, что предпринятое исследование открывает перспективы для дальнейших изысканий и обещает новые открытия.

2.3. ДИСКУРСИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ГОРОДА КРАСНОЯРСКА В РОССИЙСКИХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИА

Дискурс и конструирование «реальной виртуальности» в медиа

О конструирующей роли дискурса в социальной реальности написана довольно обширная литература [Fairclough, 1989; Nikolopoulou, 2016; Wodak, 1996]. Одно из базовых определений принадлежит С. Н. Плотниковой, которая понимает под дискурсивным конструированием дискурсивную деятельность по порождению пока еще не существующего бытия [Плотникова, 2014]. С помощью дискурсивного конструирования создается настоящее: мир переводится из невидимого в видимый, превращаясь в реальность; соответственно, дискурс становится реальностью для человека [Там же].

Трансформация дискурсивного конструкта в социальную реальность – технология, которая в особенности характерна для медиа. И. М. Дзялошинский отмечает: «Процесс отбора средствами массовой информации всего проблематичного и нового, следовательно, потенциально интересного для аудитории и поэтому транслируемого в массовое сознание, превращает весь остальной мир в пространство событий, которые еще требуют последующей селекции и интерпретации. Критически важным оказывается то, что подобный процесс трансляции информации, в чем и выражается постоянное функционирование системы массмедиа, становится значимее и важнее, чем конкретные содержания передаваемых для массовой аудитории сообщений» [Дзялошинский, 2019, с. 7].

Идеология драматизации [Charaudeau, 2006], социальное формирование [Ловинк, 2019], дискурсивная конфигурация [Краснова, 2011] – вот далеко не исчерпывающий список характеристик и признаков медиадискурса, подчеркивающих его конструирующую по отношению к реальности функцию. Она, по Ж. Бодрийяру, уже привела к окончательной мутации объектов и окружающей среды, настоящей сценой для которых сегодня являются микропамять и микропроцессоры [Бодрийяр, 2017].

Дискурсивному конструированию в массмедиа подвергаются объекты различной природы: историческая память [Друговейко, 2014], чрезвычайные события [Уварова, 2007], персонаж Другого [Автохутдинова, 2015], образ Запада в российском внешнеполитическом дискурсе [Дубровская, 2017], национальная идентичность россиян [Ryazanova-Clarke, 2008], понятие «президент» [Гаврилова, 2020]. Однако все перечисленные объекты относятся изначально к сфере достаточно абстрактных социальных сущностей и феноменов. Но в последнее время отмечается тенденция к конструированию в медиа совершенно реальных, локализованных в пространстве и времени, объектов, например, городов. Подобную экстраполяцию эффектов дискурсивного конструирования на «осязаемые» реальности можно объяснить двумя причинами:

1) развитие «экономики лайков» [Ловинк, 2019, с. 57]: чтобы обеспечить экономическое развитие региона уже мало сырьевых ресурсов и рабочих мест – нужна его привлекательная картинка, необходим его аттрактивный имидж, его визуальная эстетика;

2) трансфер паттернов восприятия из виртуального мира сетевых игр с разнообразными хорошо продуманными и прописанными локациями в мир, пока еще претендующий на реальность.

Так или иначе, описанная тенденция является свидетельством перехода от виртуальной реальности к реальной виртуальности – для реально существующего в повседневной жизни объекта становится необходимым его симулякр, успешность и аттрактивность которого способна повлиять на жизнь и благосостояние его реального оригинала. Пионерской в этом отношении является работа Дж. Флаурэдьё [Flowerdew, 2004] о дискурсивном конструировании образа города мирового уровня – Гонконга. Исследователь фокусируется на дискурсивных средствах продвижения Гонконга в СМИ и так называемых правительственных текстах.

Мы хотели бы продолжить исследование в заданном ракурсе и рассмотреть специфику дискурсивного конструирования центра Енисейской Сибири – города Красноярска.

Обратимся к методологическим рамкам города в координатах дискурсивного конструирования. Традиция рассматривать город в рамках некоторой более глобальной и объемлющей модели восходит к ра-

ботам Ю. М. Лотмана, поместившего город в пространство семиосферы культуры [Лотман, 1999]. Так, к описанию города как макрозаказ был приложен пространственный вектор – это вектор «центр – периферия (граница)» [Там же, с. 190].

В тех же координатах срединного (внутреннего) и периферийного (внешнего) пространства В. Н. Топоров моделирует пространство Петербурга в художественном дискурсе Ф. М. Достоевского [Топоров, 1995, с. 202]. Мобильность героев Достоевского в этом пространстве коррелирует с основными художественными смыслами и языком текста.

В литературоведении складывается концепция анализа «мифа города» у Гоголя: Петербург рассматривается в оппозиции к Москве, Рим в оппозиции к Парижу, Миргород и Иерусалим [Виролайнен, 1997, с. 230; цит. по: Денисова, 2020].

С точки зрения когнитивно-семиотического подхода, городской локус рассматривается как некое метапространство [Викулова, Серебренникова, 2017], в котором системный характер приобретают как интерлингвальные связи, так и семиотические отношения [Викулова, Серебренникова, Макарова, 2018].

Наше исследование также помещает город внутрь некоторого «волшебного шара», а именно в рамки дискурсивного конструкта, где город становится объектом текущей, быстро меняющейся социально-виртуальной реальности. Применительно к нашему исследованию мы также используем пространственную ось как один из ракурсов описания специфики дискурсивного конструирования города. В работе последовательно описываются три вида пространств: собственно городское, природное и спортивное, поскольку Красноярск стал столицей Всемирной зимней универсиады 2019.

Другая координатная ось для дискурсивного конструирования образа города – временная. В [Ryazanova-Clarke, 2008, p. 319] отмечается большая значимость конструирования времени (настоящего, прошлого и будущего) в дискурсе. Образ любого города может складываться за счет фиксации и моделирования его изменений во времени. Согласно С. А. Ромашко, город – это «особая хронологическая конструкция, это ось, пронизывающая вращение времен, утверждающая город как бытие особого рода» [Ромашко, 2002, с. 97]. Благодаря устойчивости города во времени складывается его особая топография и городская среда, атмосфера и характер: город умирает тогда, когда нарушается его временная ось [Там же].

Наконец, еще одна «сетка координат» – метафорическая система образов, в которую встраивается город. Метафорическое моделирование в терминах концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон, 2004] позволяет через доминантные метафоры [Чудинов и др., 2019], используемые в медиадискурсе о городе, различить и

описать разные сферы-источники метафорической экспансии. Это дает нам понимание общей картины образов-доноров для создания имиджа города.

Еще одна немаловажная проблема, которую мы бы хотели затронуть в нашем исследовании, – специфика дискурсивного конструирования образа города в зависимости от целевой аудитории-потребителя данного конструкта. В частности, представляется интересным сопоставить российские массмедиа, ориентированные на русскоязычную, внутреннюю, аудиторию и на внешнюю – англоязычную.

Таким образом, объектом нашего анализа является дискурсивное конструирование образа Красноярска в англоязычных и русскоязычных российских медиа; предметом – объекты и способы дискурсивного конструирования Красноярска в данных медиа. Цель исследования заключается в выявлении и описании основных объектов, способов, языковых средств дискурсивного конструирования Красноярска в англоязычных и русскоязычных российских медиа. Материалом для исследования послужили новостные статьи из региональных российских русскоязычных и англоязычных медиа (85 статей), тексты блогов, Instagram-посты, а также комментарии, опубликованные к этим ресурсам. Суммарный объем проанализированного материала в текстовом формате А4 составляет 196 с. Основными методами настоящего исследования являются: 1) метод дискурсивного анализа; 2) метод контекстуального анализа; 3) метод качественно-количественного анализа; 4) метод метафорического моделирования.

В следующей части исследования приведем короткую информационную справку о городе – объекте дискурсивного конструирования, которая представляет собой компиляцию самых доступных информационных материалов, которые легко можно найти в Википедии, на различных туристических сайтах. Эта информация достаточно банальна и к конструированию не имеет отношения, поскольку не пропущена через призму чьей-либо точки зрения, не субъективирована, но служит хорошей точкой отсчета для того, чтобы лучше понять, что такое дискурсивное конструирование города, как оно происходит и в чем специфика конструкта данного конкретного города.

Красноярск: историческая справка

Красноярск – один из крупнейших городов России, столица Красноярского края и самый крупный промышленный, деловой и культурный центр Восточной Сибири. Он располагается на обеих сторонах р. Енисей, на стыке Западно-Сибирской равнины, Среднесибирского плоскогорья и Саянских гор в ущелье, образованном самыми северными отрогами Восточного Саяна.

В 2012 г. он вошел в число российских городов-миллионеров. По данным на 2019 г. население города составляет 1 095 286 человек [<http://www.admkrsk.ru/city/Pages/default.aspx>].

В 1628 г. дворянин Андрей Дубенский с тремя сотнями казаков основал Красноярский острог – крепость, призванную защищать занятые казаками енисейские земли от набегов местных племен, не всегда гостеприимно встречавших русских завоевателей и не желавших платить ясак. Город расположен в котловине, которую окружают высокие холмы. Отсюда казакам удобно было наблюдать за окрестностями. Острог получил название Красный Яр из-за цвета пород левого берега р. Качи. Это же имя закрепилось и за городом. Почти сто лет в Красноярске жили только казаки, всегда готовые обороняться от енисейских киргизов и других местных племен [Гладкий, Чистобаев, 2019]. Статус города Красноярск получил в 1690 г., когда Сибирь была окончательно присоединена к России.

Одной из самых популярных достопримечательностей города является заповедник «Столбы», площадь которого составляет 47 тыс. га. Это экзотические скальные возвышения среди тайги в отрогах Восточного Саяна.

Благодаря расположению города на р. Енисей, являющейся крупной транспортной магистралью, через которую проходит Северный морской путь, Красноярск позволяет нескольким регионам Центральной Сибири выходить на мировой рынок. Кроме того, положение Красноярска на пересечении существующих и перспективных межконтинентальных трасс железнодорожного, автомобильного, воздушного и водного транспорта обуславливает возможность развития города как крупнейшего транспортного центра, связывающего страны Европы со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, Северной Америки и Южной Азии, Северной Атлантики и северной части Тихого океана [<http://www.admkrsk.ru/city/Pages/default.aspx>].

В городе активно развиваются различные отрасли экономики: металлургия, энергетика и машиностроение, строительная индустрия, индустрия сервиса, образование и здравоохранение, цифровые технологии, в том числе в социальной сфере.

По состоянию на октябрь 2018 г. в Красноярске зарегистрировано более 82 тыс. хозяйствующих субъектов, из них более 51 тыс. юридических лиц, 30 тыс. индивидуальных предпринимателей [Там же].

Образ города неразрывно связан с именами выдающихся деятелей культуры – Василия Сурикова, Петра Слоцова, Виктора Астафьева, Андрея Поздеева, Михаила Годенко, Ивана Шпиллера, Дмитрия Хворостовского и многих других красноярских писателей, художников, хореографов, режиссеров, музыкантов.

Также Красноярск – это город студенчества. Именно в Красноярске в ноябре 2006 г. создан Сибирский федеральный университет путем объединения пяти ведущих вузов Красноярска.

Сегодня Сибирский федеральный университет – это многопрофильный институт, где ведется подготовка по 160 направлениям бакалавриата и магистратуры, что практически полностью закрывает потребность Сибирского федерального округа.

Красноярск подтверждает статус спортивной столицы Сибири. Развитие спортивного сектора города произошло во многом благодаря тому, что в 2019 г. Красноярск стал хозяином проведения XXIX Всемирной зимней универсиады. Подготовка к проведению Студенческих игр длилась около шести лет.

Дискурсивное конструирование Красноярска: временная ось

Прошлое

Дискурсивное конструирование прошлого градуировано по шкале: дореволюционное прошлое (старина) – советское прошлое – недавнее прошлое. С точки зрения оценочности данные временные отрезки не равнозначны: дореволюционное прошлое находится на абсолютном положительном полюсе шкалы, советское прошлое аксиологически амбивалентно, а недавнее прошлое маркировано позитивно за счет футуральной перспективы, оно тесно связано с прогнозированием событий ближайшего «светлого» будущего.

Так, урбанист Илья Варламов после посещения Красноярска с восхищением описал старый центр города:

- (1) *Самый кайф – это огромное количество исторической архитектуры. Центр города прямо как музей, где по улицам расставлены экспонаты различных эпох. Такую концентрацию красоты мало где встретишь [Варламов, 2018а].*

В данном примере четыре лексические единицы имеют семантику прошедшего времени: *исторический, музей, экспонат, эпоха*. Эта семантика моделируется при помощи слов квантификаторов (*огромное количество, концентрация*) и риторического приема образного сравнения (*прямо как музей, где по улицам расставлены экспонаты*). Если первые эксплицитно указывают на сему «большое количество», то второе делает это имплицитно – музей и экспонаты призваны актуализировать в сознании читателя сценарий «поход в музей», основной целью которого является получение исторических знаний, знакомство с историей. Есть в контексте и маркеры исключительности – *такую... мало где встретишь*. Немаловажен экспрессивный эмоционально-оценочный оборот *самый*

кайф, его цель передать чувство восхищения Красноярском на том отрезке временной оси, который маркирован «давним» прошлым.

В этой же статье Илья Варламов, продолжая восхищаться архитектурой, говорит о здании старой аптеки:

- (2) *Здание старой аптеки – смотрите, какое чудо! Внутри небольшой музей и историческая мебель. Сохранили старые шкафы. При этом аптека действующая, сотрудники очень приветливые. Вот ходишь по городу, зайдешь в такую аптеку, пообщаешься с продавцами – и как тут не влюбиться в Красноярск?* [Варламов, 2018a].

Для того чтобы читатель проникся атмосферой города так же, как и он сам, Илья Варламов выстраивает свое повествование от так называемого обобщенно-личного второго лица (*ходишь, зайдешь, пообщаешься*), использует прямое обращение к читателям блога (*смотрите, какое чудо!*)

Восклицательное первое предложение с усилительной частицей *вот*, парцелляция (*Внутри небольшой музей и историческая мебель. Сохранили старые шкафы.*), риторический вопрос призваны передать эмоциональное состояние радостного возбуждения, охватившее путешественника при виде старинного центра города.

В подкорпусе примеров, обращенных к советскому прошлому города, – сопоставительная тональность: как было и как стало. Причем оценочность может кардинально меняться: от «было хорошо, стало плохо», до «было плохо, стало хорошо». Так, в следующем медиафрагменте при помощи стилистического приема нисходящей градации (*начали, приостанавливали, заморозили*) подчеркивается, что проект строительства метрополитена в Красноярске был активно начат в советское время, однако до сих пор не был реализован:

- (3) *Метрополитен в Красноярске начали строить в октябре 1995 года, затем работы неоднократно приостанавливали, пока не заморозили стройку* [Дела.ru, 2019].

В примере 3 конструирование прошлого осуществляется таким образом, чтобы подчеркнуть, что многие важные вещи происходили в Красноярском именно в его советском прошлом, а в настоящее время амбициозные проекты не имеют будущего.

В следующем фрагменте наоборот: конструирование прошлого осуществляется в негативном ключе за счет описания «советской» набережной Енисея до ее реконструкции, произошедшей в недавние годы и кардинально преобразившей город:

- (4) *Сейчас пойдем гулять по городу. Посмотрим набережную, тем более ее здесь реконструировали. Когда я здесь был последний раз, тут было все совсем плохо. Посмотрим, как обстоят дела сейчас. В прошлый раз набережная выглядела просто что за*

n*****. Эта была просто парковка с каким-то убитым асфальтом, и там не было вообще ничего. На эту набережную было невозможно спуститься. Там не было никаких активностей. При том что самое вообще ценное место в городе – это у воды, там приятно находиться. Люди любят гулять у воды. И в общем, там всегда все хорошо, и вот это самое ценное место, самое лучшее место города, оно никак, к сожалению, не использовалось. Но мне тут сказали, что набережную переделали, и теперь это не набережная, а чудо какое-то [Варламов, 2018г].

В примере 4 дискурсивное конструирование прошлого осуществляется за счет употребления глаголов в форме прошедшего времени (*реконструировали, выглядела, была, не использовалось, сказали, переделали*), дейктиков удаленности во времени и пространстве (*в прошлый раз, там, последний раз*). Описывая «советский» Красноярск, автор использует эмоционально-экспрессивную обценную лексику: *просто что за n******, а также лексические единицы, передающие разные оттенки негативной оценочности: *совсем плохо, убитый асфальт, невозможно спуститься, к сожалению*. Образ же современной набережной создает контраст: ее называют *чудом, самым ценным и самым приятным местом в городе*.

Конструирование недавнего прошлого осуществляется в достаточно тематически ограниченном блоке публикаций – все они посвящены мировым спортивным соревнованиям, проходившим в Красноярске. Оно всегда имеет позитивную коннотацию и проекцию в ближайшее будущее:

(5) *Красноярск в очередной раз показал себя как гостеприимный и очень спортивный город. Впереди у спортсменов новые вызовы и новые достижения. А в сердцах красноярцев этот день сохранится в памяти полным эмоций, хорошего настроения и ярких впечатлений [Newslab, 2020д].*

С одной стороны, грамматическое время глагола (*показал*) указывает на недавнее прошлое (благодаря коллокату *в очередной раз*), но контекстные «соседи» этого прошлого – лексемы с семантикой будущего: *впереди, повтор новые*. Таким способом рисуется образ динамичного, находящегося в постоянном движении феномена: не успело событие произойти, а город уже планирует будущее.

В англоязычных российских медиа конструирование прошлого города базируется преимущественно на стереотипах о России в целом и Сибири в частности:

(6) *A city dubbed by Chekhov as the most beautiful in Siberia with its historic churches and quaint wooden houses, which later became a major industrial engine in Soviet times and after [The Siberian Times, 2013в].*

Журналист англоязычного новосибирского новостного портала The Siberian Times (пример 6) отмечает, что Красноярск был назван Чеховым самым красивым городом в Сибири благодаря древним церквям и деревянным домам. Дискурсивное конструирование прошлого осуществляется за счет употребления глаголов в прошедшем времени (*dubbed, became*), использования прилагательного *historic*, номинации ярких атрибутов старины – *quaint wooden houses*, которые отсылают нас к временам, когда в городе преобладали деревянные постройки. Отсылка к прошлому осуществляется также и за счет прецедентных имен, актуализирующих наиболее стереотипные «референтные зацепки», связанные с Россией у иностранцев: советская эпоха (*Soviet times*), индустриализация страны (*industrial engine*), А. П. Чехов. Последний, пожалуй, самый известный западной публике русский писатель, создавший эстетику русской интеллигенции.

Проведенный анализ подкорпуса медиадискурсивных фрагментов, наиболее яркие из которых были приведены в тексте, демонстрирует, что основными языковыми средствами конструирования образа прошлого города являются: на уровне морфологии – формы глаголов в прошедшем времени; на лексическом уровне – дейктические лексемы, а также лексемы с временной семантикой, многие из которых реализуют референциальные отсылки к конкретным датам и эпохам. Отдельно следует выделить важную роль лингвоаксиологической стратегии в процессе конструирования образа прошлого города: ее реализация представляет собой, образно говоря, ломаную линию, каждый отрезок которой отделяет определенный участок этого прошлого, делая его неоднородным. Так, выделяется «давнее прошлое», которое маркировано исключительно позитивно; «советское прошлое», становящееся объектом противоречивой аксиологической интерпретации; и наконец, «недавнее прошлое», имеющее футуральную перспективу и в большинстве случаев гипертрофированно позитивную оценку.

Настоящее

Дискурсивное конструирование настоящего показывает нынешнюю обстановку в городе, его развитие на данный момент времени и текущее представление о нем. Предвосхитим некоторые основные тенденции в конструировании настоящего Красноярска: 1) использование лексических и морфологических средств, реализующих идею развития; 2) фокализация образа города через призму восприятия Наблюдателя – реального человека, живущего здесь и сейчас, который склонен солидаризироваться с некоторым значимым социальным коллективом, становясь выразителем его мнения; 3) использование приема сравнения в качестве когнитивного базиса для конструирования образа города.

Рассмотрим несколько наиболее ярких примеров:

(7) *Благодаря богатому ресурсному потенциалу Красноярский край один из наиболее динамично развивающихся регионов страны. В связи с активным ростом краевой экономики (реализацией комплексного инвестиционного проекта «Енисейская Сибирь», строительством новых объектов, развитием сельского хозяйства) в регионе большая кадровая потребность. <...> Кроме того, Красноярский край входит в двадцатку регионов страны по среднему уровню заработной платы и занимает первое место по уровню заработной платы в СФО», – пояснили в агентстве [Newslab, 2019г].*

Интересно, что в плане настоящего частотным средством дискурсивного конструирования образа города становится классифицирующая стратегия: город постоянно включается в разнообразные категории, некоторые из них имеют достаточно размытые границы (*один из наиболее динамично развивающихся регионов страны*), другие – формально более четко очерченные (например, разнообразные рейтинги: *входит в двадцатку, занимает первое место*). Думается, что здесь мы имеем дело с дискурсивной практикой так называемого спина [Бодрунова, 2010, с. 249], предполагающей «превалирование презентационной функции текста над его содержательной стороной и информационной функцией и позволяющей с помощью вербальных и невербальных средств манипулировать восприятием и оценками адресата информации в целях выгодного представления коммуникатора и сообщения в глазах адресата» [Там же].

Манипулятивный характер техники моделирования образа города хорошо угадывается за преконструктами дискурса [Пешё, Фурс 1999]. Речь идет, как правило, об отглагольных существительных, употребление которых уже не ставит под сомнение реальность заложенного в их семантике действия: *в связи с активным ростом экономики – факт того, что экономика развивается, становится по умолчанию принимаемой информацией, фоном, на котором фигурой выступает идея активности этого процесса. Она раскрывается через серию других существительных (реализация, строительство, развитие), а также наречий и прилагательных с семой развития (динамично, активный, новые объекты).*

Пример 8 иллюстрирует другую особенность конструирования образа Красноярска в настоящем – появление яркого образа Наблюдателя, который является свидетелем происходящего и склонен к включению себя в некоторую общность (современники, жители города, поколение) при помощи так называемого объединительного *мы*:

(8) *«За время подготовки к Студенческим играм наш город преобразился. У нас появились современные спортивные сооружения, благодаря которым Красноярск получил возможность принимать крупные мероприятия. На объектах Зимней универсиады*

2019 уже прошли чемпионат России по фигурному катанию на коньках, первенство мира по керлингу среди юниоров и другие состязания, а теперь и этапы Кубка мира по фристайлу. Меня очень радует, что Красноярск продолжает развиваться и становится центром ярких спортивных событий», – сказал руководитель Дирекции спортивных и социальных мероприятий и проектов Максим Уразов [Newslab, 2020a].

Образ города выстраивается через личное восприятие чиновника (*меня очень радует*), который как бы говорит от имени всего сообщества горожан: *наш город, у нас появился*. Употребление частицы *уже*, наречия с противительным союзом (*а теперь*) подчеркивают фокализацию восприятия и переживания настоящего города в субъективной перспективе реального, живущего в нем человека. Подобный прием призван спровоцировать когнитивную эмпатию со стороны реципиента текста.

Далее рассмотрим примеры, где конструирование настоящего осуществляется за счет использования сравнений Красноярска с другими городами.

Так, Илья Варламов, сравнивая российские города с европейскими, называет Красноярск Мюнхеном:

(9) *Мюнхен – он почти как Красноярск! Но в Мюнхене почему-то тоже строят нормальное жилье средней этажности с нормальными дворами, с нормальными улицами [Варламов, 2016a].*

Блогер критикует современную застройку города. Предвосхищая возражения городских управленцев, он отмечает, что Мюнхену ничего не помешало избежать многоэтажной уродливой застройки. Сравнение Мюнхена с Красноярском (*Мюнхен – как Красноярск*) обусловлено демографическими и географическими параметрами: города имеют приблизительно равную численность населения и площадь, оба построены на реке.

Другой пример сравнения Красноярска с иностранным городом представлен в статье в виде переведенного журналистами комментария жительницы Канады, впервые приехавшей в Сибирь на первенство мира по керлингу:

(10) *...Мы в первый раз в России, в частности, в Сибири. Красноярск нас впечатлил, он очень красивый, чем-то напоминает некоторые канадские города», – говорит Дженнифер Ленентайн, мама керлингистки Лорен [Newslab, 2020д].*

Здесь заданы эстетические параметры, обуславливающие сходство: имплицитно подразумевается, что он такой же красивый, как некоторые канадские города.

Сравнивают Красноярск и с российскими городами:

- (11) *А когда меня просят объяснить, что такое Красноярск, почему я здесь, говорю кратко: это Питер, с грязным воздухом, никогда не замерзающей рекой, с самой красивой природой и открытыми людьми [Newslab, 2019д].*

В данном примере интересно использование сравнения от обратного – эксплицитно называются отличия Красноярска от Петербурга (*красивая природа* – в Петербурге собственно природные, не парковые, пространства практически не представлены, *открытые люди* – петербуржцы известны своим сдержанным характером и интровертным стилем поведения; *никогда не замерзающая река* – известно, что Нева замерзает зимой), а вот сходства Петербурга с Красноярском только имплицитируются. Читателю оставляют полную свободу для выявления схожих категориальных признаков: Красноярск – это Питер, потому что и там и там много высокообразованных людей, потому что интересная старинная архитектура, потому что царит своеобразная атмосфера? Каждый отвечает на эти вопросы по-своему.

Характерной чертой англоязычных текстов, написанных российскими журналистами для иностранной аудитории, является их риторическая насыщенность. Так, в примере (12) используется анафорический повтор местоимения *we*, а в примере (13) – местоимения *you*:

- (12) *Krasnoyarsk is ready to hold a forum of any level, be it a federal or an international one,' said Gurov. 'We have all preconditions for this – history, money, and people's energy. We accumulated much experience back in Soviet era. We have a host of sports facilities, and we are mapping out a program of the construction of more such facilities in the future. We are already preparing for the 2019 Winter Universiade even though the host city is yet to be picked. Even if our bid fails, we will continue to construct sports facilities and train athletes [The Siberian Times, 2012a].*

- (13) *"When people ask me about Siberia, I tell them that like everywhere else we have a winter and also a summer. You can come to Krasnoyarsk at any time of the year – you'll always find something interesting to do", says Alexander Tretyakov, the Olympic skeleton champion [Hackwill, Sherbakov, 2018б].*

Стилистической маркированностью и несомненной персуазивностью обладает форма «вневременного настоящего», обозначающего стабильные во времени явления, повторяющиеся из века в век (*we have a winter and also a summer*), имплицитирующая идею стабильности. Кроме того, вневременное настоящее ассоциативно связывается с жанрами сентенции, афоризма, назидания, что придает содержащей его фразе еще большую претенциозность.

Таким образом, в англоязычных российских медиа настоящее города моделируется в патетической тональности, которая практически не наблюдалась в дискурсах, обращенных к «внутренней» аудитории.

Будущее

Основными средствами выражения идеи футуральности в русскоязычном и англоязычном медийных дискурсах являются лексемы, включающие в свою семантику идею целенаправленной деятельности и развития: *задача, сроки, повестка, проекты*:

- (14) *«Сейчас перед нами стоит непростая задача – это совмещение сроков ремонта теплотранспортной компании, сроков реконструкции сетей с проектами, которые реализуются в Красноярске, – это „Безопасные и качественные дороги“ и „Комфортная среда“. Естественно, все проекты, которые мы сегодня рассматриваем, мы рассматриваем с точки зрения экологической повестки. Мы понимаем, что те задачи, которые решает СГК, напрямую влияют на состояние экологии. Закрытие „грязных“ котельных – задача № 1. Также сюда входит развитие новых теплосетей», – отметил первый заместитель мэра Красноярска Владислав Логинов [Newslab, 2020е].*

На этом фоне нельзя не отметить тонкую прагматическую игру, ведущуюся в городских СМИ, суть которой состоит в саркастическом подтрунивании над проектами местной администрации по благоустройству города, которые встречают неодобрение среди горожан, но тем не менее активно лоббируются чиновниками. Однако сарказм едва уловим.

Так, в статье с говорящим названием *«“Переводим Стрелку”»: во что превратится исторический центр Красноярска в ближайшие годы»* жаргонизм «переводить стрелку» значительно снижает пафос проекта и является аллюзией на «лихие 90-е», а вопросительный зачин *во что превратится* представляет собой типичное начало для негативно-оценочных риторических вопросов. Прагматическая двусмысленность просматривается и дальше:

- (15) *Всего каких-то 5–7 лет, и Стрелку, возможно, будет не узнать. Пустующие места обрастут высотками и деловыми зданиями с парковками и заборами, а прямо на берегу появится новый символ Красноярска – собор. Пока же исторический центр практически чист, свободен для прогулок и открыт для неплохих панорамных фотографий. Запомним его таким [Newslab, 2020ж].*

Пассаж начинается с указания на относительно короткий промежуток времени (*5–7 лет*), а использование оборота *всего-то*, создает «фокус приближения» будущих желанных событий. Но в следующей

фразе уже появляется саркастическая тональность: *пассаж пустующие места обрастут высотками и деловыми зданиями с парковками и заборами* включает в себя глагол *обрастать* с семой неконтролируемости действия, а нисходящая градация (*высотки, деловые здания, парковки, заборы*) подчеркивает хаотичность застройки, которой грешат центральные кварталы Красноярска. Сарказм еще более оттеняется антитезой в следующем предложении, где на смену семантической изотопии тесноты и хаотичности в образе будущей застройки приходят лексемы, реализующие идею свободного пространства: *пока центр чист, свободен, открыт*. Финальная фраза «запомним его таким» замыкает саркастическое кольцо, как бы говоря, что в будущем это будет потеряно.

Третьей особенностью конструирования будущего города в русскоязычных медиа является широкое привлечение проблематизирующего контекста. Иными словами, будущее города ставится в зависимость от решения существующих проблем:

- (16) *Красноярск вошел в группу отстающих наравне с Воронежем, Омском, Челябинском, Новосибирском, Волгоградом, Ростовом-на-Дону, Пермью и Нижним Новгородом. Средний темп роста ВВП в этих городах с 2010 по 2017 год составляет всего 0,2 %, им потребуется примерно 20 лет, чтобы достичь столичного уровня жизни, но при условии, что годовой рост ВВП увеличится до 6,4 % [NGS24, 2019].*

Формирование проблематизирующего контекста (пример 16) начинается с референциальной отсылки к прошлому: глагол в прошедшем времени (*вошел*), точные даты (*с 2010 по 2017 год*). Дальнейшие же отсылки к будущему формируются за счет глагольных лексем с семантикой усилия (*потребуется, достичь*). Образ такого будущего формируется достаточно неуверенно – планируемые изменения могут и не произойти. Об этом свидетельствует наличие лексических единиц с семантикой приблизительности и условия (*примерно, при условии*).

В англоязычных примерах будущее города конструируется исключительно в позитивной оценочной тональности, риторической основой для которой становится антитеза «закрытое прошлое города (Красноярск в течение многих десятилетий был закрытым городом) – его открытость всему новому в будущем»:

- (17) *The pictures show Krasnoyarsk as it might be less in than two decades from now. They are highlighted in a fascinating new 96-page blueprint called 'Krasnoyarsk Foresight: Images of the Future 2030'. <...> The ambitious document sees Krasnoyarsk as 'a gateway for world investment and new technologies. It opens Siberia to the world, and the world to Siberia'. If exile was a past reality, connecting to the world is the future [The Siberian Times, 2013в].*

Открытость к новому, к контактам постулируется за счет лексических средств (*a gateway, to open, to connect*), а также стилистических приемов антитезы (*If exile was a past reality, connecting to the world is the future*) и хиазма (*It opens Siberia to the world, and the world to Siberia*). Обе фигуры встречаются в одном контексте, формируя конвергенцию. И в том и в другом предложении ключевым словом является лексема *world*, частотность которой обусловлена попытками выстроить дискурсивный образ будущего Красноярска в координатах мирового сообщества и, прежде всего, мирового спорта:

- (18) *Tennis star Dinara Safina has been appointed special envoy for the games in Krasnoyarsk. 'I am confident that this city is a worthy host of the games of such a high level,' she said. 'The hosting of the Universiade will open up new prospects for the city development – new buildings, dozens of thousands of athletes and visitors from all corners of the world, new opportunities for training future stars of the national and world sports'* [The Siberian Times, 2012a].

Мы проследили, в каких сферах экономики локализуется будущий Красноярск англоязычными медиа. Эти сферы одни из наиболее привлекательных, ассоциирующихся с развитием, престижем, европейскими ценностями. Красноярск видится как центр международного сотрудничества (пример 19), новых технологий (примеры 20, 23, 26), исследований Арктики (пример 21), туризма (пример 26), инженерных инноваций (пример 22), реабилитации и отдыха (пример 25):

- (19) *'The city must become multi-lingual... a global logistics hub and a center for international cooperation', the document reads.*
- (20) *Krasnoyarsk is the center of development and introduction of new technologies and practices, related to the life and work in harsh climatic conditions.*
- (21) *For this the city has to become the center of Arctic development and the centre of a new understanding of life in the North.*
- (22) *Astride the Yenisei River, it must become 'the engineering and innovation center of an international level; the center of modern, high-tech production.*
- (23) *The city should support the establishment of technology parks and prototyping complexes, R&D centers of large companies. It needs to develop science and education.*
- (24) *Krasnoyarsk has a potential to become the center for consumption and recreation for employees and industrial companies of the nearby regions.*

- (25) *Creation in a gaming zone and development of the tourism industry will help Krasnoyarsk become an entertainment center of Siberia.*
- (26) *In my opinion, future Krasnoyarsk is not only factories and polluting industries. It's high technology which will led us into the future [The Siberian Times, 2013в].*

Во всех вышеприведенных примерах конструирование осуществляется за счет употребления модальных глаголов с футуральной перспективой (*must become, should support, needs to develop, has to become*); а также лексических единиц с семантикой будущего: *become, develop, new, development, potential, future, creation*. Технологии здесь метафорически представлены как сила, ведущая город за собой в «светлое будущее» (*It's high technology which will led us into the future*).

Таким образом, рассмотрев специфику дискурсивного конструирования будущего Красноярска в русскоязычных и англоязычных российских медиа, можно резюмировать, что если в первых оно моделируется в координатах целеполагания, критической оценки и проблематизирующего контекста (прогнозирования), то для зарубежного читателя тиражируются яркие, но расплывчатые образы нового технологичного города, открытого миру.

Дискурсивное конструирование Красноярска: пространственная ось

Городское пространство

Городское пространство Красноярска представлено зданиями, улицами, площадями и иными объектами, имеющими особую значимость для города.

Так сложилось, что в течение уже нескольких лет архитектурный облик Красноярска активно обсуждает в своем блоге московский журналист и сооснователь фонда «Городские проекты» Илья Варламов. Он не только с известной степенью регулярности приезжает в Красноярск, но и активно дискутирует с мэром города. Рассмотрим далее несколько фрагментов его блога:

- (27) *Много советской архитектуры, которую изуродовали нелепыми входными группами. Господа, требуйте сноса ларьков. Ну что это за позор? Ларьки могут быть, но для центра города надо разработать единый дизайн, который не будет портить внешний вид улиц [Варламов, 2018а].*

Импликатура данного дискурсивного фрагмента состоит в том, что общий архитектурный облик города в целом нравится урбанисту, однако дважды лексическими средствами им актуализируется идея вреда (*изуродовать, портить*), наносимого изначальной красоте. С жела-

нием изменить ситуацию связана доминирующая деонтическая модальность фрагмента, где долженствование выражается морфологически императивом (*требуйте!*) и неопределенно-личной конструкцией *надо*. Таким образом, формируется противоречивый и многослойный образ города, поскольку автор указывает и на негативные, и на позитивные стороны городской архитектуры:

(28) *Я в Красноярске. Я иду по проспекту Мира, по улице Ленина и наслаждаюсь шикарными историческими зданиями. А насладиться тут есть чем! Они словно великоленные ступени на лестнице, ведущей в рай! Но об этом чуть позже... Очень коротко о впечатлениях. Дороги – п****. Новый аэропорт – о****но. Набережная – ну как-то очень примитивно. Автобусы – судя по запаху и дыму, они тут на угле ездят! Ресторан 0.75 Please – просто невероятно. Почему я раньше о нем не знал? Ради этого подвальчика стоит все бросить и прилететь в Красноярск. Это просто отвал башки. Очень вкусно, шикарный выбор вина, невероятный интерьер, а цены в 5 раз меньше, чем в Москве за такой уровень. Да как такое возможно? Нет, это сон... П-образные пешеходные переходы – я редко желаю зла другим людям, но в этом случае я надеюсь, что человек, придумавший так изнасиловать улицы Красноярска, будет очень долго жить и каждый день мучиться [Варламов, 2018б].*

Чувствуя себя в роли «дискурсивного демиурга», Варламов классифицирует городское пространство, присваивая каждому объекту один из двух ярлыков: хорошо или плохо. Таким образом, он использует мифологический способ структурирования мира – бинарные оппозиции [Мелетинский, 1976]. Первый полюс маркируют разнородные с точки зрения их социо-символической компоненты оценочные лексемы: поэтически возвышенные (*шикарный, наслаждаться, великоленный, невероятный*), разговорно-сниженные (*отвал башки*) и табуированные (*о****но*). Второй полюс оппозиции маркируется менее выражено, но также стилистически разнородно: от *примитивно* до *п*****. Мифологичность образа Красноярска усиливается второй оппозицией – сакральной. Это противопоставление «рай – ад»: *ступени на лестнице, ведущей в рай* (об исторической архитектуре) vs *и каждый день мучиться* (импликация «как в аду» – о разработчиках красноярских пешеходных переходов). Тема «ада» также усиливается речевым жанром проклятия (*я редко желаю зла другим людям, но в этом случае я надеюсь, что человек, придумавший так изнасиловать улицы Красноярска, будет очень долго жить и каждый день мучиться*).

Следует отметить, что городское пространство, конструируемое в дискурсе медиа, достаточно четко делится на центр и периферию (окра-

ины, спальные микрорайоны), при этом способы и лингвоаксиологические стратегии их моделирования существенно отличаются.

Рассмотрим несколько примеров, создания образа центральной части Красноярска:

(29) *«Все под рукой и эстетически приятно»: как красноярцам живется в самом центре города [Newslab, 2020з].*

«Жить в центре чисто эстетически приятно – классная архитектура, хорошие дороги, парки, скверы. В спальных районах Красноярска, увы, с этим пока все очень не очень, не говоря уже об индустриальном правобережье», – считает житель Красноярска Алексей, который уже более 7 лет живет в Центральном районе [Newslab, 2020з].

В данном примере интересна жанровая форма заголовка статьи – инвертированная загадка, поскольку сначала дается ответ на вопрос, который следует после самого ответа. Использование литоты (*все под рукой*) включает город в такую систему координат, где все устроено по мерке человека – экологичный город «для людей».

В данном контексте городское пространство ранжируется: *центр, спальные районы, индустриальное правобережье*, указывая на разную степень их удобства для проживания. Центр города характеризуется положительно (*эстетически-приятно, классная архитектура, хорошие дороги*), а образ спальных районов представляется менее радужным: междометия с семантикой сожаления (*увы*), прием языковой игры (*очень не очень*), а также устойчивое сочетание (*не говоря уже о*) помещают спальные районы на противоположный по сравнению с центром полюс оценочной шкалы.

Растущая роль стратегии брендинга городов [Соколова, 2015] в дискурсивном пространстве PR способствует тому, что несколько ярких городских объектов могут активно «раскручиваться», постепенно превращаясь в знак города, способный в некоторых контекстах его замещать.

Одним из таких городских объектов Красноярска является Коммунальный мост, построенный через р. Енисей и соединяющий два берега. Он является особенным, поскольку запечатлен на 10-рублевой купюре, а также внесен в справочник ЮНЕСКО [Митрухин, 2020]. Так, в статье в электронной версии газеты «Аргументы и факты. Красноярск» автор, рассказывая об этой постройке, отмечает:

(30) *Коммунальный мост в Красноярске для большинства россиян всего лишь картинка на десятирублевой купюре. Однако этот сооруженный в стилистике позднего сталинского ампира железобетонный красавец даже в мороз притягивает к себе тысячи*

горожан: погулять и полюбоваться на переправу – воздушную издалека и очень надежную вблизи [Митрухин, 2020].

В данном контексте мы можем наблюдать пример использования приема, обратного брендингованию: объект, уже ставший знаком-индексом, указывающим на Красноярск, как бы реинтерпретируется – ему возвращается его внутренняя форма. Это делается с опорой на риторический прием расширения (*всего лишь картинка – однако это место притяжения всех красноярцев*). При описании моста автор прибегает к использованию жанра искусствоведческой экскурсии, поскольку о мосте рассказывается как о произведении искусства (*сооруженный в стилистике позднего сталинского ампира*). Эстетизации моста способствуют метафоры (*железобетонный красавец, воздушная и надежная переправа*), антитеза (*воздушную издалека и очень надежную вблизи*).

Имиджевая стратегия в дискурсивном конструировании города проявляется в многочисленных приемах создания аттрактивного образа города – модного, находящегося «в тренде».

В следующем примере квалификация новой подсветки Коммунального моста «*это столичная история*», где слово «история» в значении «тема» относится к типично московскому сленгу, призвано создать привлекательный образ города, сравнимый со столичным:

(31) *«Это столичная история»: официально запущена подсветка Коммунального моста [NGS24.ru, 2018].*

Однако современное строительство новых районов губит все усилия по созданию аттрактивности имиджа города. Новые преимущественно спальные районы – следующая после центра зона городского пространства. Так, тот же Илья Варламов после посещения нового района «Белые росы» на правом берегу Енисея выразил негативное отношение к нему со свойственной ему эмоциональностью:

(32) *И тут прямо на берегу Енисея растет гигантский район. Настоящее днище! Бесконечное множество одинаковых многоэтажных башен. Самое дешевое жилье без инфраструктуры. Район, который обречен превратиться в многоэтажные трущобы. Уже сейчас хочется скорее свалить из этого ада. А он еще только строится [Варламов, 2018в].*

Отрицательный образ новостройки формируется за счет использования изотопии трех сем: большое количество (*бесконечное множество, многоэтажный*); большой размер (*гигантский, башни*); плохое качество (*днище, дешевое, трущобы, ад*). В этой же статье автор продолжает:

(33) *Начнем с архитектуры. «Белые росы» – самое дешевое и убогое жилье, которое сегодня только можно строить. 24-этажные*

коробки из говна и палок. Одинаковые, примитивные, как бараки. Да нет, бараки и то интереснее выглядят. Почти в каждом доме пивные! В некоторых домах – по 3–4 пивных! Складывается впечатление, что люди тут только бухают. Обратите внимание, что за вывесками никто не следит, а витрины никто не делает. Какой смысл делать витрину, если все равно никто не гуляет? Вместо витрины тут появляются яркие кричащие баннеры, которые рассчитаны на людей, припарковавших машину и спешащих скорее к себе в бетонный мешок. Задача бизнеса в «Белых росах» – выцепить человека, который спасается бегством от реальности [Варламов, 2018в].

Здесь мы видим изотопию семы «примитивность»: *коробки, бараки, дешевое жилье*. Экспрессивность негативному образу современной застройки придает целая серия риторических приемов:

- риторическое самоопровержение (*Да нет, бараки и то интереснее выглядят*);
- повтор (*за вывесками никто не следит, а витрины никто не делает; никто не гуляет*);
- риторический вопрос (*Какой смысл делать витрину, если все равно никто не гуляет?*);
- метафора (*бетонный мешок*).

Создается образ бездушной («не для людей») городской среды, своеобразной бетонной махины, поглощающей каждый вечер безличных жителей.

Однако другой новый район города регулярно позиционируется в региональных СМИ совершенно с другой стороны:

- (34) *«Тихие зори» расположились в экологически благоприятном районе города. Поблизости расположены знаковые места отдыха – заповедник «Столбы», Фанпарк «Бобровый лог» и парк флоры и фауны «Роев ручей». Здесь дует свежий ветер, чувствуется запах леса. Несомненный плюс для тех, кто любит часто посещать эти места и просто выезжать за город, – не нужно тратить время на дорогу, все находится рядом. Масштабы дома действительно поражают. Нужно отметить, что дом имеет индивидуальный архитектурный облик с переменной этажностью 19–25. Когда вы подниметесь на 25 этаж, у вас, несомненно, захватит дух, но при этом вы не сможете не любоваться местными красотами. Чего только стоит вид на Енисей и предгорье Саян [Sibnovosti.ru, 2019б].*

Стоит отметить, что в городской медиасреде довольно часто противопоставляют городское и природное пространство. Дискурсивная подача района «Тихие зори» основана на сближении этих двух про-

странств, которое осуществляется сразу в двух стилистических тональностях – официально-деловой и поэтизированной: *экологически благоприятный район* соседствует в одном контексте с *дует свежий ветер, чувствуется запах леса*. Кроме того, используется ряд референциальных отсылок к известным в городе «зеленым» пространствам, а также всемирно известным географическим объектам: *заповедник «Столбы», фан-парк «Бобровый лог» и парк флоры и фауны «Роев ручей»; Енисей, предгорья Саян*.

Если в контекстах 32–33 негативный образ новостроек создавался за счет повтора семы большого количества, метонимически влекущей за собой идею тиражируемости, то в примере 34, наоборот, для позитивной презентации микрорайона акцентируется индивидуальность архитектурного облика домов. Экспрессивность создаваемому образу приносят глагольные лексемы, передающие идею восхищения – *поражать, захватывать дух*.

Что касается конструирования образа городского пространства для англоязычных гостей, то здесь также преобладает стратегия брендинга, однако для нее выбираются несколько иные объекты. Если для русскоязычных медиа это Коммунальный мост, то для иностранцев в дискурсивный фокус помещается часовня Параскевы Пятницы, изображение которой, так же как изображение моста, присутствует на десятирублевой купюре:

(35) *Like the Paraskeva Pyatnitsa Chapel on the top of Karaulnaya Mountain. This is known to Russians everywhere: dating from the mid-19th century, it decorates the ten rouble note as a symbol of Krasnoyarsk, a vibrant cafe culture city four time zones east of Moscow.*

Climbing to the top of the mountain might be a bit exhausting but it's definitely worth it because the panorama from the top says more than a million words as you gaze over a growing city that is home to a million people [The Siberian Times, 2014б].

Необходимо отметить, что в англоязычных текстах, опубликованных накануне Всемирной зимней универсиады, внимание читателя в основном фокусируется на изменениях, происходящих в инфраструктуре города:

(36) *"The Winter Universiade will be held in Russia for the first time on the heels of the country's first World Cup several month ago. The total budget for the games is over one billion euros. Apart from building sports facilities, the local authorities expect to significantly improve the infrastructure of the city, in order to turn the region into an attractive tourist destination" [Hackwill, Sherbakov, 2018a].*

Автор указывает на то, что в городе будут установлены новые спортивные объекты (*building sports facilities*), улучшится инфраструк-

тура (*improve the infrastructure of the city*), в связи с чем город превратится в одно из самых привлекательных мест для туристов (*an attractive tourist destination*). В целом дискурсивное конструирование представлено с позитивной стороны, поскольку описываемые предстоящие события должны преобразить и изменить город в лучшую сторону. Позитивный образ также формируется за счет использования лексических единиц с семантикой положительной оценки: *significantly improve* (значительно улучшит), *attractive* (привлекательный). Следует отметить использование фразеологизма *on the heels of* (по пятам), который указывает на то, что Россия проводит Всемирную зимнюю универсиаду сразу же после Чемпионата мира по футболу, в связи с чем можно говорить о формировании позитивного образа всей России в целом, поскольку проводить такие крупные мероприятия подряд является большой ответственностью и требует больших усилий.

Таким образом, городское пространство в дискурсе русскоязычных медиа претерпевает определенное «зонирование»: есть центр, и он лучшее место города, квинтэссенция его «духа» и атмосферы; есть знаковые места, становящиеся элементом брендинга города; но есть и спальные районы, образ которых аксиологически регулируется относительно бинарной мифологически фундированной оппозиции «живое (природа) – неживое (бетонные мешки)»: «живые» районы оцениваются положительно, «неживые» – отрицательно. В целом дискурсивное конструирование городского пространства достаточно сильно мифологизировано за счет опоры на бинарные оппозиции, составляющие суть мифологического мышления. В англоязычном дискурсе городское пространство конструируется формально: его объектом становятся несколько брендовых элементов и так называемые инфраструктуры.

Природное пространство

Интересно, что природное пространство вокруг города практически не отражено в русскоязычных медиа, в то время как в англоязычных именно его конструирование доминирует. В центре дискурсивного конструкта «природное пространство Красноярска» находится р. Енисей, река претерпевает своеобразную мифологизацию. Редкий иностранец после посещения города не поместил в своем блоге или инстаграм-аккаунте селфи на берегу или на льду Енисея, охарактеризовав реку клишированными эпитетами (примеры 37–38): *the 5th largest river in the world, one of the biggest in the world, most of the year frozen, right in the middle of Siberia*.

(37) *A crazy Greek in Siberia *□□ below me is frozen Yenisey river, the 5th largest river in the world* [Stefanosaddimando, 2019].

(38) *I am here on the Yenisei river, one of the biggest in the world, most of the year frozen, right in the middle of Siberia [Stefano Ferro, 2019a].*

Данные посты затем охотно заимствовались российскими англоязычными изданиями, которые помещали их на своих страницах.

Другое знаковое место природного пространства, отмеченное в англоязычных медиа, – заповедник «Столбы», привлекающий любителей активного отдыха со всей страны, а после Всемирной зимней универсиады и со всего мира:

(39) *Reaching the peak, Krasnoyarsk/Siberia*

I had an amazing trekking just outside Krasnoyarsk, in the Stolby Reserve. The forest was spaced out by gigantic rock formation, impossible to climb I thought, till I saw this couple there, on top [Stefano Ferro, 2019b].

Данный пост (пример 39) гостя из Австралии был опубликован в статье российского интернет-издания Newslab.ru. Описывая увиденное, автор неоднократно использует прием гиперболизации: *gigantic rock formation* (гигантские скалы), *impossible to climb* (недосягаемые). Данный прием характерен в целом для описания заповедника в англоязычных текстах, предназначенных для англоязычных гостей города: *amazingly beautiful landscapes* (невероятно красивые пейзажи), *endless taiga* (бесконечная тайга), *Russia's richest reserves* (самый богатый российский заповедник), *one of the oldest reserves in Russia* (один из самых старых природных заповедников в России).

В поисках точки референции для позитивной характеристики заповедника «Столбы», российские журналисты англоязычных изданий сравнивают (пример 40) их с Альпами (*you get a tastes of the Alps or the Rockies right here*), приводят оценки других гостей, генерализуя их (*Visitors from Russia and abroad are often stunned by the beauty of this place*). Позитивный образ заповедника формируется также за счет использования лексических единиц с оценочной семантикой (*stunned, beauty, magical nature, first class, surprise, clean air, modern, harmony, relaxation*).

(40) *Whatever the season, there is sport and recreation going on here. The Austrian-made chairlift and well-groomed pistes mean you get a tastes of the Alps or the Rockies right here in our city which is maybe still better known to the world for its industry.*

Visitors from Russia and abroad are often stunned by the beauty of this place, which they perhaps had not expected, making the surprise even greater.

The facilities are first class with a high level of service in the magical Siberian nature. Clean air and modern technology are in harmony

here, and for me each time I come up here, it brings a feeling of relaxation [The Siberian Times, 2013б].

Наконец, важное место в образе Красноярска, конструируемом для иностранных гостей, занимают Саяны, в окружении которых находится город:

(41) *My favourite Ukrainian writer Taras Prokhasko wrote in one of his short stories that a perfect city has to have a defensive wall so that people feel protected and a mountain range so that, when waking in the morning, residents will set themselves a goal: to reach another peak. The Sayan mountains give me both these feelings: they surround the city like a fortress, and they are always visible from any part of the city, challenging me to climb higher and dream bigger* [The Siberian Times, 2014б].

Горы сравниваются с крепостью (пример 41) (*like a fortress*), представляются как защитная стена города (*defensive wall*), легко олицетворяются (*they are always challenging me*). В результате формируется некоторая аллюзия на миры в популярном стиле фэнтези – некий город Ривенделл из хоббитов.

На основе проанализированного материала можно говорить о том, что природное пространство Красноярска представлено тремя основными объектами: р. Енисей, заповедник «Столбы» и Саянские горы. Стоит отметить, что в нашей выборке дискурсивное конструирование города через призму природных пространств было по большей части отмечено в англоязычном российском медиадискурсе, ориентированном на иностранцев. Три вышеупомянутых природных объекта подвергаются в англоязычных медиа технике мифологизации: их объективные и субъективные характеристики (размеры, красота, привлекательность) преувеличиваются в целях формирования аттрактивности самого объекта, его значимости и значительности.

Спортивное пространство

Спортивное пространство Красноярска выделяется в особую категорию, поскольку благодаря проведению международных событий Красноярск был полностью оснащен спортивным оборудованием, новыми спортивными объектами, что позволяет городу проводить мероприятия мирового масштаба. Так, с 15 по 22 февраля 2020 г. в Красноярске прошло первенство мира по керлингу среди юниоров, в котором приняли участие керлингисты со всего мира. Соревнования проходили в «Кристалл арене». Рассмотрим несколько характерных примеров описания данного спортивного объекта в русскоязычных медиа:

(42) *«Впервые вижу такую классную арену»: иностранные керлингисты поделились впечатлениями о Красноярске* [Newslab, 2020и].

(43) «„Кристалл арена“ – невероятно красивая и очень большая, пожалуй, я вижу такую впервые. Нам создали здесь все условия для комфортных тренировок и игр. Лед просто отличный! За несколько дней в Красноярске мы посмотрели почти весь город благодаря автобусной экскурсии. Ездили на ваши Столбы, видели мужской монастырь на берегу Енисея. У вас очень красиво!» [Newslab, 2020и].

(44) «В Красноярске просто феноменально организовали первенство мира по керлингу. Как только мы приземлились, нас встретила пресса, на комфортном автобусе повезли в отличный отель. Сам спортивный объект, где проходит турнир, потрясающий, я никогда в жизни такого не видел. Нас тепло приветствуют, и все люди в Красноярске к нам относятся с большой теплотой, это очень приятно <...>» [Newslab, 2020и].

При анализе примеров 42–44 обращает на себя внимание обилие прилагательных положительной оценки, реализующих в совокупности прием амплификации: *классный, красивая, большая, отличный, комфортный, потрясающий*. Кроме того, использованы наречия меры и степени (*невероятно, очень, просто феноменально*), а также образа действия (*просто*), усиливающие авторскую позицию, призванную выразить восхищение. Этой же цели служат также восклицательное предложение (*Лед просто отличный!*) и гиперболы (*я вижу такую впервые / впервые вижу такую / никогда в жизни такого не видел*). При этом обратим внимание на референцию к личному опыту спортсменов – это одна из характерных черт описаний спортивных объектов, сравните в следующем примере:

(45) *За свою карьеру я много, где побывал, и это одна из лучших арен* [Newslab, 2020и].

Приведем еще несколько примеров, описывающих «Кристалл арену» с положительной стороны:

(46) *В феврале Красноярск встречал у себя керлингистов из 15 стран. Соревнования прошли в ледовом дворце «Кристалл арена» – современной площадке, отвечающей всем мировым требованиям* [Newslab, 2020к].

В этом примере дискурсивное конструирование осуществляется за счет использования эпитета с положительной коннотацией (*современный*), а также словосочетания (*отвечающий требованиям*), в значении «подходящий, соответствующий». Весь пассаж *современной площадке, отвечающей всем мировым требованиям* представляет собой риторический прием классифицирующего определения, который служит дальнейшей соответствующей категоризации спортивного объекта читате-

лем. Данный прием регулярно встречается в описаниях спортивных объектов: *соответствуют требованиям Международной федерации лыжного спорта (FIS)* (пример 50); *отвечает всем требованиям Контиентальной хоккейной лиги* (пример 52).

Аналогичным образом представлена «Кристалл арена» в англоязычных источниках (пример 46) – амплификация *big, bright, beautiful* привлекает внимание не только за счет семантики прилагательных, но и за счет повтора трех прилагательных с одной и той же инициальной согласной, производящего, как всякий монотонный ритм, некоторый суггестивный эффект:

(47) *Located near Krasnoyarsk's city center, the Crystal Ice Arena is the big, bright and beautiful facility hosting the World Junior Curling Championships 2020* [Crook-Simiana, 2020].

Другим важным спортивным объектом международных соревнований стал кластер «Сопка».

(48) *«Соревнования на трассах кластера „Сопка“ были проведены на очень высоком уровне, что подтверждается уровнем выступлений спортсменов. Если бы пришлось выставить оценки, то оргкомитет получил бы наивысший балл. Большинство трасс для наших соревнований строятся в местах, где практически нет инфраструктуры: трибун для зрителей, освещения и фанзон. В Красноярске на кластере „Сопка“ есть все необходимое. Надеюсь, что Кубок мира еще не раз вернется в Красноярск!»* [Newslab, 2020в].

(49) *«Трасса почти ничем не изменилась, она одинаково хороша, как на Зимней универсиаде 2019, так и на Кубке мира. Сейчас немного подлиннее бугры, тогда они были почаще. Каждые соревнования для меня важны, поэтому готовлюсь всегда одинаково. Я рад возвращаться в ваш город не только ради соревнований. Помимо высококлассных спортивных объектов, в Красноярске много красивых мест: мой фаворит пока – это часовня на Карaulьной горе, но я еще много, где не бывал. Есть повод вернуться»* [Newslab, 2020а].

Для описания кластера (примеры 48–50) характерно использование лексических средств со значением «высшей границы предельности» (*на очень высоком уровне, наивысший балл, все необходимое, высококлассных*) или уникальности (*единственное место в России*).

(50) *На сегодняшний день красноярский кластер «Сопка» – единственное место в России, где расположены 6 трасс для всех дисциплин фристайла и сноуборда. Все они соответствуют*

требованиям Международной федерации лыжного спорта (FIS) [Newslab, 2019e].

Еще одним важным спортивным объектом, удостоенным права принимать международные события, является «Платинум Арена».

(51) *«Платинум Арена Красноярск» – не только спортивный, но и зрелищный комплекс. Во время Студенческих игр здесь проходили церемонии открытия и закрытия Зимней универсиады 2019, а также соревнования по фигурному катанию. Это самая большая универсальная площадка Красноярска, где можно проводить и спортивные, и культурные мероприятия [Newslab, 2018ж].*

(52) *Сейчас «Платинум» – это самый большой и вместительный ледовый стадион в Красноярске. Сразу после Универсиады все это наследие достанется хоккеистам «Сокола», арена станет их тренировочной базой. Площадка отвечает всем требованиям Континентальной хоккейной лиги, куда красноярские спортсмены стремятся попасть. Также здесь будут тренировать будущих звезд фигурного катания [Столярова, 2019].*

Данному спортивному комплексу уделяется, пожалуй, самое большое внимание прессы. Для его номинации используются разнообразные референциальные цепочки. Даже на примере двух фрагментов (примеры 51–52) мы можем судить о номинативной вариативности, позволяющей представить объект во всем многообразии статусов: спортивный и зрелищный комплекс, место проведения церемоний открытия и закрытия Всемирной зимней универсиады, место проведения соревнований по фигурному катанию, культурных и спортивных мероприятий, универсальная площадка Красноярска, самый большой и вместительный ледовый стадион Красноярска, будущая тренировочная база ХК «Сокол», своеобразный пропуск красноярских хоккеистов в КХЛ, место тренировки будущих фигуристов. Варьируя номинации, журналисты стремятся показать ценность объекта и во временной перспективе (преимущественно футуральной), и с точки зрения его функционала, и общих характеристик, и международного статуса сибирского спорта. Масштабность объекта подчеркивается за счет эпитетов (*зрелищный, большой, универсальный, вместительный*); конструирование футуральной перспективы осуществляется при помощи глаголов, актуализирующих идею будущего либо на грамматическом уровне (*достанется, станет, будут тренировать*), либо на семантическом (*стремятся*).

В англоязычных российских медиа «Платинум Арена» рисуется аналогичным образом: подчеркиваются ее размеры, многофункциональность.

Специфичной чертой дискурсивного конструирования образа данного объекта в англоязычных российских медиа, по сравнению с русскоязычными, является использование «Платинум Арены» как патетически окрашенного символа единения всех сил города для организации Всемирной зимней универсиады 2019 (*uniting the efforts of the authorities, business, city, and region*):

(53) *"The Platinum Arena has become the legacy of the Universiade and a symbol of uniting the efforts of the authorities, business, city, and region, which Krasnoyarsk will be proud of," notes Oleg Matytsin, the President of the Russian Student Sports Union [Intiled, 2019].*

Наконец, последний спортивный объект, ставший одним из наиболее часто упоминаемых (упоминался в 27 % текстов из нашего исследовательского корпуса) – спортивный фан-парк «Бобровый лог»:

(54) *Фан-парк «Бобровый лог» (ул. Сибирская, 92) – самый большой горнолыжный комплекс в Красноярске. Снег искусственный и поэтому жесткий, но зато инфраструктура на высшем уровне. 600 комплектов горных лыж и 200 сноубордов в прокате, сервисная мастерская, ресторан и кафе, инструкторы высокого уровня, склон для новичков, две канатно-кресельные дороги и 10 трасс мирового стандарта [Newslab, 2019з];*

(55) *«Бобровый лог» – инвестиционный проект «Норникеля». Компания построила его за свои средства 13 лет назад, когда об Универсиаде не шло и речи. Но спустя годы именно наличие фан-парка, готового современного горнолыжного комплекса, помогло Красноярску стать столицей Студенческих игр. Хотя говорить о полной готовности не приходилось – к Универсиаде объект готовили еще без малого три года. Чтобы трассы и инфраструктура комплекса соответствовали международным требованиям, «Норникель» инвестировал миллиард рублей. И вот сегодня «Бобровый лог» полностью готов встречать соревнования Зимней универсиады 2019 [Newslab, 2019и].*

Как можно заметить (примеры 54–55), в целом при описании спортивных объектов, и «Бобровый лог» не исключение, журналисты не скупятся на мелиоративные и гиперболизирующие эпитеты, многие из которых построены на прилагательных в превосходной степени (*самый большой, на высшем уровне*), а также на лексемах, апеллирующих к понятию нормы: *уровень, стандарт, требования*. Излюбленным риторическим приемом отечественных журналистов, пишущих о красноярских спортивных объектах, является риторический прием классифицирующего определения: *самый большой горнолыжный комплекс в Красноярске*.

В англоязычных медиа фокус несколько иной: «Бобровый лог» описывается, прежде всего, с точки зрения удобства пользования этой

площадкой для жителей: близость к городу (*right on their doorstep*), всего 20 минут на машине от центра города (*is only a short twenty minutes drive from the city center*):

(56) *In Krasnoyarsk we have 'Beaver Log' – and I'm sure that very few big cities have such fab downhill skiing right on their doorstep. The park borders State Reserve called 'Stolby', famous for its amazing rock structures – and is only a short twenty minutes drive from the city center* [The Siberian Times, 2012б].

Проведенный анализ специфики дискурсивного конструирования спортивного пространства Красноярска демонстрирует, что, во-первых, это пространство формируется практически исключительно за счет объектов, построенных специально к Зимней универсиаде 2019 или реконструированных по этому поводу. Во-вторых, хорошо заметны отличия в конструировании спортивного пространства для «внутреннего потребления» и «на экспорт». В первом случае все характеристики объектов гипостазируются, амплифицируются, профилируются одновременно во многих перспективах: личной, международной, временной, функциональной. В такой многоголосии слышится, прежде всего, желание оправдать те затраты, которые были сделаны, пользой, которую эти объекты принесут горожанам, сибирякам, россиянам. Во-втором же случае наблюдаются как бы два вектора: образ себя для внешнего наблюдателя (мы создали эти объекты путем консолидации всех своих внутренних ресурсов, всех слоев населения) и образ объектов для рядового гостя, их потенциального пользователя (недалеко от города, удобный маршрут).

Дискурсивное конструирование Красноярска в метафорической перспективе

Согласно основоположникам теории когнитивной метафоры Дж. Лакоффу и М. Джонсону метафоризация основывается на взаимодействии двух структур знаний: «когнитивной структуры “источника” (source domain) и когнитивной структуры “цели” (target domain)» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 9]. В русскоязычной терминологической традиции их принято называть область-источник и область-мишень. Область-источник представляет собой «более конкретное знание, получаемое человеком в процессе непосредственного опыта взаимодействия с действительностью» [Там же, с. 10]. В то время как область-мишень – это «менее ясное, менее конкретное, менее определенное знание, это, скорее, знание по определению» [Там же, с. 10].

В нашем исследовании в качестве области-мишени в каждой метафорической модели выступает Красноярск. На основе проанализированного материала были выявлены основные области-источники (табл. 3).

Таблица 3

Области-источники метафорической модели Красноярска

Область-источник	Количество употреблений
Спортивные соревнования	16
Душа и сердце	13
Хозяин	9
Новая земля	7

Согласно табл. 3 большая часть метафор актуализирует в качестве области-источника сферу спорта. Это вполне естественно на фоне недавней Всемирной зимней универсиады 2019. В нижеследующих примерах по отношению к Красноярску используются предикаты, обычно характерные для описания состязаний, конкуренции, соревнований (*иметь все шансы, справиться, выйти на первое место*):

- (57) *Красноярск имеет все шансы провести эти юношеские Олимпийские игры на высочайшем уровне* [Дела.ru, 2020].
- (58) *Затмить ЧМ: справится ли Красноярск с Универсиадой* [Кракова, 2018].
- (59) *Красноярск вышел на первое место по загрязнению в международном рейтинге* [NGS24, 2020].

Следующая по частотности – сфера антропоморфных метафор: географическое положение города в центре территории России переосмысливается с терминах центральной точки в теле человека – сердца и души:

- (60) *«В самом сердце Сибири»: гости со всего мира оценили готовность Красноярска к Зимней универсиаде 2019* [Newslab, 2018].
- (61) *“Follow Us in Siberia” has visited Krasnoyarsk, a city located in the heart of Siberia at the base of the Sayan Mountains, a city that defies expectations, with a dynamic outlook, and a vibrant, young population* [Hackwill, Sherbakov, 2018a].

Лозунг *«Красноярск – душа и сила Сибири»* был придуман мэрией Красноярска в 2018 г. и утвержден в качестве нового слогана города голосованием жителей. В настоящее время он повсеместно используется при описании Красноярска и был особенно популярен при проведении Всемирной зимней универсиады: его можно было увидеть на баннерах, общественном транспорте, в статьях, посвященных Красноярску (рис. 5–7).

Рис. 5. Использование слогана «Красноярск – душа и сила Сибири» для брендинга города в транспортной рекламе

Рис. 6. Использование слогана «Красноярск – душа и сила Сибири» для брендинга города в рамках организации праздничных мероприятий

Рис. 7. Использование слогана «Красноярск – душа и сила Сибири» для брендинга города в рамках организации спортивных мероприятий

Таким образом, концептуальная метафора «Красноярск – душа и сила Сибири», имплицитная и образ самой Сибири как могучего и одухотворенного существа, стала элементом стратегии по «брендингу места». Активно развиваемая сегодня кампания по маркетингу территорий нацелена на «продвижение территорий с их культурным, историческим, природным богатством в качестве, хоть и специфического, но именно товара на рынок» [Горлова, 2020, с. 8]. Такой пример демонстрирует, что дискурсивное конструирование города может легко трансформироваться из феномена, призванного повлиять на массовое сознание в целом, в маркетинговую стратегию, назначение которой – «продать» территорию как рыночный товар.

Следующие примеры иллюстрируют другую область-источник – «хозяин, принимающий гостей». Эти примеры также непосредственно связаны с проведением в Красноярске Всемирной зимней универсиады:

- (62) *В марте Красноярск примет Зимнюю универсиаду 2019* [Кракова, 2018].
- (63) *Красноярск ждет гостей Зимней универсиады 2019* [Новый Омск, 2019].
- (64) *Красноярск встречает эстафету огня Зимней универсиады 2019* [Sibnovosti.ru, 2019a].

Образ хлебосольного хозяина призван создать аттрактивный имидж Красноярска как спортивной столицы мирового студенческого спорта в 2019 г.

Находясь далеко от европейской части страны, будучи в течение долгого времени закрытым городом, Красноярск не часто попадал в объективы теле- и фотокамер – он мало известен иностранцам. Однако интенсивное освещение в медиапространстве в рамках подготовки России к принятию Всемирной зимней универсиады 2019 вполне закономерно затронуло и ее столицу. Как следствие, одной из распространенных областей-источников для метафорического конструирования города является область, которую условно можно назвать «Новая земля» – недавно открытая территория на карте мира (примеры 65–67):

- (65) *«Весь мир откроет Красноярск»: как в городе готовятся к первенству мира по керлингу среди юниоров* [Newslab, 2020б].
- (66) *<...> Подготовка идет на хорошем уровне, и я уверен, весь мир откроет для себя Красноярск как новую площадку и как одну из столиц керлинга в мире. И для нас это очень почетно – принимать таких гостей у себя в городе»* [Newslab, 2020б].
- (67) *«В столице “Енисейской Сибири” очередной спортивный праздник. Сейчас уже у спортсменов и тренеров нет вопросов: „Что такое Красноярск и где он находится?“ <...>»* [Newslab, 2020в].

Красноярск представляется читателям как новое, ранее неизведанное место, целина, которую только предстоит открыть и освоить. Использование такой метафоры указывает на то, что Красноярск – это еще молодой перспективный город, это привлекательное пространство для спортивных и любых других мировых событий.

Таким образом, анализ роли метафор в процессе дискурсивного конструирования Красноярска подводит к мысли о том, что, хотя все они так или иначе связаны с проходившей в городе Всемирной зимней универсиадой, статус их неодинаков: одни метонимически обусловлены этим событием (Красноярск – *радушный хозяин*, Красноярск – *спортсмен*), а другие создают само событие, являясь частью стратегии брендинга территории (Красноярск – *душа и сила Сибири*).

Результаты анализа

Проведенный анализ дискурсивного конструирования (ДК) Красноярска в русскоязычных и англоязычных российских массмедиа в координатах временной и пространственной осей позволил выделить его основные объекты, способы, средства и специфические черты для двух целевых аудиторий – граждан России и иностранцев.

Временная ось

1. Прошлое

1.1. Русскоязычные медиа

Объекты ДК: старый центр города, купеческие особняки, набережная р. Енисей.

Способы ДК: совмещение временного и лингвоаксиологического векторов, сегментирование прошлого на отдельные отрезки, оцениваемые по-разному (давнее прошлое +, советское прошлое +/-, недавнее прошлое ++, поскольку оно обращено в будущее и пропитано «светлыми» ожиданиями).

Средства ДК: формы глаголов в прошедшем времени; дейктические лексемы, а также лексемы с временной семантикой, референциальные отсылки к конкретным датам и эпохам.

Специфика по сравнению с англоязычным дискурсом: детализированность описаний, нюансированность и зачастую амбивалентность либо оппозитивность оценок.

1.1. Англоязычные медиа

Объекты ДК: Красноярск как целостный образ.

Способы ДК: использование стереотипных образов, клише, ориентированных на западную аудиторию.

Средства ДК: прецедентные феномены, номинации реалий, прилагательные с семой времени, глаголы в прошедшем времени.

Специфика по сравнению с русскоязычным дискурсом: типизированность, упрощенность описаний, использование прецедентных феноменов, ассоциирующихся с Россией.

2. Настоящее

2.1. Русскоязычные медиа

Объекты дискурсивного конструирования: Красноярск как целое.

Способы ДК: опора на дискурсивные преконструкты, использование приема сравнения с другими городами, дискурсивная «подача» через субъективную позицию Наблюдателя.

Средства ДК: отглагольные существительные с семантикой развития, использование «объединительного» *мы* и лексических средств, маркирующих фокализацию описания через призму субъективной оценки.

Специфика по сравнению с англоязычным дискурсом: присутствие Наблюдателя – человека, живущего сейчас в Красноярске и являющегося свидетелем происходящих перемен.

2.2. Англоязычные медиа

Объекты ДК: Красноярск как целое.

Способы ДК: приемы риторического «насыщения» и риторической патетизации.

Средства ДК: риторические повторы, использование «вневременного настоящего».

Специфика по сравнению с русскоязычным дискурсом: патетичность и назидательность общей тональности дискурса.

3. Будущее

3.1. Русскоязычные медиа

Объекты ДК: отдельные районы города, исторический центр, в целом инфраструктура города.

Способы ДК: использование приема проблематизирующего контекста, создание прагматической амбивалентности в дискурсе, когда в зависимости от точки зрения в нем можно увидеть / не увидеть иронию, сарказм.

Средства ДК: опора на единицы лексико-семантического поля (ЛСП) «целеполагание», риторические приемы намека, антитезы, иронии; наличие дат, цифр, гипотетической модальности.

Специфика по сравнению с англоязычным дискурсом: общая критическая тональность, тонкая игра на эксплицитном/имплицитном.

3.2. Англоязычные медиа

Объекты ДК: Красноярск как целое.

Способы дискурсивного конструирования: опора на метафорическую антитезу *закрытый почтовый ящик – город, открытый миру*, прием создания «аттрактивного миража», когда город помещается в целый

ряд престижных контекстов (инновации, цифровые технологии, технологии умного города), но ни один из контекстов не конкретизируется.

Средства дискурсивного конструирования: серии антонимов с семами «открытость»/«закрытость», клишированные словосочетания, исключительно позитивно-оценочные лексемы.

Специфика по сравнению с англоязычным дискурсом: риторичность и оценочная (со знаком «плюс») монохромность.

Пространственная ось

1. Городское пространство

1.1. Русскоязычный дискурс

Объекты ДК: исторический центр, Коммунальный мост, спальные районы («Тихие зори»), индустриальное правобережье («Белые росы»).

Способы ДК: стратегия мифологизации городского пространства, его мифологическая систематизация при помощи оппозиций: хорошо/плохо, центр/периферия, уникальность/массовость, живое/мертвое.

Средства ДК: использование риторического вопроса, антитезы, литоты; многочисленные метафоры; опора на изотопию сем в лексических рядах; стилевая негомогенность (лексика разных регистров в одном контексте); оценочная и экспрессивная лексика.

Специфика по сравнению с англоязычным дискурсом: амбивалентность либо оппозитивность оценок; смешение регистров; выраженная персуазивность и экспрессивность.

1.2. Англоязычный дискурс

Объекты ДК: знаковые, брендовые достопримечательности.

Способы ДК: стратегии глорификации и брендинга.

Средства ДК: лексические единицы из ЛСП «движение», лексика с семантикой положительной оценки.

Специфика по сравнению с англоязычным дискурсом: специфический набор городских объектов, гипертрофированная положительная оценочность, элементы брендинга.

2. Природное пространство

2.1. Русскоязычный дискурс (не представлено)

2.2. Англоязычный дискурс

Объекты ДК: р. Енисей, заповедник «Столбы», Саяны.

Способы ДК: стратегия мифологизации объектов природного пространства: их объективные и субъективные характеристики (размеры, красота, привлекательность) преувеличиваются в целях формирования аттрактивности самого объекта, его значимости и значительности.

Средства ДК: оценочная и экспрессивная лексика, олицетворения, клишированные эпитеты.

3. Спортивное пространство

3.1. Русскоязычный дискурс

Объекты ДК: «Платинум Арена», «Кристалл арена», кластер «Сопка», фан-парк «Бобровый лог».

Способы ДК: характеристика объектов через «личную перспективу» спортсменов; классифицирующая стратегия, прием «многообразие точек зрения», когда ценность объекта характеризуется в перспективе различных сфер жизни города и отдельного человека.

Средства ДК: приемы амплификации, классифицирующего определения, ЛСП «высшая граница предельности», референциальные отсылки к различным российским и международным организациям и объединениям.

Специфика по сравнению с англоязычным дискурсом: многократно и с различных позиций подчеркивается ценность объектов, а также производится их когнитивное «освоение» при помощи помещения в разнообразные классы объектов.

3.2. Англоязычный дискурс

Объекты ДК: «Платинум Арена», «Кристалл арена», кластер «Сопка», фан-парк «Бобровый лог».

Способы дискурсивного конструирования: прием конструирования во внутренней и внешней перспективе; в первом случае используется прием патетизации, а во втором – тактика создания утилитарной привлекательности объекта.

Средства дискурсивного конструирования: использование объединительного *мы*, мелиоративных эпитетов, а также лексических единиц с семантикой местоположения.

Специфика по сравнению с англоязычным дискурсом: создаются одновременно два образа – образ себя для внешнего наблюдателя (мы создали эти объекты путем консолидации всех своих внутренних ресурсов) и образ объектов для рядового гостя, их потенциального пользователя (недалеко от города, удобный маршрут).

Кроме того, при анализе концептуальных метафор, используемых для дискурсивного конструирования образа Красноярска, было выявлено, что можно условно разделить все метафоры на две группы: 1) метонимически обусловленные Всемирной зимней универсиадой; 2) метафорически создающие это событие в социуме в рамках стратегии брендинга территории.

3. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ: КОГНИТИВНЫЙ ПРОЦЕСС И АКТ ОЯЗЫКОВЛЕНИЯ

3.1. БЕСКОНЕЧНОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ОЯЗЫКОВЛЕННЫХ ТЕЛОДВИЖЕНИЙ

Из того, что мои действия меня проецируют вовне и осмысляются другими, следует, что я есть язык.

Ж.-П. Сартр [Цит. по: Арутюнова, 1999, с. 325]

Разворот лингвистики к исследованию коммуникативно-дискурсивных языковых процессов способствовал ее обращению к человеческому, или субъективному, фактору в языке, а именно – к выявлению того, как используется язык субъектом речи в зависимости от его коммуникативных интенций, от фактора адресата, от фона общих для них знаний о мире и т. п. А это повлекло за собой и следующий шаг – исследование языкового фактора в человеке – того, как сама оязыковленная и всегда культурно окрашенная картина мира воздействует на человека, формируя его языковое сознание, а вместе с ним и культурно-национальное самосознание.

В. Н. Телия [1996, с. 271]

Одной из главных методологических установок современных лингвистических исследований является признание антропоцентричности языка, т. е. ведущей роли человека в формировании смысла и выборе языковых средств для его передачи, наличия определенной специфики восприятия им окружающего мира и репрезентации полученных знаний в языке.

Н. Н. Болдырев [2019, с. 313]

Уточним основные вводные положения. Русская пословица гласит: «Никогда не знаешь, где найдешь, а где потеряешь». Пандемия как новая реальность бытия человека породила и новые реалии, в том числе языковые. Так, на сайте французского Министерства здравоохранения среди четырех основных превентивных мер (*gestes barrières*) защиты человека и окружающих его людей от коронавируса фигурирует следующее: «*Tousser ou éternuer dans son coude ou dans un mouchoir*» (букв. «*Кашлять или чихать в свой локоть или в платок*»). Вопрос, как *чихать в свой локоть*, если другая пословица говорит о невозможности дотянуться до последнего («*Близко локоть, да не укусишь*»)?! Благо, реко-

мендуемая мера сопровождается пиктограммой, иллюстрирующей данный жест. Жест становится понятным для физической реализации, но его вербальная интерпретация на русском языке далеко не так очевидна. Как ни парадоксально, на помощь приходит авиаперелет «Иркутск – Москва», во время которого стюардесса настоятельно рекомендует при кашле и чихании «прикрываться сгибом локтя»! Не совсем очевидна также вербализация приветствия первых лиц европейских государств, в частности, г-жи Меркель и г-на Макрона, выражающегося не в рукопожатии, а в прикосновении локтями («локтеприжатию»?) или тыльной стороной сжатых в кулак ладоней («кулакожатии?!»). Приведенные выше примеры являются наглядной иллюстрацией проблем, относящихся к сфере невербальной семиотики.

Обратимся в этой связи к общим положениям невербальной семиотики. По свидетельству Г. Г. Молчановой, еще в 1971 г. американский социопсихолог А. Мехрабиан подсчитал и вывел знаменитую модель соотношения вербалики и невербалики в межличностной коммуникации: «55–38–7», где 55 % – невербалика, 38 – голос, т. е. пара- и экстралингвистика, и только 7 % – вербалика, значение произносимых слов [Молчанова, 2014, с. 12]. Не случайно, при безоговорочном признании авторитета естественного языка, «кинетические стороны поведения людей, такие как жесты и жестикуляция, способы, какими люди стоят или сидят, как располагаются друг по отношению к другу, как меняют позы во время беседы, как, наконец, они смотрят друг на друга, играют решающую роль в коммуникации взаимодействия» [Крейдлину, 2004, с. 12]. Поэтому совершенно не удивительно, что в настоящее время вопросы невербальной семиотики все больше занимают умы исследователей в силу очевидной важности для устной коммуникации жестов, поз и телодвижений в целом [Акишина, 1991; Баева, 2010; Волкова, 2016; Гришина, 2012; Дмитриева, 2011, 2018, 2019; Добрикова, 2015; Кильмухаметова, 2004, 2007, 2015; Королькова, 2017; Коротаева, 2015; Крейдлин, 2004, 2014; Лабунская, 2009; Мечковская, 2018; Мишин, 2005; Молчанова, 2014; Переверзева, 2013; Талыбина, 2005; Ю, 2009, 2012 и др.].

Подавляющее большинство работ последних десятилетий опираются на труды Г. Е. Крейдлина, отражающие междисциплинарный характер невербальной семиотики и входящих в ее состав частных дисциплин, таких как общая семиотика, культурная антропология, теория этноса и этнических систем, когнитология и теория когнитивных систем [Крейдлину, 2004, 2014], а также на идею мультимодальности, понимаемой как «описание общих законов и конкретных правил взаимодействия в устном коммуникативном акте вербальных и невербальных знаков» [Крейдлину, 2014, с. 101]. При этом в качестве минимальных невербальных единиц, на базе которых описывается взаимодействие вербальных и телесных знаков, подразделяемых на указательные, изобразительные и

символические, рассматриваются главным образом отдельные составляющие жестов, «включая разнообразные телесные компоненты и признаки соматических объектов, играющие важную роль в образовании и функционировании жестов» [Крейдлин, 2014, с. 103]. Немаловажным в контексте нашего исследования представляется замечание Г. Е. Крейдлина о том, что «характеристики, лежащие в основании выделения этих единиц, свойственны не самим жестам, а их *контекстным употреблением*, [и что] жесты в разных своих употреблениях могут переходить из одного класса в другой, приобретая иные функции и иную интерпретацию» [Там же, с. 105] (курсив. – В. Е. Г.). Эти рассуждения непосредственно коррелируют с идеей А. Вежбицкой о пофрагментарном воспроизведении языковой картины мира в обыденном сознании и способах представления (концептуализации) последней с опорой на эмпирические знания о действительности, общие для пользователей того или иного естественного языка [Вежбицкая, 1996].

Рассуждая о решении некоторых частных проблем межкультурного и межъязыкового соответствия жестов, Г. Е. Крейдлин упоминает и проблемы переводимости, интерпретации невербального текста одной культуры носителями другой, ограничиваясь замечаниями довольно общего характера: «многие жесты данного языка тела допускают перевод и на соответствующий вербальный язык, и на другой, “иностраный” жестовый язык, причем проблемы перевода, связанные с жестовыми языками, примерно те же, что и проблемы, касающиеся перевода с одного естественного языка на другой» [Крейдлин, 2004, с. 49]. Как видим, это направление лишь намечается в трудах ученого и не подвергается глубокому осмыслению как выходящее за рамки предпринимаемого исследования.

Основное внимание в приведенных выше исследованиях уделяется жестам рук и ног, мимическим жестам, позам и семантически нагруженным телодвижениям, что с очевидностью подтверждает аналогичность глубинных процессов, лежащих в основе вербальной и невербальной деятельности человека. Как отмечает В. Г. Гак, «человек эгоцентричен, он видит в себе центр вселенной и отображает мир по своему подобию. Так, названия верхних частей предметов часто восходят к понятию “голова”, нижних – к понятию “нога”, центральных – к понятию “сердце”, стороны определяются по руке (*по правую, левую руку*)» [Гак, 1998, с. 702]. Любопытно, что первостепенную роль в создании человеческой цивилизации ученый отводит именно «руке» как органу человеческого тела, участвующему в жестах, символизирующих определенные взаимоотношения людей, события в их жизни (*пожать руку в знак приветствия; махнуть рукой на прощанье*). Ср.: «В каждом человеческом коллективе образуется система жестов, символизирующих отношения между людьми, различные важные события в их жизни. Люди

ударяют по рукам в знак согласия при сделке, протягивают илижимают руку в знак приветствия, прикладывают руку к документу, чтобы удостовериться его, прижимают руку к сердцу, заверяя в искренности своих чувств, поднимают руки вверх в знак прекращения борьбы или в знак отчаяния, хлопают рукой по плечу в знак дружеского расположения, кладут руку на плечо при посвящении в какой-либо сан, разводят руками при недоумении и т. д.» [Гак, 1998, с. 702–704]. (Как не вспомнить в этой связи определение жеста в Толковом словаре Ушакова: «Телодвижение. Особенно движение рукою, сопровождающее речь для усиления ее выразительности или заменяющее ее».) Весьма значимой, по В. Г. Гаку, представляется и «голова», поскольку именно «с головой связаны некоторые действия, символизирующие определенные переживания людей, их реакции на происходящее: *кивнуть головой* (в знак согласия), *повесить голову* (в унынии), *поднять голову* (начать действовать), *преклонить голову*, *посыпать голову пеплом*. Иногда такие действия имеют переносный смысл: *намылить голову кому-либо*» [Там же, с. 712].

Немаловажен тот факт, что значение подавляющего большинства жестов не всегда поддается расшифровке, учитывая их зависимость от ситуации (см. выше идею контекстного употребления Г. Е. Крейдлина), а также необходимость их рассмотрения в сочетании с другими средствами вербального поведения. Неоднозначность интерпретации жестов нередко объясняется национально-культурной спецификой разных народов, что находит отражение во фразеологизмах отдельно взятого языка (жестовых фраземах или жестовых фразеологизмах в терминах Г. Е. Крейдлина): *развести руками* (досада, недоумение), *пожать плечами* (сомнение), *всплеснуть руками* (радость, восторг) [Дмитриева, 2011].

Сказанное выше получает различное толкование в работах исследователей. Так, Е. Ю. Кильмухаметова рассматривает аксиологический потенциал, т. е. выражение оценочного отношения посредством «кинем» (кинестических речений) [Верещагин, Костомаров, 1981] через призму видения наблюдателя-рассказчика, что позволяет представить невербальное действие в требуемом ракурсе за счет введения уточняющих обстоятельств оценочной семантики: *hausser tranquillement les épaules; serrer vigoureusement les mains; baisser modestement les yeux; secouer la tête avec un entêtement cruel; se froter doucement les mains...* [Кильмухаметова, 2007, с. 69]. Утверждается также, что вербальная репрезентация кинем (ВРК) приобретает особую значимость в аспекте речевых актов, придавая высказываниям значение перформативности. Например, ВРК *se détourner / détourner la tête* (отворачиваться / отворачивать голову) и мимическое движение *ricaner* (ухмыльнуться) в определенной ситуации могут рассматриваться как оскорбление/презрение; *poser son index sur ses lèvres* (приложить палец к губам) – представлять просьбу сохранить информацию в тайне [Кильмухаметова, 2015]. (См.

также жестикуляционные слова / вертикальные и горизонтальные жестовые лигатуры или жесты-*portemanteaux* [Гришина, 2012, с. 15].)

Анализ невербальных средств коммуникации с опорой на репрезентативные функции в терминах Р. Якобсона позволяет Е. Д. Ю не только сделать вывод о языке рук как доминанте несловесного взаимодействия в испанской культуре, но и рассмотреть языковые средства, изображающие жесты рук в диалогическом дискурсе, показав при этом, что последние эксплицируют один из двух планов кинем: экспонентный план выражения жеста посредством глаголов, указывающих направление движения, и контенсивный план содержания жеста как дающий пояснение, заложенное в семантике самих языковых средств, и отражающий ситуацию общения, а также эмоциональное состояние коммуниканта и его отношение к собеседнику. При этом оба плана невербальных средств коммуникации (НСК в терминах автора) эксплицируются обстоятельствами, входящими в состав жестовых речений [Ю, 2009, 2012].

Экспрессивная сторона коммуникативного процесса учитывается и в работах Ю. В. Дмитриевой, отмечающей, что выразительные движения могут выполнять в последнем сигнальную функцию [Дмитриева, 2019]. При этом к языку тела автор относит, прежде всего, язык рук (*протягивать кому-нибудь руку*), пальцев рук (*вскинуть палец*), ног (*переминаться с ноги на ногу*), головы (*замотать головой*), плеч (*пожать плечами*), туловища в целом (*дрожать всем телом*) [Дмитриева, 2011]. В подтверждение сказанного проводится количественное сопоставление лексических единиц *рука, нога, голова, волосы, шея, плечи, спина* на материале русского, английского и немецкого языков, свидетельствующее о том, что наибольшее количество совпадений касается таких компонентов вербального поведения, как *рука, голова, туловище* [Дмитриева, 2018]. Эквивалентные соответствия означенных лексем сведены в таблицу с опорой на труды В. С. Виноградова, Д. О. Добровольского, В. Н. Комиссарова и Я. И. Рецкера [Там же], что представляет особый интерес для нашего исследования.

Представим результаты анализа когнитивно-дискурсивной интерпретанты лексемы «рука» в переводческом аспекте. Выказанная Г. Е. Крейдлиным идея мультимодальности (см. выше) способствует формированию новой парадигмы – «поликодовости, полимодусности, мультимедиальности межкультурной коммуникации», что с необходимостью требует изучения процессов коммуникации в их семиотической целостности и непреложной связи между когницией как формой порождения знания и медиумом как материальной формой его воплощения. Эта «новая модель междисциплинарна, генерируется в прикладном аспекте и не укладывается в конвенциональные дисциплинарные схемы» [Молчанова, 2014, с. 14]. Что касается переводоведения, смена научной парадигмы в данной дисциплинарной области наиболее эксплицитно

обозначена в исследованиях А. Г. Минченкова, выдвигающих и обосновывающих когнитивно-эвристическую модель перевода, отражающую понимание и интерпретацию переводчиком исходного текста с использованием психолингвистического метода «мышления вслух» [Минченков, 2007, 2008], что позволило ряду авторов констатировать факт когнитивного «пробуждения» переводоведения [Цвиллинг, 2009; Алексеева, Шутимова, 2012; Рябцева, 2013; Когнитивное переводоведение..., 2017; Федюченко, 2020].

Понятие антропоцентризма предполагает, что человеком в готовом виде языковые значения и формы не воспроизводятся, а происходит формирование смыслов и выбор средств их реализации заново в каждом конкретном акте речевого общения [Арбузова, 2019, с. 127]. При этом динамический подход к порождению знания связывается с тем, что в коммуникации означивание приобретает интерпретативную перспективу, которая тесно связана с оцениванием [Серебренникова, 2015]. В продолжение приведенных выше рассуждений об антропоцентризме и контекстуальной зависимости оязыковленных телодвижений приведем высказывания крупнейшего когнитолога нашего времени Н. Н. Болдырева [2019]:

1. «Структура любого дискурса <...> представляет собой результат сложного взаимодействия статического и динамического аспектов трех типов контекста: контекста общих знаний о мире, языкового контекста и контекста социокультурных знаний» [Болдырев, 2019, с. 213].
2. «...любое высказывание, как и знания человека, антропоцентрично. <...> Человек сам выбирает объект познания и фокусирует свое внимание на определенных его качествах и характеристиках, осмысливая и закрепляя в языке определенные его аспекты, а также выбирает языковые средства его репрезентации. При этом данные процессы всегда сопровождаются интерпретацией или оценкой объекта в рамках всей концептуальной системы человека, его системы знаний» [Там же, с. 244].

Именно эти положения Н. Н. Болдырева положены в основу нашего исследования, посвященного интерпретации телодвижений на французском и русском языках в переводческом аспекте. Учитывая общие рассуждения, приведенные в первой части работы, в фокусе нашего внимания должны находиться такие динамические («движущиеся») части человеческого тела, как *голова, шея, плечо, локоть, рука, палец, нога, колено*. Как правило, подобный анализ проводится на материале авторитетных фразеологических и энциклопедических словарей, закрепивших те или иные значения указанных лексем с опорой на примеры из классической художественной литературы. Так, по свидетельству

А. В. Федорова, «...передача большого числа фразеологизмов оригинала облегчается наличием готовых соответствий в языке перевода; задача перевода заключается таким образом в нахождении имеющихся соответствий и выборе из их числа наиболее подходящих к данному контексту. В тех случаях, когда для определенной пары языков существуют переводные фразеологические словари или когда общий двуязычный словарь содержит богатый фразеологический материал, переводчик получает особо эффективную помощь» [Федоров, 2002, с. 224].

Любопытным исключением из этого правила представляется исследование Е. А. Гришиной, посвященное описанию базовых указательных жестов (указанию пальцем и рукой – открытой ладонью), проведенное на основе Мультимедийного русского корпуса, включающего кинематографический материал, позволяющий «выравнивать» словесный ряд и соответствующий последнему аудио- и видеоряд, доказывающее, что «выбор того или иного варианта ручного указания диктуется в значительной степени лингвистическими причинами» [Гришина, 2012, с. 5].

Напомним в этой связи строки из знаменитого стихотворения Жака Превера *Déjeuner du matin*:

Et il est parti sous la pluie

Sans une parole

Sans me regarder

Et moi, *j'ai pris ma tête dans ma main* (букв. *взяла голову в руку*)

Et j'ai pleuré.

При интерпретации нашими магистрантами фрагмента, выделенного жирным курсивом, были предложены следующие варианты: *обхватила голову руками, уронила голову на скрещенные на столе руки, закрыла лицо руками*. Опора на видеоряд поставленного на материале этого стихотворения короткометражного фильма, победителя ряда престижных фестивалей 2012–2013 гг., выявляет несоответствие нашим ожиданиям: оставшись одна, девушка плачет, опершись на руку, которую она придерживает другой рукой. Как «выровнять» словесный ряд в соответствии с ситуацией, «визуализированной» таким образом?! Будет ли это культурно специфический или же индивидуальный жест конкретной актрисы?

Продолжим наши рассуждения, обратившись к структурно-семантическому анализу лексемы «рука». Проведенный анализ опирается на корпус примеров, извлеченных методом сплошной выборки из произведений современных французских авторов (J.-P. Dubois, J. d'Ormesson, M. Houellebecq, Y. Khandra, C. Poulain), творчество которых отмечено литературными премиями различного ранга, что позволяет рассматривать язык последних, во-первых, как признанный литературным сообществом Франции и, во-вторых, что особенно важно, как соответствующий современному состоянию французского языка.

Среди 334 примеров, включающих жесты (или «динамические выразительные движения тела» в терминах Е. В. Талыбиной [2005, с. 61]), находим:

bras – 65	tête – 30	jambe – 4	main – 110
cou – 12	genou – 10	paume – 2	épaule – 33
piéd – 17	doigt – 42	coude – 6	poing – 4

Как видим, подавляющее большинство французских оязыковленных телодвижений включают такие минимальные единицы, как *bras*, *main*, *doigt* (рука, кисть руки, палец). Доминирующей в этой тройке оказывается лексема *main* – кисть руки, а не *bras*, что подтверждает тенденцию, зафиксированную во французских словарях: «le mot *bras* est moins utilisé que *main*, *piéd*, *tête* pour former des emplois métaphoriques et codés; malgré sa fréquence, le mot n'appartient pas au petit groupe des termes les plus productifs, dans ce domaine, groupe qui semble être lié aux valeurs de sens: “extrémités des membres et des corps, parties saillantes, principaux viscères”». При этом, находясь в отношении преемственности с *main*, лексема *bras* достаточно редко используется в синонимичных конструкциях типа *la main*, *le bras de Dieu* и образует отдельную группу фразеологических единиц без эксплицитной связи с фразеологическими единицами, содержащими лексему *main* (ср.: “*bras* est en relation de continuité avec *main*; cependant, malgré les domaines métaphoriques communs, réalisés dans des emplois synonymes comme *la main*, *le bras de Dieu*, les locutions formées avec *bras* constituent un ensemble autonome sans rapport étroit avec celles où figure *main*”) [Dictionnaire des expressions, 1989, p. 155].

Как отмечают исследователи в русском языке «слово *рука* обозначает конечность. Но в некоторых языках словесно различаются *рука* в целом и *кисть руки*. Ср. лат. *brac(c)hium* – *manus*, фр. *bras* – *main*, англ. *arm* – *hand*, нем. *Arm* – *Hand*» [Гак, 1998, с. 708]. Рядом лексем представлено и обозначение руки в испанском языке: «*mano* – кисть, *brazo* – часть руки, включающая плечо и предплечье, *palma* – ладонь, *codo* – локоть, *hombro* – плечо» [Ю, 2012, с. 387].

Приведем возможное объяснение такого обозначения А. Вежбицкой: «В русских выражениях телесные процессы в типичном случае предстают как затрагивающие всего человека в целом, тогда как в английском языке они предстают как затрагивающие определенные части тела человека, безотносительно к человеку как таковому. Это явление, состоящее в том, что части тела человека рассматриваются как некоторый аспект данного человека (а не в качестве самостоятельного объекта), конечно, хорошо известно и много обсуждалось в литературе, но интересно отметить, что русский язык проводит это отношение к человеческому телу дальше, нежели многие другие европейские языки, тогда как английский язык допускает его лишь в очень ограниченной сте-

пени» [Вежбицкая, 1999, с. 544]. (См. положение В. Н. Телия об «языковленной и всегда культурно окрашенной картине мира, действующей на человека», приведенное в качестве эпиграфа к данной статье.)

Рассуждения А. Вежбицкой находят свое подтверждение и уточнение в монографии В. И. Хайруллина «Перевод и фреймы», посвященной когнитивному аспекту обсуждаемой проблемы. Относя к «корпоральным» все высказывания, «имеющие отношение к телу», автор настаивает на мысли, что «корпоральный фрейм в английском языке – это проявление более общего фрейма, используемого при описании телосложения и внешнего облика, а именно корпорально-партитивного, при котором подчеркивается “разложимость” человеческого тела на “части”. Это один из тех планов, которые наиболее очевидны и примечательны с точки зрения русскоязычного реципиента <...>. При его активации внимание акцентируется либо на человеке как едином материальном объекте, либо, во-первых, на человеке, а во-вторых, на той или иной части его тела» [Хайруллин, 2009, с. 31].

Структурно-семантический анализ корпуса примеров, в сферу которого входит внутриязыковой контекст, рассмотрение синтагматических и парадигматических отношений собственно языковых феноменов выявляет варианты сочетаемости лексемы «рука / кисть руки» (табл. 4).

Таблица 4

Сочетаемость лексем *bras* и *main*

<i>Bras</i>	<i>Main</i>
s'accrocher au bras de qn	agiter la main
agiter les (le) bras	approcher une main de mon épaule
avancer un (le) bras	balayer son front d'une main lente
balayer les bras de qn	caresser mes mains
bouger le bras	céder entre nos mains
cogner à bras raccourcis sur qn	contempler ses mains
croiser les bras sur la poitrine	couper la main
se dégager des bras	couvrir de sa main
dormir dans ses bras	se disloquer dans mes mains
écarter les bras <i>d'un air navré</i>	dissimuler son visage de ses mains
(s')entourer de ses bras	se donner la main
faire des signes de bras	écarter les mains <i>dans un geste d'impatience</i>
se féliciter à tour de bras	être entre les(des) mains de qn
garder son bras	frapper dans ses mains
lever le bras <i>dans un geste d'apaisement</i>	se frotter les mains
ouvrir (grand) les bras	joindre ses mains <i>comme un fidèle</i>
passer deux bras (autour de mes épaules)	<i>s'abîmant dans la prière</i>
passer un bras autour de la taille	joindre ses mains autour de son nez
prendre son (mon) bras	laisser tomber ses mains
prendre/reprendre dans ses bras	lever la main en l'air
prendre dans les deux bras	(<i>ymb.</i> фашистское приветствие)
prendre entre ses bras	

Окончание табл. 4

<i>Bras</i>	<i>Main</i>
prendre par le bras refermer sur qn ses bras retenir par le bras serrer entre ses bras serrer dans ses bras sortir à bout de bras tendre le bras tirer à bout de bras	lever la main <i>d'un geste plein de réserve</i> manger dans ma main mettre sa main devant sa bouche mouliner avec sa main au-dessus de sa tête occuper nos mains passer de la crème sur ses mains passer sa main sur son visage passer une main sur son front porter la main à la poche poser mes mains sur ses épaules poser une main sur mon épaule poser sa main sur (le bras de qn) poser mes mains sur le visage prendre la tête entre ses mains prendre la(les) main(s) de qn prendre mon visage entre ses mains prendre sa tête dans ses mains prendre la tête à deux mains prendre son front entre ses mains se prendre la figure entre les mains se prendre les tempes entre les mains prendre par la main renverser de la main repousser de la main retenir d'une main retirer la(sa) main saisir la main de qn secouer sa main serrer la main taper dans ses mains <i>en signe d'incrédulité</i> tendre la main (il <i>eut un geste résigné</i> en me tendant la main) tenir son visage entre mes mains se tenir par la main toucher son visage de ces deux mains (se)triturer mes(les) mains

Констатируем, что в подавляющем большинстве примеров лексема *bras* входит в состав свободных глагольных сочетаний в качестве прямого/косвенного дополнения. И лишь в некоторых случаях (3 из 65) выступает в роли подлежащего:

- Le gros Murphy passe un bras fort autour de mes épaules. <...> Son bras me ramène à lui et me serre tendrement [Poulin, 2016, p. 105].

- Un bras lourd s'enroule autour de mes épaules. Il revient à lui et il revient à moi. Ses doigts épais glissent sur ma joue [Ibid, p. 240].
- Je suis triste pour lui, et pour moi : mon percutant bras droit s'est engourdi [Khadra, 2015, p. 67].

Еще реже в пропорциональном отношении к общему количеству примеров в таком качестве выступает лексема *main* (4 из 110):

- Sa main quitte ma joue et attrape la bouteille sur la table de nuit [Ibid, p. 240].
- Une main s'est posé sur ma nuque. Je baisse les paupières. L'étai se resserre et me fait ployer. Il me fait mal. – Viens près de moi, il murmure [Ibid, p. 246].
- Une main puissante se pose sur mon épaule. Je sursaute et me dégage [Ibid, p. 246].
- Il se leva, me tendit la main.

Je suis certain que vous trouverez une fille de *votre rang* qui vous rendra heureux.

Je n'eus pas la force de bouger le bras : sa main demeura suspendue dans le vide [Khadra, 2015, p. 58].

Объяснением такого положения, помимо выраженного идиолекта конкретных авторов (К. Пулен (С. Roulain) и Я. Хадра (Y. Khadra)), может служить тот факт, что во французском языке лексемы *bras* и *main* рассматриваются не как самостоятельные объекты, а как служащие для указания на человека как целое. Использование этих лексем в качестве производителей действия (подлежащих) значительно увеличивает экспрессивность текста/дискурса.

Что касается выявленных нами глагольных словосочетаний, обращение к лексикографическим источникам показывает, что в последних фигурируют лишь некоторые из них, что свидетельствует о значительном расширении сочетаемости анализируемых лексем в современном французском языке (табл. 5).

Таблица 5

Сочетаемость лексем *bras* и *main* по лексикографическим источникам

BRAS	ФРФС, 1963	НФРС, 2005	Larousse, 2010	Dixel, 2010
agiter les bras	–	–	–	+
se croiser les bras	+	–	+	–
se jeter dans les bras de qn	+	–	–	–
ouvrir (tout grands) les bras à qn	+	–	–	–
MAIN				
couper la main	+	–	–	–
(se) donner la main à qn	+	–	+	+
se frotter les mains	+	–	–	+

BRAS	ФРФС, 1963	НФРС, 2005	Larousse, 2010	Dixel, 2010
lever la main	+	–	–	–
lever la main sur qn	+	+	+	+
manger dans la main	+	+	–	–
passer la main sur	+	+	–	–
porter la main sur	+	–	–	–
prendre la main de qn	–	–	–	+
serrer la main à qn	+	–	–	+
taper dans ses mains	+	–	–	–
tendre la main à qn	+	+	+	+

При этом в составе собственно фразеологических единиц, зафиксированных в словарях, находим только лексему *main*:

- avoir la situation en main;
- lever / porter la main sur qn;
- prendre les choses en main;
- prendre mon courage à deux mains;
- réduire en cendres toute main osant se poser sur qn;
- venir les mains vides.

Наш материал позволяет также выявить взаимозаменяемость лексем *bras* и *main* в отдельных словосочетаниях, что позволяет, во-первых, рассматривать последние практически как синонимы, во-вторых, констатировать усиление эмоциональной/экспрессивной составляющей означенных словосочетаний за счет обстоятельств оценочной семантики, нередко содержащих в своем составе эксплицитное упоминание о жесте (*выделено курсивом*):

- agiter le(les) bras – agiter la main;
- écarter les bras *d'un air navré* – écarter les mains *dans un geste d'impatience*;
- lever le bras *dans un geste d'apaisement* – lever la main *d'un geste plein de réserve*;
- prendre son (mon) bras – prendre la(les) main(s) de qn;
- retenir qn par le bras – retenir qn d'une main;
- tendre le bras – tendre la main.

Et c'est là que le bât blesse! Как ни парадоксально, отмеченная выше взаимозаменяемость указанных лексем создает явные проблемы при переводе с французского языка на русский, что особенно очевидно при рассмотрении примеров, содержащих одновременно ряд лексем, обозначающих интересующий нас объект – *bras*, *main*, *paume*, *doigt*.

Обратимся к когнитивно-дискурсивной интерпретанте в приложении к переводу. Проведенный выше структурно-семантический анализ

позволил нам рассмотреть различные типы отношений интересующих нас языковых феноменов. Однако в приложении к переводу гораздо более приемлемым полагаем анализ последних под углом когнитивной теории, поскольку, по авторитетному свидетельству М. Я. Цвиллинга, «подбирая оптимальную формулировку для транслята, переводчик безусловно руководствуется когнитивным опытом, приобретенным им в ходе активного общения в коммуникативном пространстве языка перевода. И именно его представление об иноязычной фреймовой оболочке актуализируемого в данном акте общения сценария и могут стать для него основным (не обязательно эксплицитно осознаваемым) критерием успешного завершения осуществляемого им эвристического поиска» [Цвиллинг, 2009, с. 100].

Проанализируем ряд относительно простых примеров, содержащих лексемы *bras* и *main*. Начнем с рассмотрения контекстов, демонстрирующих взаимозаменяемость последних.

- (1) *Il prend mon bras. Je me dégage. Je ris tête renversée. Il prend mes deux mains. Nous rions ensemble. Et puis je le repousse et je rentre* [Poulin, 2016, p. 321].

Описываемая ситуация не представляет особой сложности для интерпретации, учитывая универсальность поведения партнеров по общению во время любовного свидания, а также тот факт, что «для характеристики значения слова необходима определенная фоновая информация, которую можно рассматривать как структуру общепринятых и в определенной степени обобщенных знаний, которая входит в общую систему культурно значимого опыта и мнений носителей данного языка. Эти знания и выступают в качестве когнитивного контекста формирования и понимания смыслов» [Болдырев, 2019, с. 227]. Соответственно, опираясь на положения когнитивной семантики, настаивающей «на необходимости связывать значение слова с определенным контекстом знания, передающим тот или иной фрагмент опыта» [Там же], мы можем передать реализуемые в оригинальном тексте телодвижения на языке перевода без конкретизации отдельных частей руки как органа человеческого тела (здесь и далее перевод. – В. Е. Г.): *Он берет меня за руку. Я вырываюсь, смеюсь, запрокинув голову. Он берет меня за обе руки. Мы смеемся вместе. А потом я отталкиваю его и ухожу.*

В примере 2 будущий ливийский лидер Муамар Каддафи приходит к отцу семейства высокопоставленного клана, чтобы попросить руки его дочери, и получает отказ:

- (2) *Il se leva, me tendit la main.*

Je suis certain que vous trouverez une fille de votre rang qui vous rendra heureux.

Je n'eus pas la force de bouger le bras : sa main demeura suspendue dans le vide [Khadra, 2016, p. 58].

Во французском тексте фразема *tendre la main* в значении *протянуть руку* зафиксирована во всех проанализированных нами лексикографических источниках и ее очевидная эксплицитность, казалось бы, не должна препятствовать переводу с французского языка на русский. Но, как подчеркивает российский культуролог А. Я. Флиер, смысловое искажение возможно даже при декодировании языка культуры в рамках одной национальной системы языков, а не только в переводе «с какого-либо языка культуры одного народа на соответствующий язык другого народа» [цит. по: Слива, 2013, с. 313].

Понятно, что перевод по определению не может быть дословным, учитывая системные расхождения языков. О закономерных отступлениях от дословности при переводе говорил еще «отец российского переводоведения» А. В. Федоров: «Текст перевода то сужается, то расширяется, то перестраивается сравнительно с подлинником. Такие отступления бывают вызваны, с одной стороны, лексико-стилистическими требованиями (нормой сочетаемости) в языке перевода и, с другой стороны, необходимостью пополнять данные подлинника словами и словосочетаниями, выражающими факты той действительности, которая отражена иноязычным текстом» [Федоров, 2002, с. 232]. На необходимой конкретизации значения глагольного словосочетания настаивает и З. Д. Львовская: «При интерпретации семантического содержания ИТ переводчик всегда прибегает к помощи языкового окружения неизвестного элемента ТО и использует анализ логико-семантических связей между различными элементами текста. В том, что касается языкового окружения неизвестного текстового элемента, представляется важным подчеркнуть, что глаголы и прилагательные, в отличие от существительных, в редких случаях имеют конкретные референции, и их значение конкретизируется через существительное, с которым оно согласуется в тексте. Поэтому поиск контекстуального значения какого-либо глагола или прилагательного рекомендуется вести в рамках синтагм: *V + N*, *N + Adj*» [Львовская, 2008, с. 181].

И это совершенно справедливо. По свидетельству Н. Н. Болдырева, «дискурс любого человека формируется в контексте тех знаний, которые он получает в рамках определенной культуры и определенного социума. <...> И именно эти социокультурные знания определяют структурно-содержательную и языковую специфику его дискурса, служат его концептуальной основой» [Болдырев, 2019, с. 408]. Сказанное позволяет ученому вывести понятие когнитивно-дискурсивной интерпретанты, понимаемой как «присутствующее в дискурсе указание на ту концептуальную область, характерную для того или иного социума или культуры, которая задается субъектом как представителем этого социума для адекватного понимания соответствующего дискурса (как область его определения) и с позиции которой должен интерпретироваться его

смысл; это выбор определенных языковых средств, используемых в этом социуме или культуре для репрезентации данной области и конкретного содержания» [Там же, с. 410].

Учитывая вышеизложенное, полагаем возможным вывести интерпретацию лексемы *bras* в примере 2 на уровень описываемой ситуации, опустив конкретное упоминание о ней в переводе и выразив ощущения говорящего через корпоральный фрейм:

Он встал, протянул мне руку.

– *Уверен, что вы найдете девушку своего круга и она сделает вас счастливым.*

У меня даже не было сил пошевелиться [метафорически: я окаменел, застыл, как соляной столб]: его рука повисла в воздухе.

Констатируем, что в данном случае предложенный нами перевод, во-первых, демонстрирует полную контекстуальную взаимозаменяемость лексем *bras* и *main*, во-вторых, подтверждает возможность еще большей генерализации при интерпретации отдельных частей тела и вывода последних на уровень тела как целого.

Несмотря на внешнюю простоту и лаконичность, несомненную сложность для интерпретации представляют телодвижения в примерах 3 и 4:

(3) *Il se mit à rire de nouveau et mit sa main sur mon bras*
[D'Ormesson, 2017, p. 976].

Пример 3 относится к ситуации, где встречаются два старых знакомых, один из которых отличается откровенно легкомысленным отношением к жизни в противоположность серьезности своего собеседника и полагает возможным несколько снисходительно и свысока вести себя в компании последнего: (букв. *Он снова рассмеялся и положил свою руку (кисть) на мою руку*. В принципе, мы можем положить руку на плечо, на сердце (ср. выражение «положа руку на сердце»), наконец, на ногу в ситуации откровенного флирта. Но на какую часть *моей руки* он положил *свою*?

Полагаем, что поскольку говорящие сидят за столиком в кафе, лексема *main* при переводе требует большей конкретизации. Дело в том, что мы нередко забываем еще одну составляющую кисти руки – *ладонь*. Так, нередко эмпатия собеседника проявляется в том, что он накрывает своей ладонью кисть другого, тем самым, с одной стороны, вторгаясь в его интимное пространство, с другой – демонстрируя свое дружеское расположение и согревая последнего своим теплом (статический аспект жеста). Однако напомним, в разговоре участвуют два собеседника, один из которых снисходителен по отношению к другому. Соответственно, ситуация в примере 3 может быть в динамике проинтерпретирована следующим образом: *Он снова рассмеялся и снисходительно похлопал меня (ладонью) по руке*.

Полагаем уместной здесь небольшую ремарку. Возвращаясь к лексеме *paume*, рассматриваемой в словарях как термин, относящийся к узкоспециальной медицинской области (помета *мед.*), любопытно отметить, что в нашем материале содержится лишь два примера с лексемой *paume*:

- (4) *Dans la chambre j'ai froid soudain. Les grands bras se referment sur moi. Les paumes rudes entourent mon visage. Le mur est froid contre mes reins* [Poulin, 2016. p. 239].
- (5) *Rediger me serra la main avec énergie, la broyant presque entre ses paumes puissantes, en m'assurant qu'il était très heureux de me rencontrer...* [Houellebecq, 2015, p. 251].

В обоих примерах подчеркивается качественная характеристика ладоней человека, выполняющего соответствующее действие. В примере 4 это грубые ладони рыбака, привыкшего к тяжелой физической работе, выполняющего универсальный для европейской культуры жест: он обхватывает ладонями лицо любимой женщины, прежде чем ее поцеловать. В примере 5 за счет обстоятельства подчеркивается энергичность рукопожатия (*serra la main avec énergie*), причем контекст нам подсказывает, что при этом участник общения делает это двумя руками (зд. *ладонями*), что свидетельствует, во-первых, о его расположении ко второму участнику, во-вторых, о силе этих рук. Степень силы заключена в семантике глагола *broyer* и прилагательного *puissantes*.

Но вернемся к нашим размышлениям. Следующий пример демонстрирует полную синонимичность глаголов *mettre* (3) и *poser* (6) в сочетании с лексемой *main*:

- (6) *Avant de quitter le bateau, Jean regarda une dernière fois les dégâts. Posant sa main sur mon bras, il dit: "Cette fois, je crois qu'on l'a échappé belle"* [Dubois, 2004, p. 390].

Однако интерпретация глагольных словосочетаний *mettre sa main sur mon bras* и *poser la main sur mon bras* существенно различается в силу их контекстуальной обусловленности. В примере 3 собеседники сидят за столом (статика), а в примере 6 они готовятся покинуть рыболовецкий траулер, серьезно пострадавший во время шторма (динамика). Соответственно, говорящий не может полностью воспроизвести жест, предложенный нами в предыдущем переводе. Скорее всего он положил руку на *предплечье* последнего. Но как не вспомнить здесь извечный вопрос всех переводчиков: можно ли так сказать?

В этой связи позволим себе небольшое отступление и приведем слова Наташи Ростовской из романа Л. Н. Толстого «Война и мир»: «Ну, я теперь скажу. Ты знаешь, что Соня мой друг, такой друг, что я руку сожгу за нее» [Толстой, 1987, т. 4, с. 10]. В языковом оформлении этого высказывания чувствуется откровенное влияние французского языка.

Как известно, французское выражение *mettre la main au feu* означает «дать голову, руку на отсечение», т. е. быть полностью уверенным в ком-либо или в чем-либо. При произнесении этих слов французы, как правило, выкидывают руку вперед и имитируют жест, как бы держа раскрытую ладонь над огнем. Однако продолжение высказывания Наташи может в полной мере служить демонстрацией эффекта обманутого ожидания: «Вот посмотри – она засучила свой кисейный рукав и показала на своей длинной, худой и нежной ручке под плечом, гораздо выше локтя (в том месте, которое закрыто бывает и бальными платьями), красную метину». Тем самым Наташа хочет подчеркнуть свою безоговорочную привязанность и преданность своей кухне (смысловая трансформация фразеологизма). К слову, у того же Л. Н. Толстого мы встречаем и выражения типа «он взял ее за предплечья», «он взял ее за руки выше локтей», что совсем не вписывается в современную русскую языковую картину мира.

Напомним в этой связи о важной способности переводчика «”видеть за словами мысль”, то есть формировать, отталкиваясь от слов текста, когерентную концептуальную структуру в сознании и затем воплощать ее на другом языке, соотнося концепты со значениями имеющихся в распоряжении этого языка единиц» [Минченков, 2007, с. 139–140]. Соответственно, «весь процесс перевода носит эвристический характер и идет путем выдвижения гипотез с их последующим подтверждением или опровержением. Переводческие задачи решаются применительно к каждому конкретному случаю. Окончательный вариант перевода часто оказывается непредсказуем заранее и вариативен» [Минченков, 2008, с. 10].

К какому же переводческому решению в отношении примера 6 мы можем прийти, используя метод анализа упоминавшейся выше когнитивно-дискурсивной интерпретанты по Н. Н. Болдыреву, заключающийся в анализе структур знания, содержащихся в языковой памяти говорящих и создающих дополнительное многомерное пространство [Болдырев, 2019, с. 415]? Как отмечается специалистами невербального общения, в качестве жеста, демонстрирующего проявление дружеского расположения или ободрения, подчеркивающего мужскую силу и готовность его обладателя прийти на помощь, рассматривается похлопывание по плечу или по спине. В нашем случае собеседниками являются арендатор траулера и девушка-матрос. Несмотря на довольно дружеские отношения, первый всегда помнит о своем доминирующем положении, что является неукоснительным условием слаженной работы рыболовецкой артели. Он не может просто взять за руку или положить руку на плечо своему матросу-женщине. Чтобы скрыть свои собственные переживания, он, скорее всего, постарается успокоить расстроенную девушку описанным выше жестом, не уронив собственного достоинства и подчеркнув тем самым дружеское расположение к ней: *Перед уходом*

Жан в последний раз оглядел пострадавшее судно. Похлопав меня по плечу/спине, он сказал: «Думаю, в этот раз мы еще легко отделались».

Как видим, при переводе на русский язык оказывается возможным обойтись без эксплицирования частей тела, участвующих в реализации конкретного жеста рукой, учитывая, что соответствующая структура знания содержится в воображении и языковой памяти получателя перевода. Подчеркнем, что ситуативная обусловленность глагольных словосочетаний *mettre sa main sur mon bras* и *poser la main sur mon bras* в приведенных выше примерах позволяет к тому же нарушить статичность глаголов *mettre* и *poser*, подчеркивающих результативность процесса, и вывести на первый план собственно динамическую процессуальность повторяющегося действия «похлопать».

Сравните приведенные выше рассуждения с контекстом, эксплицирующим действие «хлопанья» по спине (*tapes retentissantes*):

- (7) *Le premier me prit dans ses bras et m'appliqua dans le dos des tapes retentissantes. Le second claqua des talons* [D'Ormesson, 2017, p. 927].

Подчеркнем, что динамика жеста, описываемого посредством глагола широкой семантики (например, *prendre*), может усиливаться обстоятельством оценочной семантики (*avec violence*), качественная характеристика которого подчеркивается лингвистическим контекстом:

- (8) *Il s'interrompit brusquement, s'arrêta, prit Vanessa par les deux bras avec une violence qui arracha un cri à la jeune fille effrayée par ce mélange d'abandon et de brutalité. ...Elle eut un mouvement de recul. Il lui ouvrit les bras. Elle se jeta contre lui* [D'Ormesson, 2017, p. 877].

Как видим, динамичность ситуации в примере 8 подчеркивается чередой быстро сменяющихся действий. Собственно, лингвистически это находит выражение в динамическом изменении синтаксического оформления: на смену развернутому описанию, выполненному с использованием придаточного предложения и причастного оборота, приходит серия простых предложений, фокусирующих внимание на переключении подлежащих (*он, она*). Такое оформление напоминает движение камеры, высвечивающей действия протагонистов. В описываемой ситуации руки самого исполнителя не упоминаются, действие направлено на руки участника общения, но лингвистический контекст (*arracha un cri, effrayée, avec brutalité*) позволяет интерпретировать происходящее, эксплицируя динамичность последнего: *Он вдруг замолчал, остановился, схватил Ванессу за руки с такой силой, что девушка вскрикнула, напуганная его грубостью и отрешенностью... Она высвободилась из его рук. Он раскрыл ей свои объятия. Она бросилась к нему на грудь.*

В этом плане любопытны контексты, содержащие все три минимальные единицы, относящиеся к концепту «рука»:

- (9) *On se regarde. Il avance un bras pour me retenir. Je tends la main vers son visage. J'effleure sa joue du bout des doigts. Il pose ses lèvres très vite sur les miennes. Je m'écarte* [Poulin, 2016, p. 192].

Пример 9 описывает ситуацию первого свидания. Будучи в определенном смысле универсальной, общечеловеческой, последняя является неким фреймом, который мы можем относительно легко себе представить. Тем не менее попытка интерпретации такой ситуации потребует от переводчика некоторых усилий: *Мы смотрим друг на друга. Он протягивает руку, чтобы удержать меня. Я тянусь (ладонью) к его лицу, дотрагиваясь до его щеки кончиками пальцев. Он быстро целует меня в губы. Я отодвигаюсь.*

Подведем итоги нашего анализа. Проведенное исследование с очевидностью показывает важность интерпретации жестов, поз и телодвижений не только для устной коммуникации, но и для адекватного представления последних при переводе, в частности, письменном. Представление это оказывается возможным благодаря анализу когнитивно-дискурсивной интерпретанты как знаковой составляющей дискурса, лежащей в основе выбора определенных языковых средств для представления конкретного содержания в статическом и динамическом аспекте с опорой на общие знания о мире, языковой и социокультурный контексты.

Что касается лексем *bras*, *main*, *paume*, *doigt*, характеризующих жесты, выполняемые рукой, перевод таковых оказывается возможным благодаря когнитивному опыту переводчика, приобретенному в ходе активного общения в коммуникативном пространстве языка перевода.

В структурно-семантическом плане проведенное исследование доказывает доминирующую позицию лексемы *main*, расширение количества свободных словосочетаний глагол + имя + обстоятельство оценочной семантики, нередко содержащее в своем составе эксплицитное упоминание о жесте, что усиливает эмоционально-экспрессивную составляющую означенных словосочетаний.

Перевод на русский язык позволяет обойтись без эксплицирования частей тела, участвующих в реализации конкретного жеста рукой, учитывая, что соответствующая структура знания содержится в воображении и языковой памяти получателя перевода.

3.2. ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЙ АСПЕКТ УСТУПИТЕЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Конструкции уступительного значения, их грамматические и семантические аспекты, а также понятие уступки в категориальном плане достаточно широко исследовались в лингвистике и продолжают интересовать ученых в настоящее время. Следует отметить, что лингвисты были сосредоточены в основном на изучении категории уступки в рамках семантико-синтаксического подхода, который заключается в рассмотрении и систематизации форм, значений и употреблений вариативных средств уступки в целях синтаксической и семантической классификации уступительных союзов, описании способов их расположения в предложении и выявлении особенностей в их употреблении. В современной лингвистике, в русле теории высказывания и анализа дискурса, особое внимание обращено на роль уступки и, соответственно, определяющих ее средств в дискурсообразовании, которым придается особо важная риторическая и аргументативная роль [Morel, 1996].

Для выявления особенностей интерпретации уступительных высказываний как предмета исследования в данном русле анализа необходимо раскрыть интерпретативную и, значит, их лингвокреативную сущность. Рассмотрим в этом плане само понятие «уступки» и предпримем моделирование структуры прототипической ситуации уступки, опираясь на установленные в теории синтаксиса логико-грамматические основы реализации уступительности в языке.

Французский термин *la concession*, что в переводе на русский язык передается термином «уступка», произошел от латинского глагола *concedere* ‘соглашаться с мнением, отступать, уступать’ и долгое время относился лишь к области риторики. Так, в энциклопедии Д. Дидро дается следующее определение уступки: “Concession: figure de rhétorique par laquelle l’orateur, sûr de la bonté de sa cause, semble accorder quelque chose à son adversaire, mais pour en tirer soi-même avantage, ou pour prévenir les incidents inutiles par lesquels on pourrait l’arrêter” [Encyclopédie de Diderot, 1753, цит. по: Morel, 1996]. ‘Уступка: риторическая фигура, при помощи которой выступающий, уверенный в правильности своих суждений, соглашается в чем-либо со своим оппонентом, но с целью извлечь выгоду или предупредить ненужные возражения, которые могли бы его остановить’ (перевод. – И. В. К.). В XVIII в. термин «уступка» появляется в синтаксисе французского языка, во многом основанном на логическом подходе к классификации языковых явлений. Понятие уступки как особого логического отношения, связывающего два предложения, было определено грамматистами только к середине XIX в., когда риторическое понимание уступки в целом сменяется логическим. Академического характера издание *La Grammaire*

Française (1967 г.) отражает эту новую концепцию уступительных отношений, определяя их как оппозицию, конфликт, который «consiste à rapprocher deux faits qui, normalement, devraient s'exclure» 'заключается в сближении двух фактов, которые, исходя из соображений здравого смысла, в норме должны исключать друг друга' [Цит. по: Morel, 1996]. В традиционных грамматиках французского языка данное сближение двух фактов рассматривается как включающее в себя такие логические компоненты, как оппозицию, рестрикцию и недействующую (неэффективную) причину. При этом причинно-следственное соотношение начального и конечного состояния в такого рода логическом построении приводит к неожиданному, по отношению к понятиям нормальности, правильности, конечному эксплицируемому выводу. Сближение двух фактов и, соответственно, двух возможных мыслительных векторов, образующих мыслительную альтернативу, остается на скрытом уровне. Так, Р. Вагнер и Ж. Пеншон дают следующее определение уступки: «Когда действие или состояние должны были бы привести к определенным последствиям, возникает оппозиция вследствие того, что происходит противоположное, неожиданное действие» [Wagner, Pinchon, 1962, p. 369]. Итак, наиболее общим термином для обозначения логической связи между двумя состояниями принимается термин «оппозиция», причем оппозиция, противоречащая правилу «нормальности» видения положения дел в мире.

Истинная оппозиция (а не контрастность, противоречие) имеет место тогда, когда два факта образуют контраст, но не противоречат друг другу:

- (1) *J'ai acheté une télé hier alors que j'en ai déjà trois* [https://www.youtube.com/watch?v=8eUNjSC0TJs].

Представленный факт, свидетельствующий о том, что говорящий купил вчера телевизор, не входит в противоречие с тем фактом, что у него есть уже три телевизора. В данном примере наиболее четко прослеживается способ выражения оппозиции, в которую входят два суждения, объединенных парадигматическими и симметричными связями. В собственно уступительных же отношениях наблюдается обратная ситуация; связи между фактами оказываются ассиметричными.

Для уточнения сущности структурирования уступительного высказывания, т. е. высказывания, строящегося по логике уступительного отношения, представляется необходимым прибегнуть к моделированию прототипической структуры уступки в рамках подхода, в основе которого лежат концепции Л. Витгенштейна [2003], Э. Рош [Rosch, 1975, 1978], выдвигающих в качестве центрального понятия «прототип». Прототип представляет собой наиболее репрезентативный (канонический, эталонный) вариант определенного инвариантного системного объекта, характеризующийся наибольшей специфичностью, способностью к воздействию на производные варианты и наиболее высокой сте-

пенью регулярности функционирования [Rosch 1975, 1978; Демьянков, 1994; Taylor, 1995]. Уточняя трактовку понятия прототипа, считаем необходимым подчеркнуть следующее: с одной стороны, «прототип – центральный член категории, схематическая репрезентация концептуального ядра категории» [Taylor, 1995, p. 59], с другой стороны, «во многих случаях прототипы функционируют как точки когнитивной референции различных типов и образуют основу для вывода умозаключений» [Rosch, 1975].

Для понимания сути прототипического подхода были выявлены следующие основные положения данной теории [Чайкисова, 2010, с. 46]:

1. Значительную часть нашего повседневного мышления составляет мышление, основанное на прототипах.

2. Естественные категории обладают прототипической структурой, имеют ядро и периферию, их границы размыты.

3. Языковые категории также демонстрируют прототипические эффекты.

4. Члены категории демонстрируют в большей или в меньшей степени черты сходства с тем членом, который воспринимается как лучший представитель категории (прототип), таким образом можно выявить «более прототипических» или «менее прототипических» представителей категории.

Особую значимость имеет то, что с позиций когнитивной лингвистики «конструкции, не менее чем другие объекты лингвистического исследования, должны рассматриваться как прототипические категории, в которых одни экземпляры считаются лучшими примерами конструкций, чем другие» [Taylor, 1995, p. 197]. Рассматривая конструкцию как объединения значения и формы, Тейлор указывает, что, применяя прототипический подход, значение и форму следует определять в терминах центральных случаев (членов). «Конструкция может использоваться для выражения значений, которые более или менее отличаются от центрального образца (specification). При этом элементы, наполняющие конструкцию, также могут отличаться от формальной конкретизации прототипа. Очевидно, что описание конструкции должно включать не только определение прототипа, но и характер, и степень отклонения от прототипа» [Ibid, p. 200].

Итак, применение прототипического подхода позволяет нам яснее понять сущность категории уступки, выявить семантическую структуру, основные свойства, лежащие в ее основе, а также определить прототипическую схему ее порождения в речевом мышлении субъекта говорящего и, следовательно, ее выражения, материализации в высказывании. На основе сходства с данной схемой уступительного выражения становится возможным выяснить, какие еще конструкции относятся к данной категории и представляют своего рода отклонения как «более или менее

прототипические». Конструкции, отклоняющиеся от прототипической схемы выражения уступки по каким-либо признакам, следует рассматривать как вариативные (девиантные), каждая из которых наследует от основной схемы определенные параметры значения и формы. Исследование синтаксических, семантических и лексических особенностей основных элементов уступительной конструкции позволяет выявить характер и степень смыслового и формального отклонения от прототипа.

В предпринимаемом моделировании за исходное берем общее положение, с достаточной очевидностью показывающее, что грамматические уступительные конструкции имеют единую семантическую основу, что в системе уступительных средств выделяются ядерные элементы, а наиболее репрезентативным средством уступительного отношения в предложении/высказывании, семантическим инвариантом, т. е. прототипом уступительности следует считать значение союза *bien que* во французском языке и, добавим для сравнения, союза «хотя» в русском языке [Morel, 1996].

Схематическая структура *Bien que P, Q* представляет собой прототипическую модель логической уступки, где семантические компоненты *P* и *Q* являются двумя пропозициями, а *bien que* – консессивным маркером.

Для выявления сути логического выражения уступки рассмотрим пример 2 и попытаемся выявить ее основные признаки, которые являются, на наш взгляд, базовыми смысловыми компонентами и имеют важное значение как для слушающего, так и для говорящего при осмыслении им ситуации уступки и построении высказывания:

(2) *P: Il pleut beaucoup aujourd'hui.*

X: Bien qu'il pleuve beaucoup, je sors me promener
[<https://www.youtube.com/watch?v=sVplmAJdGPw>].

Прототипическая модель уступки обладает таким дифференцированным признаком, как наличие двух частей логического суждения, т. е. наличие компонента *P* (...*Il pleut beaucoup aujourd'hui*), представленного в виде пропозиции, который оказывается непосредственно доступен собеседнику. Говорящий признает, что «погода плохая, идет дождь» и это может привести слушающего к тому или иному выводу (в данном случае, что он никуда не пойдет), но говорящий добавляет второй компонент, который опровергает этот вывод. Таким образом, говорящий не отвергает, что *P* может быть аргументом в пользу *r*, но приводит при этом аргументацию, которая идет в обратном направлении. Эта часть логического суждения представляет собой причину, раскрывающую в координатах логики здравого смысла, нормальности как одну из наиболее вероятных причинно-следственную перспективу (*non-q*) – *il resterait à la maison*. Обязательным является также наличие компонента *Q* как пропозиции, показывающей следствие действия, вытекающего из *P*.

Компонент Q и вывод $non-q$ входят в противоречие, образуя контрарно-го типа оппозицию. Таким образом, логическая уступка предполагает существование причинно-следственных отношений между двумя содержаниями, одно из которых имплицировано и, следовательно, предполагает процесс декодирования, интерпретации.

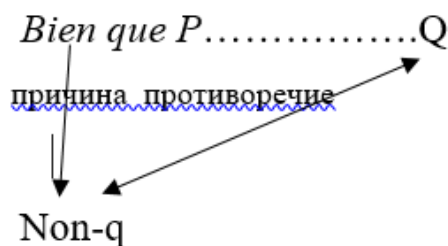
Анализируя пример 2, отмечаем, что уступительный союз *bien que* в роли союзного оборота-коннектора маркирует отношение причинности как независимое от акта высказывания и объективно существующее в экстралингвистическом референциальном мире, мире общего мнения, стереотипного представления, сформированного «нормативным» конвенциональным мышлением. Важно также то, что в рассматриваемом репрезентативном примере *bien que* занимает именно начальную позицию во вводимом им придаточном предложении и целостная синтаксическая конструкция не может быть трансформирована произвольно, в частности, со следующей перестановкой союзного оборота, поскольку данная трансформация повлечет за собой изменение смысла и сделает данное сложное предложение агграмматичным (пример 2'):

(2') **Il pleut beaucoup bien que je sorte me promener.*

В результате анализа примера 2 представляется возможным установить следующие отличительные признаки прототипической ситуации логического отношения уступки:

1. Наличие двух частей логического суждения, т. е. двух пропозиций (P , Q), которые, составляя собой альтернативу совмещаемых мыслительных векторов, входят в некоторый диссонанс, исходя из нормативных целевых установок.
2. Причинно-следственные отношения между двумя содержаниями ($P = \text{Il pleut aujourd'hui}$; $non-q = \text{je reste à la maison}$).
3. Противопоставление двух компонентов $Q = \text{je sors me promener}$ и $non-q = \text{je reste à la maison}$.
4. Экспликация «преодолевающей» диссонанс пропозиции в предложении/высказывании ($\text{je sors me promener}$).

Рассмотренная выше прототипическая модель уступки схематически представлена следующим образом:

Таким образом, уступка представляет собой факт, который предполагает ожидаемое следствие, и ему противопоставляется второй факт,

противоположный ожидаемому. Факт Q , вопреки ожиданию, имеет место быть. Два логических суждения (P , Q) связаны, таким образом, интерпретативной процедурой, показывающей необходимость сделать инференцию – логическую референциальную отсылку/вывод. Данная референциальная отсылка имеет вид анафоры, т. е. ментальной отсылки к фонду знаний в его оценочном и ценностном основании, которая позволяет понять, в какой мере факт P входит в противоречие с фактом Q . Такой оценочной шкалой могут быть соображения здравого смысла, ограничивающие нормальность/анормальность происходящего исходя из наблюдаемых и воспринимаемых обстоятельств ситуации, стереотипные представления о человеке, мире, знания о конкретном человеке, о естественном ходе событий и нормальном течении дел при данного типа обстоятельствах, которые служат дискурсивными инструкциями в интерпретативных процессах.

Одной из фундаментальных характеристик уступки является то, что она имеет место тогда, когда один из фактов некоторым образом затрудняет реализацию другого факта, но не препятствует ему пример 3. Именно в этой характеристике реализуется изначальное «этимологическое» знаково-семиотическое представление *concedere*:

(3) *Bien qu'il fasse mauvais temps, il se baigne*
[<https://www.youtube.com/watch?v=K2sJsvuqLas>].

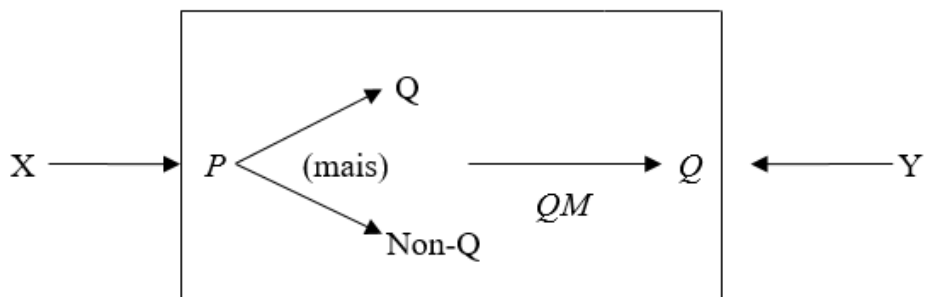
Несмотря на то что была плохая погода, говорящий отмечает, что кто-то (он) купается.

В результате анализа определений и примеров можно сделать вывод, что уступка представляет собой введение в соотношение двух суждений, которые входят в противоречие, но при этом одно суждение не препятствует реализации другого, хотя и затрудняет ее. Таким образом, уступительные отношения имеют парадоксальный характер, так как строятся на столкновении двух типов знания: «экзистенциального», уже освоенного знания/опыта и знания феноменологического, актуального, неожиданного с точки зрения видения наиболее вероятной перспективы развития ситуации. В результате возникает когнитивный диссонанс [Фестингер, 1999]. Не столько изложение двух вступающих в контрарную оппозицию фактов важно в данном случае, сколько само это конституирующее парадокс столкновение, диагностирующее сложность интеллектуального усилия субъекта высказывания в его ипостаси концептуатора – интерпретатора наблюдаемого состояния дел в мире в данной ситуации и требующего столь же интенсивного интерпретативного усилия со стороны собеседника.

На основании выявленных в ходе анализа признаков прототипического выражения логической уступки попытаемся выявить вариативные случаи ее выражения. Эти модифицированные случаи выражения уступительных значений будут являться своего рода отклонениями по

одному или нескольким признакам от описанной выше прототипической модели, имеющей инвариантный, выражающий в полной мере семантику уступки характер.

Рассмотрим схему интерпретации уступительного высказывания, маркированного *quand même* (QM):

P и Q представляют собой пропозиции; X – субъект говорящий; Y – субъект-интерпретатор; QM – оператор устанавливаемого уступительного отношения субъектом говорящим (X) и одновременно маркер для субъекта-интерпретатора (Y). Q и $Non-Q$ – свернутые логические операции, порождающие альтернативные пути преодоления препятствия в прогрессировании мысли. Условный прямоугольник обозначает ограничение коммуникативной ситуации высказывания.

Поясним суть данной схемы интерпретации уступительного предложения/высказывания на примере:

(4) *Je trouve ça cher, mais je vais quand même acheter un nouveau portable* [<https://www.youtube.com/watch?v=BfHjKB2d9EM>].

В данном случае P (*Je trouve ça cher*) и Q (*mais je vais quand même acheter un nouveau portable*), представляющие собой пропозиции, непосредственно доступны интерлокутору. Логический вывод, который следует из пропозиции P (а именно если считаешь, что телефон стоит дорого, то не будешь его покупать), прерывается и озвучивается в виде выводной ассерции прямо противоположного следствия.

Субъект-интерпретатор воспринимает высказывание субъекта говорящего так, что консессив QM является маркером-инструкцией к мысленному восстановлению с учетом данных контекста двух альтернативных перспектив развития мысли, одна из которых оказывается преодоленной субъектом говорящим. $QM \rightarrow [\dots]$ – содержание, имплицуемое посредством QM .

В рассмотренном выше примере наблюдается явно выраженный, т. е. эксплицированный компонент P , который оказывается непосредственно доступен адресату. При этом в ходе анализа различных примеров выявляются случаи, когда данный компонент имплицирован и должен восстанавливаться с опорой на контекст, ситуацию или конситуа-

цию для установления уступительных отношений. Исходя из этого, рассмотрим следующий пример:

(5) *Tu aurais quand même pu me prévenir!* [Trois hommes et un couffin].

В данном примере Мария-Роза выражает недовольство, потому что Жак не предупредил ее о своем приезде заранее. Именно это и вызвало прерывание рационального интенционального состояния, вызывающего оценочную модализацию субъекта говорящего (X) в форме уступительного высказывания, маркируемого QM . Оценочная модализация субъекта связана с прерыванием рациональной целостности и возникновением неконгруэнтного состояния когито. Неконгруэнтное состояние [Laraïge, 1991] субъекта говорящего понимается как вхождение в состояние внутреннего противоречия при совмещении знания уже имеющегося, «преструктурированного», упорядоченного, отвечающего нормальному представлению о мире, и знания феноменологического – того актуального знания, источником которого является ситуация, воспринимаемая как неожиданная благодаря наличию в ней некоторого обстоятельства, становящегося референциальной опорой, что приводит к возникновению когнитивного диссонанса в картине мира субъекта восприятия. Картина мира понимается как упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (групповом, индивидуальном) сознании [Попова, Стернин, 2002]. Преодоление когнитивного диссонанса происходит в виде ассерции уступки. Для субъекта интерпретатора Y , консессив QM является маркером-инструкцией к мысленному восстановлению двух альтернативных перспектив развития мысли, одна из которых была преодолена субъектом говорящим. Недовольство выражается в виде упрёка, но не в резкой форме, как это бы имело место в высказывании без оборота QM . Анализируя пример 5 с точки зрения выявленных выше признаков, приходим к выводу о том, что компонент P носит неявный, конситуативный характер и выделяется только по обстоятельствам самой ситуации общения, экстралингвистической ситуации. В результате можно сделать вывод, что употребление QM в такого рода высказываниях отсылает интерпретатора к социальной норме, к общепринятым нормам поведения в обществе, к знаниям «идеальной», нормативно вежливой ситуации поведения.

Таким образом, есть основания утверждать, что существуют такие случаи структурирования уступительного отношения посредством QM , когда компонент P , т. е. пропозиция (основание) имеет скрытый имплицированный характер и восстанавливается по обстоятельствам конкретной экстралингвистической ситуации, а компонент Q представлен выраженной пропозицией.

При этом выделяется ряд случаев относительно автономного употребления консессива QM , когда следует восстанавливать оба компонента:

- (6) [*Devant un spectacle inattendu d'une bagarre dans la rue*]:
– *Quand même!* [Salins, 1996, p. 226].

При интерпретации данного высказывания, содержащего консессив *QM*, следует обратить внимание на то, что интерпретативная опора является ситуативно-обусловленной, как и в предыдущем примере 5. Данная опора способствует мысленной реконструкции уступительного отношения по условиям и обстоятельствам речи с опорой на нормативные целевые установки и ценностные ориентиры участников коммуникации. Высказывание, содержащее консессив *QM*, было произнесено человеком, который стал свидетелем неожиданной ситуации на улице. В приведенном примере можно вывести следующую импликацию, которая и будет содержанием компонента *Q*: «Это неправильно, так не поступают, не ведут себя на улице». Для выявления доминирующих выражаемых эмоций важную роль играет интонация, с которой произносится высказывание. Именно при помощи оборота *QM* выражается удивление, возмущение и абсолютное несогласие со сложившейся ситуацией.

Следовательно, существуют случаи употребления консессива *QM*, в которых наблюдается эксплицированность двух частей логического отношения уступки и случаи, когда логическое отношение уступки восстанавливается и интерпретируется по конситуации или с опорой на элементы наблюдаемой ситуации (пример 6). В первом случае, очевидно, значительно облегчается интерпретационная процедура, инференции устанавливаются на основе выраженных, эксплицированных пропозициональных компонентов. В том и другом случаях уступка представляет собой особо интенсивный интерпретирующий акт, основанный на абстрагирующей деятельности, требует со стороны адресата (интерлокатора-интерпретатора) приложения особых усилий для восстановления имплицитруемых ею отношений.

Субъектное смыслопорождение, имплицитрованное референциальной опорой в интенциональном состоянии субъекта к высказыванию, проходит через процессы от инициирующего «перехвата» референциальной опоры к концептуализации, включающей репрезентацию и модализацию представляемого и определенной идентификации осмысляемого [Pottier, 1992]. При этом структурирование, осуществление данных процессов основано на речемыслительных операциях и может осуществляться прогрессивно, не прерываясь, либо прерывно, в том числе реверсительно, возвратно на уровне «идентификации», отражая особое состояние, требующее дополнительных усилий со стороны субъекта, и отражает его рациональную интенсивность когито. Такой прерывистый способ субъективации инициируется восприятием референциальной опоры как неожиданной, необычной, странной по отношению к уже освоенному когнитивному опыту воспринимающего, который отдает себе отчет, осознает препятствие для «нормальных» условий и возмож-

ности гармоничного прогрессирувания, продолжения когнитивного состояния, что обуславливает оппозитивную, контрарную, сопоставительную структуру, часто маркируемую *mais*. Субъект говорящий может проявить волю и желание преодолеть возникшее противоречие путем снижения когнитивного «ранга» референта в его качестве препятствия для восстановления нормального когнитивно-коммуникативного состояния, что выражается в осуществлении высказывания в речемыслительной двучастной операции посредством структурирования уступительного отношения, одним из операторов которого является *QM*.

Структурирование процесса означивания по «схеме» уступительного отношения обусловлено, таким образом, прерыванием состояния когито, связано с активными процессами модализации субъекта высказывания, производящего восприятие референциальной опоры в оценочных векторах бытия человека в «зазоре» мира реального и мира возможного или должного [Серебренникова, 1997].

Подобного рода высказывания, связанные с прерыванием «нормального» прогрессирувания рациональности и, как следствие, межперсональной интеракции, требуют валидации как для говорящего субъекта, так и для интерпретатора. Уступительное отношение для говорящего субъекта оправдано восстановлением и означением референциальной опоры в оценке «неожиданное», «необычное». Для интерпретатора, который поставлен в условия необходимости восстановления возможных причин прерывания, необходима не только референциально-семантическая, собственно смысловая оправданность прерывания, но и его прагматическая обусловленность, что создает условия для агональности, прерывания равноправного взаимодействия, выдвигая адресата (интерпретатора), которому предоставляется данное восстановление, в позицию оценивающего «оппонента».

Уступка, таким образом, проявляется не столько как активизация в сознании общающихся грамматико-семантических структур для осмысления порождаемого и предъявляемого смысла, сколько как особая, сложная, ступенчатая по своей структуре, скрытая интерпретирующая речемыслительная операция, которая отражает сложность речемыслительной деятельности говорящего и его интенционального состояния в аспекте ее осмысления и формулирования по отношению к реальному или воображаемому адресату, обращения к опыту, знаниям, воображению. Уступительные выражения с маркером *QM* представляют собой сложный речемыслительный акт, о чем свидетельствует прототипическая структура уступки. При этом реверсibilitätность в данном случае уточняется как необходимый возврат, обращенность к (скрытым) ментальным структурам, представляющим как начальную точку диссонанса, так и наиболее вероятные альтернативы в ее осмыслении с ориентацией на выраженную альтернативу – эксплицированную ассерцию.

Важным представляется также тот факт, что высказывания, содержащие консесив *QM*, структурируются при двух типах интерпретационных опор: в рамках выраженной тексто-анафорической опоры и на основе конситуационно восстанавливаемой опоры вне вербально выраженного причинного основания уступки.

При рассмотрении главных характеристик функционирования консесива *QM* в высказывании основополагающей теоретической базой принимается теория имплицитной интерпретации О. Дюкро, и в частности, понятие инференции.

Инференции представляют собой широкий класс когнитивных операций, в ходе которых слушающим, лишенным непосредственного доступа к процессам порождения речи в голове говорящего, приходится «додумывать за него». Такое выводное знание можно получить разными способами: как формально-логическим, так и вероятностно-индуктивным путем [Макаров, 2003]. Формально-логические инференции составляют один класс выводного знания и основаны на двух посылах классического силлогизма, где логическая инференция совпадает с дедуктивным выводом. В реальном речевом общении формально-логические выводы малопригодны для оценки коммуникативной ситуации и развития дискурса, его содержательной стороны, а также когнитивных процессов, моделирующих порождение дискурса и его интерпретацию. Более важными для анализа языкового общения оказываются вероятностные индуктивные инференции [Рассел, 2001, с. 427]. Интерпретация (от лат. *interpretation* – истолкование, разъяснение [ФЭС, 1989]) представляет собой «когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и/или неречевых действий» [КСГТ, 1996, с. 31].

«Интерпретация представляет собой работу мышления, которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении» [Рикёр, 1995, с. 37]. В этом определении, прежде всего, заложено представление о многоплановости любого семиотического текста, который требует расшифровки и понимания. Чтобы действительно понять текст, требуется выход за рамки понимаемого всеми, поверхностного, очевидного буквального смысла и значения.

Интерпретация как процесс представляет собой когнитивную (ментальноязыковую) деятельность, сущность которой заключается в «смыслосчитывании» [ФЭС, 1989], или распредмечивании – процессе, при котором содержание (смысл) языкового выражения (предмета) становится достоянием субъекта интерпретатора, или опредмечивании, т. е. процессе, при котором содержание (воспринимаемый смысл) получает языковое воплощение. Трактовка уступки как интерпретативного акта позволила установить ее градуальность по шкале интенсивности в вы-

ражении смысловой контрастности между частями скрытого интерпретативного акта, осуществляющегося в виде анафоры. Выделяется «слабая» уступка, приближенная к простой градуальной оппозиции в сближении пропозиций, составляющих уступительное отношение и речевую операцию уступки; уступка «средняя», основанная на большей контрастности между частями анафоры – сближающимися мыслительно пропозициями; «сильная» уступка, основанная на противопоставлении – контрасте между практически непреодолимой причиной и логически неожиданным следствием – выводом, как это схематично представлено в табл. 6.

Таблица 6

Градуальность уступки по шкале степени контрастности частей в интерпретативном акте

Характер логической уступки	Пример	Верификация интерпретации посредством перифразы	Экспликация уступительного отношения
Сильная	<i>C'est sacrément cher mais je vais quand même l'acheter</i> [https://forum.wordreference.com/threads/provocation-sentimentale-ou-intellectuelle.3806531/]	QM → malgré: <i>Malgré que c'est trop cher, je vais l'acheter</i>	<i>Q</i> несовместимый с <i>P</i> , но преодолеваемый в модусе желаемого
Средняя	<i>On voit cette batterie un peu gonflée. Mais on espère quand même que l'on va trouver une solution technologique pour éviter ce genre de problèmes</i> [http://www.tv5monde.com/emissions/episode/international-es-francois-molins]	QM → malgré: <i>Malgré le problème qu'il existe, on va trouver une solution technologique</i>	<i>Q</i> не является абсолютно непреодолимым препятствием
Слабая	<i>Titanic est un film superbe, mais il est quand même trop long</i> [http://www.momes.net]	QM → malgré: <i>Malgré que Titanic est trop long, il est superbe</i>	<i>Q</i> совместим с <i>P</i>

Таким образом, общими методологическими основаниями интерпретации уступительных высказываний следует считать следующие положения:

1. Значения вычисляются (инферируются, т. е. выводятся логически или путем естественной «догадки») рациональным интерпретатором, а не содержатся в готовом виде в выраженной языковой форме. В процессах интерпретации задействованы структуры человеческого опыта и те данные обстоятельств высказывания/дискурса, которые воспринимаются «значимыми» для интерпретатора в данном дискурсивном мире. Значение «добавляется» к объективным фактам и событиям в

русле некоторой коммуникативно принимаемой стратегии понимания [Adam, 2001].

2. Интерпретация носит сложный, уровневый и интегральный характер. Сложность проистекает из самой вариативности факторов, принимаемых в расчет при понимании; уровневость определяется линейностью эксплицированной речи и нелинейностью ее осмысления с опорой на ассоциативные импликатуры и осмысление значимости сопутствующих экспликации элементов интеракции.

3. При восприятии и интерпретации для лингвистического анализа существенны функции элементов выражения, а не сами элементы, т. е. восприятие, идущее через формы, по своему содержанию обращено к функциям элементов выражения в их семантико-синтаксическом, связанном состоянии и с выходом на их коммуникативную, воздействующую обусловленность. Подход к отдельной форме или структуре в таком случае строится на положении о том, что она существует не сама по себе, но является составной частью некоторого более общего, «вычисляемого» интегрального смысла всей пропозиции высказывания, что дает возможность, в частности, классифицировать семантические типы предложений [Демьянков, 1994; Серебренникова, 2009].

В этой связи отметим, что интерпретация высказывания как вербализации уступительного отношения представляется достаточно сложной и опирается на такие гетерогенные факторы, как ситуация общения и обстоятельства с ней связанные, поведение и фоновые знания интерактантов, пресуппозиции, типы речевого акта, что в общей сложности и представляет контекст или интерпретативную опору анализа.

4. ФЕНОМЕНЫ ЛИНГВОСИНЕРГИЙНОЙ ПРИРОДЫ: ТЕХНОЛОГИЧНОСТЬ И СТРАТЕГИЧНОСТЬ ДИСКУРСА

4.1. ТЕХНОЛОГИЯ «УМНАЯ НАСТРОЙКА» КАК ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ МЕДИЙНЫМ ДИСКУРСОМ

Влияние на общественное сознание, изменение отношений в коммуникации в сторону доминирования на основе интенсификации открытого и суггестивного влияния усиливается в современном медийном дискурсе. Становится все более востребованным исследование динамики семиотического взаимодействия человека и языка, общества и культуры, роли языка в изменении отношений в социальной реальности. Углубление анализа дискурса свидетельствует об интересе к процессам влияния и управления коммуникативной ситуацией, об осознании и оценивании данных процессов человеком и обществом.

Актуальность исследования заключается в значимости развития динамического подхода к анализу дискурса для выявления власти языка в современном медийном пространстве при моделировании когнитивно-коммуникативных параметров, лингвокогнитивных механизмов, дискурсивных сил, способствующих событийности, дестинаторности и эффективности. Медийное пространство становится все более динамичным, технологичным, интеллектуальным, способным к дискурсивному конструированию «возможных реальностей» [Степанов, 1995]. Разработка проблемы эффективности медийного дискурса заключается в раскрытии «умного» способа достижения дискурсом своего предназначения как дестинаторности, конструирования событий в социальной реальности. Событие рассматривается как «изменение видения мира» [Арутюнова, 1988, с. 169] в координатах конструируемого коммуникативно-дискурсивного пространства в соответствии с его дестинацией – когнитивно-аксиологической предназначенностью как вклада в такого рода изменение. Обращение к динамическим аспектам реализации коммуникации и дискурса требует решения проблем, связанных с процессуальными понятиями *власть, сила, воздействие, доминанция, управление*.

Целью параграфа является разработка и моделирование технологии управления медийным коммуникативным пространством в динами-

ке дискурсивизации. Теоретическую базу составили положения синергетики и лингвосинергетики [Хакен, 1980]; положения аксиологии [Ильин, 2005]; интеграционная модель смешанного/блендового пространства [Fausonnier, Turner, 2006]; теория тенсивности семиозиса [Греймас, Фонтаний, 2007]; категория изменчивости знаков при реализации ими символической функции и интерпретативности смыслов [Филипс, Йоргенсен, 2004]; теория дискурса и дискурсивной формации [Фуко, 1996]. Теории, служащие основой данного параграфа, включают концепцию регулирования отношений мягкой, жесткой, умной силами [Нуе, 2004], концепцию власти дискурса [Дейк ван, 2015], концепцию аксиологической параметризации дискурса [Серебренникова, 2013а], концепцию технологизации дискурса [Плотникова, 2011], идею параметризации медийного дискурса как технологию «Умная настройка» (ТУН) [Якоба, 2017].

Развитие категории диалогичности дискурса (М. М. Бахтин, В. С. Библер) в плане интенсификации идеи об открытом характере языка, нелинейности коммуникации формирует представление о коммуникативном пространстве как пространстве «между», определяющем конструирование смысла во встречаемых обменных процессах между адресантом и адресатом. Идеи о доминирующем, управляющем, функциональном свойстве дискурса для осмысления, оценивания и действия, приобретающих событийность в социальной практике, встречаются в трудах разных авторов (Н. Д. Арутюнова, Р. Блакар, Дейк ван, Г. Лассуэлл, М. Фуко, В. Е. Чернявская, Р. О. Якобсон, Е. И. Шейгал). Проблема, как человек создает социальную реальность и как эта реальность создает человека, разрабатывается в концепции социального конструирования реальности [Бергер, Лукман, 1995]. Изучение взаимосвязи человеческого мышления, реализуемого языком, и социальных практик становится предметом данного анализа.

Вопросы, связанные с объяснением событийности дискурса как функционирования языка в коммуникации, разрабатываются в когнитивной лингвистике. В соответствии с когнитивно-дискурсивной концепцией событие в СМИ представляет собой сложное единство, конституируемое референтным событием, событием-идеей и текстовым событием [Демьянков, 2001, с. 59–60]. Эпистема «власти дискурса», обладая статусом когнитивной метафоры синергического плана, формулируется в критическом анализе дискурса [Fairclough, 1989]. Власть дискурса трактуется как отношение силы в коммуникации, а сила как степень интенсивности влияния. При этом власть трактуется как стоящая «за языком» и как власть «в самом языке» [Fairclough, 1989]. Центры силы в коммуникативном пространстве обеспечивают воздействующий потенциал дискурса, на что косвенно указывает Дейк ван: «власть связана с контролем, контроль над дискурсом означает доступ к его производству, к

его содержанию, стилю и общественному сознанию» [Дейк ван, 2015, с. 15]. Таким образом, становится возможной и насущной разработка проблемы выявления *власти самого дискурса* в управлении коммуникацией посредством настройки самого дискурса, доминирования дискурсивной формации как носителя знания, идеи и оценки и реализации ее силового потенциала в коммуникации.

В анализе используется методология анализа дискурса на основе динамического подхода и принципа конструктивизма, когнитивное моделирование; интерпретативный анализ в русле инференции; лингвоаксиологический анализ; разработанный в медиалингвистике «интегрированный подход к анализу медийного дискурса, сочетающий методы анализа с точки зрения способа создания и воспроизведения дискурса, канала распространения, функционально-жанрового типа, тематической доминанты» [Добросклонская, 2014]; метод деконструкции [Деррида, 1992]. Используемая методология нацелена на «выявление структурных отношений доминирования, власти и контроля, выраженных в языке, косвенных негативных оценках в суждениях, способствующих созданию предвзятого мнения в дискурсе» [Водак, 2011, с. 290].

Обратимся к современным медийным дискурсам, обладающим аттрактивностью, т. е. вызывающим интерес, привлекающим внимание, формирующим дискурсивное событие, получающим признание у массового адресата. Так как в основу конструирования модели медийного дискурса положен динамический подход, модель раскрывает власть дискурса, учитывая параметры, влияющие на эффективность, определяющие его событийность и технологичность.

В динамике реализации дискурс движется в интеллектуальном пространстве через различные по природе ментальные пространства. В результате движения дискурса создается своеобразный когнитивный эффект: «воздействие в физическом пространстве проецируется в другие типы пространств (перцептивное, ментальное и пр.) и используется для моделирования других типов ситуаций, связанных с воздействием мира на человека, его органы восприятия и сознание, результатом которого является влияние, отпечаток, след в сознании в виде мнений, оценок, субъективного восприятия» [Семенова, 2014, с. 20].

При моделировании медийного дискурса исходным пунктом является выделение и рассмотрение дискурсивно-коммуникативного пространства как пространства интеллектуального. Интеллектуальное пространство (ИП) понимается как *бленд сознания и информации* (по Ж. Фоконье и М. Тёрнеру): ментальное блендовое пространство, которое возникает в процессе интеракции индивида в медийном дискурсивно-коммуникативном информационном пространстве. ИП оказывает прямое и суггестивное воздействие на сознание адресата, активируя его интеллект и эмоции. Динамичность и подвижность границ ментальных

пространств приводит к конструированию нового значения в дискурсе – когнитивного бленда в процессах концептуальной интеграции [Fauconnier, Turner, 2006]. «Бленд не тождествен ни одному из исходных пространств и не является простой суммой элементов, а представляет собой новое ментальное пространство со своим значением» [Скребцова, 2011, с. 169].

Основными характеристиками ИП являются состояния постоянной включенности человека в информационные потоки с их фрагментарностью, публичностью, открытостью, возможностью конструировать дискурс реагирования, аксиологизацию сообщений и тенсивность дискурса. В данном пространстве адресант находится в начальной сильной коммуникативно-дискурсивной позиции, определяющей аксиологическую интенциональность дискурсивизации, адресат рассматривается как точка дестинации дискурса, а сам дискурс рассматривается в динамике постоянного движения и смещения смысла. ИП «умно» настраивается дискурсивными силами, производная «мощность» которых проискает из точной, гибкой настройки траектории дискурсивизации, возникающей в процессе взаимодействия адресанта и адресата. Внутри ИП как синергично совмещающего ментальные пространства бленда особую значимость приобретает квалификативная характеристика «умная» в сочетаниях умная настройка, умная сила. Уточним, что «умный» понимается как квалификатор эффективного взаимодействия, как способность распознавать скрытый смысл, как способность оценивать сообщения, конструировать события, достигать результатов благодаря своей технологичности.

В результате моделирования ИП приходим к следующим промежуточным выводам:

1. Данное пространство возникает в процессе синергии ментальных пространств, «умно» центрируется дискурсивными силами.

2. Параметризация эффективного медийного дискурса номинируется как дискурсивная технология «Умная настройка».

3. ТУН способствует конструированию событий в интеллектуальном пространстве медийного дискурса, устанавливая доминантное отношение к адресату.

Для управления дискурсом в ИП в разрабатываемой технологии выделены *внешние и внутренние параметры* [Хакен, 1980]. Они систематизируются по принадлежности к факторам, задействованным до момента реализации дискурса или в ходе дискурсивизации. Синергичным потенциалом выделенных параметров является сила дискурса.

Власть, стоящую «за дискурсом», отражают внешние параметры ТУН. Они зависят от сознательной, стратегической деятельности адресанта, влияют на восприятие и осмысление адресата, ориентируют его интерпретативные когнитивные процессы в нужном направлении конструирования понимания, принятия точки зрения, видения мира [Якоба,

2019б, с. 96]. К внешним параметрам отнесем: 1) *силу позиции адресанта*, определяющую его власть в коммуникативной ситуации и статусность, авторитетность, харизматичность; 2) *аттрактивность* ситуации, чреватой рисками для будущего; 3) реализуемый субъектом *режим коммуникации* – истинно диалогический, открывающий диалог сознаний или закрытый (монологический); 4) *горизонт ожиданий* адресата, что облегчает прохождение когнитивных фильтров. Уточним, что термин «горизонт ожидания», введен Г. Р. Яуссом для рецептивной критики восприятия произведения с точки зрения герменевтики [Рецептивная критика, 2001, с. 872–875]. Горизонт ожидания означает «совокупность психологических, социально-политических, эстетических и иных представлений, определяющих отношение читателя и восприятие произведения». В анализе дискурса данный термин объясняет отношение адресата к медийному сообщению, прохождение фильтров восприятия медийного сообщения и возможность расширения горизонта адресата.

Власть, исходящую от дискурсивизации, отражают внутренние параметры ТУН. Они придают силу дискурсивной позиции, т. е. продвигаемой, структурируемой точки зрения, которая конструирует дискурс в ИП. Внутренние параметры дискурса включают: *аттрактивность сообщения, гармонизацию, модализацию, паттернизацию, поликодовость, смысло-ритмические модуляции, тенсивность* [Якоба, 2019б, с. 96]. Выделенные параметры ТУН действуют рационально и суггестивно, синергично влияют на ценностные ориентиры, знания, эмоции адресата, проникая в подсознание, трансформируя смысло-жизненные концепты адресата.

Принцип действия силы заключается в способности упорядочить ситуацию в своих интересах, воздействовать на систему социокультурных фильтров, глубинные, неосознаваемые убеждения, потребности и желания. Сила связана с дискурсом, с трансляцией информационного сообщения, обеспечивая игровой эффект власти (по М. Фуко). Целью силы является инициировать адресата к восприятию и концептуализации в определенном ключе и заставить его изменить свое поведение. Сила дискурса выражается в способности вызвать процессы ускорения или замедления реакций и смысловых трансформаций и выступить в качестве аттрактора в процессе порождения и функционирования знаков, соотносится с градацией потенциала дискурса в терминах мягкой, жесткой и умной сил.

Мягкая сила (МС) как когнитивно-дискурсивная структура, обладающая воздействующим потенциалом, управляет коммуникацией на основе диалогического режима общения; избегает безальтернативных утверждений, квалификаций, оценивания, проекций; преодолевает когнитивные фильтры путем солидаризации с когнитивной системой целевого адресата в соответствии с его ценностными концептами и ориентирами в актуальном мире.

Жесткая сила (ЖС) как когнитивно-дискурсивная структура, обладающая воздействующим потенциалом, управляет коммуникацией, преодолевая сопротивление адресата; представляет безальтернативную, категорическую квалификацию дискурсивного топика; использует монологический, однонаправленный режим коммуникации; усиливает эпистемическую модальность в аргументации основного тезиса.

Умная сила (УС) как когнитивно-дискурсивная структура, обладающая воздействующим потенциалом, управляет коммуникацией на основе взаимодействия с адресатом, согласования действий с его ожиданиями, ориентирами, выходящими на эмоционально-аффективный уровень; задействует аргументы интеллектуальной ценности и суггестивные факторы.

В табл. 7 показано соотношение сил по критерию жесткость-мягкость-гибкость в зависимости от цели продвижения в дискурсе, содержательных характеристик, концептуального сценария, транслируемых ценностей, инструментов реализации.

Таблица 7

Типология дискурсивных сил

Признаки	Мягкая сила	Жесткая сила	Умная сила
Цель продвижения в дискурсе	<ul style="list-style-type: none"> ● Создание интенсивной положительной аттракции 	<ul style="list-style-type: none"> ● Максимальная степень воздействия 	<ul style="list-style-type: none"> ● Управление траекторией движения дискурса, оптимизация коммуникативно-дискурсивного процесса
Содержание	<ul style="list-style-type: none"> ● Однозначное рациональное, эмоциональное подведение к конечным выводам ● Нет возможности аксиологического выбора ● Установка на одно возможное решение ● Тиражирование единственно правильной интерпретации и решения, мотивация «кнутом» 	<ul style="list-style-type: none"> ● Персуазивно-экспрессивная интенциональность ● Стимулирование к действию ● Достижение желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии, привлекательности ● Формулирование символов «непреодолимой» аксиологической привлекательности 	<ul style="list-style-type: none"> ● Аттрактивный характер ● Сдвиг интеллектуально-аргументативного пути концептуализации и оценивания ● Перекодирование индивидуального и общественного сознания ● Смещение смысла сообщений ● Моделирование искусственной альтернативности и бесцензурности ● Описание нескольких вариантов решения и предложение наилучшего «правильного» решения
Концептуальный сценарий	<ul style="list-style-type: none"> ● Самопрезентация, конструирование авторитетной позиции 	<ul style="list-style-type: none"> ● Подчинение, конструирование образа власти, могущества 	<ul style="list-style-type: none"> ● Достижение взаимовыгодного результата, удовлетворение потребностей, смещение ценностей

Признаки	Мягкая сила	Жесткая сила	Умная сила
Транслируемые ценности	<ul style="list-style-type: none"> ● Равенство ● Поддержка ● Дружественность ● Взаимопонимание ● Конформизм 	<ul style="list-style-type: none"> ● Доминирование, превосходство, власть, контроль 	<ul style="list-style-type: none"> ● Эффективность, сотрудничество, консенсус, свобода выбора, личностное развитие, позитивная идентификация
Инструменты реализации: <i>Лингво-когнитивные механизмы</i>	<ul style="list-style-type: none"> ● Имажинеринг ● Позиционирование (в подвиде единение) ● Метафоризация ● Инспирация ● Персонализация ● Диалогичность ● Вовлечение в общение ● Вовлечение в инновационность ● Вовлечение в динамику ● Вовлечение в игру ● Фреймирование ● Фокусирование 	<ul style="list-style-type: none"> ● Имажинеринг ● Позиционирование (в подвиде оппозиция) ● Метафоризация ● Спин-докторинг ● Фреймирование ● Рефреймирование ● Фокусирование ● Дефокусирование 	<ul style="list-style-type: none"> ● Имажинеринг ● Позиционирование ● Инспирация ● Метафоризация ● Персонализация ● Вовлечение в общение ● Вовлечение в инновационность ● Вовлечение в динамику ● Вовлечение в игру ● Диалогичность ● Спин-докторинг ● Фреймирование ● Рефреймирование ● Фокусирование ● Дефокусирование
<i>Дискурсивные стратегии</i>	<ul style="list-style-type: none"> ● Аксиологический сдвиг ● Моделирование будущего ● Создание патриотичности ● Мотивация ● Личная заинтересованность ● Создание круга «своих» ● Ссылка на авторитетность ● Побуждение к действиям ● Самопрезентация ● Валоризация ● Фасцинация ● Дрейфование понятий ● Оценка ● Конструирование нарратива 	<ul style="list-style-type: none"> ● Аксиологический сдвиг ● Моделирование будущего ● Создание круга «чужих», фантомной угрозы ● Демонизация ● Ссылки на авторитетность ● Самопрезентация ● Валоризация ● Дрейфование понятий ● Стрессинг ● Дискредитация ● Дезинтеграция 	<ul style="list-style-type: none"> ● Аксиологический сдвиг ● Моделирование будущего ● Моделирование интерактивности ● Моделирование динамичности ● Моделирование инновационности ● Моделирование масштабности ● Создание патриотичности ● Семантическая диффамация ● Личная заинтересованность ● Создание круга «своих» ● Ссылка на авторитетность ● Конверсивизация ● Фасцинация ● Вуализация ● Символизация ● Дрейфование понятий ● Оценка ● Самопрезентация ● Валоризация ● Конструирование нарратива

Признаки	Мягкая сила	Жесткая сила	Умная сила
<i>Тактики</i>	<ul style="list-style-type: none"> ● Привлечения внимания, информирования ● Интеграция ● Ассерция ● Просьбы ● Обещания 	<ul style="list-style-type: none"> ● Агрессия ● Прогноз ● Обвинение ● Предупреждение ● Ассерция ● Директивы ● Магнификация степени угрозы 	<ul style="list-style-type: none"> ● Обратная связь ● Сплачивание ● Детализация ● Прогноз ● Градация ● Эффект неожиданности ● Ассерция

Таким образом, таблица типологии сил показывает, как силы дискурса отличаются между собой по представленным критериям и с помощью каких инструментов реализуются в дискурсе. Уточним, что инструменты не дифференцируются по типу силы, одни и те же самые инструменты могут использоваться в разных силах с разной целью.

В табл. 8 силы уточняются по отличительным признакам, интенции, режиму коммуникации, способу воздействия, типу взаимодействия с адресатом и траектории дискурса.

Таблица 8

Сравнение сил дискурса

Признаки	Мягкая сила	Жесткая сила	Умная сила
Характеристики	<ul style="list-style-type: none"> ● Конструирование авторитетной позиции, ценностно-приемлемых интерпретаций событий ● Самопрезентация 	<ul style="list-style-type: none"> ● Доминанция, жесткое, однозначное управление процессом интерпретации ● Давление на сознание адресата ● Принуждение к подчинению ● Авторитарность 	<ul style="list-style-type: none"> ● Суггестивное управление траекторией дискурса ● Ценностная переориентация адресата ● Смещение ориентиров адресата ● Переоценка, сдвиг смысла сообщений ● Аттрактивность, символизация, вовлечение
Интенция	<ul style="list-style-type: none"> ● Персуазивно-экспрессивная интенциональность создания привлекательного образа 	<ul style="list-style-type: none"> ● Интенция на доминирование 	<ul style="list-style-type: none"> ● Интенция на достижение взаимовыгодного результата
Режим коммуникации	<ul style="list-style-type: none"> ● Инициация диалогового режима общения 	<ul style="list-style-type: none"> ● Однонаправленный, монологический режим от адресанта к адресату ● Отсутствие диалогического режима 	<ul style="list-style-type: none"> ● Режим взаимодействия адресанта и адресата
Способ воздействия	<ul style="list-style-type: none"> ● Рациональная, логическая аргументация 	<ul style="list-style-type: none"> ● Идеологический характер аргументации, нет аксиологического выбора 	<ul style="list-style-type: none"> ● Воздействие на рациональное и эмоционально-образное мышление адресата ● Суггестивное воздействие на подсознание

Признаки	Мягкая сила	Жесткая сила	Умная сила
Тип взаимодействия с адресатом	<ul style="list-style-type: none"> ● Солидаризация с высказываемой позицией адресата ● Способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия адресата ● Сотрудничество адресанта и адресата 	<ul style="list-style-type: none"> ● Сила коммуникативной доминантной позиции адресанта ● Склонность адресата к подчинению 	<ul style="list-style-type: none"> ● Удовлетворение потребностей адресата ● Учет реакции адресата, обратная связь ● Моделирование искусственной альтернативности, описание нескольких вариантов решения и предложение адресату наилучшего «правильного» решения
Траектория дискурса	<ul style="list-style-type: none"> ● Формулирование символов аксиологической привлекательности ● Создание интенсивной положительной аттракции ● Достижение согласия в коммуникации 	<ul style="list-style-type: none"> ● Аксиологическая однозначность выводов ● Однозначная финализация дискурса ● Категоричность 	<ul style="list-style-type: none"> ● Интеллектуальный аргументативный путь концептуализации и оценивания ● Фокусирование внимания на заданных ценностях ● Рефреймирование ситуации

Таким образом, таблица сравнения сил дискурса демонстрирует содержательные характеристики дискурсивных сил, что позволяет выявить и градуировать глубинные особенности сил, понять их сущностные различия.

Рассмотрим следующий пример, раскрывающий действие МС:

- (1) *Эксперт объяснил причину быстрого распространения коронавируса* [<https://ria.ru/20200312/1568466512.html>].

Внешние параметры ТУН (*аттрактивность ситуации, сила позиции адресанта, горизонт ожиданий адресата, режим коммуникации*) определяют интенциональную настройку, которая проявляется в диалогическом режиме коммуникации, продвижении авторитетной позиции адресанта по актуальной теме. Целью общения является снизить напряжение в обществе, предоставив научное объяснение сложной ситуации. Релевантен *внешний параметр* авторитетности коммуникативной позиции медиатора. Внутренний параметр ТУН (*аттрактивизация сообщения*) определяет управление, идущее от «самого дискурса» посредством механизма фокусирования (смещение внимание к одному аспекту проблемы, сужение проблемы до уровня возможности объяснения ее причин и, следовательно, понимания следствий и способов борьбы с ней), механизма вовлечения в общение (удовлетворение потребности в объяснении причины проблемы, безопасности), стратегии ссылки на авторитет, стратегии демобилизации (представление события как обычного

для снижения напряжения в обществе). Транслируемые ценности, организованные дискурсом: *здоровье, жизнь*. Финализация дискурса заключается в снижении напряжения в обществе при объяснении и решении проблемы. Деконструируемый глубинный смысл обнаруживается в потребности *понимания сути опасности, информирования, сохранения здоровья и жизни*. МС данного примера раскрывается посредством представления авторитетного мнения эксперта, вступающего в диалог с адресатом, отвечая на вопрос, волнующий общество. Рациональная аргументация способствует солидаризации коммуникантов и достижению консенсуса.

Рассмотрим пример, раскрывающий действие ЖС:

- (2) *Трамп запретил въезд в США из Европы из-за коронавируса* [<https://ria.ru/20200312/1568465233.html>].

Внешние параметры ТУН (*аттрактивность ситуации, сила позиции адресанта, режим коммуникации*) определяют интенциональную настройку, которая проявляется в доминировании в коммуникации, категоричности авторитарной позиции адресанта по актуальной теме, принуждении к подчинению. Целью общения является оповещение об изменении в общественном укладе жизни, появлении ограничений зарубежного передвижения. Внутренние параметры ТУН (*аттрактивизация сообщения, модализация*) определяют управление, идущее от «самого дискурса» посредством механизма позиционирования (дистанцирование), механизма фреймирования (создание фрейма опасности вируса), стратегии приближения угрозы, создания круга «чужих», тактики магнификации степени угрозы. Транслируемые ценности заключаются в создании *безопасности, контроле опасной ситуации, соблюдении закона*. Финализация дискурса происходит логично: снижение страха, напряжения в обществе при ограничении въезда в страну потенциальных больных. Деконструируемый глубинный смысл обнаруживает потребность в *безопасности, сохранении здоровья и жизни*. ЖС данного примера раскрывается посредством категоричности высказывания, принуждения к подчинению, отсутствия выбора дискурса реагирования адресата. Сила позиции адресанта заключается в занятии высокой должности, которая позволяет действовать жестко, не объясняя своих интенций. Однозначность управления процессом интерпретации указывает на явное доминирование в дискурсе.

Рассмотрим действие УС базового варианта ТУН в примере:

- (3) *Как отличить коронавирусную инфекцию Covid-19 от простуды?* [https://ria.ru/20200310/1568376473.html?utm_source=ria.24smi.info&utm_medium=referral&utm_campaign=11049&utm_content=2795361].

В данном случае управление коммуникацией осуществляется на основе конструирования синергии рационального и эмоционально-аксиологического компонентов дискурсивизации. Внешние параметры технологии (*аттрактивность ситуации, сила позиции адресанта, горизонт ожиданий адресата, режим коммуникации*) определяют интенциональную настройку, которая проявляется в диалогической оптимизации коммуникации как способа продвижения позиции адресанта, вовлечение адресата в диалог. Целью общения является объяснить сущность болезни, способы действия в случае заболевания, снизить напряженность в обществе. Внутренние параметры технологии (*аттрактивизация сообщения, поликодовость, паттернизация*) определяют управление, идущее от «самого дискурса», реализуются механизмами фокусирования (*привлечение внимания к актуальной проблеме опасности для здоровья*), фреймирования (*попытка изменить ситуацию при соблюдении мер безопасности*), стратегией моделирования возможного будущего (*предложение пути решения проблемы*), организованными вокруг транслируемых ценностей: *здоровье, жизнь, эффективное сотрудничество*. Дискурс финализируется логически моделированием возможного мира как закономерного следствия решения проблемы. Деконструируемый глубинный смысл (*безопасность, здоровье*) носит универсальный аттрактивный характер, вписывающийся в горизонт ожидания всех возможных целевых адресатов. В данном примере УС репрезентируется причинно-следственное обоснование вынужденности действий в проблемно-осмысляемой ситуации, гипотетическое проецирование сценария будущего в концептах риска и угрозы в случае непринятия позиции для вступления адресата в реальный диалог.

Ведущим параметром ТУН является аттрактивизация, которая представляет собой синергийный параметр активизации интеллекта в ситуации когнитивной неопределенности [Якоба, 2019а]. Аттракторы понимаются как носители значимых смыслов в структуре дискурса, управляют дискурсивизацией путем экспликации сущности ситуации, что можно проследить в следующем примере.

(4) Транскрипция видеоролика «Месяц в подарок»
[<https://youtu.be/CP9xDKrPZow>]:

Егор: Хватит висеть у меня на шее.¹⁵ Я ухожу от тебя.

Другой Интернет: К кому?

Провайдер «Билайн»: Ко мне! То есть к нам.¹⁶

Другой Интернет восклицает: Я дорога ему!

Провайдер «Билайн»: Даже слишком!¹⁷

---

¹⁵ Игра со смыслом.

¹⁶ Позиционирование: единение.

¹⁷ Смещение смысла.

Другой Интернет: Но я подарила ему звезду!
Провайдер «Билайн»: А мы подарим ему целый месяц!¹⁸ Пошли, Егор!
Другой Интернет: Таких как ты – миллионы!
Провайдер «Билайн»: Вот именно!
Билайн. Просто. Удобно. Для тебя!

В данном примере аттракторами выступают игровой комедийный способ реализации сообщения, оппозитивное структурирование траектории дискурса: контрастно очерчиваемые роли супергероя и глуповатой барышни в комической дихотомии, активизирующей прототипическую оппозицию «Кавалер – Барышня» в нарративе жизненных ситуаций «отношения» и «смена партнера», ирония, контрастная семиотика цвета: желтый и черный против розового, эффект неожиданности.

Модель аттрактивизации видеоролика «Месяц в подарок» представлена на рис. 8.

Итак, *аттрактивизация* позволяет притягивать и перенаправлять внимание адресата, активируя его интерес, воображение, интеллект. Уточним, что в создании аттракции значимость приобретает доминирование смысла притяжения коммуникативного процесса, который рассматривается как осознанный выбор адресантом такой смысловой траектории дискурса, которая способна проникать на глубинный ценностный уровень концептуализации, приводя к заданной дестинации.

Рис. 8. Модель аттрактивизации видеоролика «Месяц в подарок»

¹⁸ Аксиологический сдвиг – месяц бесплатного пользования интернетом.

Разработанная модель ТУН применена в анализе различных видов медийного дискурса.

В *социальном дискурсе* отмечается действие ТУН в интерпретации референтов событий, демотиваторов, публичных выступлений, лозунгов и слоганов. Выявляется, что вариант ТУН с доминацией УС превалирует при использовании эпидейктических инструментов и инструментов, управляющих вниманием, а именно: *механизмы имажинеринга, позиционирования, персонализации, метафоризации, стратегии привлекательности новизны, аксиологического сдвига, моделирования будущего, дискредитации*. Модель социального медийного дискурса представлена на рис. 9.

Рис. 9. Моделирование технологии «Умная настройка» в социальном медийном дискурсе

В социальном дискурсе доминируют следующие механизмы:

- рефреймирование (*В лесных пожарах сгорают не только деревья (картинка с изображением ежа)*);
- спин-докторинг (*Здравствуйте! Меня зовут Светлана. Хотите узнать стоимость написания работы?*);
- инспирация (*«Управляй мечтой» Toyota*);
- вовлечение в игру (*Stay Hungry. Stay Foolish* – речь С. Джобса «Оставайтесь голодными, оставайтесь безрассудными», 2005 г.).

В *политическом дискурсе* отмечается действие ТУН посредством действия жесткой и умной сил. Выделяются персуазивные, оценивающие, визуализации и эпидейктические инструменты. Наибольшее распространение имеют *механизмы имажинеринга, метафоризации, позиционирования, стратегии эвфемизации, моделирования будущего, создания круга «своих» и «чужих», персональной дейктичности*. Модель политического медийного дискурса представлена на рис. 10.

Рис. 10. Моделирование технологии «Умная настройка» в политическом медийном дискурсе

В политическом дискурсе доминируют следующие механизмы:

- фокусирование (*I'm with you, I will fight for you, and I will win for you*. Предвыборные выступления Трампа, 2016 г.);
- диалогичность (*Ребята, у вас три пути – тюрьма, эмиграция, могила...*. Выступление на съезде партии Жириновского, 2013 г.);
- имажинеринг (*We are the nation that tamed the West, dug out the Panama Canal, won two World Wars, and put a man on the moon*. Предвыборные выступления Трампа, 2016 г.);
- позиционирование в подвиде единения (*Вместе мы – сила!* девиз).

В коммерческом дискурсе проводится анализ публичных выступлений, слоганов Публичного первоначального предложения, адресной и безадресной рекламы. Выявляется, что коммерческий дискурс конструируется посредством мягкой и умной сил при синергичном сочетании продвигающих инструментов и инструментов, управляющих вниманием. Наибольшее распространение имеют механизмы позиционирования в подвиде единения, вовлеченности, инспирации, фокусирования, стратегии моделирования будущего, моделирования интерактивности и привлекательности новизны. Представим модель коммерческого медийного дискурса на рис. 11.

В коммерческом дискурсе доминируют следующие механизмы:

- вовлечение в общение (*Тряси смартфон и получай подарки в приложении «Мегафон»*);
- вовлечение в бизнес (*CoMagic. Простой кол-треккинг для малого бизнеса. Новый алгоритм с настройкой в два клика*);

– дефокусирование (*Игровые автоматы казино «Фараон» помогут снять напряжение, позабыть о насущных проблемах и позволят отдохнуть от тяжелой трудовой недели*);

– вовлечение в инновационность (*Take Twitter with you. Go to <http://about.twitter.com/products> to get Twitter on your mobile device*).

Рис. 11. Моделирование технологии «Умная настройка» в коммерческом медийном дискурсе

Обратимся к табл. 9, на которой систематизируются инструменты, превалирующие в различных видах медийного дискурса. В скобках дана частотность данных инструментов в исследовании (максимальное количество примеров – 4).

Обобщая данные табл. 9, отметим, что дискурсивная ТУН в ИП реализуется посредством открытого ряда инструментов, направленных на управление интеракцией в различных предметно-целевых видах медийного дискурса. Общим признаком инструментов технологии является способность порождать аттракцию и настраивать дискурсивизацию для целей доминирования в медийном пространстве.

Современное медийное пространство преобразуется в интеллектуальное, т. е. оно направлено на интеллект адресата, «умно» воздействуя на его разум, ценности и оценки, сдвигая фокус внимания, конструируя и фреймируя события посредством игры со скрытыми смыслами. Медийное пространство параметризуется для эффективного взаимодействия адресанта и адресата посредством ТУН дискурса.

Выделяется 12 внутренних и внешних параметров: *аттрактивность ситуации, сила позиции адресанта, горизонт ожиданий адресата, режим коммуникации, аттрактивизация сообщения, гармонизация,*

смысло-ритмические модуляции, поликодность, паттернизация, модализация, тенсивность, синергийность. Внешние параметры технологии зависят от адресанта, влияют на адресата, ориентируя его интерпретативные процессы в нужном направлении. Внутренние параметры технологии придают силу дискурсивной позиции, которая конструирует дискурс в ИП.

Силы дискурса градуируются по гибкости, мягкости и жесткости действия. Характер «умной» настройки воздействия на ИП достигается гибким совмещением сил на ценностно приемлемой основе как на контролируемое сознанием рационально-прагматическое, так и на подсознательное в человеке: архетипическое, эмоциональное и психофизиологическое, например, с опорой на воображение и смысло-ритмические модуляции.

Градуированность воздействующего потенциала дискурса выражается в трех вариантах ТУН: 1) базовый вариант на основе УС; 2) вариант с доминированием МС; 3) вариант с доминированием ЖС. В анализе медийного дискурса выявлено превалирование базового варианта технологии.

Таблица 9

Инструменты технологии «Умная настройка» в медийном дискурсе

Инструменты	Социальный дискурс	Политический дискурс	Коммерческий дискурс
Лингво-когнитивные механизмы	<ul style="list-style-type: none"> ● Имажинеринг (4) ● Позиционирование (3) ● Инспирация (2) ● Фреймирование (2) ● Рефреймирование (2) ● Фокусирование (2) ● Метафоризация (2) ● Персонализация (2) ● Спин-докторинг (1) 	<ul style="list-style-type: none"> ● Имажинеринг (4) ● Позиционирование в (4) ● Диалогичность (4) ● Фокусирование (3) ● Метафоризация (3) ● Персонализация (2) ● Спин-докторинг (1) ● Вовлечение в общение (1) ● Фреймирование (1) ● Инспирация (1) 	<ul style="list-style-type: none"> ● Имажинеринг (1) ● Позиционирование (4) ● Фокусирование (3) ● Инспирация (2) ● Вовлечение в общение (2) ● Вовлечение в инновационность (2) ● Вовлечение в бизнес (2) ● Вовлечение в игру (2) ● Вовлечение в динамику (1) ● Дефокусирование (1) ● Персонализация (1) ● Диалогичность (1)
Стратегии	<ul style="list-style-type: none"> ● Моделирование будущего ● Аксиологический сдвиг ● Конверсивизация ● Дискредитация ● Демотивация ● Мобилизация ● Символизация ● Привлекательность новизны 	<ul style="list-style-type: none"> ● Создание патриотичности ● Моделирование будущего ● Установление персональной ответственности ● Национальная идентификация ● Опора на культурный код ● Валоризация ● Демонизация врага ● Самопрезентация ● Аксиологический сдвиг 	<ul style="list-style-type: none"> ● Привлекательность новизны ● Заинтересованность в успехе ● Символизация ● Моделирование интерактивности ● Моделирование масштабности ● Моделирование перспективности

Инструменты	Социальный дискурс	Политический дискурс	Коммерческий дискурс
Стратегии	<ul style="list-style-type: none"> ● Моделирование масштабности ● Моделирование перспективности ● Моделирование интерактивности ● Персонификация ● Валоризация ● Вуализация ● Дрейфование понятий ● Эффект неожиданности ● Создание фантомной угрозы ● Перекладывание ответственности ● Приближение угрозы ● Создание оппозиции «свои – враги» ● Фасцинация ● Тактика предупреждения ● Тактика прогнозирования ● Тактика агрессии ● Тактика магнификации степени угрозы ● Детализация 	<ul style="list-style-type: none"> ● Конструирование нарратива ● Моделирование масштабности ● Восхваление ● Логическая аргументация ● Стрессинг ● Вуализация ● Дрейфование понятий ● Формирование оценки ● Смещение и привлечение внимания ● Формирование ощущения безопасности ● Ссылка на авторитетность большинства ● Сплачивание, объединение людей ● Создание образа врага ● Противопоставление «мы – они», «свои – чужие» ● Мобилизация к действию ● Личная заинтересованность ● Прием обратной связи 	<ul style="list-style-type: none"> ● Семантическая диффамация ● Самопрезентация ● Привлечение внимания ● Заинтересованность в потенциальных партнерах ● Побуждение к действию ● Внимательное отношение к партнерам, клиентам ● Ссылка на авторитетность большинства ● Прием подстройки под интересы, нужды ● Значимость потенциальных партнеров ● Прием упрощения задачи и описания своего опыта достижения успеха ● Прием добавления шуток

Лингвокогнитивные механизмы активируются силами дискурса, которые способствуют дестинаторности, эффективности коммуникации, событийности. Выявлено действие 12 механизмов: *имажинеринга, позиционирования, инспирации, фреймирования, рефреймирования, фокусирования, дефокусирования, метафоризации, диалогизации, вовлеченности, спин-докторинга, персонализации.*

Перспективы когнитивно-коммуникативной параметризации медийного дискурса в русле синергийно-силовой концепции видятся в дальнейшей разработке «умного» технологического управления дискурсом в конкурентном медийном пространстве с учетом факторов нелинейности, аттрактивизации, аксиометрии. Также перспективным является углубление анализа внешних и внутренних параметров дискурса в их соотношении в конструировании «силы дискурса», разработка методики дискурсивного мониторинга эффективности медийного дискурса с точки зрения его силового потенциала.

4.2. ДИСКУРСИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ ЦИФРОВОЙ ЛИЧНОСТИ: СТРАТЕГИИ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В КОММУНИКАТИВНОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Переосмысление категории субъекта в современном гуманитарном знании состоит в отказе от ее определения как априорной категории и в ее трактовке как самоидентификации человека, определяющейся в ментальном поле проблемности [Фуко, 1996; Делёз, 1998], объективируемой, прежде всего, в создаваемом человеком тексте. Так, Ж. Деррида утверждает, что «при любом понимании субъекта можно сказать, что письмо как нечто отличное от субъекта одновременно и создает его» [Деррида, 2000, с. 196]. Лингвокогнитивное моделирование глубинной, связанной с мыслящим сознанием категории субъектности говорящего ориентирует изучение текстов/дискурсов не как источника информации об объекте, но как порождаемого здесь и сейчас способа самоидентификации, исходного от Я (когито) говорящего.

Понятие «субъект» определяется как активная сущность – мыслящее сознание, обладающее качествами целостности и автономности, постоянно претерпевающее становление, формирование, трансформацию в рефлексивно-эвристических и адаптационных процессах идентификации по отношению к себе самому, миру и другим в мире. Тем самым субъект представляет некий образ самого себя другим в адресованном сообщении. В связи с этим вслед за М. Фуко под «субъектностью» будем понимать формы и модальности конструирования в высказывании отношения к себе и другим, посредством которых индивид конституирует и признает себя в качестве субъекта в дискурсе [Фуко, 1996].

В коммуникативном интернет-пространстве (КИП) языковая личность («говорящий») выступает как цифровая дискурсивная личность, функционирующая под воздействием особой совокупности факторов, которые маркируют ее присутствие в качестве участника коммуникации в интернет-пространстве. Целесообразность такого обозначения статуса дискурсивной личности основывается на метонимическом переносе от определяющих специфических параметров самого цифрового интернет-пространства. Благодаря своей технологической заданности КИП, коммуникационным возможностям и опосредованности межперсонального контакта создаются особые параметры для конституирования и репрезентации субъектности цифровой личности на уровне межперсонального взаимодействия. К таким параметрам относятся:

- 1) свобода входа и выхода из коммуникативного пространства и/или данного формата коммуникации;
- 2) перцептивная скрытость;
- 3) автономность существования;

- 4) востребованность дискурса;
- 5) имediatность и продолженное существование реализованного текста/дискурса;
- 6) единичность для занятия позиции первого лица-адресанта;
- 7) анонимность;
- 8) неограниченно множественная адресация при свободе выбора комментатором целевого адресата;
- 9) афизичность в коммуникации и оперирование на уровне диалога сознаний.

Как следствие, цифровая личность как субъект дискурса приобретает определенные возможности в конституировании и репрезентации своей субъектности. К такой возможности стоит отнести предъявление высказывания как мнения/оценки. В открытой конкурентной среде высказываемых смыслов, образующих КИП, мнение/оценка представляет собой форму реагирования субъекта, а точнее, способ дискурсивного конструирования субъектной идентичности в рамках концептуальной скрипты свободы самовыражения. Высказывая мнение, цифровая личность стремится заявить о своей позиции и адресовать ее миру и другим в этом мире, т. е. она проявляет себя не просто как наблюдатель описываемого события, а как активный актер, который конструирует пропозитивные структуры, имеющие социальную предназначенность и межперсональную реализацию. Еще одной возможностью цифровой личности является коммуникативное равенство. В интернет-пространстве происходит нивелирование фактора собеседника, статус коммуникантов перестает иметь значение, действует принцип «все со всеми». Субъект, таким образом, имеет возможность выбрать любого целевого адресата, вплоть до власть предержащих, что также влечет за собой нивелирование конверсациональных максимумов, норм вежливости и статусно-ролевых регулятивов.

Цифровая личность приобретает возможность «внешнего расширения» себя (в терминах М. Маклюэна) путем создания желаемого образа, придания особой значимости отдельным фактам, создания собственного аттрактивного центра в дискурсивном коммуникативном пространстве.

В связи с отсутствием табуированных тем цифровая личность пользуется возможностью эмоционально-психологического «выплеска», не получая ее за пределами интернет-пространства. Такая свобода самовыражения позволяет максимально критично оценивать современное мироустройство. При этом мнение, высказанное субъектом, может быть мультиплицировано в сетевом пространстве. Тем самым цифровая личность плучает возможность влиять на конструирование социальных смыслов и трансляцию сценариев возможного мира, формируя группу единомышленников или противников в среде неопределенно множе-

ственного интернет-адресата, что валоризирует его статус либо как креатора, либо как дискредитатора, либо как единомышленника.

Важно, что цифровая личность является обладателем максимально сильной дискурсивной позиции, доминирующего «здесь и сейчас» актора суждения по отношению к целому миру и, в частности, фрагменту мира, представленному как предмет обсуждения. Уточним, что под дискурсивной позицией понимается проявляющаяся в текущем акте коммуникации, в медиасообщении, точка зрения как способ самоидентификации говорящего, определяемая картиной мира, всей когнитивной Я-системой человека как результат его опыта познания мира и его когнитивно-коммуникативными аксиологическими установками. Позиция субъекта равноположена любым другим позициям, в том числе позициям наиболее сильных социально-политических акторов общества, и претендует на преодоление других позиций. Она напрямую вписывается в осознание и разрешение любых, в том числе наиболее актуальных и когнитивно-неопределенных ситуаций, составляющих вызовы или проблемы для общества, единовременно претендует на восприятие и понимание глобальной аудитории (других) в качестве аттрактивного смысла для коллективного сознания.

Межперсональный уровень взаимодействия в КИП представлен в виде жанров, в которых субъект реализует себя как дискурсивная личность. Формат такого жанра, как интернет-комментарий, характеризуется максимальной степенью взаимодействия, диалогичностью, позволяющей реализовать цифровой личности все ее возможности.

В интернет-комментарии субъект представляет свою реакцию в форме мнения/оценки на иницилирующее сообщение. В нем реализуется разнонаправленная и многуровневая дискурсивная практика: интерпретативные смыслы формируются как для непосредственных интерактантов, так и для более широкого круга пользователей, образующих коммуникативную среду КИП. В открытой и конкурентной среде высказываемых смыслов комментарий рассматривается нами как способ дискурсивного конструирования субъектной идентичности в рамках концептуальной скрипты свободы самовыражения.

Следует разграничить комментарий как целостный, технологически заданный диалогический формат межперсонального интернет-дискурса (МИД) и комментарий как форму реагирования в данном диалогическом формате. В этом плане комментарий рассматривается нами как минимальная дискурсивная единица КИП.

Основным лингвокогнитивным механизмом конструирования субъектности является дискурсивная самоидентификация иммедиадная, иммергентная, которая порождается заданным коммуникационным каналом контакта информации в сетевом пространстве, структурированном в установочной позиции в формуле «Я → Мир > Другие», органи-

зованной вокруг концепта свободы самовыражения при свободе выбора адресата. Данная дискурсивная позиция формирует и отражает особую ментальность субъекта интернет-дискурса, цифровой личности. В приведенной выше формуле знак «→» показывает модальное оценочное отношение лица, включенного в диалоговое обсуждение в форме субъектного мнения; знак «>» указывает на имманентную включенность в мир иных, других лиц как объектов осмысления и как потенциальных целевых адресатов. Тем самым подчеркивается особая значимость межперсональности, адресованности, а также точка дестинации дискурса.

Познание реализуется как присвоение Мира, а результат этого присвоения репрезентируется другим в виде мнения/оценки. Мир становится денотатом и будет являться «референциальным миром» [Pottier, 1992] с точки зрения неограниченных возможностей референциального охвата объектов реальности для субъекта-комментатора и возможностей конструирования смысла о них.

Дискурсивная самоидентификация цифровой личности базируется на дискурсивной идентичности. Процесс ее формирования происходит через соотнесение себя с дискурсом и реагированием на него в форме мнения. Под дискурсивной идентичностью понимается отношение субъекта к предъявляемому дискурсу, оформленное в виде мнения/оценки.

Особенностью дискурсивной идентичности цифровой личности является возможность конструирования множества идентичностей (точек зрения в высказываемом мнении) и, как результат, потенциальная множественность создаваемого образа. Функционально-семантический анализ и лингвопрагматическая классификация текстов интернет-комментариев позволили выявить следующие типы мнения, преобладающие в МИД: осуждение, дискредитация, руководство к действию. Рассмотрим данные типы на примере, который содержит в себе иницилирующее высказывание в виде новостного поста (рис. 12) и комментарии к нему. В новостном посте сообщается о создании группы из тридцати пяти гражданах, выбранных по жребию для участия в программе вакцинации против COVID-19:

(1) *Par Bluefox le 05/01/2021 à 21:12*

Un projet médiocre et démagogique

Pourquoi créer une commission bidon de plus qui ne servira à rien.

Autant transformer la buvette de l'Assemblée en "Café du Commerce".

Cela coûtera moins cher et permettra des échanges avec tous les représentants de la nation.

Chiche!

(2) *Par pierre9 le 05/01/2021 à 19:33*

Et le parlement dans tout cela?

Quel silence assourdissant de sa part!

Actualité > Débats

Arthur Chevallier – La démocratie participative, ce populisme chic

CHRONIQUE. Le tirage au sort de 35 citoyens pour suivre la vaccination se voulait une parfaite opération de com. Il s'est retourné contre le gouvernement.

Par Arthur Chevallier*

Publié le 05/01/2021 à 18:00 | Le Point.fr

Рис. 12. Иницилирующее высказывание 1

(3) *Par Le pigeon baïllonné le 06/01/2021 à 13:13*

Mais ça n'a rien à voir

Une vraie démocratie participative consisterait à laisser aux élus et aux spécialistes les questions nécessitant une prise de décision rapide, des compétences particulières, ou bien d'une importance non négociable, et soumettre au REFERENDUM (et pas un comité citoyen de quelques dizaines à centaines de personnes) tout ce qui ne rentre pas dans ce périmètre, les réformes sociétales en tête. Ce que Macron a fait n'a rien à voir, c'est un piège qu'il a tendu, précisément pour faire croire que la démocratie participative serait un "populisme chic" et au passage, ne pas assumer ses décisions, ne tombons pas dans le panneau!

(4) *Par JM/67 le 06/01/2021 à 09:53*

Théodule

Je propose de tirer au sort notre prochain monarque républicain en 2022!

Комментарий 1 следует отнести к мнению-дискредитации. Субъект стремится к дискредитации данного проекта, характеризуя его оценочными прилагательными *médiocre et démagogique*. Также комментатор девалоризирует, подрывает доверие к государственной структуре путем осмеяния и оскорбления, выражаемого через конструкцию *Autant transformer la buvette de l'Assemblée en "Café du Commerce"*.

Комментарий 4 также следует отнести к проявлению дискредитации. В данном случае субъект предаёт осмеянию систему отбора (жребий) участников данной процедуры (*Je propose de tirer au sort notre prochain monarque républicain*).

Комментарий 2 является примером для мнения-осуждения. Данный тип характеризуется прямым указанием на неприемлемое для субъекта поведение лиц или государственных институтов. К частотным конструкциям следует отнести восклицательное предложение с оценочным прилагательным (*Quel silence assourdissant de sa part!*)

Комментарий 3 представляет собой смешанный тип мнения, а именно руководство к действию и осуждение. Субъект конструирует определенный, правильный с его точки зрения сценарий развития мира, выдаваемый им за желаемый. В данном примере он репрезентирует мнение о том, как должна строиться демократия участия в его стране (*Une vraie démocratie participative consisterait à laisser aux élus et aux spécialistes les questions nécessitant une prise de décision rapide, des compétences particulières, ou bien d'une importance non négociable, et soumettre au REFERENDUM (et pas un comité citoyen de quelques dizaines à centaines de personnes) tout ce qui ne rentre pas dans ce périmètre, les réformes sociétales en tête...*). Вторая часть комментария является примером мнения-осуждения. Субъект осуждает неэффективные действия президента (*Ce que Macron a fait n'a rien à voir*), направленные против людей (*c'est un piège qu'il a tendu*).

Вопрос о дискурсивной идентичности непосредственно вытекает из оценивания как такового способа познания объекта – введения его, и особенно его признаков, в уже существующую сетку личностного опыта говорящего, во внутреннюю личностную шкалу оценивания. К превалирующим дискурсивным операциям оценивания как показателей типов дискурсивной идентичности цифровой личности следует отнести общую и частную оценочную квалификацию [Попова, 2017].

Реализация общей оценочной квалификации осуществляется посредством стягивания высказывания к оценочному концепту – аксиологеме. Уточним, что под аксиологемой понимается знак-носитель ценностного смысла. Рассмотрим пример, взятый из соцсети «Facebook», который содержит иницилирующее высказывание (рис. 13) в виде новостного поста и комментарии пользователей к нему. Новостной пост посвящен возможному усилению мер по самоизоляции в связи с распространением коронавирусной инфекции:

(5) *Andrée Roux*

La France, ce beau pays des libertés, est devenue une prison géante!

(6) *Christian Aviannes*

Tant que nous aurons un gramme de liberté ils voudront l'abattre.

(7) *Annie Loiseaux*

Liberté.

Pauvre gouvernement.

Pauvre France.

Nous devons agir et nous insurger.

(8) *Chantal Béghin. Tout le monde est content apparemment!!! Personne ne bouge, on accepte tout!!! Pauvre France!*

(9) *Anne Laure*

Inadmissible de payer pour des incapables il y a des vaccins donc des moyens de sortie de crise et au lieu de cela on nous parle durcissement des mesures! Tous dans la rue! Aux préfetures pour demander des comptes à l'état et à ses responsables!

(10) *Annick Michel*

Pour eux et les fonctionnaires pas de problème le salaire tombe en fin de mois travail ou non. C'est honteux d'empêcher de travailler. Pas de salaire des charges et des maladies. Oui les grandes surfaces. Il y a un monde fou les manifestations... Les resto fermés le virus augmente.

(11) *Serge Pacouret*

A quel moment les mandarins qui nous imposent les diverses mesures contraignantes vont ils enfin comprendre que tout ce cirque ne sert à rien sauf à enfoncer la France un peu plus bas chaque jour!

(12) *Sandrine Didine Haberka*

Castex mr déconfinement qui va reconfiner pour la troisième fois entre lui et le véreux mr masque j 'ai honte pour les moutons lrem.

Рис. 13. Иницирующее высказывание 2

В качестве объекта оценки в комментариях 5–8 выступает Франция как государство. Субъект-комментатор создает аксиологический смысловой фокус на концепте *liberté*, имея изначальное представление о Франции как о свободной стране, считая свободу одной из главных ценностей частотным оценочным маркером *pauvre*.

Частная оценка предполагает выделение и оценивание какого-либо аспекта явления либо смещение фокуса оценивания на явление, отсутствующее в иницирующем посте, но значимое для субъекта. Рассмотрим комментарии 7 и 8. В данных высказываниях субъекта-комментатора происходит уход от темы иницирующего высказывания (усиления мер в связи с коронавирусом) к теме несвязанной с ним. Аксиологический фокус, таким образом, смещается на тему, имеющую большую важность для субъекта, а именно высокие и стабильные доходы чиновников на фоне экономических проблем в стране. В комментарии 7 чиновники получают уничижительную оценку их деятельности (*des incapables*), усиленную оценочным маркером (*inadmissible de payer, durcissement des mesures*). В комментарии 8 чиновники представляются как люди, не имеющие финансовых проблем в отличие от самих субъектов (*les fonctionnaires pas de problème le salaire tombe en fin de mois travail ou non*). Также используется частотная оценочная конструкция *c'est honteux*. В комментарии 9 чиновники получают оценочную номинацию *les mandarins*, навязывающую неэффективные меры (*imposent les diverses mesures contraignantes*). В целом в комментариях 9–11 негативный образ чиновника как власть имущего человека с высокими доходами вне зависимости от экономической ситуации в стране противопоставляется всем остальным гражданам.

Еще одной характерной операцией оценивания является персонально-ориентированное оценивание. Субъект стремится валоризировать или девалоризировать статус конкретного лица. При выборе оценок комментатор руководствуется тем, что вопрос об их справедливости и правомерности не ставится и, как следствие, он не несет ответственности за сказанное.

В комментарии 12 объектом оценивания становится премьер-министр Франции Jean Castex. Комментатор наделяет уничижительной оценкой *mr déconfinement*, как человека постоянно объявляющего о введении или отмене режима самоизоляции, подчеркивая его политическую слабость (*qui va reconfiner pour la troisième fois*). Также в данном комментарии используется прямое оскорбление (*les moutons lrem*), относящееся к правящей партии (*La République en marche*) и премьер-министру.

Следует отметить, что операция оценивания осуществляется по двум векторам: эвалюация – оценка от Мира к себе по объективным показателям (факты, статистика, описание объективного состояния и т. д.)

или аппрециация – оценка от себя, от своих внутренних убеждений, своих собственных ценностных ориентиров [Charaudeau, 1992]. Эвалюация предполагает вынесение оценки на основе восприятия и интерпретации признаков референта по вектору от Мира к Я, тогда как аппрециация исходит из «эго-универсума человека», его интериоризированной, аксиологически, прагматически параметризованной картины мира [Серебренникова, 2008, с. 46]. При аппрециации «субъект оценивает в определенной ситуации предмет или явление, соотнося его не с неким универсальным абсолютным воплощением моральных, социальных или эстетических ценностей, а, прежде всего, со своим собственным, более или менее совпадающим с общим пониманием ценностей, в частности, моральных, социальных, эстетических или др.» [Викулова, 2008, с. 187].

Как показал проведенный анализ, именно дискурсивная операция аппрециации является доминирующей в процессе конструирования и репрезентации оценочного отношения в межперсональном интернет-дискурсе. Данное положение связано, прежде всего, с общей когнитивно-коммуникативной рамкой МИД, определяемой концептуальной позицией Я – Мир > Другие, которая ориентирует оценивание в векторе от себя к Миру, от своей собственной когнитивной системы и аксиосферы по отношению к миру и, в частности, к предмету дискурса. Субъект опирается на собственный оценочный опыт базовых коллективных ценностей и тех ценностей, которые присущи ему как языковой личности, обладающей определенной картиной мира, контекст которой порождает его дискурс. Как следствие, субъект-комментатор структурирует свой комментарий – истолкование в сетке внутренних представлений, норм, стандартов и требований, высказывает собственное морально-нравственное суждение, эстетическое или прагматическое кредо, что придает комментарию качество идеологичности. Он экстериоризирует свой ассумптивный мир, конструируя тем самым мир дискурсивный, в котором преобладают значимые для него концепты – аксиологемы. Обратимся к репрезентативным примерам реализации аппрециации.

Анализ референциально-денотативного аспекта корпуса примеров показывает, что объектами аппрециации выступает чаще всего деятельность политических институтов, таких как парламент, министерства здравоохранения, образования, финансов, а также главных политических деятелей страны. Таким образом, выявляется значимый референциальный мир субъекта-комментатора, который аксиологически параметризован и в котором проявляется его дискурсивная идентичность.

Репрезентацией субъектности в КИП являются лингвокогнитивные процессы в виде категориальных характеристик динамики структурирования дискурса цифровой личности в виде интенциональности и стратегичности и дестинаторности.

Под интенциональностью в общем смысле понимается коммуникативная направленность, намерение сообщить нечто [Серль, 1987; Grice, 1989]. При более детальном рассмотрении Дж. Серль отмечает, что интенциональность является свойством ментальных состояний и событий, посредством которых они направлены на объекты и положения дел внешнего мира [Серль, 1987]. Таким образом, интенциональность создает связь между сознанием субъекта и какой-либо описываемой им пропозиционально частью мира. Именно интенциональность определяет точку зрения говорящего, его установку и тот смысл (базовый концепт), который организует высказывание. Интенция по отношению к интенциональности рассматривается как частное, проявляющееся в отдельно взятом высказывании коммуникативное намерение [Грайс, 1985].

Основываясь на данных интент-анализа, показывающих доминирование в комментариях отношения согласия и несогласия, выявляем две базовые интенции согласия/несогласия с ядром, в качестве которого выступает либо информационный пост, либо комментарий [Попова, 2017]. Приведем пример выражения интенции согласия/несогласия. Иницирующим сообщением (рис. 14) является новостной пост, посвященный призыву к повышению заработной платы медицинским работникам со стороны председателя профсоюза. Рассмотрим комментарии к нему.

Laurent Berger appelle à une hausse des salaires dans le médico-social

Les fiches de paie des professionnels sont inférieures à la moyenne de plus de 25 %, indique le secrétaire général de la CFDT.

Par **Claudia Cohen**

Publié hier à 00:22, mis à jour hier à 20:03

Рис. 14. Иницирующее высказывание 3

(13) *GTOUVU*

le 10/01/2021 à 13:56

*Augmenter ceux qui travaillent dans médical est tout à fait justifié
Quant à ceux qui sont dans le social , ils sont encore trop bien payé
pour ce qu'ils font: conseiller les personnes pour obtenir des aides en
travaillant le moins possible*

(14) *ari2009 le 10/01/2021 à 15:23*

Et les retraites bloquées depuis 2013!!!

(15) *bouhma*

le 10/01/2021 à 15:07

Le medico social a pris pleins d'augmentation en 5 ans même si leur salaire est très bas.stop.

(16) *mistophore le 10/01/2021 à 13:51*

Idée lumineuse, mais la Macronie-Hollandie fait plus les poches qu'elle ne les remplit, du moins pour ses boucs émissaires habituels.

(17) *euramer le 10/01/2021 à 13:44*

Si on compare le système hospitalier de la France et l'Allemagne qui disposent d'un budget équivalent on s'aperçoit que la France a en moyenne 1750 personnels de santé (ETP) pour 100 000 habitants (privé + public) alors que l'Allemagne en a 1213 pour 100 000 habitants. Pourtant l'Allemagne a plus de lits, en particulier en réanimation en service et a réussi ainsi à nettement mieux gérer les impacts de la pandémie que la France. Avant de décider d'une augmentation uniforme des salaires, qui plomberait encore un peu plus les comptes de l'état, il faudrait se pencher sur les origines de ce sureffectif non productif ou mal employé dans le secteur public. Il y a probablement trop d'administratifs, d'absentéisme et une centralisation excessive des décisions (avec des gens très bien payés) qui pourraient être prises plus efficacement au niveau régional. Le secteur privé semble aussi très bien fonctionner en Allemagne.

В комментарии 13 субъект выражает согласие с иницирующим постом, используя эксплицитный маркер *justifier*, усиленный частотным наречием *tout à fait* (*Augmenter ceux qui travaillent dans médical est tout à fait justifié*). Комментарий 16 также выражает интенцию согласия с помощью маркера *Idée lumineuse*.

В комментарии 15 несогласие проявляется посредством маркера *stop*. В комментарии 14 интенция несогласия выражается имплицитно, т. е. используются такие маркеры, в семантике которых отсутствует прямое указание на согласие или несогласие (*Et les retraites bloquées depuis 2013!!!*). Несогласие здесь выражается посредством апеллирования к социальному классу пенсионеров, которые, по мнению субъекта-комментатора, в течение долгого времени остаются без денежных надбавок.

Следующей характеристикой динамики дискурса с точки зрения репрезентации субъектности КИП является стратегичность. Она является категорией и, следовательно, качеством дискурса, которые реализуются в результате проецирования концептуальной позиции, аксиоло-

гических установок и коммуникативной интенции говорящего [Димова, 2004; Плотникова, 2011] и представляют собой сквозную линию организации дискурса, обуславливая его аргументативность и конечную интерпретацию. В этом плане стратегичность следует рассматривать как особый, интегрирующий способ субъективации говорящего в высказывании, что подлежит анализу на уровне репрезентации субъектности в тексте/дискурсе.

Под стратегией в общем смысле понимается проекция когнитивного сценария, с помощью которого достигается коммуникативная цель [Иссерс, 2008; Плотникова, 2011]. При уточнении данного определения отметим, что стратегии рассматриваются нами как способы реализации стратегичности дискурса, выводимые через общую направленность речевых актов, интенциональности, оценочной структуры и организации высказывания. Общей стратегией субъекта МИД следует считать его направленность на самоидентификацию путем продвижения своей дискурсивной позиции, обусловленной общей когнитивно-коммуникативной рамкой МИД, в которой доминирует концептуальное отношение Я → Мир > Другие. Общая стратегия самоидентификации складывается из более частных.

Основанием для реализации стратегий является индивидуально-субъектная интерпретация иницирующего сообщения, что вызвано наличием в нем содержательно-концептуальной информации, если воспользоваться положением и термином И. Р. Гальперина [2007] о смысловой структуре текста. Субъект соотносит ее с личным опытом, профессиональной деятельностью, аксиологической системой.

Стратегия доминирования выявляется как одна из наиболее значимых. Субъект-комментатор ставит себя в доминирующую позицию, позицию лидера мнения и описывает конкретные действия, которые нужно осуществить для решения той или иной обсуждаемой проблемы.

Стратегия антагонизма характеризует позицию субъекта-комментатора как жесткую и непримиримую. При использовании данной стратегии субъект заявляет о себе как о бескомпромиссном собеседнике. Стратегия реализуется главным образом за счет речевого акта дискредитации объекта иницирующего поста или комментатора-собеседника, что позволяет противопоставить себя другим.

При использовании стратегии солидаризации субъект опирается на ранее высказанное кем-либо мнение, ограничивается согласием с ним или расширяет его используя свои аргументы.

В табл. 10 представлен алгоритм реализации выявленных стратегий [Попова, 2017, с. 169].

Таблица 10

Алгоритм реализации стратегий межперсонального интернет-дискурса
в жанре комментария

Вид стратегии	Интенция	Речевой акт как ведущий способ реализации стратегии	Типы оценки как аргументы в реализации стратегии	Маркеры
Доминирование	Несогласие	Предписание Рекомендация	Рациональная оценка: утилитарная нормативная телеологическая	Il faut / il faudrait / il devrait / il vaut / vaudrait mieux
Антагонизм	Несогласие	Дискредитация Обвинение Оскорбление Насмешка	Рациональная оценка: утилитарная нормативная телеологическая Эмоциональная оценка	incapable, incompétance/incompétant, faible, incroyable, honte, scandale/scandaleux, irresponsable
Солидаризация	Согласие	Солидаризация	Рациональная оценка: утилитарная нормативная телеологическая Эмоциональная оценка	Je suis d'accord, je partage, bravo, tout à fait, exactement, très bon article/analyse

Рассмотрим алгоритм стратегии доминирования на примере 17. Субъект-комментатор сравнивает системы здравоохранения Франции и Германии, отдавая предпочтение последней и считая ее более эффективной (*Pourtant l'Allemagne a plus de lits, en particulier en réanimation en service et a réussi ainsi à nettement mieux gérer les impacts de la pandémie que la France; Le secteur privé semble aussi très bien fonctionner en Allemagne*), имплицитно выражая несогласие с иницилирующим высказыванием. Используется речевой акт предписания, предлагается свой алгоритм действий для улучшения здравоохранения (*il faudrait se pencher sur...*). Субъект прибегает к телеологической оценке, основанной на градуированном признаке – эффективной/неэффективной системе с использованием характерного маркера *efficacité* (*qui pourraient être prises plus efficacement au niveau régional*). Стратегия доминирования, таким образом, позволяет комментатору занять позицию лидера мнения, владеющего большей информацией по обсуждаемой проблеме и представляющего наиболее рациональный путь для ее решения.

Положение о том, что дискурс в коммуникативной ситуации приобретает событийный характер, способный привести в нее изменение [Арутюнова, 1999], следует обратиться к такой характеристике как де-

стинация – коммуникативная, событийная предназначенность дискурса, понимаемая как конструктивный или деконструктивный вклад данного реализованного дискурса в изменение состояния ситуации, задаваемой иницилирующим текстом, т. е. того знания о ситуации, которое исходит от реализованного дискурса. Уточним, что данный термин введен С. Н. Плотниковой и Е. Ф. Серебренниковой [2013] в рамках динамического подхода к анализу дискурса. Термин «дестинация» рассматривается по отношению к реализованному дискурсу в рамках не только данной ситуации высказывания, но и шире, вне его, с точки зрения содержательного вклада в тему, исследуемую дискуссионно, т. е. в рамках понимания дискурса как способа осмысления и конструирования нового, живого знания. Рассмотрим пример такого вклада на уровне межперсонального взаимодействия в КИП.

Стратегия антагонизма реализуется главным образом через интенцию несогласия и речевой акт дискредитации. Опираясь на риторическую классификацию стратегий, возводимую к положениям Аристотеля [2000], определим дестинацию данной стратегии в русле риторического воздействия на адресата. Продвигая свою дискурсивную позицию в форме мнения, комментатор прибегает к стратегии антагонизма для дискурсивного структурирования фрейма суда в коммуникативном пространстве, занимая позицию «обвинителя», имеющего и реализующего право выносить негативную, чаще всего жестко негативную, оценку объекту обсуждения. Рассмотрим данное утверждение на репрезентативном примере, взятом из соцсети Facebook:

(18) *Anne-Sophie Chazaud*

Le 15 décembre 2020, 07:33 ·

Fake référendum.

Tout est fake et simulacre de démocratie dans la gouvernance de l'extrême-centre macronien.

Le Parlement est une chambre d'enregistrement, la justice est aux ordres, les contre-pouvoirs n'existent plus et, lorsque c'est le cas, comme par exemple avec les réseaux sociaux ou les médias indépendants, on s'empresse d'essayer de les étouffer, et, à présent, c'est le référendum lui-même qui fait l'objet de sa réduction au statut de simulacre, de gadget masquant à grand-peine la dérive anti-démocratique du régime.

Un référendum sur la réforme des retraites? N'y pensez pas! Un référendum sur l'extension de l'initiative citoyenne dans le processus législatif? Populistes! Gaulois réfractaires et demeurés! Un référendum sur l'immigration massive? Xénophobe! Un référendum sur l'islamisme? Islamophobe!

Ce sera donc, dans la caverne de Platon, un référendum pour savoir si l'eau ça mouille et si on aime les bébés phoques.

Nul doute qu'on espère ainsi, comme à chaque fois, amuser la galerie pour pouvoir, ce faisant, continuer de détruire le pays et ce qu'il reste de l'État/nation Providence.

L'Absurdistan, soyez-en certains, n'a pas perdu le (pôle) Nord et n'a pour seul objectif que de nous estourbir.

Данный пример представляет собой пост пользователя Anne-Sophie Chazaud, посвященный предстоящему референдуму по внесению изменений в конституцию, а именно добавления положения о защите окружающей среды и борьбе с изменением климата. Данный комментарий полностью направлен на дискредитацию президента Франции, а также на государство в целом (*Le Parlement est une chambre d'enregistrement, la justice est aux ordres; la dérive anti-démocratique du régime*).

Субъект также девалоризирует статус референдума (*Tout est fake et simulacre de démocratie*), находя его невозможным, неправдивым при данном правительстве. Его значение также высмеивается путем создания градационной шкалы с использованием повторяющихся грамматических конструкций (*Un référendum sur...*) и иронии (*un référendum pour savoir si l'eau ça mouille et si on aime les bébés phoques*). Также используется неологизм (*L'Absurdistan*), фигурирующий в названии литературного произведения и представленный в виде обобщающей оценки Франции как страны абсурда. Пост также сопровождается иллюстрацией (рис. 15), демонстрирующей, по мнению комментатора, то, как власть воспринимает своих граждан. Таким образом, речь идет о реализации стратегии антагонизма, дестинация которой заключается в деструктивном понимании объекта дискредитации, а также эмоционально-аттрактивном рефрейминге.

Рис. 15. Иллюстрация к комментарию 18

Таким образом, интенциональность, стратегичность, оценочность и дестинация являются взаимообусловленными параметрами МИД и одновременно базовыми дискурсивными средствами проявления субъектности в динамике его реализации. При объединении полученных результатов становится возможным выявить характерные типы субъектов МИД, к которым относятся:

- 1) субъект-креатор;
- 2) субъект-дискредитатор;
- 3) субъект-единомышленник.

Субъект-креатор характеризуется рациональным осмыслением действительности. Его цель не только дать оценку событию, факту или личности, но предложить конкретные действия, позволяющие создать тот мир, в котором ему было бы комфортно существовать. Иными словами, он создает свой сценарий существования мира, опираясь на свою аксиологическую систему, опыт, знания. Именно для этого типа характерной является стратегия доминирования, так как, предлагая конкретные действия, субъект стремится к одобрению своего сценария и признанию его рациональным. В связи с этим структура комментария данного типа субъекта имеет аргументативную основу. Как следствие, для субъекта-креатора также характерна рациональная оценка, а именно утилитарная, нормативная, телеологическая. Характерным языковым маркером для субъекта-креатора является глагол *falloir*, с помощью которого, как было установлено, выводится речевой акт предложения нового образа Мира.

Субъект-креатор создает субъектное видение ситуации посредством дестинации, заключающейся в рефрейминге и фокусировке содержания на базовую пропозицию. Рефрейминг активизирует именно те типизированные идеализированные (ментальные) схемы обработки данных, которые существуют в когнитивной системе субъекта, фокусируют внимание на самых ярких аспектах ситуации, представляют ситуацию в определенном аспекте.

Целью субъекта-дискредитатора является уничижительная оценка субъекта-собеседника (автора) ядерного комментария или объекта ядерного редакторского поста. Когда оценка касается конкретной личности, речь идет об оценивании умственных способностей субъекта, но если в качестве объекта выступает не конкретная личность, а какое-либо событие, нововведение, происшествие, то оценка касается эффективности и целесообразности, поэтому характерными типами оценок для второго случая будут являться этическая, утилитарная и телеологическая оценка. При дискредитации личности может быть использована как эмоциональная, так и рациональная оценка, а сам комментарий носит аргументативный характер.

В целом дискурсивное поведение субъекта-дискредитатора можно рассматривать как проявление вербальной агрессии по отношению к собеседнику в результате столкновения мнений. При этом комментаторы не идут на открытый конфликт. В случае субъекта-дискредитатора вербальная агрессия носит полимический характер, так как сопровождается аргументами.

Субъект-единомышленник стремится к солидаризации с одним из комментариев или с ядерным иницирующим редакторским постом. Комментарий в таком случае может выражать имплицитное или эксплицитное согласие в сопровождении частотных маркеров (*je suis d'accord avec vous, je suis d'accord avec l'auteur de l'article*), а также может сопровождаться эмоциональной или рациональной оценкой.

Итак, стратегия самоидентификации реализуется разными путями, а именно через более частные стратегии доминирования, антагонизма, солидаризации. Субъект-комментатор стремится валоризировать свое мнение. Самовыражаясь через дискурс, субъект самоутверждается не только внутри КИП, но и за его пределами, так как его мнение формирует в целом отношение к социальным, политическим процессам в стране и тем самым становится индикатором, по которому можно фиксировать отношение к происходящему в обществе.

Стратегия самоидентификации позволяет дискурсивной личности реализовать себя с точки зрения востребованности своего мнения, соотносить себя с личностями самого высокого ранга, поставив себя выше и понизив их статус. Отсутствие дискурсивных ограничений позволяет ей быть максимально свободной в своих суждениях, быть убедительной, рациональной, востребованной со своими знаниями, которые становятся модусом бытия.

4.3. МОДУСНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ В ДИСКУРСЕ ОБ ИННОВАЦИЯХ

В русле когнитивно-дискурсивной парадигмы современной лингвистики дискурс как «речь, погруженная в жизнь» (Н. Д. Арутюнова) рассматривается в динамическом аспекте его реализации. В дискурсе как процессе высказывания говорящий репрезентирует свой *modus significandi* (способ означивания и обозначения), в котором воплощается отношение к референциально-денотативному миру, базирующееся на приобретенном ранее опыте: знаниях, мнениях, оценках, целевых установках. Способ высказывания данного отношения представляет собой некоторый модус структурирования смысла, востребованный данной

ситуацией коммуникации. По сути, речь идет об оценочном измерении высказывания/текста/дискурса говорящего как «человека оценивающего», экзистенциально и постоянно находящегося в пространстве «между»: между миром реального и миром должного, необходимого, желаемого [Серебренникова, 2008б], что с необходимостью модализирует высказывание.

Модализация как «когнитивно-дискурсивный процесс, нацеленный на передачу интенционального состояния, репрезентацию своих убеждений, мотивов, оценок, стремлений “заразить” ими адресата так, чтобы оно соответствовало желаниям адресата» [Якоба, 2020, с. 154], выполняет, прежде всего, воздействующую функцию; формирует и оказывает влияние на мнение, оценку и ценностное отношение адресата. Способом конструирования оценочного отношения и ведущим параметром реализации стратегичности дискурса является модус.

Уточним категориальное понятие «модус». Первоначальную трактовку понятия «модус» находим в грамматическом учении модистов, которые рассматривали модус обозначения (*modi significandi*) как основополагающий компонент понятийно-терминологической системы, целью которой является объяснение явлений языка и их связь с реальной действительностью. Слова разных частей речи одной предметной отнесенности (*diction*), согласно теории модистов, отличаются способом представления данного содержания, т. е. способом обозначения или модусом. Модусы обозначения восходят к модусам существования, иными словами, к свойствам существования вещей, глубинным характеристикам, которые присутствуют в самих вещах вне человеческого сознания [Перельмутер, 1991].

Термин «модус» является ключевым в теории речевой деятельности Ш. Балли. В любом высказывании он выделял две составляющие: диктум как основное предметно-логическое содержание высказывания и модус – компонент, выражающий отношение описанной ситуации к действительности, а также эмоциональное, интеллектуальное или волевое суждение говорящего в отношении диктума [Балли, 1955]. Модус, по мнению Ш. Балли, – «душа» высказывания, иными словами, способ выражения субъективного отношения по отношению к диктуму. Субъективная составляющая (модус) характерна не только для конкретного высказывания, но и для всего текста/дискурса, при котором говорящий стремится передать свою определенную позицию по отношению к предмету высказывания.

В модусе как мере и способе означивания [Ляпон, 1998] отражается сущность процесса оценивания под разными углами зрения – видение предмета референциального мира в определенной перспективе, определенном плане его осуществления от мира реального к миру желаемого, должного, необходимого [Ильин, 2005]. Н. Н. Болдарев считает, что категории коммуникативного модусного типа «обеспечивают воз-

возможности различной интерпретации говорящим того или иного концептуального содержания и формирования на основе этого отдельных смыслов» [Болдырев, 2007, с. 25].

Важно в этой связи обратиться к изучению современного медийного коммуникативного пространства, которое, обладая большой степенью воздействия на социального адресата в ситуациях когнитивной неопределенности, не может не задавать, но целенаправленно формирует модусы видения мира и тем самым формулирует, транслирует и продвигает значимые смыслы, которые оказывают влияние как на личностную, так и на национально-культурную аксиосферу как глубинное измерение целостной концептосферы.

Концепты, будучи «интерпретаторами смыслов» [Кубрякова, 1996, с. 91] по «дискурсивному топика» (термин В. З. Демьянкова) – предмету дискурсивизации, постоянно находятся в процессе уточнения, обновления и модификации. Как следствие, в структуре концепта появляются новые слои, реструктурируется смысловое содержание концепта, эволюционирует концептуальный смысл в обыденном сознании и т. д. [Серебренникова, 2011] Концепты видоизменяются естественным образом в процессе развития языка как «живого знания» и под влиянием других концептов.

Обратимся к рассмотрению вопросов, касающихся характеристик реализации дискурса, что позволит нам уточнить категорию стратегичности дискурса в принятом модусном подходе к его анализу. Дискурс организуется вокруг опорного концепта [Демьянков, 2003], в котором заложено оценочное измерение, отражающее субъективный характер концептуализации как освоения информации [Болдырев, 2004]. Процесс реализации дискурса в динамическом плане можно представить в модели траектории дискурсивизации от начальной точки – установок, интенциональности, проецируемых на стратегию и аргументацию, к достижению конечной по времени и завершающей по смыслу точки, определяемой как достижение дестинации дискурса в коммуникации [Плотникова, Серебренникова, 2013]. Модусный подход к дискурсивизации как вербализации смысла в высказывании прослеживается во всех компонентах траектории дискурсивизации, от исходных установок, интенциональности, которые определяют модус высказывания, т. е. проецируют соответствующую стратегию, до дестинации – целевой предназначенности данного высказывания в ситуации коммуникации. Такой подход позволяет придать аксиологический характер реализуемой стратегии. Под аксиологической стратегией понимается оптимальный для медиатора способ конструирования наиболее значимого для него смысла в определенной модусной рамке, отграничивающей способ его продвижения и валидации. Аксиологичность дискурсивной стратегии лежит в основе переосмысления дискурсивного топика в концептуальном плане, способствуя его модификации в интерпретативной перспективе профи-

лирования наиболее актуально значимого на фоне менее значимого или незначимого.

При анализе медийного коммуникативного пространства выделяются различные предметные области, представленные частотными и актуально значимыми темами, создающими дискурсивные пространства на основе дискурсивизации составляющих их предметных топиков. В дискурсе, организованном топиком, за которым стоит исходно ценностно насыщенный концепт, отличающийся неопределенностью в интерпретации, процесс концептуализации осуществляется на основе оценочной деятельности говорящего по формированию ценностного отношения к референциальному миру.

В современном медийном пространстве особо актуальными стали темы, связанные с процессами модернизации, технологизации в различных отраслях и сферах общества, представленные в медиатекстах. Дискурсивизация данных процессов образует фрагмент дискурсивного медиaprостранства, о чем свидетельствует высокая частотность репрезентации «инновации» как дискурсивного топика медиатекстов, что дает право выделить «дискурс об инновациях» как предметную область медийного коммуникативного пространства, маркированную данным тематическим знаком. Концепт «инновация», стоящий за дискурсивным топиком, определяемый по его внутренней форме как процесс, результат и инструмент введения нового, преобразующего старое, в своей структуре содержит признаки *обновления, преобразования, модернизации, прогресса, развития* и в настоящее время связан с цивилизационными и технологическими прорывами, признанными повышать благосостояние человека и нацеленными на кардинальные изменения образа мира будущего. Инновация как ценностно-насыщенный концепт [Садовникова, 2016] в ходе дискурсивизации конструирует представление об особом, целевом, желаемом состоянии общества, требующем преодоления неопределенности на пути реализации инновационных процессов. В данного вида дискурсе репрезентированы дискурсивные позиции о сущности, инструментах, технологиях, результатах инновации, инновационных процессах различного типа.

Дискурс об инновациях следует отнести к валоризирующему типу дискурса, так как его топик образует пространство оценочной концептуализации вокруг ценностно насыщенного концепта «инновация», конструирующего представление об особом, целевом, желаемом состоянии общества, требующем преодоления неопределенности на пути реализации необходимых, должных преобразований в обществе. Под валоризацией в русле субъектноцентрического динамического подхода к дискурсу понимается означивание как придание особой значимости, особого концептуального статуса чему-либо на фоне незначимого или менее значимого и, соответственно, оценочная интерпретация означивания со стороны адресата [Серебренникова, 2017].

В валоризирующем типе дискурса происходит оценочное конструирование смысла ценностного плана путем выдвижения аргументов/контраргументов, направленных на убеждение социального адресата в значимости позиции говорящего по отношению к дискуссионному топикю. Оценочный характер концептуализации дискурса, организованного ценностно насыщенным концептом, определяет его аксиологическую параметризованность в коммуникативном пространстве – глубинную модально-целевую настройку дискурса [Серебренникова, 2013а], образуемую пересечениями согласия, антагонизма, доминанции между медиасообщениями, т. е. дискурсивными позициями, отграниченными интересами, потребностями, предпочтениями, ориентирами медиаторов различного социального статуса.

В аксиологически параметризованном пространстве через модус в процессе оценочной концептуализации говорящий определенным образом высвечивает свою точку зрения, оценочное отношение относительно «опорного» концепта высказывания. Таким образом, модусы создают концептуально-оценочную рамку валоризирующего дискурса, тем самым определяя аксиологическую стратегию – целенаправленный способ продвижения особо значимого смысла в траектории дискурсивизации.

Анализ текстов с топиком «инновация», репрезентирующих дискурсивную позицию экспертов, журналистов, аналитиков, показал, что аксиологические стратегии дискурса об инновациях реализуются в парадигме трех модусов: критического, футурологического и оптимизирующего. Каждый из данных модусов раскрывается в траектории дискурсивизации на уровне интенциональности, аргументации и дестинации.

Профилирование **критического модуса** обусловлено установкой на критическое осмысление и интенцию сообщить о критических аспектах современного состояния по данному топикю с ориентацией на некоторые идеалы, нормы и образцы. Квалификация «критический» в словарях трактуется как «способный к здравому суждению, к оценке, основанной на исследованиях и доказательствах» [<http://endic.ru/fwords/Kriticheskij-18695.html>]. В критическом модусе валоризирующего дискурса говорящий аналитически подходит к рассмотрению предмета обсуждения с целью вынесения собственного относительно независимого суждения. В поле критического взгляда входит как позитивная, так и негативная концептуальная валоризация дискурсного топика.

Такого рода интенциональность проецируется на аксиологическую стратегию критического плана, которая как линия валоризации реализуется посредством использования аттрактивных средств – аргументов для повышения/понижения статуса высказываемого смысла при осмыслении и оценивании предмета дискурса. Для аксиологической стратегии критического плана характерным является использование рациональных аргументов эвалюации (статистики, фактов, свидетельств очевидцев и т. д.), а также аргументов, опирающихся на аналогию, здра-

вый смысл, авторитетное мнение (цитирование) часто в сочетании с оценочными высказываниями.

Представим более детально способы реализации аксиологической стратегии в критическом модусе реализации аргументации. Одним из активных является использование «аргумента к авторитету». Аргумент может структурироваться через прямую цитату и апелляцию к авторитетному мнению в области технологий и развития: *«По словам бывшего директора по развитию технопарка «Сколково» Максима Киселёва, инноград стал «инкубатором для эмигрантов»* [Терентьев, 2017]. Говорящий, анализируя и оценивая результаты деятельности по осуществлению и внедрению инновации, верифицирует свою позицию о недостаточной поддержке российских инноваторов оценочно-окрашенной цитатой эксперта. В цитате аргументом-аттрактором выступает метафоричное выражение *«инкубатор для эмигрантов»*, где профилируются негативная оценочная квалификация Сколково как отечественного центра инноваций.

Другим высокочастотным способом аргументации является аналогия и, в частности, метафоризация как аксиологический способ структурирования аналогии. Сущность метафоризации состоит в подведении дискурсивизации под концептуальную структуру более значимой концептуальной области. Так, например, говорящий в качестве доказательства своей позиции о необходимости инновационных изменений валоризует инновации и процессы модернизации посредством метафоры: *«Для России инновации – живая вода, страна нуждается в модернизации по всем направлениям»* [Лесков, 2009]. Метафора «живая вода» высвечивает высокую значимость инновационной политики для жизни общества и выводит инновации на новый уровень базовых человеческих ценностей, в более ценностно значимую концептуальную область. Метафора как аргумент в продвижении концептуальной позиции адресанта валоризует инновации, которые приобретают статус первоочередной, жизненно важной ценности современного общества.

Продвижение позиции говорящего реализуется посредством эвалюации феномена – объективной оценки с опорой на факты, статистические и экономические данные, сопряженные с переходом от количественной к общей оценке, которые верифицируют позицию субъекта высказывания: *«Время сжигания мусора безвозвратно ушло, инновации сделали его переработку прибыльным делом. Прибыль на тонну мусора в год – 30 долл., на каждого жителя — по 7 долл. Экономически сжигание мусора – разорительное предприятие, в 4 раза дороже переработки. <...> В Европе огненной переработке подвергают лишь 5 % мусора, ибо только непутевый человек сжигает вперемешку градусники, электронику, краски и лаки. У нас здоровье побоку, инновации – на бумаге. Важно получить доступ к жирному бюджету. Мусор не пахнет»* [Лес-

ков, 2009]. В данном случае аксиологическая стратегия основана на объективном сравнении и количественной стратегии аргументации. В качестве аргумента приводятся конкретные данные в сфере мусоропереработки, тем самым при помощи количественной оценки верифицируется важность внедрения инноваций в данную проблемную и инерционную сферу жизни российского общества. Говорящий неслучайно в качестве иллюстратора особой значимости инновации взял проблему мусоропереработки, которая, на первый взгляд, не является инновационной. На фоне высвечивания проблем этой сферы субъект речи имплицитно валоризует концепт «инновация», подключая его к аксиологически насыщенным сферам «комфорт», «здоровье», «благополучие». Обращает на себя внимание явная обвинительная интенция высказывания и его целевая дестинация изменить отношение к проблеме и активизировать ее решение.

Дестинацией модуса аксиологической стратегии критического плана является структурирование смысла о несоответствии абсолютно-му максимальному показателю «идеала» в представлении сущности инновации и антагонизм реального по отношению к данному «идеалу». Последовательная валоризация концепта «инновация» в процессе дискурсивизации путем аксиологической и логической аргументации выводит концепт на позитивные ценностные смыслы (здоровье, жизнь, благополучие), которые способствуют продвижению концепта «инновация» вверх по степени значимости в иерархии ценностей современного человека.

В парадигме **футурологического модуса** в дискурсе, организованном концептом «инновация», говорящий очерчивает и моделирует мир будущего, прогнозирует вероятность наступления событий, связанных с предметом обсуждения. Футурология в широком смысле представляет собой совокупность «разнообразных исследований и концепций о будущем человечества» [Мазаник, Белоковильский...]. Таким образом, квалификация «футурологический» применительно к модусу трактуется как относящийся к будущему и связанный с представлением некоторого объекта сегодняшнего мира, но в его будущем состоянии.

Интенциональность аксиологической стратегии футурологического плана направлена на создание образа будущего посредством экстраполяции и проецирования сценария будущего. В дискурсе об инновациях стратегиями его реализации являются валоризация или девалоризация предмета осмысления в возможном альтернативном будущем на основе фокусировки инновации как ведущей ценности и утверждения такого ценностного статуса в картине мира адресата.

В валоризирующем дискурсе футурологического плана аргументация часто осуществляется путем переноса дискурсивизации в мир будущего и конструирования его модели. Такой тип аргументирования

способствует продвижению смысла преобразующего потенциала инновационных технологий и их состояния в будущем в оппозиции и на фоне сравнения с настоящей реальностью обыденной жизни: «*In the future computer chips will cost next to nothing. They will be cheaper than rubbish, than paper to be recycled. Even your contact lenses – put them in and just blink, and you will be online. Can you imagine how students will take exams with such technology? They won't have to memorise any lectures. This is a revolution in education because there will be no need to remember anything. They will blink and have access to information*» [Kaku, 2017]. Валоризация концепта «инновация» осуществляется через сравнение стоимости компьютерных чипов *computer chips* со стоимостью мусора *cheaper than rubbish*. Возведение концепта «инновация» в аксиологически более насыщенный формат знания за счет сравнения и частной аксиологической стратегии перехода от количественной к прототипической оценке позволяет осмыслить инновации с точки зрения доступности, простоты их использования. Побудительно-вопросная форма изложения (*Can you imagine how students will take exams with such technology?*) выступает как аттрактор и включает слушателя в диалог, касающийся инноваций и преобразований, тем самым каузируя в нем желание и потребность оказаться в мире инновационных преобразований сферы будущего и ощутить на себе плюсы инновационного прогресса и изменения качества жизни.

Аргументация своей позиции в футурологическом модусе, прежде всего, опирается на гипотезы для верификации своей точки зрения: «*Долгосрочным последствием внедрения беспилотных автомобилей и других автономных транспортных средств может стать **радикальное** изменение способов использования автомобилей, это отразится на транспортной инфраструктуре и использовании городских территорий. Возможно, мы получим **существенное** снижение количества дорожно-транспортных происшествий и жертв на дорогах: более 90 % аварий случаются из-за человеческой ошибки*» [Барроуз, 2014, с. 156]. Аргументация в этом случае имеет форму гипотезы, прогноза: говорящий, высвечивая ценностную составляющую концепта под определенным углом, валоризует предмет осмысления в возможном альтернативном будущем. Гипотеза как аргумент вводится с переходом от общей к количественной оценке. С помощью квалификаторов «радикальный», «существенный» положительно оценивается внедрение инноваций в дорожно-транспортную систему, тем самым вектор размышления над будущим страны направляется в нужную адресанту сторону.

Аргументация может опираться на мнение ученых для большей кредитibility и иметь характер вызова: «*В 2030 году мы будем заниматься любовью с роботами! Это первая идея. Добавим к ней вторую: по мнению ученых, вскоре дети будут рождаться без участия людей*»

[Скиннер, 2019, с. 99]. Аргументирование в такой аттрактивной форме с непрямым порядком изложения призвано максимально воздействовать на адресата, удивить, ввести в шоковое состояние, заинтересовать, при этом отсылка к ученым убеждает переосмыслить предмет высказывания и принять инновации как факт, неизбежную реальность.

Метафора как аргумент высокочастотно используется в футурологическом модуле для продвижения позиции говорящего относительно дискурсного топика с целью обогащения концепта «инновация»: *«Искусственный интеллект, машинное обучение и глубокое обучение – основные элементы семантической паутины. <...> Что будет, если применить идею семантической паутины в банковском секторе? По сути, цифровые банки – цифровые хранилища ценностей. <...> Семантический банк превратится в живого и активного компаньона моего кибермозга»* [Скиннер, 2019, с. 104–108]. Генерализирующая метафора «семантическая паутина» выступает как аттрактивный аргумент и валоризует сеть данных, наделяя ее сознанием и приписывая качества умной, сложной, всеохватывающей системы с точки зрения ее роли и функций в процессах обучения и организации информации в модели будущего мира. На дальнейшую аргументацию выводит вопросная форма изложения, являющаяся аттрактором раскрытия сущностных характеристик предмета высказывания. Валоризация осуществляется при помощи квалификаций банка, с одной стороны, как *хранилища ценностей*, с другой – как *живого, активного партнера*, тем самым говорящий осуществляет возведение концепта «инновация» в шкале значимостей, профилирующих ценностные смыслы. Инновации осмысляются иначе, с точки зрения подключения (инклюзии) в ценностно насыщенные категории «ценность», «партнерство».

Дедукция как аргумент в футурологическом модуле призвана логическим путем в предписательном ключе вывести человека на новое видение будущего, отличное от того, что есть сейчас: *数字时代, 标准化的东西会越来越被机器所代替。人会从事更加有创造性的、有体验的工作。机器不会像人类一样变化学习。我们不能再像20世纪那样。在 эпоху цифровых технологий обыденные вещи будут все больше заменяться машинами. Люди смогут заняться более творческой работой. Машины не смогут учиться, как люди. Мы не будем такими, как в XX в.* [马云, 2019] (перевод. – О. Н. С.). С помощью модальных операторов возможности *会, 不能* в сочетании со словами *越来越 все больше и больше, 更加 еще более* акцентируется внимание на масштабе изменений в будущем в связи с развитием цифровых технологий. Тем самым в оппозицию ставится жизнь в мире реальном и новая жизнь в мире возможном.

Дестинацией модуса футурологической аксиологической стратегии является опредмечивание, визуализация видения «мира, преобразованного инновациями», «мира инноваций». Валоризация концепта «инновация» в дискурсивизации осуществляется аргументативно и заключается в выводе на ценности, являющиеся базовыми в модели будущего: *цифровизации, технологизации, автоматизации, прогресса, мобильности, доступности*, которые представлены как ориентир от реального настоящего к желанному будущему, как необходимое, доступное благо, которое появится у каждого.

В модусе **оптимизирующего плана** в дискурсе с топиком «инновация» доминирующим концептом оценочного плана становится «оптимизация», которая по данным словарей трактуется как «выбор наилучшего (оптимального) варианта из множества возможных; улучшение какого-либо процесса для достижения его максимальной эффективности» [<http://endic.ru/kuzhecov/Optimizacija-20912.html>]. Квалификация «оптимизирующий» модус, исходя из семантики данного слова, означает «привносящий оптимизацию, усовершенствование» и подразумевает высказывание, отражающее способ, средство, инструменты усовершенствования действия и в целом деятельности, касающейся некоторого феномена. Таким образом, в модусе оптимизирующего плана реализуются аксиологические стратегии, проецируемые интенцией указать способы оптимальной деятельности на пути введения и реализации инноваций и призвать к следованию этому пути. Дестинацией дискурсивизации является трансформация отношения к дискурсивному топиком через обозначение абсолютной цели, ориентиров и конкретных шагов как способов реализации цели.

Интенциональность аксиологической стратегии оптимизирующего плана имеет программирующий характер, так как призвана обозначить и обосновать с точки зрения значимости видение инновационного развития в ближайшей перспективе с целью убеждения в необходимости преобразований, получения поддержки и одобрения уже реализованных инноваций и инициирования адресата к совместному осуществлению деятельности по инновационному развитию для улучшения качества жизни. Валидация дискурсивной позиции в аксиологической стратегии оптимизирующего плана реализуется, прежде всего, в аргументации посредством квалификации, метафоризации, экспрессивного повтора, аксиологического программирования, логических аргументов с опорой на статистические данные, а также с использованием частных аксиологических стратегий перехода от исходной количественной к качественной или гомеостатической оценке.

Аргументация посредством квалификации может профилировать в целевых сферах возможного и должного будущего путем репрезентации некоторого алгоритма действий и моделирования целевого инно-

вационного продукта: «Система предоставления госуслуг будет и дальше совершенствоваться, становиться более удобной, понятной и простой. Мы продолжим выстраивать новый, цифровой контур взаимодействия между людьми и государством» [<http://government.ru/news/40650>]. Имплицитно на основе операторов шкалирования с качественной сравнительной оценкой со знаком плюс (более удобный, понятный, простой) высвечивается алгоритмический, системный, плановый, технологически выверенный способ преодоления базовой оппозиции, структурирующей концепт «инновация», а именно оппозиции «старое – новое», «устаревшее – модернизированное». Таким образом, конструируется «мир ценностный, должный, необходимый» на контрасте с «миром реальным» на основе модальности не только виртуальной, но и практически достижимой возможности «мира желаемого».

В оптимизирующем модусе посредством квалификации с оценкой «+» по шкале значимостей выражается отношение к уже реализующимся инновационным изменениям: *广东是改革开放的排头兵、先行地、实验区，是建立经济特区时间最早、数量最多的省份。深圳是改革开放后党和人民一手缔造的崭新城市，是中国特色社会主义在一张白纸上的精彩演绎。<...> 这是中国人民创造的世界发展史上的一个奇迹* [习近平, 2020]. *Гуандун является авангардом, первопроходцем, и экспериментальной зоной политики реформ и открытости. Это провинция с самым ранним и самым большим количеством особых экономических зон. Шэньчжэнь – это совершенно новый город, созданный партией и людьми как результат политики реформ и открытости, блестящая интерпретация социализма с китайской спецификой на чистом листе бумаги. <...> Это чудо в истории мирового развития, созданное китайским народом* (перевод. – О. Н. С.). Аксиологическая стратегия реализуется на основе прототипической (чудо должно стать нормой) и гомеостатической стратегий аргументации с использованием количественной оценки. При помощи квалификаторов с наречием степени **最**: **最早** самый ранний, **最多** самый многочисленный эксплицитно выражает качественную и количественную оценку валоризации политики модернизации и реформ. Город Шэньчжень как особая экономическая зона провинции Гуандун получает валоризацию посредством модального оператора интенсификации оценки **崭新** совершенно новый, включенный в концепт «инновация», а также путем метафорического переноса осмысления в сферу нового (*一张白纸上 干净 的 纸*). Тем самым высвечивается идея о необходимости преобразований по заданному образцу. С помощью квалификатора абсолютной позитивной гомеостатической оценки **精彩** блестящий положительно оценивается внедрение инноваций в общественные практики города Шэньчжень. В данном случае видим такой способ реализации аксиологической стратегии,

как экземплификация, выведение в фокус валоризации реального образца, примера из мира желаемого в мире реальном.

Метафора как аргумент и аттрактивный элемент в оптимизирующем модуле аксиологической стратегии типична для китаеязычных медиатекстов: *—花独放不是春，百花齐放春满园。我们坚定不移奉行互利共赢的开放战略，既从世界汲取发展动力，也让中国发展更好惠及世界* [习近平, 2020]. *Весна не приходит с цветением одного цветка, весна приходит, когда распускаются все цветы. Мы неуклонно следуем взаимовыгодной и беспроигрышной стратегии открытия не только для того, чтобы получить импульс от мирового развития, но и для того, чтобы сделать развитие Китая более выгодным для всего мира.* Развернутая метафора *—花独放不是春，百花齐放春满园* как структура мышления в дискурсивизации топика «инновация» валоризует ценность открытости, сотрудничества, обмена опытом, идеями и технологиями, готовности к модернизации как нормальному и необходимому процессу. Отметим опору на прецедентные феномены культуры (высказывания и тексты), которые широко используются в дискурсе об инновационных путях развития страны, что усиливает дестинацию дискурса объединить, присоединить к данной позиции массового социального адресата.

В данном модуле также активно, как и в рассмотренных выше модулях, используется эвалюация как способ реализации аксиологической стратегии. В качестве аргумента приводятся статистические данные для валидации позиции: *40年来... 大力推进科技创新，地区生产总值从1980年的2.7亿元增至2019年的2.7万亿元，年均增长20.7 %... 财政收入从不足1亿元增加到9424亿元，实现了由一座落后的边陲小镇到具有全球影响力的国际化大都市的历史性跨越* [习近平, 2020]. *В последние 40 лет... мы активно продвигали научно-технологические инновации. Валовой региональный продукт увеличился с 270 млн юаней в 1980 г. до 2,7 трлн юаней в 2019 г., со среднегодовым темпом роста 20,7 %... бюджетные доходы увеличились с менее чем 100 млн юаней до 942,4 млрд юаней, что стало историческим скачком из отсталого приграничного города в международный мегаполис с глобальным влиянием.* Когнитивная процедура оценивания осуществляется через использование частной аксиологической стратегии аргументации с переходом от количественной оценки, подкрепленной конкретными статистическими данными (*地区生产总值从1980年的2.7亿元增至2019年的2.7万亿元，年均增长20.7 %*), к гомеостатической оценке (*具有全球影响力的国际化大都市的历史性跨越*) для убеждения в правильности осуществления политики реформ.

Другим способом валоризации является многократный, целенаправленный, экспрессивный повтор отдельных фраз и выражений по нарастающей с целью усиления эффекта воздействия, выделения значимого на фоне незначимого: **40年来，深圳奋力解放和发展社会生产力，**

大力推进科技创新... **40年来, 深圳**坚持解放思想、与时俱进... **40年来, 深圳**坚持实行“引进来”和“走出去”... **40年来, 深圳**坚持发展社会主义民主政治... **40年来, 深圳**坚持以人民为中心... **40年**春风化雨, **40年**春华秋实 [习近平, 2020]. *В течение последних 40 лет Шэньчжэнь стремился освободить и развить общественные производительные силы и активно продвигать технологические инновации... (перевод. – О. Н. С.). В течение последних 40 лет Шэньчжэнь придерживаясь стратегии раскрепощения сознания шел в ногу со временем... В течение последних 40 лет Шэньчжэнь придерживался стратегий «привлечение зарубежного» и «выход во внешний мир»... В течение 40 лет Шэньчжэнь придерживался развития социалистической демократической политики... За последние 40 лет Шэньчжэнь придерживался подхода, ориентированного на людей... 40 лет сеяли благородные семена (букв. весенний ветер рождает дождь), 40 лет пожинаем плоды своего труда.* В представленном отрывке из речи Си Цзиньмина семь раз повторяется фраза **40年来**, достигая эффекта мантры. Результаты деятельности по модернизации и инновациям, а также принципы, правила, стратегии, которыми руководствовалось государство в течение этого периода времени, выстраиваются по градации от продвижения идеи свободного внедрения и развития технологий до ориентации к пользе инноваций для общества и отдельно взятого человека, и в конечном счете внимание фокусируется на инновациях как должном результате, к которому привела политика партии.

Иначе говоря, экспрессивный повтор сопряжен с градуальной прогрессией в оценке инновационной деятельности. Тем самым в данном оптимизирующм модуле аксиологической стратегии проявляется такой компонент, как важность плана, стратегии развития и неуклонного достижения результатов по данному плану. Ценностно-насыщенный концепт «инновация» валоризуется также посредством метафоризации: *春风化雨, 春华秋实* и оказывается включенным в концептуально целевые сферы *свободы, развития, технологизации, открытости, гуманизации.*

Дальнейшая валоризация концепта происходит посредством профилирования значимости программирования, которое, как аргумент, подразумевает валоризацию инноваций путем последовательного изложения целостной программы, алгоритма действий в русле поиска решения проблемы и придания тем самым деятельности инновационного характера: **第一, 坚定不移贯彻新发展理念。 <...> 第二, 与时俱进全面深化改革。 <...> 第三, 锐意开拓全面扩大开放。 <...> 第四, 创新思路推动城市治理体系和治理能力现代化。 <...> 第五, 真抓实干践行以人民为中心的发展思想 [习近平, 2020].** *Во-первых, неуклонно реализовывать новую концепцию развития. Во-вторых, идти в ногу со временем и всесторонне углублять реформы. В-третьих, мы должны быть*

полны решимости открываться и расширяться во всех направлениях. **В-четвертых**, новаторские идеи способствуют модернизации систем городского управления и возможностей управления. **В-пятых**, мы должны проделать тяжелую работу по претворению в жизнь идеи о том, что развитие должно быть ориентировано на людей (перевод. – О. Н. С.). В данном фрагменте маркером значимости программирования выступают вводные слова 第一, 第二, 第三, 第四, 第五, которые эксплицируют алгоритм действий и раскрывают наиболее значимые, ключевые, приоритетные направления поддержки китайской системы инновационной деятельности. Посредством изложения программы действий в деонтической модальности, инновациям придается статус особо ценного достояния, которое необходимо развивать, поощрять, продвигать и реализовывать, направлять на благо отдельно взятого человека и народа в целом.

Дестинацией модуса оптимизирующей аксиологической стратегии является внедрение идеи об инновациях как одной из базовых целей развития общества, целесообразности программного, стратегического способа достижения инновационного характера деятельности и распространение положительных практик внедрения инноваций во все сферы общества. Валоризация концепта «инновация» в дискурсе осуществляется через различные средства аргументации и заключается в выводе на ценностные смыслы: *свободы, развития, технологизации, открытости, гуманизации, модернизации, новаторства, глобализации*, которые обогащают концептуальную структуру, стоящую за знаком «инновация».

Таким образом, изучение аксиологических стратегий валоризирующего дискурса предметного топика «инновация» в его динамике с позиции модусного подхода позволило выявить способы структурирования данного вида дискурса, которые основаны на валоризации аксиологемы «инновация», а также вывести смыслы, которые расширяют и трансформируют ценностную составляющую структуры концепта. Профилирование модуса как способа конструирования оценочного отношения и ведущего параметра реализации аксиологической стратегии валоризирующего дискурса позволило отграничить три типа стратегии по типу доминирующего концепта оценочного плана. Выделены футурологическая аксиологическая стратегия, аксиологическая стратегия критического плана, оптимизирующая аксиологическая стратегия, которые реализуются в дискурсе посредством различных, более частных аргументативных стратегий. В результате анализа выявляются аспекты современной интерпретации концепта «инновации», которые особенно явно проявляются на уровне выводных ценностных смыслов, на уровне дестинаций данного вида дискурса. Дестинацией модуса аксиологической стратегии критического плана является структурирование смысла о несоответствии ожиданий говорящего, связанных с внедрением инноваций в его представлении о сущности инновационного прогресса, вы-

вод на ценностные смыслы-ориентиры в достижении абсолютной цели инновационного общества: *здоровье, жизнь, благосостояние*. Дестинация модуса футурологической аксиологической стратегии заключается в выводе на ценности *цифровизации, технологизации, автоматизации, прогресса, мобильности, доступности*, как базовые составляющие нового видения будущего инновационного мира. Дестинация аксиологической стратегии оптимизации практики заключается в утверждении уверенности в единственности, необходимости инновационного пути для общества и возможности его достижения. Формулируются значимые операциональные смыслы данной концептуальной области: *модернизация, технологизация, программа действий, алгоритм, цели, средства, стратегичность, последовательность деятельности, новаторство, глобализация*; целевые смыслы: *новый уровень жизни, свобода, постоянное развитие, открытость, гуманизация*. В совокупности данные смыслы формируют новые узлы в концептуальной структуре, стоящей за знаком «инновация».

5. МОДЕЛИРОВАНИЕ АСПЕКТОВ СООТНОШЕНИЯ СТАТИКИ И ДИНАМИКИ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ: СИСТЕМНОСТЬ, КОНТИНУАЛЬНОСТЬ, ТРАНСФОРМАЦИИ

5.1. ФЕНОМЕН СТАТИКИ И ДИНАМИКИ СИНОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ТЕРМИНОСИСТЕМЕ МЕДИЦИНЫ

Статика и динамика являются определяющими при описании стабильности объектов и объяснении процессов их изменений самой разной природы в различных картинах мира, в науках о природе, обществе и мышлении. Феномены статики и динамики являются фокусными проблемами и в науке о языке, выступая в качестве одного из основ анализа всей языковой системы с учетом тенденции ее единиц к стабильности и одновременно к приверженности изменениям.

Противоречие, сочетающее в себе тенденцию к устойчивости и к изменчивости и «не дающее ни минуты покоя языку» [Гумбольдт, 2000, с. 83], является основой как описания языка, взятого в определенный период временного отрезка, так и изучения его истории в рамках диахронического (исторического) подхода. Внимание лингвистов в основном направлено на изолированное изучение феноменов статики и динамики в языковой системе, что проявляется в обращении либо к закономерностям динамики, либо к проявлениям статики при описании свойств языковых явлений, несмотря на то что они связаны как отношениями оппозиционности, так и взаимозависимости. При этом большее внимание при исследовании языка уделено динамике, исходя из того, что здесь, как и вообще в природе, «все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой – явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений» [Бодуэн де Куртунэ, 1963, с. 349].

Однако, несмотря на накопленный опыт в целом ряде фундаментальных работ, посвященных теоретическому осмыслению таких феноменов языка, как статика и динамика, многие вопросы при этом остаются нерешенными. Так, в исследовании медицинской терминологии, как и в терминологии других отраслей науки, создающей предпосылки для

качественных изменений в жизнедеятельности общества и делающей при этом получение, хранение и оперирование научно-технической информацией его потенциалом и главным богатством, явно или неявно возникает необходимость активизации поисков соотношения свойств статики и динамики при описании терминов как средств репрезентации экспертных знаний и мнений. Своего решения все еще ждет дальнейшая разработка взаимодействия статики и динамики в медицинской терминологии, где преимущественное внимание к статическим свойствам терминов на протяжении долгого времени оставляло широкий простор для разногласий при решении ряда вопросов, связанных с определением терминов и их признаков. Прежде всего, здесь речь идет о категоричном мнении ряда исследователей о том, что «одному понятию должен соответствовать один термин и наоборот» [Лотте, 1961, с. 47], и тезисе об исключении синонимии в терминосистеме [Капанадзе, 1965, Гринев, 1993]. Вполне очевидно, что за этими признаками кроется приверженность исследователей оперировать терминами со статическими свойствами.

Предпочтение использовать терминологические единицы, в которых имеет место соответствие только «буквенного значения его действительному значению» [Лотте, 1961], объяснялось потребностью в однозначном понимании людей в профессиональной коммуникации, решающих одни и те же научные и профессионально значимые задачи. Достижению этой задачи во многом способствует однозначность термина, которая рассматривается как основа точности употребления термина и которая необходима для предотвращения неверного истолкования информации, приводящего к непредсказуемым последствиям для здоровья человека. К тому же признаки термина (однозначность и невозможность иметь синонимы) делали эти термины надежным средством фиксации, хранения и передачи и понимания научных фактов, как, например, в дошедших до нас с древних времен рецептурных указаниях, где знания представлены преимущественно терминологическими единицами со статистическими свойствами.

Благодаря вышеназванным свойствам терминологических единиц, в которых запечатлены и отражены еще с древних времен достижения в рассматриваемой области знания, медицинская терминология, подчиняясь своим собственным внутренним закономерностям (закон аналогии, закон экономии, «давление» системы), оставалась на протяжении веков устойчивой, стабильной, с присущей ей регулярностью создания терминологических единиц, интерпретация содержания которых (в основном однозначных) не вызывала затруднений.

К таким терминологическим единицам в медицине тяготеют терминологические элементы из классических языков, составляющие основу любого медицинского дискурса. Они, передавая теоретические знания о человеческом организме, накопленные греческой и римской медициной, оста-

вались на протяжении всего времени статичными, проникая в медицинские терминологии разных языков, способствуя целостности и стабильности их терминосистем.

Возьмем в качестве примера такие терминоэлементы греко-латинского происхождения, которые, сохраняя семантическую однозначность (поскольку их значения не развиваются и не изменяются), были и остаются удобным средством в терминообразовании в медицинской отрасли знания. Так, суффикс греческого происхождения *-itis*, сохраняя свою семантическую однозначность и при этом повторяясь в различных терминах, используется для образования терминологических единиц, обозначающих воспалительные заболевания: *hepatitis, conjunctivitis, peridotites, periscleritis, canaliculitis* и т. д.

Аналогична ситуация и с другим суффиксом, сохранившим неизменным не только написание, но и значение «патологическое состояние, вызванное образованием опухолей». Это терминоэлемент *-oma*, входящий в состав целого ряда терминологических единиц, специализированных на обозначении опухолей, например, *lymphoma, adenoma, meningioma, nephroma, elomyoma, epithelioma, periosteoma*. Терминоэлемент *-oma* вместе с корнем термина использовался для наименования органов, клеток, тканей и органических структур, из которых происходило развитие опухоли. И в современной медицинской терминологии суффикс *-oma* не изменяет свое первоначальное значение и, продолжая сохранять однозначность, специализируется исключительно на обозначении опухолей. Отметим также, что модель образования медицинских терминов с суффиксом *-oma* остается статичной и продуктивной и в других языках, ср.: *эмбриома, аденома, менингиома, нефрома, хориома, текстома, эпителиома, периостеома* (в русском языке) и *Lymphom, Adenom, Meningiom, Nephrom, Elomyom, Epithliom, Periosteom* (в немецком языке).

Фундаментальная значимость статичности терминологических единиц заключается не только в том, что они, сохраняя свою формальную структуру и оставаясь однозначными, выполняют функцию профессиональной коммуникации, связанную с обеспечением взаимопонимания специалистов медицинской отрасли знания. Статичность терминов способствует, прежде всего, стабильности всей системы терминологических единиц, что является исключительно важным, поскольку медицинская терминология, как всякое статичное явление, динамична. И если медицинская терминология, как и любая система, стабильна и устойчива, то ее целостность не разрушается в ходе неминуемого развития, обусловленного прогрессом в различных областях человеческой деятельности. Так происходит ее развитие, которое подобно эволюции любой сложной системы, в значительной степени есть «развертывание уже существующего, переинтеграция элементов старого в новую структуру» [Журавлев, 2004, с. 215]. Становится возможным применение при

описании терминологических единиц системно-динамического метода, и медицинская терминология начинает рассматриваться в развитии, в динамике, с регистрацией информативных изменений в ней.

Одним из значимых следствий информативных изменений является применение закона асимметричности языкового знака в терминологии и признание тем самым возможности в медицинской терминологии отношения синонимии (как одного из следствий асимметричности языкового знака), которые долгое время рассматривались лишь как досадные проявления избыточности языка или несовершенства терминологии, объясняемого начальным этапом становления изучаемой области знания. В этой связи напрашивается вполне обоснованный вывод о том, что именно дисбаланс в соотношении статики и динамики в пользу первой при изучении медицинской терминологии является одной из причин рассогласованности мнений и методологических установок относительно синонимии в медицинской терминологии и необоснованном вынесении синонимических отношений на периферию исследовательских интересов.

Не будет также ошибкой сказать, что большему тяготению всей предшествующей традиции изучения медицинских терминов к полярности и максимализму статики способствовала также противоречивость в обсуждении проблемы синонимии в науке о языке, вызванная ее определением, в основе которого заложен известный и часто цитируемый в научной литературе принцип «то же, да не то же» [Реформатский, 2004, с. 82], что вызывало в большинстве случаев неоднозначные суждения о синонимии, диапазон которых колебался и колеблется до настоящего времени от ее отрицания до возведения в ранг ключевых проблем при описании смысловой стороны единиц языка.

Отсутствие неоднозначности и четкости в определении является, как известно, показателем слабости теории синонимии. Потребность же взаимодействия человека с окружающим миром и его стремление к профессиональному общению с другими вряд ли могли допустить оперирование синонимичными терминологическими единицами в медицинском дискурсе с неопределенными и размытыми смысловыми границами между ними, что объясняет полное или частичное отрицание синонимии в медицинской терминологии.

Между тем процедура выявления значения термина, как и любой языковой единицы, не представляется полной без обращения к методике описания ее синонимических преобразований, предложенной и доказанной на обширном фактологическом материале в теоретическо-методологической модели описания значения языковых единиц «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст» [Мельчук, 1999], используемой в дальнейшем не только при описании значения на уровне слова, но и предложения и текста [Wierzbicka, 1980; Вейнрейх, 1981; Quine 1972б; Падучева, 1975]. В связи с этим логично предположить, что значение термина помогает лучше

понять его отношение с другими синонимичными терминами. Здесь вполне очевидно применение аналогии объяснения значения слова, которая отражает известную точку зрения о том, что «объяснить – значит свести к элементам, уже известным, а в лингвистике объяснить слово – значит свести его к другим словам...» [Соссюр, 1977, с. 224].

Включение термина в систему, в которой он вступает в отношение с другими терминологическими единицами (в нашем случае в синонимический ряд, определяющий его роль и место, а следовательно, и его значимость), показывает, что по отношению к медицинскому термину может быть также применим тезис об определении его значения – «значение выражения есть класс всех выражений, синонимичных с данным» [Quine 1952a, с. 185], что делает множественность синонимических обозначений одного и того же закономерным и неизбежным, как разные способы познания физического мира. Если в распоряжении носителя языка имеется множество толкований-перифраз терминов, то лучше объяснимо их значение – «инвариант всех синонимических преобразований» [Мельчук, 1999, с. 10].

Здесь возникает особая логика взаимосвязи между терминологическими единицами, проявляющаяся в том, что каждый термин обретает смысловую определенность через соотношение с другими терминами, через место, занимаемое им среди других терминов однородного смыслового пространства синонимического ряда. Здесь каждый термин с необходимостью предполагает всю систему смыслов синонимического ряда, который устроен таким образом, что, какая бы терминологическая единица не была использована в дискурсе, обязательно подразумевается вся «сеть» взаимообусловленных смыслов ее синонимов. По всей вероятности, этим обстоятельством объясняется, почему во многих медицинских источниках определение какого-либо термина часто происходит через отсылку к его синонимам, ср.:

- (1) *Coats' disease, (also known as exudative retinitis or retinal telangiectasis, sometimes spelled Coates' disease), is a rare congenital, non-hereditary eye disorder...* [Shields, 2006].
- (2) *Best's disease (Vitelliform macular dystrophy) is heredofamilial macular degeneration with autosomal dominant inheritance* [[http:// eye-wiki.aao.org/ Best Disease/](http://eye-wiki.aao.org/Best_Disease/)].
- (3) *Первичный гипокортицизм может быть **острым... и хроническим (Аддисонова болезнь)*** [[http://medicalj.ru/diseases/ endocrinology/87-gipertireoz-tirotoksikoz/](http://medicalj.ru/diseases/endocrinology/87-gipertireoz-tirotoksikoz/)].

В привлечении других синонимов при объяснении или описании заболевания, методики лечения, инструментария нет ничего необычного, поскольку все они являются взаимосвязанными в синонимическом ряду с однородным смысловым пространством. При этом, как правило,

в качестве отсылки избираются наиболее употребительные термины или термины, появление которых связано с периодом становления той или иной отрасли медицинской науки.

Это, прежде всего, эпонимные термины, появление которых связано в основном с отсутствием в существующих терминологических словарях и каталогах языкового средства для наименования нового. Нередко в этом случае используется имя собственное (имя исследователя, врача, пациента, наименование местности, где было впервые сделано и описано открытие), которое составляет часть эпонимного термина, например, *Crouzon disease* – болезнь Крузона, *Albright syndrome* – синдром Олбрайта, *Komberg method* – метод Комберга, *McReynolds method* – метод Мак-Рейнольдса, *Trantas operation* – операция Трантаса, *Danberg iris forcept* – пинцет Данберга, *Graefe cataract knife* – катарактный нож Грефе. Отметим при этом, что эпонимные термины могут образовывать синонимичные пары, например, *Adson syndrome* – *Naffziger syndrome*, *Apert-Callais syndrome* – *Cushing syndrome*.

Не останавливаясь подробно на вопросе о терминологическом статусе эпонимных терминов, отметим, что смысловой объем эпонимного термина как бы «расщепляется» на две составляющие: эпонимическую информацию и специальную информацию. Эпонимическую информацию составляет имя собственное, которое легло в основу создания терминологической единицы. Ценность эпонимической информации заключается не только в том, что она сообщает об исследователе или местности, где впервые было сделано открытие. Эта информация (что важно для сохранения и дальнейшего развития всей системы, в состав которой термин входит) наделяется преимущественно чертами постоянства и неизменности, т. е. статичными характеристиками, поскольку это был единичный факт в истории изучения заболевания, симптома, диагностики, и он уже не может быть изменен. Имя собственное, как бы «вставляя» в смысловой объем эпонимного термина информацию об исследователе, начинает в сочетании с фактитивом актуализировать и одновременно «стабилизировать» другие содержательные признаки, ассоциируемые с ним, составляя то, что Н. Д. Арутюнова называет «скрытой дескрипцией» [Арутюнова, 1979, с. 330]. Думается, что именно из-за локализации многих содержательных признаков эпонимного термина в его глубинной структуре в качестве скрытой дескрипции предпринимаются попытки лишить эпонимные термины их терминологического статуса.

Так, в терминологической единице *Best's disease*, образованной с помощью имени собственного (имени врача Ф. Беста), впервые описавшего в 1905 г. нарушения зрения у восьми пациентов и высказавшего тогда предположение о наследственной природе данной патологии, акт сделанного им открытия и те признаки заболевания, которые были им

установлены, не могут изыматься из истории. Установленные признаки о природе и характере заболевания, описываемого термином *Best's disease*, систематизированы, упорядочены, устойчивы, однако не могут замыкаться только в данном термине. Статичные характеристики признаков заболевания, описанные эпонимным термином *Best's disease*, создали основу для дальнейших уточнений, которые были внесены и зарегистрированы в смысловом объеме синонимичного ему описательного термина *Vitelliform macular dystrophy*. Доказательством этому являются следующие дефиниции термина *Vitelliform macular dystrophy*:

- (4) *Vitelliform macular dystrophy is a genetic eye disorder that can cause progressive vision loss* [http://psychology.wikia.com/wiki/Vitelliform_macular_dystrophy].
- (5) *Vitelliform macular dystrophy – an autosomal dominant retinal disease in which central visual acuity is diminished when lipofuscin accumulates under the macula. When the disease occurs in childhood, it is called Best disease* [<https://medical-dictionary.thefreedictionary.com/vitelliform+macular+dystrophy>].

В приведенных дефинициях описательного термина *Vitelliform macular dystrophy* учтены те характеристики заболевания, которые не были описаны Ф. Бестом или только предполагались, оставаясь в силу объективных причин недоказанными и не полностью описанными. Это информация о генетическом характере заболевания глаз (*genetic eye disorder*), о более точной локализации описываемой болезни – в области сетчатки глаза (*central visual acuity, under the macula*), о причине уменьшения центральной остроты зрения (*when lipofuscin accumulates*), которые были выявлены и описаны в медицине позже.

Обратимся еще к одному эпонимному термину *Leber disease* и его синонимам *Leber's optic atrophy* и *Leber hereditary optic neuropathy* [https://medicine_en_ru.academic.ru/41873/leber%27s_optic_atrophy].

Как в трехкомпонентном термине *Leber's optic atrophy*, так и четырехкомпонентной терминологической единице *Leber hereditary optic neuropathy*, несмотря на то что в них представлена информация о наследственном характере заболевания, характеризующегося потерей центрального зрения из-за нейроретинальной дегенерации и мутации генов, кодируемых митохондриальным геномом, в их составе присутствует имя собственное. Оба термина нуждаются в эпонимном компоненте, он делает информацию, представленную именем собственным, необходимой для понимания. Дискурсивно заданный референт (информация об исследователе и ситуации, в которой имело место выявление и описание симптомов заболевания), являясь необходимым средством восполнения скрытой информации в смысловом объеме термина *Leber disease*, составляет статичные признаки, служащие основой для выявления новых.

В синонимичных отсылках терминов друг к другу действуют механизмы притяжения смыслов, свойственные синонимам, которые позволяют фиксировать изменения и понимать новую научно-значимую информацию на основе уже установленного, зафиксированного и статичного признака или целого ряда признаков. В связи с тем, что в науке статика определяется как результат предшествующего развития, есть все основания считать, что рассматриваемый термин *Leber disease*, обладая чертами постоянства и неизменности, не лишен изменчивости, обусловленной самим процессом появления термина, который сопровождается движением от предположений, предварительных догадок исследователя, возможных и неожиданных фактов к полученному и зафиксированному результату. В этом видится веское основание для того, чтобы эпонимный термин сохранил терминологический статус.

В большинстве случаев появление эпонимных терминов связано с новыми открытиями, напоминающими момент взрыва, выбрасывающего на поверхность истории великих людей и неожиданные великие идеи. А взрыв, неминуемо связанный с хаосом (с его спонтанностью, колебательностью, иррационализмом, разнонаправленностью и даже творческим началом), создает поле сил вокруг эпонимного термина, которое остается, несмотря на статичные признаки, открытым к изменениям. Эпонимная (более статичная) и терминологическая (более динамичная) информации, взаимодействуя и уравнивая друг друга, подвержены влиянию этого поля в процессе его отношений с другими терминами.

При этом любой малый сигнал на входе в поле может вызвать отклик, изменения, которые присоединяются к первоначальным (статичным) признакам. Здесь происходят изменения, сохраняющие необходимость и востребованность этих терминов в медицинском дискурсе в будущем. То, что одна часть смыслового объема эпонимного термина стремится и сохраняет стабильность, а другая половина находится в поиске новых смысловых признаков, позволяет предположить, что они, наделенные чертами постоянства и неизменности, демонстрируют смещение акцента статики на динамику и наоборот. Свойства статики и динамики в эпонимных терминах немыслимы друг без друга, они появляются одновременно, поскольку, если бы не было одних, то не было бы других, подобно тому как не представляется возможным выделить из воды водород без выделения из него кислорода. Взаимная необходимость статичных и динамичных свойств эпонимных терминов не отрицает, а резко выделяет их обоюдную обусловленность, несмотря на то что на первый взгляд они являются препятствием друг другу. Однако с субъективной точки зрения каждая из них (и статика, и динамика) представляется для другой препятствием, которое необходимо преодолеть.

О какой бы области знания не шла речь, одинаково важно целостное восприятие и фиксация изучаемого явления, поскольку именно в системе любое единичное явление или единичный объект сохраняет свою значимость, следовательно, эпонимный термин обнаруживает зна-

чимость свойств статики и динамики в отношении с другими, близкими ему терминами по смыслу, что предлагает обращение к синонимическому ряду, в котором свойства статики и динамики также существуют, не отрицая друг друга, а соотносясь и взаимно отражаясь в друг друга. Этому синонимический ряд обязан своей особой лингвистической организацией, одним из сущностных свойств которой является следствие действующего в мире, в том числе и в языке, закона тяготения, проявляющегося во взаимном притяжении синонимов доминантной периферийной частей ряда [Khantakova, Shvetsova, 2016].

В целом ряде работ при обсуждении вопроса притяжения доминанты и периферии синонимического ряда ограничиваются в основном регистрацией общих и различительных смысловых компонентов синонимов, оставляя вне поля зрения действие фундаментально значимого свойства синонимического ряда как взаимодействие статики и динамики, без которого появление нового оказывается либо малоинформативным, либо разрушительным для всего синонимического ряда.

Синонимический ряд напоминает состояние, когда нет покоя и когда «подобие» оказывается его важнейшей характеристикой, поскольку здесь оно становится условием наличия статичных свойств у разных синонимов. Так, благодаря этому «подобию» в синонимический ряд объединены наименования заболевания, появляющегося у человека при избыточной секреции тиреоидных гормонов. Это описательные клинические термины *диффузный токсический зоб* и *тиреотоксикоз (гипертиреозом)* и эпонимные термины *болезнь Грейвса* и *Базедова болезнь* [<http://your-healthy-lifestyle.ru/bazedova-bolezn/bazedova-bolezn-sinonimy>].

Значение «заболевание, вызванное избыточной секрецией тиреоидных гормонов» статично, оно, являясь необходимым условием включения вышеперечисленных терминов в синонимический ряд, повторяется в каждом из них, упорядочивает и создает основу для стабильности всего синонимического ряда, которая, в свою очередь, необходима для его дальнейшего развития, устанавливающего новые свойства заболевания.

Само существование синонимичных наименований для одного и того же заболевания предполагает выяснение того, как они взаимодополняют друг друга, какие значения «наслаиваются» на те, которые составляют основу статичности, т. е. определение, какими дополнительными значениями каждая терминологическая единица обязана своему месту в синонимическом ряду. Так, за эпонимными терминами *болезнь Грейвса* и *Базедова болезнь* стоит информация о носителях имени, исследователях, врачах, которые впервые выявили или описали состояние пациентов, страдающих заболеванием, вызванным избыточной секрецией тиреоидных гормонов. Это немецкий исследователь Карл Адольф фон Базедов, описавший заболевание еще в 1840 г. и обративший внимание на тиреоидное состояние глаз пациентов, и американский врач Р. Дж. Грейвс, чуть ранее выявивший симптомы и течение аутоиммунного заболевания [<https://byebyedoctor.com/graves-disease/>].

В смысловом объеме описательного термина *диффузный токсический зоб*, появившегося в медицинской терминологии позже эпонимных терминов *Базедова болезнь* и *болезнь Грейвса*, есть смысловые компоненты, связанные с информацией о наследственном характере заболевания, о внешнем признаке страдающего, подчеркивается также большая степень угрозы жизни пациента [https://www.krasotaimedicina.ru/diseases/zabolevaniya_endocrinology/thyrotoxicosis]

Следующий термин синонимического ряда – *тиреотоксикоз*. У термина *тиреотоксикоз* есть общие для всего синонимического ряда смысловые компоненты и уточнение, согласно которому избыточное содержание тироидных гормонов у пациента приводит не только к перепроизводству гормонов щитовидной железы, но и к серьезному дисбалансу в процессах метаболизма [<http://your-healthy-lifestyle.ru/bazedova-bolezn/bazedova-bolezn-sinonimy>].

С введением новой терминологической единицы в синонимический ряд констатируется развитие, эволюция, динамика в изучении заболевания, вызванного избыточной секрецией тироидных гормонов. Вполне очевидно, что без информации, показанной каждым термином синонимического ряда, сложно представить понимание заболевания и выбрать методику его лечения.

Следовательно, синонимический ряд, формирующийся в основном в результате хаотичного использования языковых единиц [Хантакова, Швецова, 2019], систематизируется и упорядочивается, складываясь в целом из движения и покоя. Само соединение статичного и динамичного в рамках синонимического ряда – это не противоречие. Соединение несовместимых на первый взгляд понятий динамики и статики ложится в основу формирования синонимического ряда с сохранением и развитием каждой терминологической единицы. При этом динамика, присущая синонимическому ряду, разводит его составляющие термины в однородном смысловом пространстве, обогащая зафиксированные статичные смысловые компоненты новыми оттенками. Ни эпонимные термины *Базедова болезнь* и *болезнь Грейвса*, ни описательные термины *диффузный токсический зоб* и *тиреотоксикоз* (*гипертиреозом*) не могут в изолированности охватить сущность заболевания, появляющегося у человека при избыточной секреции тироидных гормонов. Здесь необходимо их диалектическое взаимодействие с движением от статичных свойств терминов к динамичным и наоборот.

В синонимическом ряду отражается единственный путь познания изучаемого, заключающийся в сохранении у терминов синонимического ряда статичных свойств, которые в свою очередь служат основой для изменений, что позволяет считать феномены статики системообразующими основами организации, сохранения и развития синонимических рядов в медицинской терминологии.

5.2. СТАТИКА И ДИНАМИКА В ДИАХРОНИЧЕСКОМ МОДЕЛИРОВАНИИ ИСТОРИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Естественный язык представляет собой сложный континуальный феномен, неотъемлемым свойством которого является соотношение устойчивости и изменчивости. Язык социально и территориально вариативен, изменяется во времени своего существования и функционирования в обществе, сохраняя черты своего феноменологического своеобразия. Соотношение статики и динамики, как это обосновал А. И. Бодуэн де Куртенэ, является постоянной характеристикой языка. С точки зрения данной фундаментальной знаковой дихотомии возникает и получает разработку проблема установления глубинных каузативных факторов изменений языковых фактов и языковой системы, а также проблема выделения стыковых, переломных моментов в континууме языка, объективирующих произошедшие изменения и происходящие «турбулентные» состояния, открывающие векторы последующих изменений. В решении данных проблем актуализируется вопрос о дальнейшей разработке методологии диахронической лингвистики, в частности, при разработке проблемы периодизации истории языка с учетом фактора его феноменологического своеобразия.

Одним из методов, применяющихся научным сообществом при исследовании языка как саморазвивающейся и самоорганизующейся системы в совмещенности социального и индивидуального измерений, выступает метод моделирования. Востребованность моделирования определяется сложностью и многогранностью объекта исследования; при этом само понятие модели и реализация моделирования также весьма неоднозначны и требуют уточнения при их использовании. Существует достаточно большое количество определений понятия «модель». Однако их ключевой составляющей является представление модели как мысленного или реального устройства, создаваемого исследователем с целью воспроизводства в упрощенном виде структуры, а также поведения прототипа [ЛЭС, 1990]. Моделироваться могут как конкретные объекты, процедуры, дающие возможность установить определенное языковое явление, так и уже готовые лингвистические описания.

В рамках интеграции синхронического и диахронического подходов с целью всестороннего изучения языковой системы лингвисты создают структурные, функциональные и динамические модели соответственно. Диахроническое моделирование в плане интегрального подхода к изучению истории языка и установлению его периодов позволяет продемонстрировать и проследить особенности эволюции языка, его существование в динамике. Результатом данного вида моделирования является периодизация истории языка или динамическая модель эволю-

ции языка, отражающая особое видение исследователя. Поскольку данные модели обеспечивают систему теоретических доказательств и критериев, они представляют собой некоторую метатеорию [Апресян, 1966].

Любая модель, выступая в качестве упрощенного аналога объективной действительности, должна отвечать критериям адекватности, изоморфности, непротиворечивости, точности, функциональности.

Динамическая модель эволюции языка, представленная в виде периодизации, определяется как особого рода систематизация, предполагающая на основе определенных критериев деление исторического процесса на хронологические периоды с учетом синхронически устанавливаемых, «статических» фактов на данном историческом срезе эволюции языка. Выделение периодов, рассматривающихся тем не менее в единстве и целостности, возможно благодаря дискретности исторического времени. Период представляет собой временной промежуток, в рамках которого исторический процесс претерпевает качественные изменения и ограничивает его временными рамками. Он показывает единство прерывности и непрерывности исторического процесса, тем самым отражая формирование и развитие исторических процессов [Шофман, 1984].

Скорость изменений языка в определенные периоды существования системы варьируется. Однако для проявления качественных изменений требуется достаточно большое количество времени, поэтому система может быть зафиксирована и описана в моменте, как если бы она была относительно статичной. Таким образом, моделирование эволюционных процессов языковой системы предполагает описание и анализ особенностей отдельных синхронных срезов языка в определенный период их развития, расположенных последовательно на временной оси, т. е. «диахронию синхроний» [Гийом, 1992; Скрелина, 2005]. Каждый срез демонстрирует функционирование языка как системы систем, находящейся в одном временном промежутке. Языковая система каждого последующего среза является следствием развития предыдущего.

В настоящее время в языкознании вопрос о периодизации истории китайского языка ввиду его сложной феноменологии остается открытым. Китайский язык обладает идеографическим типом письменности. Пиктографический/идеографический знак, лежащий в ее основе, есть основополагающая единица коррелятивного (ассоциативного) мышления китайского этноса, характерной особенностью которого является всеобщий классификационизм и представление класса объектов путем выделения из него самого характерного объекта в качестве представителя без абстрагирования свойств класса – особый способ обобщения [Кобзев, 2006]. Иероглифический знак занимает центральное место в этнокультурном сознании китайцев, тем самым формируя так называемую культуру письменного знака [Торчинов, 2007]. Иероглиф, репрезентируя объективную действительность, обладает способностью пере-

давать смысл в очень сжатой, насыщенной форме [Крушинский, 2013]. Знак идеографической письменности видится в качестве модели – образа, демонстрирующего определенную связь вещей. Выступая в качестве базового идиоэтнического фактора, детерминированного взаимосвязью мышления, культуры и языка, фактор иероглифической письменности оказывает существенное влияние на феноменологические характеристики китайского языка в его синхронии и диахронии.

На данный момент существует достаточно большое количество подходов к периодизации истории китайского языка, и как результат – более десятка моделей, которые лишь в некоторых аспектах соответствуют оригиналу. Как отмечалось ранее, любая модель должна обладать такими свойствами, как изоморфизм, функциональность, непротиворечивость, которые в совокупности предполагают ее феноменологическую адекватность оригиналу сложной онтологической природы. Принимая во внимание важность идеографической письменности для китайского языка, построение периодизации его истории должно осуществляться на основе принципа феноменологической адекватности. Данный принцип, использующийся в качестве критерия, опираясь на важность идиоэтнического фактора письменности, должен учитывать и периодизацию письменности.

Диахроническое моделирование, которое динамично по своей природе, не может реализовываться без принятия во внимание опыта периодизации истории языка с учетом идиоэтнического фактора письменности, репрезентированного особенно ярко в феноменологии китайского языка. В свете вышесказанного считаем целесообразным ввести понятие «диахроническая метасистематизация», оно обозначает особого рода систематизацию существующих моделей периодизации истории китайского языка и реализуется следующим образом:

- 1) выявление и систематизация существующих на сегодняшний момент моделей периодизации истории языка как объекта изучения;
- 2) критический анализ установленных моделей;
- 3) построение динамической модели на основе принципа феноменологической адекватности объекту изучения, имеющей интегральный характер. Приставка «мета-» (от греч. *μετα*- между, после, через) акцентирует внимание на том, что вектор моделирования направлен от систематизации существующих моделей как основы моделирования к построению новой модели.

На первом этапе диахронической метасистематизации было определено семнадцать моделей периодизации истории китайского языка, выполненных европейскими, китайскими и отечественными авторами Б. Карлгреном, А. Масперо, С. А. Старостиным, Хуан Дяньчэном, М. В. Крюковым и Хуан Шуин, Люй Шусяном, Пань Юньчжуном, М. В. Софроновым, С. Е. Яхонтовым, Чжоу Цзумо, Ван Ли, Сян Си,

Дж. Норманом, Э. Пуллиблэнком, У. Бакстером, И. С. Гуревич в соавторстве с И. Т. Зограф, а также Цзян Цзичэном.

Опираясь на критерий активности применения моделей в теоретическом и практическом планах, а также учитывая аспект типичности, из сформированного списка моделей было отобрано двенадцать периодизаций. Модели, созданные Дж. Норманом, Э. Пуллиблэнком, У. Бакстером, не были приняты во внимание при последующем анализе, поскольку они были построены на основании тех же критериев, что и модели Б. Карлгрена и А. Масперо. Подход, предложенный И. С. Гуревич и И. Т. Зограф, тождественен подходу, выработанному М. В. Крюковым и Хуан Шуин. В модели, представленной Цзян Цзичэном, нет отличительных черт всех выделенных автором периодов.

На начальном этапе критического анализа вышеуказанные двенадцать моделей были рассмотрены на предмет фактов внутренней и внешней истории, положенных в основу их построения. Было установлено, что в основе моделей, предложенных Б. Карлгреном, А. Масперо, С. А. Старостиным, Хуан Дяньчэном, М. В. Крюковым и Хуан Шуин, М. В. Софроновым, С. Е. Яхонтовым, лежат факты внутренней истории китайского языка. В основании периодизаций Пань Юньчжуна, Ван Ли и Сян Си лежат факты как внутренней, так и внешней истории языка. Модели в работах китайских лингвистов Люй Шусяна, Чжоу Цзумо выполнены на основе фактов внешней истории. Не было установлено ни одной модели, учитывающей идиоэтнический фактор письменности.

В целях включения в периодизацию истории китайского языка фактора письменности, отражающей существенные свойства онтологии языка, был определен современный взгляд на проблему периодизации китайской письменности. Было установлено, что в качестве базовой для дальнейшего критического анализа будет принята авторская модель китайского лингвиста Лу Сисина, которая тем не менее требует некоторого уточнения. Предложенная ученым модель периодизации китайской письменности приближена к периодизации истории языка в целом и представлена четырьмя крупными периодами и подпериодами в каждом из первых трех периодов. В основе периодизации китайской письменности лежат изменения стиля начертания иероглифических знаков. Модель автора имеет следующий вид [陆锡兴, 2017]:

Древнекитайский (XVII–III вв. до н. э.):

– эпохи Шан-Инь, Западная Чжоу: XVII–VIII вв. до н. э.;

– эпоха Восточная Чжоу: VIII–III вв. до н. э.;

– эпоха Цинь: 221–206 гг. до н. э.

Среднекитайский (III в. до н. э. – XIV в.):

– эпоха Хань: III в. до н. э. – III в. н. э.;

– эпохи Шести династий, Суй, Тан: III–X вв.;

– эпохи Сун, Юань: X–XIV вв.

Новокитайский (XIV в. – начало XX в.):

– эпохи Мин, Цин: XIV в. – начало XX в.;

Современный (1919 г. – настоящее время).

По мнению автора, древнекитайский период представлен четырьмя стилями – «иньские письма», «письмена на металле», «большая печать» и «малая печать». В среднекитайский период на базе активно используемых до этого времени стилей появилось «деловое письмо». На эпоху Шести династий приходится формирование стиля «уставное письмо», существующего по настоящее время. Особенности системы письменности, начиная с эпохи Суй и заканчивая эпохой Цин, Лу Сисин не конкретизирует, однако отмечает, что современный период характеризуется кризисом и реформированием системы письменности.

Однако результаты современных исследований, проведенных в начале XXI в. китайскими грамматологами [毛远明, 2011, 2012; 李梅燕, 2012 и др.], показали, что в период Шести династий система китайской письменности претерпевает значительные качественные изменения, но формирование и расцвет «уставного письма» приходится на период Суй и Тан. Таким образом, письменность периода Шести династий представляет собой отдельный переходный период от «делового письма» и «уставному письму».

Для осуществления критического анализа моделей на предмет их соответствия критерию феноменологической адекватности и установления существующих подходов к периодизации истории китайского языка нами было рассмотрено двенадцать вышеуказанных моделей периодизации. При описании основных особенностей моделей использовались понятия уровневости и членности, которые были приняты в качестве критериев их систематизации. Понятие «уровень» предполагает определенную языковую подсистему, понятие «членность» – количество выделенных периодов в модели периодизации.

В результате было установлено четыре типа моделей: одноуровневые, двухуровневые, трехуровневые и четырехуровневые. Одноуровневые модели построены на основе изменений, произошедших в фонетической подсистеме языка. Было установлено, что данный тип моделей представлен в работах Б. Карлгрена [高本汉, 2003], А. Масперо [马伯乐, 2005], С. А. Старостина [Старостин, 1989] и Хуан Дяньчэна [黄典诚, 1993]. Периодизация истории китайского языка в трудах Б. Карлгрена, А. Масперо, С. А. Старостина представлена частично и иллюстрирует тот период эволюции языка, который находился в поле научных интересов ученых. В работе Хуан Дяньчэна периодизация истории китайского языка демонстрирует непрерывное развитие фонетической подсистемы приблизительно с XI в. до н. э. до настоящего момента. В связи с этим модель Хуан Дяньчэна была признана наиболее репрезентативной. Продемонстрируем данные модели в форме табл. 11.

Таблица 11

Одноуровневые модели периодизации

Б. Карлгрен	А. Масперо	С. А. Старостин	Хуан Дяньчэн
<p>Протокитайский нижняя граница не определена – до XI в. до н. э.</p> <p>Архаический XI в. до н. э. – II в. н. э.</p> <p>Древнекитайский III–X вв.</p>	<p>Древнекитайский <i>Ранний:</i> нижняя граница не определена – до III в. до н. э. <i>Поздний:</i> III в. до н. э. – до конца III в. н. э.</p>	<p>Древнекитайский (XIV в. до н. э. – V в.): <i>Протокитайский:</i> XIV–XI вв. до н. э. <i>Раннедревнекитайский:</i> XIV–XI вв. до н. э. <i>Доклассический:</i> X–VI вв. до н. э. <i>Ранний классический:</i> V–III вв. до н. э. <i>Поздний классический:</i> III в. до н. э. – III в.: 1. Западная Хань: конец III в. до н. э. – рубеж н. э.; 2. Восточная Хань: начало н. э. – начало III в. <i>Постклассический:</i> III–V вв.: ранний – III в., средний – IV в., поздний – V в.</p>	<p>Древнекитайский до XI до н.э. – VI в.</p>
<p>Среднекитайский XI–XIV вв.</p> <p>Современный XIV в. – начало XX в.</p>	<p>Среднекитайский <i>Ранний:</i> III–VII вв. <i>Поздний:</i> VII–XII вв. Современный <i>Ранний:</i> XII–XIV вв. <i>Поздний:</i> XIV–XIX вв.</p>	<p>Среднекитайский VII–X вв.</p>	<p>Среднекитайский VII–XII вв. Новокитайский XII–XIX вв. Современный начало XX в. – настоящее время</p>

Таким образом, в работах Б. Карлгрена, А. Масперо, С. А. Старостина и Хуан Дяньчэна представлены одноуровневые пяти-, шести-, десяти- и четырехчленные модели соответственно.

Двухуровневые восьми-, трех- и семичленные модели истории языка предложены М. В. Крюковым и Хуан Шуин [Крюков, 1978а], Люй Шусяном [吕叔湘, 1985] и Пань Юньчжуном [潘允中, 1982]. Данный тип моделей строится на основе изменений, которые претерпела

морфологическая и синтаксическая подсистемы китайского языка. Модель последнего автора признана нами наиболее репрезентативной, так как демонстрирует непрерывное развитие морфологической и синтаксической подсистем примерно с XVII в. до н. э. до начала XX в.

Двухуровневые модели с указанием периодов представлены в табл. 12.

Таблица 12

Двухуровневые модели периодизации

М. В. Крюков и Хуан Шуин	Люй Шусян	Пань Юньчжун
<p>Древнекитайский <i>Архаический:</i> XIV–XI вв. до н.э. <i>Ранний доклассический:</i> X–VIII вв. до н.э. <i>Поздний доклассический:</i> VII–VI вв. до н.э. <i>Ранний классический:</i> V–III вв. до н.э. <i>Поздний классический:</i> II в. до н.э. – II в. <i>Постклассический:</i> III–V вв. Среднекитайский V–XV вв. Современный XV–XVI вв. – настоящее время</p>	<p>Древнекитайский (II в. до н.э. – начало X в.)</p> <p><i>Переходный период:</i> 907–960 гг.</p> <p>Новокитайский середина X в. – настоящее время</p>	<p>Древнекитайский (XVII в. до н. э. – I в.): <i>Ранний:</i> XVII–IX вв. до н. э. <i>Средний:</i> V–II вв. до н. э. <i>Поздний:</i> III в. до н. э. – I в. <i>Переходный период:</i> I–III вв. Среднекитайский III–X вв. Новокитайский XI в. – 1840–1860 гг.</p> <p>Современный 1919 г. – настоящее время</p>

Трехуровневая шестичленная модель, в основу которой положены изменения в фонетической, морфологической и синтаксической подсистемах языка, представлена лишь в работе М. В. Софронова [2007]:

Протокитайский (середина II тыс. – 771 г. до н. э.):

– язык гадательных надписей: середина II тыс. – I тыс. до н. э.,

– язык надписей на бронзовых изделиях: I тыс. – 771 г. до н. э.

Древнекитайский (VIII в. до н. э. – III в. н. э.):

– ранний период: VIII–III вв. до н. э.,

– поздний период: III в. до н. э. – III в. н. э.

Среднекитайский (IV – начало XIX в.):

– ранний период: IV–X вв.,

– поздний период: XI – начало XIX в.

Критерием для выделения четырехуровневых моделей послужили изменения в фонетической, морфологической и синтаксической подсистемах языка и лексическом составе языка. В работе С. Е. Яхонтова представлена пятичленная модель [Яхонтов, 1965], модели Чжоу Цзумо и Ван Ли – семичленные [周祖谟, 2004; 王力, 2009], модель Сян Си –

десятичленная [向熹, 上册, 1998]. Модель Сян Си признана наиболее репрезентативной в данном типе моделей, так как периодизация дробная и показывает эволюцию всех подсистем языка с XVIII в. до н. э. до наших дней. Представим четырехуровневые модели с обозначением периодов в виде табл. 13.

Таблица 13

Четырехуровневые модели периодизации

С. Е. Яхонтов	Чжоу Цзумо	Ван Ли	Сян Си
<p>Древнекитайский <i>Доклассический:</i> нижняя граница не определена – V в. до н. э. <i>Классический:</i> V в. до н. э. – II в. н. э. <i>Поздний древнекитайский:</i> III–VI вв.</p> <p>Среднекитайский</p>	<p>Ранний архаический нижняя граница не определена – VIII в. до н. э.</p> <p>Поздний архаический VIII до н.э. – III н.э.</p> <p>Среднекитайский III–VI вв.</p> <p>Ранний новокитайский VI–XII вв.</p>	<p>Древнекитайский нижняя граница не определена – III в. н. э.</p> <p><i>Переходный период:</i> III–IV вв.</p> <p>Среднекитайский IV–XII вв.</p> <p><i>Переходный период:</i> XII–XIII вв.</p>	<p>Древнекитайский (XVIII в. до н. э. – III в.): <i>Ранний:</i> XVIII–XI вв. до н. э. <i>Средний:</i> XI–II вв. до н. э. <i>Поздний:</i> II до н. э. – III н. э.</p> <p>Среднекитайский (III–XII вв.): <i>Ранний:</i> III–VI вв. <i>Средний:</i> VII–X вв. <i>Поздний:</i> X–XII вв.</p>
<p>Современный</p>	<p>Новокитайский XII – начало XX вв.</p> <p>Современный начало XX в. – настоящее время</p>	<p>Новокитайский XIII–XIX вв. <i>Переходный период:</i> середина XIX в. – начало XX в.</p> <p>Современный начало XX в. – настоящее время</p>	<p>Новокитайский (XIII в. – начало XX в.): <i>Ранний:</i> XIII–XIV вв. <i>Средний:</i> XIV – начало XIX вв. <i>Поздний:</i> 1840 г.–1919 г.</p> <p>Современный 1919 г. – настоящее время</p>

Кратко представим основные моменты развития подсистем китайского языка в каждый из периодов, выделенных Сян Си. Изложение материала автор осуществляет по аспектам, а не по периодам. Консонантная система древнекитайского языка представлена 28 согласными, вокалическая система – 20 классами рифм. Выделялось два тона, которые, в свою очередь, подразделялись на два подвида. Консонантная система среднекитайского языка представлена 36 согласными, вокалическая система – 61 классом рифм. Было четыре тона. Консонантная система раннего периода новокитайского языка представлена 25 согласными,

вокалическая система – 46 классами рифм. Тональная система была представлена четырьмя тонами. В консонантной системе позднего новокитайского языка выделялось 22 согласных, в вокалической системе – 39 рифм. В тональной системе существенных изменений не произошло.

Для лексического состава раннего периода древнекитайского языка характерно преобладание односложных существительных. В средний период возросло количество существительных, глаголов, прилагательных, появились двусложные и многосложные слова. В двусложных словах между компонентами отмечалось четыре типа связи – сочинительная, атрибутивная, глагольно-объектная и предикативная. В среднекитайский период появились комплементарная, предметно-классификаторная и гетерогенная связи. Образование двусложных слов также происходило при помощи суффиксов 子, 儿, 头. В новокитайский период появились слова с глагольно-объектной и предикативной связями.

Слова древнекитайского языка функционально и семантически делились на существительные, глаголы, прилагательные, числительные, классификаторы, местоимения, наречия, предлоги, союзы, междометия, модальные частицы. За счет грамматикализации происходило образование суффиксов существительного. Была очень развита система местоимений. Для древнекитайского языка было характерно явление транспозиции. Существовало несколько моделей предложения с именным сказуемым. В предложениях пассивного строя субъект действия вводился предлогами 为, 于, 见, 被. Появляются сложные по структуре предложения. Для среднекитайского языка характерно появление суффиксов 儿, 头, а также начало формирования глагольных видовременных суффиксов [向熹, 下册, 1998]. Из указательного местоимения сформировался глагол-связка 是. Инверсия дополнения стала осуществляться при помощи предлогов 将 и 把. Предлог 被 стал наиболее частотным для выражения пассивного залога. В новокитайский период завершилось формирование видовременных суффиксов. Для выражения продолженного действия стало обязательным употребление суффикса 着. Появились инклюзивные местоимения 俺, 咱, 洒家. Инверсия дополнения стала осуществляться преимущественно при помощи предлога 把. Произошла четкая дифференциация служебных морфем 的, 底, 地. Усложнилась структура предложения.

На следующем этапе диахронической метасистематизации был проведен анализ установленных ранее репрезентативных моделей. Анализ показал, что только четырехуровневая десятичленная модель Сян Си в полной мере отвечает критерию уровневости и наиболее приближена к реальной феноменологии китайского языка в диахронии, однако не принимает во внимание идиоэтнический фактор письменности.

Принятие во внимание феноменологических свойств китайского языка, а также фактора эволюции идеографической письменности дают возможность полагать, что периодизацию истории китайского языка, устанавливаемую в процессе диахронической метасистематизации моделей, следует выводить на основе двух моделей: модели периодизации языка, предложенной Сян Си, и модели периодизации письменности, предложенной Лу Сисином (табл. 14).

Таблица 14

Репрезентативные модели для диахронической метасистематизации

Модель Лу Сисина	Модель Сян Си
<p>Древнекитайский (XVII–III вв. до н.э.): <i>Шан-Инь, Западная Чжоу</i>: XVII–VIII вв. до н.э. <i>Восточная Чжоу</i>: VIII–III вв. до н.э. <i>Цинь</i>: 221 г. – 206 г. до н.э.</p> <p>Среднекитайский (III в. до н.э. – XIV в.): <i>Хань</i>: III в. до н.э. – III в. <i>Шесть династий, Суй, Тан</i>: III – X вв. <i>Сун, Юань</i>: X–XIV вв.</p> <p>Новокитайский (XIV в. – начало XX в.): <i>Мин, Цин</i>: XIV в. – начало XX в.</p> <p>Современный 1919 г. – настоящее время</p>	<p>Древнекитайский (XVIII в. до н.э. – III в. н.э.): <i>Ранний</i>: XVIII–XI вв. до н.э. <i>Средний</i>: XI–II вв. до н.э. <i>Поздний</i>: III до н.э. – III в.</p> <p>Среднекитайский (III–XII вв.): <i>Ранний</i>: III–VI вв. <i>Средний</i>: VII–X вв. <i>Поздний</i>: X–XII вв.</p> <p>Новокитайский (XIII в. – начало XX в.): <i>Ранний</i>: XIII–XIV вв. <i>Средний</i>: XIV в. – начало XIX в. <i>Поздний</i>: 1840–1919 гг.</p> <p>Современный 1919 г. – настоящее время</p>

В совмещенной модели периодизации истории в качестве ведущей подсистемы языка выступает система письменности. Поскольку в модели Лу Сисина период с X по XX в. остается на сегодняшний день лакунарным с точки зрения его описания, в основании построения совмещенной модели лежит модель Сян Си. Изложение материала при этом осуществляется по периодам. В результате совмещения модель с учетом эволюционных сдвигов по периодам имеет вид, показанный в табл. 15.

В результате диахронической метасистематизации была получена динамическая модель эволюции китайского языка, которая имеет интегральный характер. Данная модель периодизации истории китайского языка показывает существование и функционирование идеографической письменности в динамике как субстанционального показателя этнокогнитивного своеобразия языка, а также проявление эволюционных сдвигов в фонетической, грамматической и лексической подсистемах языка.

Применение метода моделирования в диахронии, таким образом, дает возможность исследовать отдельные периоды эволюции языка и проследить особенности и вектор изменений данных относительно статичных состояний в динамике.

Таблица 15

Совмещенная модель диахронической метасистематизации

Период	Эволюционные сдвиги на уровне подсистем
Древнекитайский <i>Ранний:</i> XVIII–XI вв. до н.э. <i>Средний:</i> XI–II вв. до н.э. <i>Поздний:</i> III в. до н.э. – III в.	Система письменности
	«Иньские письмена» и «письмена на металле», «большая печать» и «малая печать», «деловое письмо»
	Фонетическая подсистема
	Количество согласных – 28. Отсутствие губно-зубных, дорсально-фрикативных, палатализованных согласных. Рифмы – 20 классов. Открытый и закрытый тоны
	Морфологическая и синтаксическая подсистемы
	Количество лексико-грамматических классов – 11. Преобладание имён существительных. Формирование суффиксов существительных. Развитая система местоимений первого и второго лица. Частеречная транспозиция. Отсутствие глагола-связки 是. Инверсия дополнения, выраженного личным местоимением
	Лексическая подсистема
Преобладание односложных слов. Образование двусложных слов по четырём типам связи между компонентами: сочинительной, атрибутивной, глагольно-объектной и предикативной	
Среднекитайский <i>Ранний:</i> III–VI вв. <i>Средний:</i> VII–X вв. <i>Поздний:</i> X–XII вв.	Система письменности
	Переход от «делового письма» к «уставному письму», «уставное письмо», особенности письменности с X в. по XII в. не описаны
	Фонетическая подсистема
	Количество согласных – 36. Появление губно-зубных, дорсально-фрикативных, палатализованных согласных. Оглушение звонких согласных. Рифмы – 61 класс. Ровный, восходящий, падающий и входящий тоны
	Морфологическая и синтаксическая подсистемы
	Формирование видовременных глагольных суффиксов, маркёров прилагательного 底 и наречия 地. Появление местоимения третьего лица. Расширение системы предлогов и союзов. Появление глагола-связки. Инверсия прямого дополнения при помощи предлогов 将 и 把
	Лексическая подсистема
Увеличение количества двусложных слов. Появление новых типов связи между компонентами – комплементарной, предметно-классификаторной, гетерогенной. Появление суффиксов существительного 子, 儿, 头	

Период	Эволюционные сдвиги на уровне подсистем
Новокитайский <i>Ранний:</i> XIII–XIV вв. <i>Средний:</i> XIV в. – начало XIX в. <i>Поздний:</i> 1840–1919 гг.	Система письменности
	Особенности письменности данного периода еще не изучены
	Фонетическая подсистема
	Количество согласных – 25. Оглушение звонких согласных. Появление церебральных согласных. Рифмы – 46. Ровный, восходящий, нисходяще-восходящий и падающий тоны
	Морфологическая и синтаксическая подсистемы
	Завершение формирования видовременных суффиксов глагола. Выражение продолженного действия при помощи суффикса 着. Чёткая дифференциация служебных морфем 的, 底, 地. Появление инклюзивных местоимений 俺, 咱, 洒家. Формирование суффикса множественного числа местоимений. Усложнение структуры предложения
	Лексическая подсистема
Увеличение количества двусложных слов глагольно-объектной и предикативной структур. Обогащение лексики за счет разговорных слов, заимствований, диалектизмов. Появление трёхсложных слов	
Современный 1919 г. – настоящее время	Система письменности
	Упрощение структуры знаков
	Фонетическая подсистема
	Количество согласных – 22. Рифмы – 39. Четыре тона

5.3. МОДЕЛИРОВАНИЕ ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО КОДА ЯПОНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

На заре времен родился Homo Consummatus «человек потребляющий», ибо пища есть жизнь, витальная потребность человека и базовая ценность. Человек поддерживает существование в данных условиях своего выживания и развития, создает самого себя с помощью того, что он ест, поэтому он испокон веков наслаждается пищей, превозносит и почитает ее, воспевает оды и слагает стихи, посвященные еде. С другой стороны, понимая и ощущая на своем опыте губительность чревоугодия и излишеств, он отрицает ее, признавая пользу умеренности, простоты и естественности предпочтений, аскетизма. Следовательно, пища представляется основой жизни, источником энергии, витальной потребностью человеческого организма и вместе с тем способом бытования в мире. Пища, ее виды и способы добывания, приготовления и потребления, запреты и предписания, предпочтения и функциональные значимости для человека и общества составляют важнейшую часть культуры народа и своеобразия аксиосферы в ее коллективном и личностном измерениях.

В традициях различных народностей одной из важных функций признается пища как средство исцеления от болезней. Например, в аюрведе представлен целый свод принципов и норм правильного питания, следуя которому можно сохранить здоровье и красоту на долгие годы. Кроме того, пища осознана как знак, образ, символ в ритуалах и обрядах, повседневном общении, медиакоммуникации. Совместная трапеза объединяет и роднит людей, которые собрались по случаю радостного, печального, торжественного события. По мере возникновения и развития пищевых привычек, традиций и ритуалов постепенно складывается гастрономическая культура, которая становится объектом интереса и изучения с точки зрения различных областей научного знания, в том числе культурологии, философии, лингвистики.

В общем смысле понятие «гастрономическая культура» трактуется как «система правил, предписаний и образцов, определяющих способ приготовления пищи, набор принятых в данной культуре продуктов и их сочетания, практики потребления пищи, а также рефлексия над вышеперечисленными феноменами» [Капкан, Лихачёва, 2008, с. 36]. Гастрономическая культура представляет собой систему, которая состоит из трех основных элементов: 1) культура приготовления пищи, 2) культура принятия пищи, 3) рефлексия над процессами приготовления и потребления. Функции гастрономической культуры: регулятивная, нормативная, ценностно-ориентационная, дисциплинирующая [Там же, с. 38].

Гастрономическая культура формируется под воздействием ряда факторов: природно-географических, социально-экономических, культурных и др. Природно-географические факторы считаются отправной точкой для становления и развития пищевой культуры, поскольку обстоятельства и условия жизни в конкретной климатической зоне определяют набор продуктов, способы приготовления пищи, а также отношение к пище. Под влиянием социально-экономических факторов возникает представление о неравенстве в рамках культуры потребления, престижности ряда продуктов или блюд, которые могут позволить себе лишь избранные члены общества. Культурные факторы связаны с регулятивной функцией, т. е. нормами и запретами в пищевой культуре.

В настоящее время с развитием информационных технологий вербальное прочно смыкается с визуальным: от поваренной книги происходит переход к кулинарным телешоу и многочисленным интернет-ресурсам, блогам, предлагающим пошаговые рецепты, которые сопровождаются фотографиями либо видеозаписью с подробным описанием приготовления блюда. В данном случае блоги, демонстрирующие личный кулинарный опыт, позволяют представить самого автора блога. Таким образом, возникает новый способ самореализации и самопрезентации. В этой связи актуальным на настоящий момент становится визуальный символизм пищи. «Декор трапезы, эстетика еды выступают свое-

образным языком, на котором человек говорит с миром, желая казаться немногословным, но весомым в суждениях» [Сохань, 2014, с. 90–91].

Визуализация пищи свойственна японской гастрономической культуре, поскольку важнейшим компонентом японского мировосприятия является именно созерцательность, способность увидеть и взглядом прочувствовать мгновения бытия, внимание к мельчайшим деталям окружающей действительности, природным явлениям, предметам повседневной жизни. Умение наблюдать находит проявление в попытке проникнуть в суть вещей, каждая из которых наделена душой.

Гастрономическая культура реализуется в национальных пищевых и кулинарных традициях и, соответственно, находит отражение в языке. Поэтому целесообразно говорить о гастрономической лингвокультуре, учитывая лингвистический и аксиологический аспекты сферы гастрономии наряду с социокультурологическими факторами.

Векторы и способы изучения гастрономической лингвокультуры многообразны. Исследуется гастрономический дискурс и его функции, устанавливаются константы гастрономических картин мира и концептосфер, гастрономическая коммуникация толкуется как диалог культур, выявляются способы номинации блюд в рамках различных лингвокультур и т. д. Целесообразно в этой связи выделить гастрономическую лингвокультуру, одним из основополагающих объектов которой следует считать комплексное изучение национального гастрономического кода.

На основании лингвокультурологического подхода код трактуется как система категоризации представлений о мире, которая существует во взаимодействии с древнейшими архетипическими и мифологическими образами и реализуется в языке в виде ценностно насыщенных концептов, репрезентированных в различных слоях и феноменах языка, прежде всего, во фразеологических и паремиологических единицах, прецедентных текстах, знаках-символах (Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова, В. В. Красных, В. А. Маслова, В. Н. Телия).

С точки зрения семиотики природа понятия «код» раскрывается в следующих положениях [Эко, 2004, с. 375, с. 416–417]:

- динамическая структура, которая позволяет выйти на коды других уровней;
- многоуровневая система;
- метамодель, предоставляющая доступ к интерпретации различных уровней кода;
- отсутствие последнего предела, возможности полного осознания кода, проникновения в суть его феноменологии.

Возвращаясь к определению гастрономического кода, отметим наличие близких по значению терминов, таких как «кулинарный код» и «пищевой код». Термин «гастрономический код» принимается как терминологически отграниченный.

Компоненты кода гастрономической лингвокультуры могут быть представлены разноуровневыми единицами концентрированного ценностного наполнения – аксиологемами. В качестве структурных элементов кода рассмотрены значимые для японской лингвокультуры концепты-аксиологема, устойчивые сочетания и паремии японского языка.

Пищевая лингвокультура Японии

В декабре 2013 г. на конференции ЮНЕСКО японская национальная кухня 和食 *васёку* была внесена в список нематериального культурного наследия. Высокий статус был присвоен гастрономической традиции Японии по следующим причинам: предпочтение естественного вкуса и свежести продуктов, многообразие ингредиентов для сбалансированного здорового питания, почитание природной красоты и соответствие смене времен года при приготовлении и оформлении блюд, связь с оригинальными праздничными традициями и ритуалами.

Понятие «японская кухня» реализуется в языке посредством двух иероглифических сочетаний: 日本料理 *нихон рё: ри* и 和食 *васёку*, которые впервые употребляются в эпоху Мэйдзи в противопоставление понятию 洋食 *ё: сёку* «европейская кухня». Первое упоминалось в работе Исии Тайдзиро 「日本料理法大全」 *Нихон рё: ри хо: дай дзэн* «Все способы приготовления японских блюд» в 1989 г. Понятие 和食 *васёку* появилось позднее.

Согласно данным Словаря родного языка 国語辞典 *Кокуго дзитэн* определения обоих слов повторяют друг друга с незначительными расхождениями. Суть толкования сводится к тому, что японская кухня представляет собой оригинальную самобытную пищевую традицию, которая зародилась и получила свое развитие в Японии. При приготовлении блюд особое внимание уделяется сочетаемости со временем года и традиционными праздниками, свежести продуктов, стремлению сохранить естественный вкус продуктов. Специи и приправы почти не используются. Важное значение придается эстетической красоте как самого блюда, так и посуды, в которой блюдо подается [国語辞典、<https://dictionary.goo.ne.jp/word/日本料理/>].

Вместе с тем японские исследователи указывают на различия в использовании данных понятий. Слово 和食 *васёку* содержит идею о пищевой традиции Японии в целом, включая представление о еде, приготовленной в домашних условиях, тогда как понятие 日本料理 *нихон рё: ри* отсылает к иному образу и трактуется как блюда японской кухни, приготовленные в ресторане высокого уровня.

Основываясь на исследованиях как японских, так и отечественных ученых, следует признать, что в качестве общего определения японской кухни употребляется понятие 和食 *васёку*.

Также широко используется словосочетание 日本食文化 *нихон сё-кубунка* «пищевая культура Японии», суть которой во многом обнаруживается в следующем суждении: 「和食の基本は五味、五色、五法」 *Васёку но кихон ва гоми, госсёку, гохо*: «Фундаментом японской традиционной кухни являются пять вкусов, пять цветов, пять способов» [Нагаяма, 2014, с. 32].

Вышеприведенная цитата говорит о необходимости употребления в пищу продуктов, обладающих различными вкусами. Пять способов приготовления пищи включают в себя: 生で食べる *Нама дэ табэру* «Употреблять сырую, необработанную пищу»; 煮て食べる *Нитэ табэру* «Кушать вареное»; 焼いて食べる *Яйтэ табэру* «Употреблять запеченное»; 蒸して食べる *Муситэ табэру* «Кушать сваренное на пару»; 揚げて食べる *Агэтэ табэру* «Употребить жаренное в масле» [Там же, с. 32]

Японская пищевая традиция достаточно четко регламентирована. В ходе исторического развития естественным образом сложились негласные правила и предписания относительно приготовления пищи; оформились этикетные нормы. Данная характерная черта японской кухни прослеживается в пословичной форме: 食あれば法あり *Сёку арэба хо: ари* «И для еды есть свои законы».

О важности и необходимости употребления пищи в повседневной жизни человека свидетельствуют следующие устойчивые сочетания (перевод. – Н. Ю. Т.):

1) 食わん日は経たん *Куван хи ва татан* «Ни дня не проходит без пищи»;

2) 食の細い者は荒仕事はできない *Сёку но хосой моно ва ара ситого ва дэкинай* «Тот, кто плохо ест, работать не может»;

3) 素口に福楽なし *Сугути ни фукураку наси* «В пустой рот и удача не идет».

Отдельная группа пословиц содержит советы и рекомендации относительно пищевой культуры, которые формулируются в форме регулятивов и императивов:

1) 食いものは逃すな *Кумоно ва ногасу на* «Не упускай возможности поесть». Предложенную еду следует принимать с благодарностью. Суть данной паремии в том, что не следует упускать удобного случая или возможности в чем-либо.

2) 食は未の尾と申の頭をせよ *Сёку ва хицудзи но о то сару но атама о сэй* «Принимай пищу в час овцы и час обезьяны». В древности считалось, что пищу нужно принимать два раза в день: в час овцы и час обезьяны. Сутки делились на 12 частей по числу двенадцати астрологических животных. Час овцы занимал промежуток времени с 13:00 до 15:00, а час обезьяны – с 15:00 до 17:00 часов.

3) 腹がへったら田を作れ *Hara ga хэттара та о цукурэ* «Если хочешь есть, возделывай рисовое поле». Толкование данного выражения состоит в том, что бедняк, испытывая чувство голода, должен погрузиться в работу, нежели скорбеть о своем пустом желудке.

4) 旅は食いもの食らいもの *Таби ва кумоно кураимоно* «Главное в путешествии – это еда». Ценной и значимой частью путешествия признается дегустация блюд местной кухни и необычных оригинальных вкусов.

Основу традиционного японского обеда называют устойчивым сочетанием 一汁三菜 *итидзю: сансай* «К одной порции мисо – три закуски». Изначальное значение данного выражения толкуется следующим образом: к вареному рису с соленьями и чашке супа мисо подают: 1) 膾 *намасу* «тонко нарезанные кусочки сырой рыбы» (допускается небольшое количество приправы); 2) 煮物 *нимоно* «вареное блюдо»; 3) 焼き物 *якимоно* «жареное блюдо» (обычно жареная рыба) [広辞苑, 1998].

Возможны и другие варианты стандартного обеда: 二汁五菜 *Футасиру госай* «К двум порциям мисо – пять закусок»; 三汁七菜 *Сансиру нанасай* «К трем порциям мисо – семь закусок»; и даже 三汁十五菜 *Сансиру дзю: го сай* «К трем порциям мисо – пятнадцать закусок».

В настоящее время обычный прием пищи по-прежнему не обходится без риса и чашки *мисо*, но в дополнение в качестве основного блюда может быть приготовлено рыбное либо мясное кушанье или блюдо из морепродуктов. Разнообразными овощными закусками могут быть не только плоды и корнеплоды, но и цветы, почки, корни и листья различных съедобных растений. Нередко к столу подается 豆腐 *то: фу* «соевый творог».

Простой и естественный принцип сбалансированного питания 一汁三菜 *Итидзю: сансай* «К одной порции мисо – три закуски» обеспечивает все компоненты, необходимые для полноценного функционирования организма, поскольку включает:

1) 「エネルギーになるもの」 *Энерги: ни нару моно* «Вещества, дающие жизненную энергию», которыми богат вареный рис;

2) 「体を作るもの」 *Када о цукуру моно* «Вещества, создающие тело»;

3) 「体の調子を整えるもの」 *Када но тэ: си о тоноэру моно* «Вещества, которые поддерживают тело в хорошем состоянии».

Таким образом, характерные черты японской культуры и японской пищевой традиции заключаются в естественности, гармоничном сосуществовании с природой и ее законами, следовании принципам сочетания «пяти вкусов, пяти цветов, пяти способов приготовления блюд». Основные традиционные компоненты обеда заложены в устой-

чивом сочетании 一汁三菜 *Итидзю: сансай* «К одной порции мисо – три закуски», которое наглядно отражает не только содержание обычного приема пищи, но и предоставляет доступ к несложному рецепту долголетия и здоровья.

Красота японских блюд кроется в ярких цветах, которые радуют глаз и непременно сочетаются с тем временем года, когда блюдо должно приготавливаться и подаваться к столу. Считается, что разноцветная пища полезна для здоровья, и доказательством тому является японская кухня, которая обеспечивает долголетие и позволяет японцам оставаться молодыми и здоровыми.

Восприятие цвета особенно актуально и ценно для японской культуры, которая характеризуется «самобытной близорукостью», т. е. способностью чувствовать предметы и явления окружающего мира посредством взгляда и в пределах того пространства, которое ему достижимо [Главева, 2003, с. 3–4]. В этой связи в японской гастрономической культуре оформление и декорирование блюд, а также подбор столовых приборов подчиняются законам сочетаемости цветов и своевременности, созвучия с природными явлениями.

Основные цвета японской кухни: 白 *сиро* «белый», 黄 *ки* «желтый», 赤 *ака* «красный», 緑 *мидори* «зеленый» и 黒 *куро* «черный» [Нагаяма, 2014, с. 29].

Белый цвет в первую очередь представлен рисом – одним из важнейших и почитаемых продуктов японской кухни. Белизна риса, подобно благородной бледности женской кожи, признается эталоном, о чем можно судить по пословице: 米の飯と女は白いほどよい *Комэ но мэсито онна ва сирой ходо ёй* «Женщина и рис – чем белее, тем лучше». Кроме риса, белых красок добавляют дайкон, лук, тофу, белый кунжут и т. д.

Желтым цветом окрашены соевые продукты и блюда: 納豆 *натто*: «ферментированные соевые бобы», 味噌 *мисо* «густая масса из перебродивших соевых бобов для приготовления супа мисо», きな粉 *кинако* «мука из соевых бобов» и др. Овощные и плодовые культуры по своему дополняют спектр оттенков желтого: лимон, хурма, тыква, мандарины, груши. Красная рыба, помидоры, фасоль адзуки украшают блюда, разбавляя их праздничным и ярким красным цветом. Зеленый цвет, который содержится в травах и растениях, признается японцами источником долгой жизни. Благородный черный цвет, которым изобилуют водоросли *комбу* и *вакамэ*, угорь, баклажаны, черный кунжут, черные соевые бобы, оттеняет блюда, создавая смелый контраст с другими цветами. Блюда японской кухни богаты не только многообразием цветов, но и изобилием вкусов.

Универсальная система вкусов состоит из пяти компонентов: сладкий, соленый, кислый, горький, острый, которые закреплены в

японском языке соответствующими понятиями: 甘い *amai* «сладкий», 塩辛い *сиокарай* «соленый», 酸っぱい *суппай* «кислый», 苦い *нигай* «горький», 辛い *карай* «острый».

В японской лингвокультуре существуют некоторые тонкости в ощущении вкусов, которые отличаются от понимания вкусовых оттенков в других лингвокультурах. Так, слово 甘い *amai* «сладкий», содержит и такие значения, как «недосоленный», «слабый» (об интенсивности вкуса табака, вина, уксуса), «неострый». Помимо основных значений, *amai* характеризует характер человека, приобретая оттенок «мягкий» (может применяться и с положительной, и с отрицательной коннотацией), «слабохарактерный».

Упомянув о сладком в японской пищевой культуре, надо сказать, что по сравнению с интенсивным, ярким, зачастую приторным вкусом западных сладостей, вкус японских десертных блюд характеризуется как легкий, тонкий, едва уловимый, слегка сладковатый оттенок, почти аромат вкуса.

Дело в том, что 和菓子 *вагаси* «японские сладости» изготавливаются преимущественно из рисовой муки, сладкой бобовой пасты анко, батата, каштанов. Среди наиболее известных традиционных японских десертов следует упомянуть разновидности рисовых лепешек *моти*, густую пастилу *ёкан*, сладкие рисовые колобки *данго*, десертный суп из бобов адзуки *осируко*, пирожки *мандзю*. Подобного рода сладости, безусловно, являются более натуральными, чем десерты западного типа, и полезными для здоровья.

Слово 辛い *карай* «острый» употребляется также в значениях «горький», «крепкий» (о табаке, уксусе), «крепко соленый». Кроме того, используется в переносных значениях «строгий» (о качестве характера человека) и «горький» (об опыте, переживаниях).

Помимо общепринятых вкусов, в японской пищевой традиции выделяют шестой вкус 旨味 *умами* «превосходный», «тонкий» (приятный вкус), который был получен из водоросли *комбу* в 1908 г. благодаря профессору Токийского университета Кикунэ Икэде. Базовым компонентом вкуса *умами* является глутаминовая кислота, которая придает пище легкое, но длительное послевкусие. Ощущением вкуса *умами* наслаждаются при употреблении кофе, сыров сортов пармезан и рокфор, соевого соуса, брокколи, помидоров, грибов *сиитакэ*, бульона *даси*.

Кроме вышеназванных вкусов, можно также встретить упоминание о седьмом вкусе コク味 *кокуми* «насыщенном», который обнаруживается лишь в сочетании некоторых продуктов и дополняет вкусовые ощущения, получаемые от пяти основных вкусов. По мнению японцев, вкусом *кокуми* наделены сыр, лук, чеснок и дрожжи.

Оригинальный вкус コク味 *кокуми* отличается от категории 美味しい *оисий* «вкусный» тем, что он обладает качествами устойчивости,

длительности, сложности диапазона восприятия (насыщенности, густоты). Прилагательное 美味しい *оисий* «вкусный» относят к более простым оттенкам вкуса, которые не являются стойкими или продолжительными во времени.

При оценивании продукта либо блюда 美味しい *оисий* «вкусный» представляется субъективной категорией, в то время как в отношении コク味 *кокуми* возможна объективность.

Согласно исследованиям японской пищевой традиции сложность феномена コク味 *кокуми* состоит в том, что он характеризуется не только вкусовыми ощущениями, но и ароматом, а также консистенцией блюда. Специалисты в изучении コク味 *кокуми* утверждают, что вероятнее всего данный вкус раскрывается при употреблении приправы *карэ*, супа *мисо*, лапши *рамэн*, рагу, жаркого, кофе, какао, блюд, приправленных специями.

Помимо базовых вкусов, заслуживает внимания эстетическая категория 渋味 *сибуми*: 1) «терпкий, вяжущий вкус»; 2) «тонкий, изысканный». Данный вкусовой оттенок олицетворяет ощущение красоты, которое связывается с вязким вкусом хурмы, приятной горчинкой зеленого чая.

В японском языке прилагательное 渋い *сибуй* «терпкий» имеет несколько значений, в том числе «скромный и вместе с тем утонченный», что отсылает к представлениям о прекрасном в японской лингвокультуре: простоте, естественности, близости к природе, гармонии с окружающим миром.

Существует ряд устойчивых выражений, в которых реализуется ценность разнообразия вкусов:

1) 春の料理には苦味を盛れ *Хару но рё: ри нива нигами о морэ* «Весенние блюда добавь горького вкуса». Почки и молодые побеги бамбука и других растений, которые употребляются в пищу, имеют легкий горьковатый вкус, который необходим организму для восстановления после зимних холодов.

2) 大根おろしを作ると、怒って摺れば辛くなり、笑って摺れば甘くなる *Дайкон ороси о цукуру то, окоттэ сурэба караку нари, вараттэ сурэба амаку нару* «Когда строгаешь дайкон, если рассердишься, станет горько, если рассмеешься, станет сладко». Толкование данной пословицы любопытно тем, что подчеркивается важность душевного состояния того, кто готовит пищу.

3) 口に甘きは腹に害あり *Кути ни амаки ва хара ни гай ари* «То, что для рта сладко, для желудка вредно».

4) 味は塩にあり *Адзи ва сию ни ари* «Вкус содержится в соли». Соль придает блюду неповторимый вкус, но при этом важно необходимое количество соли. Если пересолить, блюдо будет испорчено, если же недосолить, вкус *умами* не будет достигнут.

5) 味の好みは十人十色 *Адзи но кономи ва дзю: нин дзю: иро*
«Сколько людей, столько любимых цветов и вкусов».

Обратимся к такому важному механизму гастрономического японского кода, как соответствие времени года и сезонным событиям. Соответствие времени года касается и подбора продуктов для приготовления блюд, и декорирования, особенного оформления блюд для подачи. В качестве причин строгого соблюдения смены сезонов следует упомянуть в первую очередь доступность, пользу для здоровья и наивысшие вкусовые качества продуктов в определенное время года. Например, угорь особенно приятно употреблять в летнюю жару, поскольку он помогает организму противостоять зною.

Возможность прочувствовать атмосферу (дух) определенного времени года и насладиться им представляется в ожидании, в разгар сезона и в воспоминаниях о нем. Блюда, которые традиционно готовят в конкретное время года, помогают сделать ощущение момента материальным. Например, вкус рыбы *аю* сохранится в воспоминаниях как живое олицетворение лета. Горький вкус семи трав, которыми приправляют кашу *нанагуса гаю*, предвосхищает преодоление болезней и сложностей в наступающем году.

Особенно следует отметить многообразие сезонов в японской лингвокультуре. Традиционный календарь, который восходит к китайской культуре, состоит из 24 периодов *сэки*, сменяющих друг друга, каждый из которых, в свою очередь, подразделяется на три коротких временных отрезка по пять дней. Таким образом, оказывается, что в японской лингвокультуре существует 72 коротких сезона, что представляет собой яркий факт своеобразия.

Внимание к событиям, происходящим в окружающем мире природы, созерцательность и наблюдательность позволили сотворить и увековечить неповторимые моменты времен года в блюдах японской кухни. Наслаждаясь вкусом еды в соответствии с ритмами природы, японцы выражают благодарность ее дарам, получают самые свежие и полезные для организма продукты, ощущают умиротворение в душе.

Названия сезонных периодов *сэки* и входящих в их состав более коротких временных периодов *ко* довольно поэтичны. Они сопровождаются описанием природных явлений, характерных для каждого временного отрезка:

1) 春分 *сюмбун* «весеннее равноденствие» (21 марта – 4 апреля) – воробьи начинают гнездиться, слышатся звуки грома и зацветает сакура;

2) 清明 *сэймэй* «чистота и свет» (5 апреля – 19 апреля) – прилетают ласточки, улетают дикие гуси, появляется первая радуга;

3) 穀雨 *кокуу* «злаковые дожди» (20 апреля – 4 мая) – заканчиваются холода, цветут пионы, прорастают рис и тростник;

4) 寒露 *канро* «холодная роса» (8–22 октября) – прилетают гуси, сверчки приходят к дверям, цветут хризантемы;

5) 大雪 *тайсэцу* «великий снег» (7–21 декабря) – холодает, начинается зима, медведи уходят в берлоги, лосось идет на нерест.

Блюда, которые подаются в текущем сезоне, достаточно многообразны. К примеру, в период 立夏 *рикка* «начало лета» (5–20 мая) появляются ростки бамбука, которые лежат в основе приготовления огромного разнообразия блюд: весенние роллы, нежные и легкие супы *мисо-сиру*, гарниры к мясным блюдам и рису, салаты, традиционные японские сладости *окаси*. Среди десертов популярен 粽 *тимаки* (лакомство из сладкого риса или бобовой пасты, завернутое в бамбуковый лист). Молодые побеги бамбука удобны и универсальны в применении как в сыром, так и в запеченном, вареном, тушеном, жареном или консервированном виде.

Бамбук символизирует долголетие и стойкость – качества, которые чаще всего фиксируются устойчивыми сочетаниями японского языка:

1) 雨後の筍のように出る *Уго но такэ но ко но ё: ни дэру* «Расти быстро, как побеги бамбука после дождя»;

2) 竹の子の親勝り *Такэ но ко но оя масари* «Дети, которые превзошли (догнали) своих родителей» – побеги бамбука известны своим стремительным ростом;

3) 竹の子の育つよう *Такэ но ко но содацу ё:* «Подобно выращиванию бамбука».

Говоря о сезонности в японской кухне, необходимо упомянуть и о праздничных блюдах, которые, как правило, обладают ярким символическим содержанием. К примеру, если говорить о новогодних кушаньях, 鏡餅 *кагами-моти* «зеркальные моти» (две рисовые лепешки, сложенные одна на другую) представляются символическим изображением «трона» для новогодних божеств. Кроме того, круглая форма *кагами-моти* подобна солнцу, т. е. имеет непосредственное отношение к богине солнца Аматаэрасу и широко известному мифу о том, как боги пытались выманить ее из пещеры с помощью зеркала. Верхушку *кагами-моти* украшают горьким апельсином *дайдай дайдай* или мандарином *микакан*, что означает преемственность поколений.

Основное угощение новогоднего стола *осэти-рё: ри* начинают готовить 29–30 декабря. В состав обычно входит несколько блюд, которые кладут в лакированную трехуровневую шкатулку *重箱 дзю: бако*. Набор блюд может быть самым разнообразным в зависимости от семейных традиций. Продукты, из которых готовят *осэти-рё: ри*, обладают символическим значением: креветки обеспечивают долгую жизнь, корень лотоса связан с цветком лотоса и напоминает о Будде,

соленая икра минтая означает многочисленное потомство, корень лопуха обещает стабильность в жизни.

В феврале отмечают 節分 сэцубун – день, который выпадает на 2–3 февраля по солнечному календарю и предвещает смену времен года, приход весны. В сэцубун вечером совершают ритуальное действие 豆まき мамэмаки «разбрасывание бобов», которое сопровождается словами: 「福は内、鬼は外」 Фуку ва ути, они ва сото «Счастье – в дом, черти – вон!» Подобным образом из дома изгоняют болезни и несчастья. Существует также поверье о том, что в этот день следует съесть такое количество жареных бобов, которое соответствует возрасту, чтобы оставаться здоровым.

С наступлением весны, 3 марта, празднуют Хинамацури «День девочек», который посвящен пожеланиям и надеждам родителей о том, чтобы дети росли здоровыми, крепкими, а девочки – красивыми. Помимо 菱餅 хисимоти (ромбовидных рисовых лепешек моти), главным угощением данного праздника считается 散らし寿司 тираси дзуси – разновидность суши (другое название おひな寿司 охина суси связано с праздником Хинамацури). Блюдо представляет собой чашку риса, на который сверху кладут кусочки рыбы, грибы сиитакэ, корень лотоса, побеги бамбука и посыпают измельченными кусочками нори, приправами. Название данного кушанья происходит от глагола 散らす тирасу «рассыпать», который указывает на процесс завершения приготовления блюда. 散らし寿司 тираси дзуси – угощение, которому задает тон начинающаяся весна, оно изобилует витаминами и микроэлементами, полезными именно ранней весной, и содержит рис, наполненный сакральной божественной энергией. Поэтому блюдо играет роль как священного оберега, так и питательного, полезного для роста и развития детского организма кушанья.

Если Хинамацури известен как «День девочек», то 端午の節句 Танго но сэкку «День детей» посвящен пожеланиям благополучия и здоровья для мальчиков. В этот день традиционное угощение – 柏餅 касива моти «рисовые лепешки, завернутые в дубовые листья». Существует пословица, которая связана с оформлением моти такого типа: 柏の葉は神様の食器 Касива но ха ва камисама но сёкки «Дубовые листья – посуда для богов».

Мы рассмотрели несколько крупных праздников и угощения, которые подаются в эти дни и символически связаны как с временным периодом, к которому относятся, так и с ритуальными действиями, которые установились в ходе историко-культурного развития. Вместе с тем 年中行事 нэндзю: гё: дзи «календарь ежегодных событий» наполнен и такими сезонными событиями, как цветение сакуры весной, любование красными листьями клена осенью, сбор урожая, дни осеннего и весен-

него равноденствия, с которыми также связаны традиции пищевой культуры Японии.

Отметим особую роль в японском гастрономическом коде риса и бобовых культур. Более того, можно утверждать, что суть и сердцевина японской пищевой культуры заключается в рисе и блюдах из бобовых, которые являются не только неотъемлемыми и обязательными элементами традиционного приема пищи, но и глубоко почитаемыми компонентами пространства жизни, продуктами олицетворяемыми, наделяемыми душой и сакральными качествами. Существует большое разнообразие слов, с помощью которых японцы называют рис во всем многообразии его качеств, свойств и состояний [Нагаяма, 2014, с. 51–53]:

- 1) いね *инэ* «рис на корню»;
- 2) こめ *комэ* «рисовые зерна»;
- 3) 田の実 *та но ми* «плод рисового поля»;
- 4) ただまい *тадамай* «неклейкий сорт риса»;
- 5) 糯米 *мотигомэ* «клеякий сорт риса»;
- 6) 陳米 *тинмай* «старый рис»;
- 7) 穀さん *гокусан* «господин среди злаков»;
- 8) 猿の牙 *сару но кйба* «клык обезьяны» (белоснежный рис уподобляют идеальной белизне зубов обезьяны);
- 9) ちから *тикара* «священный рисовый стебель» (устаревшее слово для называния риса на корню, которое происходит от выражения 霊のこもった茎 *рэй но комотта куки* «стебель, наполненный духом»);
- 10) はちぼく *хатибоку* – название риса, которое происходит от игры слов: знак 「米」 *комэ* «рис» раскладывается на два компонента 「八」 *хати* «восемь» и 「木」 *боку* «дерево», поэтому прочитывается как *хатибоку*;
- 11) シャリ *сяри* «зерна риса» либо «приготовленный рис». Данное название восходит к санскритскому слову 「舍利」 *сяри* «прах Будды после кремации». Зернышки белого риса подобны обломкам костей. Слово シャリ *сяри* (иногда 銀シャリ *гинсяри* «серебряный сяри») используется в особенности при назывании риса, приготовленного для суши, и содержит почтительное отношение к рису.

Способы именования риса не исчерпываются вышеприведенным перечнем.

Уважительное отношение к рису и его божественное начало отражено в пословицах:

- 1) 米は天照大神の目 *Комэ ва Аватэрасу о: миками но мэ* «Рис – это глаза Великой богини Аватэрасу».
- 2) 一粒の米には三柱の神さまが宿っておられる *Хитоцубу но комэ ни ва михасира но kami сама га ядоттэ ораэрэру* «В одном зерне риса

живут три бога» (подразумеваются три главных божества, которые являются центральными фигурами японской мифологии – Аматэрасу Омиками, Цукиёми-но Микото и Сусаноо-но Микото).

Другая группа устойчивых выражений связана с поверьями и предостережениями, в которых отмечается неподобающее отношение к рису и последствия, которые могут повлечь за собой подобные действия:

1) 米をこぼすと火事になる *Комэ о кобосу то кадзи на нару* «Если просыпать рис, случится пожар»;

2) 米を踏むと足がまがる *Комэ о фуму то аси га магару* «Если наступить на рис, получишь травму ноги»;

3) 米粒をもてあそぶと貧乏人になる *Комэцубу о мотэасобу то бимбо: нин ни нару* «Если забавляться с зернами риса, станешь бедным»;

4) 米を踏んでけがをすると治らない *Комэ о фундэ кэга о сурү то наоранаи* «Если наступить на рис, то полученная травма не заживет»;

5) めしをこぼすと目がつぶれる *Мэси о кобосу то мэ га цубурэру* «Если просыпать рис, можно ослепнуть»;

6) 一膳めしは縁起が悪い *Итидзэн мэси ва энги га варуй* «Одна полная плошка риса – дурная примета»;

7) 一膳めしは食うものではない *Итидзэн мэси ва куу моно дэванай* «Нельзя есть одну полную плошку риса».

Последние две пословицы связаны с обычаем провожать умершего в последний путь одной чашкой риса.

Поскольку рис в японской гастрономической культуре наделяется священной силой, продукты, изготовленные из него, предлагаются в качестве подношений как в синтоистской, так и в буддистской традициях. В сезонных событиях и праздниках наиболее удобной и простой формой ритуальной пищи представляются 餅 *моти* «рисовые лепешки».

Обычай совместного приготовления *моти* для особых случаев, который называется 餅ふるまい *мотибурумаи*, оформился и существовал еще в местных общинах. Несколько раз в год люди собираются вместе, толкут пропаренный рис деревянным пестиком в ступе и раздают получившиеся рисовые лепешки всем присутствующим. Такое коллективное ритуальное действие имеет название もちつき *мотицуки*, и от него берет свое начало культура приготовления и употребления *моти*. Наглядным примером широкого разнообразия *моти* может послужить народное высказывание: 餅に百味あり *Моти ни хяку адзи ари* «В рисовых лепешках *моти* содержится сто вкусов». В повседневной жизни *моти* часто подаются на сладкое. При проведении чайных церемоний они выступают в качестве изысканного десерта.

По случаю наступления нового года традиционным подношением являются 鏡餅 *кагами-моти* «зеркальные моти». Ежегодно 3 марта в

праздник девочек *Хинамацури* употребляют 菱餅 *хиси моти* – ромбовидные рисовые лепешки зеленого, белого и красного цветов, а также 桜餅 *сакура моти* нежно-розового цвета, которые олицетворяют цветение сакуры и празднование весеннего возрождения природы. По поводу праздника мальчиков *Танго но сэкку* 5 мая изготавливают 柏餅 *касива моти* «лепешки с бобовой начинкой, завернутые в дубовые листья».

Помимо общепринятых праздников, *моти* присутствуют на семейных событиях и торжествах, таких как свадьба, начало учебы в школе, окончание университета и т. д. В подобных случаях распространенным подарком считается особая разновидность рисовых лепешек красного и белого цвета – 紅白餅 *ко: хаку моти*. В японской лингвокультуре сочетание красного и белого имеет символическое значение пожелания радости, удачи, счастья, поэтому подарки и открытки с бело-красным орнаментом преподносят по случаю торжественных и судьбоносных событий.

Разнообразие вкусов *моти* дополняется тем, что в разных префектурах Японии или даже городах изготавливают рисовые лепешки, попробовать которые можно только в данной местности. По этой причине *моти* нередко дарят в качестве お土産 *омиягэ* «сувенира» по возвращении из поездки. Помимо блюд из риса, значимым компонентом японского гастрономического кода являются бобовые культуры, которые были привезены в VIII в. из Китая, и это стало судьбоносным событием для развития японской пищевой традиции. Тогда же был заимствован способ приготовления соевого творога тофу, который в течение нескольких веков считался ритуальной пищей [Маркарьян, 2018, с. 151].

Как было указано выше, традиционный прием пищи состоит из риса и супа *мисо* с добавлением овощных и рыбных закусок. В основе приготовления такого супа лежит 味噌 *мисо* «паста из ферментированных бобов», которая представляет собой кладезь витаминов и микроэлементов, необходимых для поддержания здоровья.

Ряд японских пословиц демонстрирует почтительное отношение японцев к бобовым и ценность, необходимость употребления их в пищу:

1) 日本人はみそ民族 *Нихондзин ва мисоминдзоку* «Японцы – нация мисо»;

2) 何はなくともみそ食べろ *Нани ва накутомо мисо табэро* «Если ничего больше нет, ешь суп мисо»;

3) 生みそは命のもと *Нама мисо ва иноти но мото* «Мисо – это основа жизни».

Большинство паремий о *мисо* посвящено благотворному воздействию на организм, полезным свойствам, позволяющим сохранить молодость и обеспечить долголетие тому, кто его регулярно употребляет в пищу:

- 1) みそ汁は朝の毒消し *Мисосиру ва аса но докुकэси* «Мисо – это лекарство от утреннего недомогания»;
- 2) みそ汁は医者殺し *Мисосиру ва исягороси* «Тому, кто ест мисо, не нужен врач»;
- 3) みそ汁は不老長寿の薬 *Мисосиру ва фуру: тё:дзю но кусури* «Мисо – это лекарство, продлевающее жизнь»;
- 4) みそは頭の血のめぐりをよくする *Мисо ва атама но ти но мэгури о ёку суру* «Мисо улучшает мозговое кровообращение»;
- 5) 生みそは腹の妙薬 *Нама мисо ап хара но мё:яку* «Мисо – это чудодейственное лекарство для желудка».

Среди продуктов и блюд из бобовых, которые являются наиболее распространенными составляющими обычного рациона японцев, следует отметить 大豆 *дайдзу* «соевые бобы», 豆腐 *то: фу* «соевый творог», 納豆 *натто:* «ферментированные соевые бобы», もやし *мояси* «пророщенные соевые бобы», 豆乳 *то: ню:* «соевое молоко» и другие продукты.

Японцы достигли высшей степени мастерства в приготовления продуктов из бобовых, именно поэтому их называют 「大豆ハイテク民族」 *дайдзу хайтэку миндзоку* «нацией высокотехнологичной переработки бобовых культур».

Ряд паремий японского языка свидетельствует о безусловной пользе употребления в пищу широкого разнообразия продуктов из соевых бобов:

- 1) 納豆は夏負けの妙薬 *Натто: ва нацумаке но мё:яку* «Натто – это чудодейственное лекарство от летней жары»;
- 2) 納豆は目によい *Натто: ва мэ ни ёи* «Натто полезен для глаз»;
- 3) 納豆を食べると骨が丈夫になる *Натто: о табэру то хонэ га дзё:бу ни нару* «Если есть натто, это укрепит кости»;
- 4) 豆乳は血圧を正常に保つ *То: ню: ва кэцуацу о сэйдзё: ни тамоцу* «Соевое молоко поддерживает нормальное состояние кровяного давления»;
- 5) 豆腐を食べると肌が美しくなる *То: фу о табэру то хада га уцукусику нару* «Если есть тофу, то кожа станет красивой».

Также обнаруживается группа устойчивых сочетаний, в которых бобовые культуры формируют образы-символы:

- 1) 豆蔵 *мамэдзо:* «быть болтливым», «быть скоморохом, шутом»;
- 2) 納豆のような仲 *натто: но ё: на нака* «дружные супруги», «неразлучная пара». Сравнение с *натто* связано с качеством клейкости, которое свойственно для *натто* (блюдо изготавливается из соевых бобов посредством брожения, и полученная субстанция имеет тягучую, клейкую консистенцию);

3) 納豆も豆なら、豆腐も豆 *Натто: мо мамэ нара, то: фу мо мамэ* «И натто – бобы, и тофу – бобы». Подразумевается то, что имеет разную форму, но одинаковое содержание;

4) 豆腐の角に頭をぶっつけて死ぬ *То: фу но кадо ни атама о буццукэтэ сину* «Погиб, ударившись головой об угол тофу». Подобным образом характеризуется человек, который не сумел справиться с простым делом;

5) 豆腐と芸者は、硬くては売れぬ *То: фу то гэйся ва, катакутэва урэну* «Старый тофу и старая гейша не будут продаваться».

В данных паремиях можно наблюдать миниатюры из повседневной жизни, характеристики человеческих отношений, набор типичных качеств человека, представленных в иносказательном, лаконичном виде, порой с оттенком иронии или комичности.

Рыба и морепродукты

Японцев часто называют народом, который предпочитает рыбу. В Японии, островной стране, исторически сложились традиции употребления в пищу разнообразных видов рыб, от тунца до иваси. Кроме того, в японской кухне принято готовить и таких диковинных морских существ, как осьминог (которого в западных странах называли «дьявольской рыбой»), кит (которого японцы также относят к рыбам, несмотря на то что он является млекопитающим), морской еж, каракатица, ядовитая рыба фугу, асцидии, трепанги (виды съедобных голотурий, известные под названием «морской огурец») [Нагаяма, 2014, с. 126].

Жизнь японцев настолько тесно связана с морской стихией и морскими жителями, что образы моря, воды и рыб часто переносятся на различные жизненные ситуации:

1. 水の恩は送られぬ *Мидзу но он ва окурарэну* «Долг воде – неоплатный». Человеческая жизнь невозможна без воды, поэтому ее ценность неизмерима.

2. 水を無駄使いすると寿命が縮む *Мидзу о мудадазикаи суру то дзюмё: га тидзиму* «Пустая трата воды сокращает жизнь». Существует поверье о том, что каждому человеку богами отмерено определенное количество воды, если он использует ее неразумно, то истощает свои жизненные ресурсы.

3. 魚と客は三日たてば臭気あり *Сакана то кяку ва микка татэбасю: ки ари* «На третий день засидевшийся гость, как и рыба, начинает дурно пахнуть». Пословица намекает на правила этикета, в соответствии с которыми не следует задерживаться в гостях слишком долго, злоупотреблять гостеприимством хозяев дома.

4. 大きな魚が小さな魚を食う *Оокина сакана га тиисана сакана о ку:* «Большая рыба поедает маленькую» Подобно тому как крупные ры-

бы питаются мелкими, в человеческом обществе более богатые, сильные, обладающие властью люди притесняют бедных и слабых.

5. 鯨も魚、白魚も魚 *Кудзира мо сакана, сирауо мо сакана* «И кит – рыба, и белокровка – рыба». Пословица о принадлежности к одному кругу, миру, обществу. Несмотря на различия в форме и размерах, кит, являющийся самым большим в мире млекопитающим существом, и рыба-лапша величиной в десять сантиметров относятся к водным обитателям.

Существует большое количество пословиц и устойчивых выражений, в которых основным действующим персонажем является карп, почитаемый в Японии как символ удачи и упорства в достижении цели:

1. 鯉が踊れば泥鰌も踊る *Koi ga odoréba dodzё: mo одору* «Если танцует карп, танцует и вьюн». Пословица о том, что глупый человек, не обладая способностями, подражает выдающемуся, талантливому человеку.

2. 俎板の鯉 *Манаита но кои* «Карп на разделочной доске» – попасть в безвыходное положение.

3. 鯉の滝登り *Koi no такинобори* «Подъем карпа по водопаду» – стремительное продвижение по карьерной лестнице.

4. 鯉の一跳ね *Koi no хитоханэ* «Последний прыжок карпа». В тот момент, когда карп пойман, он делает единственный прыжок и более не сопротивляется. С помощью данной пословицы обозначается ситуация последнего прекрасного и отчаянного героического действия перед тем, как смириться перед обстоятельствами.

Карп *кои* отличается от обычных карпов серого окраса, поскольку выведен в искусственных условиях. Яркой чертой является золотистый или красно-белый цвет рыб такой разновидности. Карпы *кои* почитаемы, нередко их можно увидеть в прудах храмовых и парковых комплексов Японии.

Также *кои* считается мужским символом, поэтому по случаю рождения мальчика перед домом вывешивается флаг, изображающий карпа. Такие флаги называются 鯉のぼり *коинобори*, и их используют как традиционное украшение, которое вывешивается перед домом в честь празднования *Танго но сэкку*. Количество карпов совпадает с количеством мужчин и мальчиков в семье.

Карп *кои* обладает исключительной способностью плыть против течения, и по этой причине признается символом мужества, упорства, выносливости, способности преодолевать трудности и препятствия на своем пути.

Также любопытна группа пословиц об осьминоге, угре, креветках и других обитателях морских глубин:

1. 海和尚 *Уми осё*: «Морской монах» – устойчивое сочетание, которое основано на сходстве формы тела осьминога с головой монаха.

2. たこの手も借りたい *Тако но тэ мо каритай* «Хочется занять рук у осьминога». Используется для описания ситуации сильной занятости.

3. やかんでゆでた蛸 *Якан дэ юдэта тако* «Осьминог, сваренный в чайнике». Так говорят о безвыходном положении – «ни туда ни сюда». Также данное изречение используется в ситуации «сидеть дома безвылазно».

4. うなぎを食べると頭脳がよくなる *Унаги о табэру то дзуно: га ёку нару* «Если поешь угря, голова будет хорошо работать».

5. 海老は尾まで食べよ *Эби ва о мадэ табэё* «Креветку едят целиком» (букв. «Креветку едят до самого хвоста»). С давних времен считалось, что в хвостовой части креветки содержатся полезные вещества, укрепляющие организм, увеличивающие сопротивляемость к болезням, поэтому в языке закрепилось подобное высказывание.

Таким образом, приведенные примеры подтверждают тесную связь с морем, водой и морскими дарами, которая должна быть отражена в моделировании ядерного компонента кода японской лингвокультуры.

Овощные культуры

Важной частью японской пищевой традиции являются также овощные культуры. Такие овощи, как 山葵 *васаби* «хрен», 蒟蒻 *конняку* «конняку», 三葉 *мицуба* «трилистник мицуба», 大根 *дайкон* «редька», 椎茸 *сиитакэ* «грибы, выращиваемые на поленьях», 蓮根 *рэнкон* «корень лотоса», 筍 *такэ но ко* «ростки бамбука» и другие являются оригинальной и неотъемлемой частью японской гастрономической культуры.

В VI в. из Китая были привезены 大根 *дайкон* «редька» и 人參 *ниндзин* «морковь». К первой половине XIX в. японцы начали выращивать じゃがいも *дзягаимо* «картофель», 芋 *имо* «сладкий картофель», а после открытия страны европейцами в середине XIX в. познакомились с такими овощами, как キャベツ *кябэцу* «капуста», 玉ねぎ *таманэги* «лук», どうもろこし *то: морокоси* «кукуруза», アスパラガス *асупарагасу* «спаржа», トマト *томато* «томаты» [Маркаръян, 2018].

Таким образом, овощные культуры, которые употребляются в пищу в Японии, довольно многообразны, они включают в себя как исконно японские виды овощей и растений, так и заимствованные культуры.

Обычно овощи подаются к столу в маринованном виде, что позволяет увеличить срок хранения. Для маринования используют соль, соевый соус, бобовую пасту *мисо*, соленые рисовые отруби. Так называемые 漬物 *цукэмоно* «соленья» являются аппетитной добавкой, побуждающей к употреблению риса как основного блюда. В маринованном виде подают огурцы, баклажаны, редьку *дайкон* и прочие овощи.

Значительная часть пословиц об овощных культурах посвящена их целебным свойствам:

1) 胡瓜は血をきよめる *Кю: ри ва ти о киёмэру* «Огурцы очищают кровь»;

2) 大根どきの医者いらず *Дайкон доки но ися ирадзу* «Если есть редьку, услуги врача не понадобятся»;

3) 蕪を食べると精がつく *Нира о табэру то сэй га цуку* «Если есть зеленый лук, это придаст энергии»;

4) ネギの好きなひとは頭がよい *Нэги но сукина хито ва атама га ёй* «Люди, которые любят лук, отличаются умом»;

5) 梅干しには命を守る七つの徳がある *Умэбоси нива иноти о мамору нанацу но току га ару* «В сливах умэбоси заключается семь добродетелей, оберегающих жизнь».

Содержание данного выражения требует дополнительного пояснения, поскольку отражает древнюю традицию употреблять хотя бы по одной сливе *умэбоси* в день для того, чтобы оставаться здоровым. Опыт народа, накопленный в течение веков, закреплён и в более кратком выражении: 梅干しの七徳 *Умэбоси но нанатоку* «Семь добродетелей умэбоси». Отмечаются следующие полезные свойства *умэбоси*:

1) выведение вредных веществ из организма;

2) предотвращение возникновения неприятных запахов (одну сушеную сливу кладут на дно деревянного бочонка, где хранится рис);

3) защита от распространения инфекционных заболеваний (достаточно лишь добавить к завтраку);

4) сохранение вкуса;

5) поддержка естественного ритма дыхания (если во время бега держать сушеную сливу *умэбоси* во рту, дыхание не будет сбиваться);

6) лекарственное средство от головной боли (женщины во время головной боли прикладывают к вискам);

7) целебными качествами обладает также 梅酢 *умэдзу* «сливовый уксус».

Также другая группа паремий посвящена предостережениям, которые связаны с употреблением плодов растений:

1. 秋なすは嫁に食わすな *Аки насу ва ёмэ ни куvasу на* «Не давайте невестке есть осенние баклажаны». Существует поверье о том, что молодым женщинам нельзя есть осенние баклажаны. В соответствии с одной из версий происхождения пословицы это связано с тем, что в баклажанах содержится малое количество семян, поэтому женщина, которая съела такой баклажан, может стать бесплодной.

2. 西瓜食ったら便所の前で眠れ *Суйка куттара бэндзё но маэ дэ нэмурэ* «Если съел арбуз, спи рядом с уборной». Общеизвестным фактом является то, что арбуз на 90 % состоит из воды, поэтому употребление арбуза провоцирует частое посещение уборной.

3. 大根食ったら菜っ葉干せ *Дайкон куттара наппа хосэ* «Если съел редьку, высуши ее листья». Не только сам корнеплод, но и листья редьки *дайкон* считаются чрезвычайно полезными и пригодными для употребления в пищу, поэтому рекомендуется их есть вместе с супом или рисом.

4. 大根は短気者が摺ると辛くなる *Дайкон ва танки моно га суру то караку нару* «Если нетерпеливый человек будет тереть редьку, она станет острой». Толкование данной пословицы содержит предостережение о том, что если вспыльчивый человек будет торопиться тереть редьку, то она получится острой. Поэтому, чтобы редька получилась вкусной, нужно тереть ее в спокойном, умиротворенном состоянии духа.

Примечательны устойчивые сочетания и пословицы о редьке, в которых изображаются типичные черты человека и явления повседневной жизни:

1. 桶が腐ると大根も腐る *Окэ га кусару то дайкон мо кусару* «Если испортится бочка, то испортится и редька». Пояснение к данной паремии гласит о том, что если окружение или внешняя часть чего-то испорчена, то это будет иметь влияние и на внутреннюю часть.

2. 大根役者 *Дайкон якуся* «Плохой актер». Так называют (букв. актер-редька) не только бездарных актеров, но и людей, не имеющих никаких талантов или способностей.

3. 大根を正宗で切る *Дайкон о масамунэ дэ киру* «Резать редьку мечом Масамунэ». Масамунэ являлся одним из известнейших изготовителей мечей в Японии. Смысл пословицы в том, что давать мастеру своего дела какую-то легкую и пустую работу – это как резать редьку превосходным и редким мечом Масамунэ. Таким образом, овощные культуры, произрастающие на японской земле, а также привезенные с материка, широко используются в гастрономической традиции Японии. Они не являются ядерными компонентами гастрономического кода, но играют роль важного и ценного компонента, сопровождающего, дополняющего, украшающего основные блюда. При этом необходимо отметить решающее значение овощей и плодов при оформлении блюд в соответствии с текущим временем года, а также знаменательными событиями и торжественными случаями.

В заключение представим вероятную модель гастрономического кода японской лингвокультуры. На рис. 16 ниже изображены структурные компоненты модели – основные принципы японской кухни и состав традиционного приема пищи.

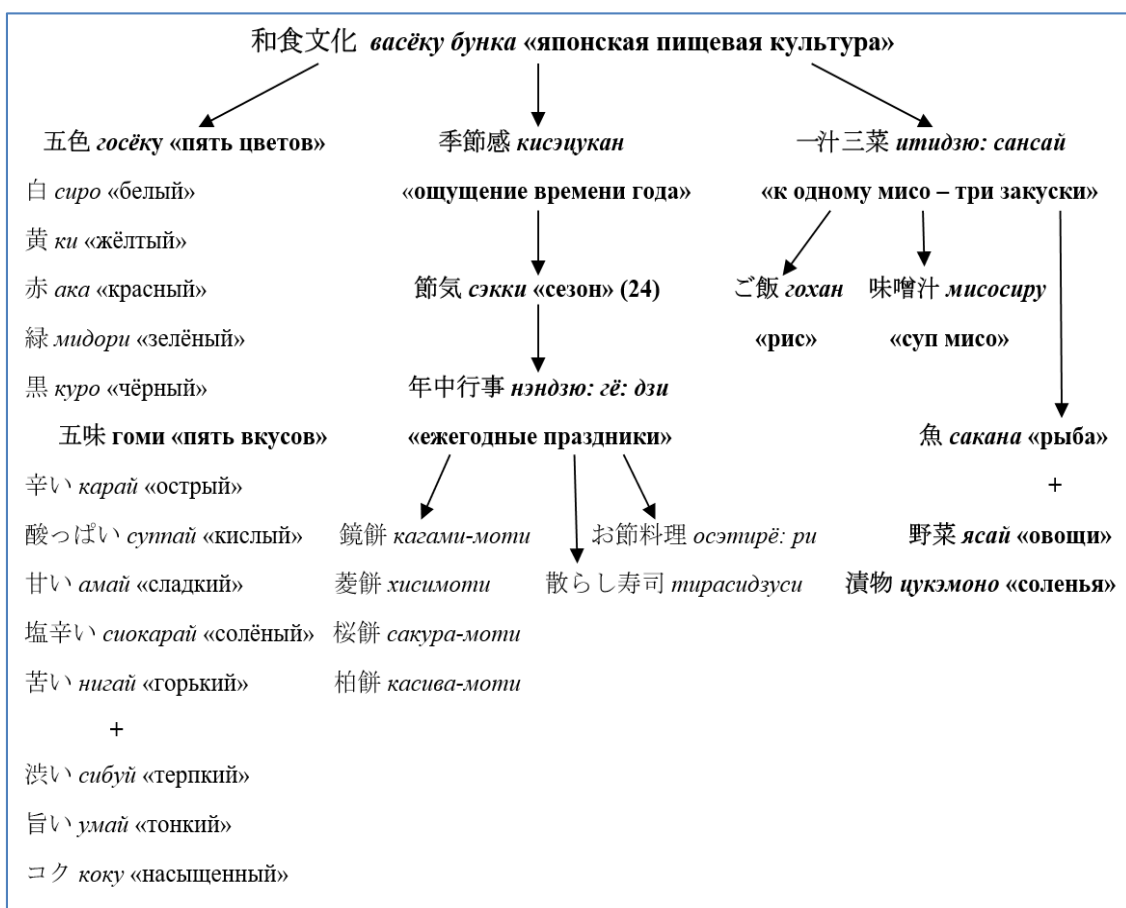

Рис. 16. Модель гастрономического кода японской лингвокультуры

Суть японской кухни заключается в искусстве сочетания пяти цветов и пяти основных вкусов, которые следуют закону своевременности, сосуществования, слияния в едином мгновении с текущим состоянием природы. К пяти базовым вкусам добавляются более сложные, насыщенные композиции вкусов – *умами* и *коку*, а также вкус *сибуми*, связанный с традиционным представлением о прекрасном в японской культуре. Тонкое ощущение времени года, внимательное зрительно-чувственное восприятие и искреннее любование природными явлениями находят отражение не только в более детальном подразделении года на 24 сезона (а ранее даже на 72 временных периода), но и в утонченных поэтичных названиях этих периодов. Коллективные традиции празднования ежегодных календарных праздников сопровождаются не только безупречно изящными с виду, но и наполненными глубоким символическим значением угощениями, блюдами и ритуальными подношениями. Простая формула японского традиционного обеда «к одной порции мисо – три закуски» позволяет наглядно продемонстрировать своеобразный идеал здорового питания, который отражается в долголети, сохранении молодости и активного образа жизни японского народа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осмысление проблемы соотношения динамики и статики в языке в русле когнитивно-коммуникативных оснований ее разработки приводит к общему заключению о том, что для целей познания онтологических, феноменологических и телеологических аспектов языка необходимо обращение к эвристическому пространству, конституирующему само данное соотношение в интегративном и порождающем планах.

На материале разных языков в контекстах различных дискурсивных практик рассмотрены подходы, модели, феномены и способы репрезентации пространства нелинейного совмещения между идеальным и объективированным; интенциональным и событийным; устойчивым и изменяющимся; конвенциональным и креативным; социальным и индивидуальным в деятельном бытии «человека в языке», разработка которых получает новый импульс в момент смены парадигмы знания и новых условий развития культуры и общества.

В динамике современного мира, отмеченного возрастанием информационных ресурсных возможностей и моделирующей роли массмедийного коммуникативного пространства, усилением конфликтности в условиях цивилизационных сдвигов, актуальное измерение языка как деятельного способа субъективации человека устанавливается в онтологических координатах концептуальной рамки «Я – Мир – Другие», реализующейся процессуально в виде дискурсивизации. Лингвоаксиологический подход к дискурсивизации показывает возможность ее моделирования в русле перевода лингвокогнитивных процессов в практическую плоскость аксиологических операций в пространстве между миром реальным и мирами дискурсивного позиционирования в коммуникации, что особенно явно проявляется в массмедийном коммуникативном пространстве.

Результаты познания, накапливаясь, хранятся в ментальном лексиконе памяти языковой личности как живой системы в разного рода структурах – фреймах, концептах и ментальных пространствах. Механизм метафоризации как одного из базовых лингвокогнитивных процессов выявляется с позиции фреймовой семантики, сочетающей устойчивость моделей опыта познания и динамику конструируемых ментальных пространств в концептуальной рамке «Я – Мир – Другие». Осуществление дискурсивного анализа предметной сферы образования с этой точки зрения позволяет высветить сущность важнейшей для данной сферы дихотомии шаблонности и креативности мышления.

Взаимодействие культур и языков в координатах динамически меняющегося мира порождает сложные коммуникативные среды с высоким уровнем турбулентности, что помещает в центр методологической рефлексии проблему эффективного управления когнитивными сценариями и коммуникативными процессами в условиях культурно-языковых контактов. В этой связи необходимо определение потенциала диалектического взаимодействия культурных кодов как когнитивных констант, формирующих образ мира, и стратагем как динамических инструментов, адаптирующих культурные коды к условиям конкретной социокультурной ситуации в векторе совпадения интенциональностей коммуникантов. В поликодовой коммуникативной среде проблема соотношения статики и динамики помещается в плоскость стратегического управления преобразованием константных характеристик языковой личности.

Порождающим механизмом дискурсивизации является конструирование, которое имеет определенные ориентиры, ограничения, векторы и модели реализации в различных дискурсивных практиках. Язык используется не только для осуществления дискурсивной деятельности, но и как средство конструирования внеязыковой реальности. Это значит, что в процессе коммуникации мы не только воспринимаем мир и формируем представление о нем, но и создаем, конструируем «заново» аксиологически параметризованную реальность при посредничестве языка.

Изучение дискурсивного конструирования имиджа растительного стиля питания на материале англоязычного медиадискурса показывает его ориентацию на трансформацию ценностных приоритетов в отношении практик питания. В картину мира адресата внедряется новая модель пищевого поведения. Решение когнитивных и коммуникативных задач по конструированию положительного имиджа растительного мяса обеспечивается через реализацию номинативных стратегий. Языковыми маркерами трансформации практик питания являются оксюморонные и имитирующие номинации, когнитивно обусловленные имитационным содержанием продукта. Перспективным в этом плане представляется исследование эпистемических и оценочных модусов аргументации и лежащих в их основе когнитивных механизмов и языковых средств, направленных на формирование позитивного имиджа нового продукта в гастрономической картине мира потребителя.

Зонтичный концепт движения, имманентно связанный с концептами изменений, преобразований, превращений, игры, сопоставляет концепты «жизнь» и «язык» в пространстве времени культуры, что особенно явно проявляется в моменты переживания ситуаций с высокой степенью риска, какой является ситуация с пандемией коронавируса. Игровые дискурсивные практики – смеховые, серьезные, драматические,

возвышенные – образуют особое дискурсивное пространство, создают дискурсивную волну, которая способствует изменению реакции людей на пандемию коронавируса, переориентации социального резонанса.

Трансформация дискурсивного конструкта в социальную реальность может рассматриваться как коммуникативная технология, которая в особенности характерна для массмедиа, как это показывает дискурсивное конструирование образа Красноярска в англоязычных и русскоязычных российских медиа.

Рассмотрение соотношения динамики и статики в языке не может обойтись без понятия интерпретации и интерпретанты. Данный ракурс рассмотрения выводит на осмысление интерпретации как креативного лингвокогнитивного процесса и интерпретанты как акта его оязыковлечения, как это представлено в результатах анализа когнитивно-дискурсивной интерпретанты лексемы «рука» на материале русского и французского языков в переводческом аспекте в русле синергичной когнитивно-эвристической модели перевода.

Опора на лингвосинергичную гипотезу анализа дискурса позволяет непротиворечиво выстроить эффективную модель управления дискурсивизацией и обосновать целостную дискурсивную технологию «Умная настройка» с учетом реальности изменения характера современного коммуникативного пространства как пространства «интеллектуального», управляемого дискурсивными силами различной природы и степени жесткости, которым соответствует адекватный инструментарий воздействия.

В русле акцента на динамику (проблемность, герменевтичность, конструируемый, а не априорно заданный характер) толкуется одна из базовых категорий личности и, следовательно, дискурсивной личности, а именно категория субъектности в практике интернет-коммуникации. Дискурсивная личность определяется как «цифровая личность», способы субъективации которой выявляются в стратегиях самоидентификации, образующих сети мнения и оценки, параметризующих социальное пространство отношениями согласия, антагонизма, доминации. При этом особую значимость приобретает понятие модуса и модусного подхода в реализации траектории дискурсивизации.

Анализ континуальных, системных процессов в языке восстанавливает необходимость определения актуальных состояний языка в дихотомии статики и динамики, однако с учетом недоминирования одного из двух противочленов, но в их взаимозависимости и взаимодополнительности. Данная взаимозависимость постулирует наличие моделируемого пространства «между» составляющими дихотомии, которое и призвано объяснить переход к новым состояниям, в частности, в виде таких феноменов, как развитие синонимических рядов терминов, возникновение и распространение факторов и фактов турбулентности в

языковом функционировании, отклонений от конвенциональных способов языкового означивания, наращивание языковых инноваций, выделение некоторых элементов лингвокультуры, которые становятся впоследствии маркерами национального кода. Вместе с этим «промежуточное» интегрирующее пространство отрывает возможность мета-теоретического упорядочения эволюционных процессов в истории языка, картине мира, лингвокультуре.

Теоретическая значимость исследования, на наш взгляд, проистекает из того, что оно представляет собой некоторый вклад в размышление о возможностях познания языка в его целостности, через преодоление феноменологических антиномий в перспективе познания его динамической эвристической реальности, соположенной концепту «жизнь». Многие вопросы данной проблематики лишь намечены и требуют более специального и углубленного анализа в эпистемологическом и терминологическом планах.

Практическая значимость работы видится в возможности использования ее положений и выводов в разработке научных и учебно-исследовательских проектов по общему языкознанию, теории языка, при организации курсов по актуальным направлениям в лингвистике для преподавателей-исследователей, а также для подготовки аспирантов, обучающихся по направлению «Языкознание и литературоведение», и магистрантов, обучающихся по направлению «Лингвистика».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Автохутдинова О. Ф. «Другой» как персонаж в СМИ: дискурсивные практики конструирования : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015. 29 с.

Аддисонова болезнь. URL: <http://medicalj.ru/diseases/endocrinology/87-gipertireoz-tirotoksikoz/> (дата обращения: 29.10.2020).

Красноярск // Красноярск. Администрация города : офиц. сайт. URL: <http://www.admkrsk.ru/city/Pages/default.aspx> (дата обращения: 20.12.2019).

Акишина А. А., Кано Х., Акишина Т. Е. Жесты и мимика в русской речи: лингвострановедческий словарь. М. : Русский язык, 1991. 144 с.

Алексеева Л. М., Шутёмова Н. В. Когнитивное «пробуждение» перевождения // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 1(17). С. 244–248.

Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М. : Просвещение, 1966. 305 с.

Арбузова Н. А. Отражение пространства в языке // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2019. № 7. С. 127–132.

Аристотель Поэтика. Риторика. СПб. : Азбука, 2000. 347 с.

Аристотель. Поэтика. Риторика. О душе. М. : Мир книги, 2007. 400 с.

Арутюнова Н. Д. Семантическая структура и функции субъекта // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1979. Т. 38, № 4. С. 323–334.

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988. 341 с.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Книга по Требованию, 2013. 608 с.

Ащенкова Г. А. Антропономинии в сфере французской гастрономии: опыт структурного и когнитивно-коммуникативного анализа : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2013. 23 с.

Баева Е. И. Жесты-символы в итальянской лингвокультуре (к проблеме описания невербального коммуникативного поведения) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 2. С. 110–118.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка : пер. с фр. / под ред. Р. А. Будагова. М. : Иностр. лит., 1955. 407 с.

Барроуз М. Каким будет мир в 2030 году. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2015. 352 с.

Барт Р. К психосоциологии современного питания // Система моды. Статьи по семиотике культуры, 2004. М. : Изд-во им. Сабашниковых. С. 366–376.

Барышков В. П. Аксиология личностного бытия. М. : Логос, 2005. 192 с.

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. 1965. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/bah/tin/fra/nsu/ara/ble/index.htm> (дата обращения: 17.10.2020).

- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 424 с.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М. : Прогресс, 1974. 447 с.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. на рус. яз. Е. Руткевич. М., 1995. 323 с.
- Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М. : Постум, 2017. 320 с.
- Бодрунова С. С. Современные стратегии британской политической коммуникации. М. : Товарищество науч. изд. КМК, 2010. 423 с.
- Бодуэн де Куртунэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию : в 2 т. М. : Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1. 349 с.
- Болдырев Н. Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 17–28.
- Болдырев Н. Н. Свойства и границы оценочных категорий в свете новых представлений о процессах категоризации // Языковые категории: границы и свойства : материалы Междунар. науч. конф. Минск, 22–23 марта 2004 г. Минск : МГЛУ, 2004. С. 14–16.
- Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М. : Издательский дом ЯСК, 2019. 480 с.
- Болезни эндокринной системы. URL: <http://your-healthy-lifestyle.ru/bazedova-bolezn/bazedova-bolezn-sinonimy/> (дата обращения: 29.10.2020).
- Будаев Э. В., Солопова О. А., Чудинов А. П. Политическая метафорология. Дискурсивный поворот. М. : Флинта, 2019. 236 с.
- Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева. М. : Языки русской культуры, 1999. 780 с.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1996. 416 с.
- Вейнрейх У. Опыт семантической теории // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1981. Вып. 10 : Лингвистическая семантика. С. 50–176.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1981. № 1. С. 36–47.
- Викулова Л. Г. Аксиологическая лингвистика в поле междисциплинарной антропологической рефлексии о ценностях современного общества // Лингвокультурные ценности в полиэтничном обществе : монография / отв. ред. В. И. Карасик, Е. А. Журавлева. Волгоград : Парадигма, 2015. С. 43–71.
- Викулова Л. Г., Серебренникова Е. Ф. Языковой плюрализм современного городского пространства как отражение диалога культур // В диалоге языков и культур : материалы VI Междунар. науч.-дидакт. конф. Варшава : Linguistica Skola Wyszaw Warszawi, 2017. Т. 6. С. 467–478.
- Викулова Л. Г., Серебренникова Е. Ф., Герасимова С. А. Экстенсия концепта *identité*: от понятия к аксиологеме // Человек и его язык: диахрония и синхрония, новые идеи и подходы : материалы XIX Междунар. науч. конф. Школы-семинара им. Л. М. Скрелиной. Петрозаводск, 19–21 сент. 2019 г. : сб. ст. РАНХиГС. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2019. С. 206–216.
- Викулова Л. Г., Серебренникова Е. Ф., Макарова И. В. Интеркультуремы в городском семиотическом ландшафте Ярославля как индикаторы 'разделенного' знания эпохи глобализации // Ярославский текст в пространстве

диалога культур : материалы 3-й Всерос. науч. конф. Ярославль, 10–11 апр. 2018 г. / [сост. и отв. ред.: О. Н. Скибинская, Т. К. Ховрина]. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. С. 308–313.

Викулова Л. Г., Чернигова И. В. Аксиологические аспекты авторского и издательского предисловий (семиотрический подход) // Этносемиотрия ценностных смыслов : монография. Иркутск : ИГЛУ, 2008а. С. 186–232.

Виноградов В. С. Перевод: общие и лексические вопросы : учеб. пособие. М. : КДУ, 2004. 40 с.

Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. М. : АСТ ; СПб. : TerraFantastica, 2003 [1953]. С. 221–546.

Витгенштейн Л. Философские работы. М. : Гнозис, 1994. 612 с.

Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2011. № 4 (38). С. 286–291.

Волкова Л. Б. Невербальное поведение русских и японцев в сопоставительном аспекте // Universum: Филология и искусствоведение. 2016. № 6 (28). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/3298>

Выготский Л. С. Психология искусства (Анализ эстетической реакции). М. : Лабиринт, 1997. 416 с.

Гаврилова М. В. Дискурсивное конструирование понятия «президент» в русском политическом дискурсе // Политическая наука. 2020. № 2. С. 87–109.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М. : Прогресс, 1988. 704 с.

Гак В. Г. Языковые преобразования. М. : Языки русской культуры, 1998. 768 с.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : КомКнига, 2007. 144 с.

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М. : Прогресс, 1992. 211 с.

Главева Д. Г. Традиционная японская культура: Специфика мировосприятия. М. : Вост. лит., 2003. С. 3–4.

Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Регионоведение : учеб. для СПО. М. : Юрайт, 2019. 360 с.

Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М. : Прогресс, 1985. С. 217–237.

Греймас А. Ж., Фонтаний Ж. Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души : пер. с фр. / предисл. К. Зильберберта. М. : ЛКИ, 2007. 336 с.

Гринев С. В. Введение в терминоведение. М. : Моск. лицей, 1993. 309 с.

Гришина Е. А. Указания рукой как система (по данным Мультимедийного русского корпуса) // Вопросы языкознания. 2012. № 3. С. 3–50.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по общему языкознанию. М. : Прогресс, 2000. 400 с.

Дейк ван Т. А. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Изд. 2-е. М. : УРСС : Либроком, 2015. 352 с.

Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация : пер. с англ. / сост. В. В. Петрова ; под ред. В. И. Герасимова. М. : Прогресс, 1989. 312 с.

Делез Ж. Логика смысла. М. : Раритет ; Екатеринбург : Деловая книга, 1998. 480 с.

Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / отв. ред. М. Н. Володина. М. : Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2003. С. 116–133.

Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–32.

Демьянков В. З. Событийность в языке средств массовой информации // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования : тез. докл. Междунар. науч. конф. Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 25–27 окт. 2001 г. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 59–60.

Денисова А. В. Рим в письмах Гоголя и Достоевского // Культура и текст. 2020. № 2. С. 83–94.

Деррида Ж. О грамματοлогии / пер. с фр. Н. Автомонова. М. : AdMarginem, 2000. 511 с.

Деррида Ж. Письмо японскому другу // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 53–57.

Дзялошинский И. М. Аналитический потенциал концепции информационно-коммуникационного универсума // Вопросы журналистики. 2029. № 7. С. 5–29.

Диффузный токсический зоб. URL: https://www.krasotaimedicina.ru/diseases/zabolevaniya_endocrinology/thyrototoxicosis (дата обращения: 29.10.2020).

Дмитриева Ю. В. Аспекты невербального поведения с точки зрения языкового выражения // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2019. № 7. С. 168–174.

Дмитриева Ю. В. Особенности вербального выражения мимики и жестов в английском, немецком и русском языках // Вестник ЧГПУ. 2011. № 8. С. 200–210.

Дмитриева Ю. В. Язык телодвижений и его вербальное обозначение в английском, немецком и русском языках // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2018. № 7. С. 142–150.

Добрикова К. А. Невербальные коды в межкультурной коммуникации // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2015. Вып. 11. С. 97–100.

Добросклонская Т. Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 13 (184). Вып. 22. С. 181–188.

Друговейко К. О. Дискурсивные механизмы конструирования исторической памяти (на материале текстов российской и латвийской прессы) // Политическая лингвистика. 2014. Вып. 3. С. 115–123.

Дубровская Т. В. Конструирование Запада в российском внешнеполитическом дискурсе: политические акторы и стратегии репрезентации // Дискурс Пи. 2017. № 1. С. 10–21.

Дымарский М. Я. Между жанром и творчеством, или К становлению пирожкового мышления языковой личности // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов ; М. : Лабиринт, 2012. Вып. 8 : Памяти К. Ф. Седова. С. 385–390.

Еда по-русски в зеркале языка / Н. Н. Розанова и [др.]. М. : РГГУ : РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, 2013. 586 с.

Ермакова Л. Р. Глюттотонические прагматонимы и национальный характер (на материале русской и английской лингвокультур) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2011. 27 с.

- Журавлев В. К. Диахроническая фонология. 2-е изд., испр. и доп. М. : УРСС, 2004. 336 с.
- Заботкина В. И. Слово и смысл. М. : РГГУ, 2012. 428 с.
- Закирова Т. В. Социальная имитация как феномен современной культуры : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Челябинск, 2015. 19 с.
- Залевская А. А. Проблема знания в различных ракурсах // Studialinguisticocognitiva. Вып. 2. Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009. С. 14–65.
- О национальном парке «Красноярские Столбы». URL: <https://www.zapovednik-stolby.ru/about/> (дата обращения: 06.12.2019).
- Зарубина Н. Н. Трансформации практик питания в современной России: детерминанты // Вестник МГИМО (У) МИД России. 2014. № 6. С. 199–208.
- Земскова А. Ю. Лингвосомиотические характеристики англоязычного гастрономического дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 22 с.
- Ильин В. В. Аксиология. М. : Изд-во МГУ, 2005. 216 с.
- Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М. : Интрада, 1996. 255 с.
- Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М. : Языки славян. культуры, 2014. 320 с.
- Иссерс О. С. Дискурсивная практика: к определению понятия // Современная речевая коммуникация: новые дискурсивные практики / отв. ред. О. С. Иссерс. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. С. 37–61.
- Иссерс О. С. Когнитивно-прагматические особенности «пищевого» дискурса в СМИ // Еда по-русски в зеркале языка / Н. Н. Розанова [и др.]. М. : РГГУ : РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, 2013. С. 165–174.
- Казыдуб Н. Н. Аксиологическая перспективизация как инструмент дискурсивного конструирования // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2020. № 4 (54). С. 144–152. <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2020-54-4-250>.
- Казыдуб Н. Н. Коадаптация языковых личностей в межкультурной коммуникации // Вестник Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева. 2018. № 4 (46). С. 145–154. <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2018-46-4-97>.
- Казыдуб Н. Н. Когнитивно-прагматическое моделирование культурно-языковых контактов // Казанская наука. 2019. № 6. С. 111–113.
- Кайуа Р. Игры и люди: Эссе по социологии культуры. М. : ОГИ, 2007. 304 с.
- Капанадзе Л. А. О понятиях «термин» и «терминология» // Развитие лексики современного русского языка. М., 1965. С. 79–87.
- Капкан М. В. Феномен гастрономической культуры: специфика форм репрезентации (на примере России XIX–XX веков) : автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2010. 26 с.
- Капкан М. В., Лихачева Л. С. Гастрономическая культура: понятие, функции, факторы формирования, 2008. С. 34–43.
- Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. Волгоград : Перемена, 2000. С. 5–20.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.

Катермина В. В. Гастрономическая картина мира в английской неологии: лингвокультурологический аспект // Лингвокультурология. 2017. № 11. С. 33–47.

Кильмухаметова Е. Ю. Аксиологический потенциал невербальных средств (на материале современной французской художественной литературы) // Вестник Томского государственного университета. 2007. Вып. 295. С. 67–71.

Кильмухаметова Е. Ю. Кобзева О. В., Вандышева А. В. Лингвопрагматические аспекты вербальных презентаций кинем в языке произведений художественной литературы // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 109(05). URL: <http://ej.kubagro.ru/2015/05/pdf/69.pdf>.

Кильмухаметова Е. Ю. Невербальные средства с оценочной функцией: на материале современной французской художественной литературы, фильмов и телепередач : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 25 с.

Кобзев А. И. Языкознание // Духовная культура Китая. Наука. М. : Вост. лит. РАН, 2009. С. 492–520.

Когнитивное переводоведение: методологические основы и перспективы // «Ризоморфный клубок»: когниция vs коммуникация : монография / отв. ред. А. В. Колмогорова. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017. С. 49–76.

Королькова О. З. Изучение функциональной стороны русского жестового языка (к постановке проблемы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15, № 3. С. 67–75.

Коротаева Е. В. Рукодвижения в фольклоре и авангарде // Живое слово: логос – голос – движение – жест : сб. ст. и материалов / сост. и отв. ред. В. В. Фещенко. М. : Нов. лит. обозрение, 2015. С. 303–312.

Косицкая Ф. Л., Зайцева И. Е. Французский гастрономический дискурс и его жанровая палитра // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 2. С. 25–30.

Кравченко А. В. О традициях, языкознании и когнитивном подходе // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство : сб. в честь Е. С. Кубряковой. М. : Языки славянских культур, 2009. С. 51–66. (Studiaphilologica).

Кравченко С. А. Социальная и культурная динамика еды: приобретения и уязвимости // Вестник МГИМО (У) МИД России. Социологические исследования. 2015. № 1(369). С. 85–94.

Крапивкина О. А. Теоретическое моделирование судебных дискурсивных практик : дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2019. 393 с.

Краснова Т. И. Другой голос: анализ газетного дискурса русского зарубежья, 1917–1920(22) гг. / под ред. Л. Р. Дускаевой. СПб. : Северная звезда, 2011. 588 с.

Крейдлиן Г. Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. М. : Нов. лит. обозрение, 2004. 581 с.

Крейдлиן Г. Е. Семиотическая концептуализация тела и проблема мультимодальности // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 100–120.

- Крушинский А. А. Логика Древнего Китая : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 44 с.
- Крюков М. В., Хуан Шу-ин. Древнекитайский язык. М. : Гл. ред. вост. лит., 1978. 512 с.
- Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. М. : Знак, 2012. 208 с.
- Кубрякова Е. С. О нетривиальной семантике в сочетаемости прилагательных с существительными // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. М. : Языки рус. культуры, 2004а. С. 148–153.
- Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славян. культуры, 2004. 560 с. (Язык. Семиотика. Культура).
- Лабунская В. А. Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности. Ростов н/Д : Феникс, 2009. 344 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозова. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
- Лингвистический аксиологический анализ лексем *valeur/value*: сравнительно-сопоставительный подход / Л. Г. Викулова, Е. Ф. Серебрянникова, О. В. Вострикова, С. А. Герасимова // Филологические науки. 2018. № 1. С. 3–13.
- Ловинк Г. Критическая теория Интернета. М. : Ад Маргинем Пресс 2019. 304 с.
- Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М. : Языки рус. культуры, 1999. 464 с.
- Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2000. 704 с.
- Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. М. : АН СССР, 1961. 158 с.
- Львовская З. Д. Современные проблемы перевода / пер. с исп. В. А. Иовенко. М. : ЛКИ, 2008. 224 с.
- Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003. 280 с.
- Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М. ; Жуковский : Канон-пресс-Ц ; Кучково поле, 2003. 464 с.
- Маркарян С. Б. Японская кулинария – объект мирового культурного наследия // Ежегодник Япония. 2018. Т. 47. С. 149–162.
- Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976. 493 с.
- Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст». М. : Языки рус. культуры, 1999. 316 с.
- Мечковская Н. Б. Что в этнических языках обусловлено анатомией и психофизиологией человека и как язык преодолевал биологические границы? // *InHonorem* : сб. ст. к 90-летию А. Е. Супруна / под ред. Е. Н. Руденко, А. А. Кожинной. Минск : РИВШ, 2018. С. 185–194.
- Минченков А. Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода (на материале английского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2008. 43 с.
- Минченков А. Г. Когниция и эвристика в процессе переводческой деятельности. СПб. : Антология, 2007. 256 с.
- Мишин А. В. Невербальные средства коммуникации и их отражение в художественном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 16 с.

Молчанова Г. Г. Когнитивная невербалика как поликодовое средство межкультурной коммуникации: кинесика // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С. 13–30.

Научные подходы к изучению феномена этнокультурного регионального брендинга: понятийно-категориальный аппарат исследования / И. И. Горлова [и др.] // Этнокультурное брендиование территории в контексте стратегии регионального развития: научно-методические подходы и практики : монография / отв. ред. Т. В. Коваленко. М. : Ин-т Наследия, 2020. С. 6–36.

Никишкова М. С. Лингвокультурный гастрономический код в англоязычной потребностной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12(42). В 3 ч. Ч. 2. С. 124–132. URL: www.gramota.net/materials/2/2014/12-2/32.html (дата обращения: 22.09.2020).

Никишкова М. С. Этнолингвокультурный гастрономический код в потребностной коммуникации (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2017. 26 с.

Новая философская энциклопедия // Электронная библиотека ИФ РАН. URL: iphlib.ru (дата обращения: 07.12.2020).

Олянич А. В. Презентационная теория дискурса : монография. Волгоград : Парадигма, 2004. 507 с.

Падучева Е. В. Некоторые проблемы моделирования соответствия между текстом и смыслом в языке // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1975. Т. 34, № 6. С. 548–559.

Переверзева С. И. Семиотическая концептуализация тела в русском языке и культуре: признак «ориентация» : дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 169 с.

Перельмутер И. А. Грамматическое учение модистов // История лингвистических учений. Позднее Средневековье. М., 1991. С. 7–66.

Петренко С. Н. Жанровые традиции постфольклора в поэтике современной русской литературы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 2 (87).

Петряков Л. Дж. Дискурсивная реальность как объект философского анализа: онтологический и гносеологический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 2014. 53 с.

Пеше М., Фукс К. Итоги и перспективы. По поводу автоматического анализа дискурса / пер. с фр. И. Ю. Доброхотовой // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М. : Прогресс, 1999. С. 105–123.

Пирс Ч. С. Что такое знак? // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2009. № 3 (7). С. 88–95

Платон. Избранные диалоги. М. : АСТ, 2006. 506 с.

Плотникова С. Н., Серебренникова Е. Ф. Когнитивная траектория дискурсивизации: дестинация, стратегия, технология // Вестник ИГЛУ. 2013. № 1 (22). С. 183–189.

Плотникова С. Н. Дискурсивное конструирование как теоретическое понятие // Известия ВГПУ. 2014. Вып. 5. С. 41–46.

Пожидаева Е. В. Пути формирования и развития национальной лингвокультуры питания (на примере английского языка) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2012. № 5. С. 84–87.

Попова Д. А. Способы репрезентации субъектности цифровой личности в жанре интернет-комментария : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2017. 28 с.

Попова Д. А. Способы репрезентации субъектности цифровой личности в жанре интернет-комментария : дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2017. 218 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. Воронеж : Истоки, 2002. 348 с.

Предметно-тематическое поле гастрономической журналистики: от развлекательного контента до вопросов национальной политики России / Е. К. Рева, Т. В. Огородникова, Т. Д. Михайлова, Д. В. Арехина, С. Д. Кубрин // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8, № 1. С. 111–128.

Пучков А. Я. Имитационная реальность: онтогносеологический анализ : монография. Екатеринбург : Банк культур. информ., 2006. 252 с.

Радбиль Т. Б. Будущее как факт и будущее как модальность в парадигме «реальность – текст» // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее. М. : Индрик, 2011. С. 254–262.

Рассел Б. Человеческое познание, его сфера и границы. М. : Ин-т общегуманит. исслед., 2001. 560 с.

Регуляторная гильотина. URL: <https://knd.ac.gov.ru/groups/797/> (дата обращения: 12.01.2021).

Реформатский А. А. Введение в языковедение. М. : Аспект Пресс, 2004. 536 с.

Рецептивная критика // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М. : Интелвак, 2001. С. 872–875.

Рикёр П. Вызов и счастье перевода // Логос. 2011. № 5–6 (84). С. 148–153.

Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки по герменевтике. М. : Медиум, 1995. 415 с.

Ромашко С. А. Монумент – сувенир – улика: временная ось мегаполиса // Логос. 2002. № 3. С. 97–109.

Русская Т. Н., Хахалова С. А. Является ли сердце домом? особенности метафорического образа сердца в медицинском дискурсе // Тенденции развития образования: педагог, образовательная организация, общество – 2020 : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2020. С. 116–123.

Рябцева Н. К. Прикладные проблемы переводоведения: лингвистический аспект : учеб. пособие. М. : Флинта ; Наука, 2013. 224 с.

Садовникова О. Н. Инновация: этносемиотика знака в русском и китайском языках: сравнительные параллели // Проблемы устойчивого развития гуманитарных и естественных наук: аспирантские чтения. Иркутск : МГЛУ ЕАЛИ, 2016. С. 192–200.

Селиверстов Д. Предисловие // Хёйзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. С. 5–14.

Семенова Т. И. Композициональность словосочетаний с прилагательным fake: когнитивные аспекты // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 5 (194). С. 20–26.

Семенова Т. И. Феномен впечатления в когнитии и языке // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири *Magister Dixit*. 2014. № 2. С. 16–25.

Серебренникова Е. Ф. Семантическая относительность слов: слова-фары и слова-изгой // *Этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография* / отв. ред. Л. Г. Викулова. Иркутск : ИГЛУ, 2008а. С. 38–49.

Серебренникова Е. Ф. Аксиологическая параметризация социального дискурса // *Вестник ИГЛУ*. 2013а. № 3 (24). С. 13–18.

Серебренникова Е. Ф. Аспекты динамического подхода к лингвоаксиологическому анализу дискурса // *Лингвокультурные ценности в полиэтническом обществе : монография* / отв. ред. В. И. Карасик, Е. А. Журавлева. Волгоград : Парадигма, 2015а. С. 95–19.

Серебренникова Е. Ф. К проблеме креативности в синтаксисе // *Когнитивные категории в синтаксисе : монография* / под ред. Л. М. Ковалевой (отв. ред.), С. Ю. Богдановой, Т. И. Семеновой. Иркутск : ИГЛУ, 2009. С. 127–139.

Серебренникова Е. Ф. Многозначность в аспекте аттрактивности знака в коммуникации // *Многозначность языковых единиц в когнитивном аспекте : монография* / отв. ред. Л. М. Ковалева ; ред. С. Ю. Богданова, Т. И. Семенова. Иркутск : ИГЛУ, 2013б. С. 158–168.

Серебренникова Е. Ф. Текст и дискурс: На пути к формированию методологии и инструментария лингвоаксиологического анализа // *Текст: дискурсивное проявление и коммуникативная практика : сб. науч. ст. в честь юбилея д-ра филол. наук, проф. Л. Г. Викуловой* / под общ. ред. Е. Г. Таревой. М. : МГПУ ; Языки народов мира, 2017. С. 34–45.

Серебренникова Е. Ф. Тенсивность дискурса: к проблеме реконструкции динамической реальности // *MagisterDixit*. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tensivnost-diskursa-k-probleme-rekonstruktsii-dinamicheskoy-realnosti-diskursa/viewer>.

Серебренникова Е. Ф. Фактор времени в динамике дискурса: способы «финализации» смысла. М. : МГПУ : Языки народов мира : ТЕЗУРУС, 2015б. С. 330–337.

Серебренникова Е. Ф. Ценностное измерение языка: проекции на реализацию дискурса в коммуникации // *Пространства коммуникации: язык, литература, медиа : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Иркут. гос. ун-та. 18–21 сент. 2018 г.* / отв. ред. О. Л. Михалева. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. С. 561–568.

Серебренникова Е. Ф. Человек оценивающий: семиотрия оценки на примере разового политического дискурса // *Личность и модусы ее реализации в языке : монография*. М. : ИЯ РАН ; Иркутск : ИГЛУ, 2008б. С. 416–428.

Серебренникова Е. Ф. Этносемиотрия как способ лингвистического аксиологического анализа // *Этносемиотрия ценностных смыслов : монография*. Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2011. С. 8–62.

Серль Дж. Р. Природа интенциональных состояний // *Философия, логика, язык* / пер. с англ. и нем. М. : Прогресс, 1987. С. 96–127.

Скиннер К. Человек цифровой. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2019. 304 с.

Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика : курс лекций. СПб., 2011. С. 169–179.

Скрелина Л. М., Становая Л. А. История французского языка. М. : Высшая школа, 2005. 463 с.

Слива М. Е. К вопросу о невербальных средствах передачи информации // Вестник КрасГАУ. 2013. № 11. С. 311–314.

Соковнина В. В. Лингвокреативность взрослого мира: игры в «социальной сети» // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. 2014. № 2. С. 96–100.

Соколова О. В. Дискурсы активного действия: теория и типология : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015. 635 с.

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1977. 695 с.

Софронов М. В. Китайский язык и китайская письменность. М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. 638 с.

Сохань И. В. Визуальные репрезентации гастрономической культуры. СПб., 2014. С. 88–96.

Сохань И. В. Как исследовать гастрономическое? К вопросу о дефинициях и подходах // Вестник Томского государственного университета. Серия: Культурология и искусствоведение. 2013. № 1. С. 99–109.

Сохань И. В. Тоталитарный дискурс культуры еды в Советской России 1920–1930 гг. // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2010. № 332. С. 63–68.

Сохань И. В., Нужа И. В. «Глобализация» российской гастрономической культуры сквозь призму языка // Вестник Томского государственного университета. Серия: Культурология и искусствоведение. 2014. № 4. С. 18–27.

Старостин С. А. Реконструкция фонологической системы древнекитайского языка. М. : Наука, 1989. 732 с.

Степанов Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века : сб. ст. М. : РГГУ, 1995. С. 34–72.

Талыбина Е. В. Невербальные средства коммуникации в русском речевом этикете // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания, 2005. Вып. 1. С. 59–65.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. 288 с.

Технологизация дискурса в современном обществе : монография / под ред. С. Н. Плотниковой. Иркутск : ИГЛУ, 2011. 320 с.

Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М. : Прогресс – Культура, 1995. С. 259–367.

Торчинов Е. А. Пути философии Востока и Запада: познание запретельного. СПб. : Азбука-классика : Петерб. востоковедение, 2007. 329 с.

Тургенев И. А. Русский язык // Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. М. : Наука, 1982. Т. 10. С. 172. URL: https://rvb.ru/turgenev/01text/vol_10/02senilia/0267.htm (дата обращения: 06.12.2020).

Уайтхед А. Избранные труды по философии. М. : Прогресс, 1990. 719 с.

Уварова М. О. Дискурсивные практики конструирования чрезвычайного события в прессе // Известия УрГУ. 2007. № 52. С. 140–149.

Ундрицова М. В. Глоттонический дискурс: лингвокультурологические, когнитивно-прагматические и переводческие аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 26 с.

Файзуллина И. И. Номинация гастрономического дискурса: отражение в языковом сознании жителей полиэтничного города // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 5–3. С. 118–125.

Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). СПб. : Филол. факультет СПбГУ ; М. : Филология ТРИ, 2002. 416 с.

Федюченко Л. Г. Когнитивно-коммуникативное направление исследования перевода технических текстов // Теория перевода в классической и современной исследовательской парадигме : монография / под общ. ред. Л. В. Кушниковой. М. : Флинта, 2020. С. 192–207.

Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса : пер. с англ. Л. : Фестингер ; СПб. : Ювента, 1999. 318 с.

Филатов Л. Про Федота-стрельца, удалого молодца. М. : АСТ, 2008. 319 с.

Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ : пер. с англ. Харьков : Гуманит. центр, 2004. 336 с.

Флоренский П. А. Сочинения. В 4 т. Т. 3 (1). У водоразделов мысли. М. : Мысль, 2000. 622 с.

Фреймовая модель знаний. URL: <http://www.aiportal.ru/articles/knowledge-models/frame-model.html>

Фуко М. Археология знания. СПб. : Гуманит. акад., 2012. 416 с.

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет : пер. с фр. М. : Касталь, 1996. 448 с.

Фуко М. Использование удовольствий: История сексуальности // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М. : Магистериум – Касталь, 1996. Т. 2. 448 с.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб. : A-cad., 1994. 406 с.

Фурс Л. А. Уровни категоризации в синтаксисе // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство : сб. в честь Е. С. Кубряковой. М. : Языки славян. культур, 2009. С. 312–319. (Studiaphilologica).

Хайдеггер М. Бытие и время. СПб. : Наука, 2002. 451 с.

Хайдеггер М. Путь к языку // Время и бытие : статьи и выступления. М. : Республика, 1993. С. 259–273.

Хайруллин В. И. Перевод и фреймы. М. : URSS, 2009. 144 с.

Хакен Г. Синергетика / пер. с англ. В. И. Емельянова. М. : Мир, 1980. 404 с.

Хантакова В. М., Швецова С. В. Роль хаоса и порядка в организации синонимического ряда // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2(75). С. 510–513.

Хахалова С. А. Возможности применения дискретной фрактальной парадигмы в исследованиях по метафоре // Вестник ИГЛУ. 2008. № 4. С. 96–101.

Хахалова С. А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры : монография. 2-е изд., испр. и доп. Иркутск : ИГЛУ, 2011. 292 с.

Хахалова С. А. Метафорология: фрактальная парадигма // Вестник ИГЛУ. 2013. № 2 (23). С. 79–85.

Хахалова С. А. Фрейм как способ хранения метафорического оружия в области бессознательного // Пространства и метасферы языка: структура, дискурс, метатекст : материалы III межвуз. науч. конф. по актуал. проблемам теории языка и коммуникации. 26 июня 2009 г. / ред. Н. В. Иванов. М. : Книга и бизнес, 2009. С. 270–277.

Хёйзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.

Цвиллинг М. Я. Когнитивные модели и перевод // О переводе и переводчиках : сб. науч. ст. М. : Вост. кн., 2009. С. 97–102.

Чайкисова А. В. Когнитивно-прагматический анализ побудительной модальности и средств ее выражения в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск : ИГЛУ, 2010. 157 с.

Чередникова Е. А. Аксиологические характеристики гастрономического дискурса // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2011. № 5. С. 78–82.

Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. М. : Наука, 2006. 134 с.

Чистякова И. В. Анекдот как литературный жанр // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4-2. С. 81–84.

Чудинов А. П., Будаев Э. В., Солопова О. А. Политическая метафорология: дискурсивный поворот. М. : Флинта, 2020. 236 с.

Шаховский В. И. Меняющаяся картина мира в динамике языка и речи // Вестн. Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение. 2015. № 1. С. 7–20.

Шестакова Э. Г. Кулинарный медиатекст в контексте проблем медиалингвистики: постановка и обоснование основных задач // Медиалингвистика. 2020. Т. 7, № 1. С. 118–141.

Шмелева Е. Заразительные неологизмы. Русский язык по-своему отвечает на пандемию // Коммерсант. 2020. 22 апр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4323125> (дата обращения: 04.12.2020).

Шофман А. С. Периодизация всемирной истории. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1984. 224 с.

Штайн О. А. Маска как форма идентичности: Введение в философию образа. СПб. : Изд-во РХГА, 2012. 160 с.

Щукина К. А. Прецедентные феномены в пирожках и порошках – новых жанрах современной интернет-поэзии // Мир русского слова. 2015. № 4. С. 49–54.

Щурина Ю. В. Классификация комических речевых жанров коммуникативного пространства интернета // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 2 (87). С. 39–43.

Эко У. О членениях кинематографического кода // Стрoение фильма. Некоторые проблемы анализа произведений экрана. М. : Радуга, 1984. С. 79–101.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. В. Резник и А. Погоняйло. СПб. : Симпозиум, 2004. С. 375. С. 416–417.

Ю Е. Д. Репрезентация невербальных средств коммуникации в современном испанском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2009. 22 с.

Ю Е. Д. Языковая репрезентация жестов рук и тактильной коммуникации в литературном невербальном дискурсе (на материале испанского языка) // Вестник ИрГТУ. 2012. № 10(69). С. 386–390.

Юдина Н. В. Сочетание «Прилагательное + существительное» в лингвокогнитивном аспекте : монография. М. ; Владимир : Ин-т языкознания РАН, ВГПУ, 2006. 427 с.

Юнг К. Г. Психологические типы. М. : Акад. проект, 2017. 540 с.

Якоба И. А. Актуализация аттрактивизации в медийном рекламном дискурсе // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2019а. № 1 (32). С. 227–235.

Якоба И. А. Власть дискурса: моделирование дискурсивного взаимодействия : монография. Иркутск : Изд-во ИРНИТУ, 2016. 242 с.

Якоба И. А. Внешние и внутренние параметры медийного дискурса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019б. № 3 (180). С. 94–100.

Якоба И. А. Когнитивно-коммуникативная параметризация медийного дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2020. 399 с.

Якоба И. А. Лингвокогнитивные параметры дискурса в технологии «Умная настройка» : монография. Иркутск : Изд-во ИРНИТУ, 2017. 189 с.

Яхонтов С. Е. Древнекитайский язык. М. : Наука, 1965. 115 с.

72 японских сезона. Современный взгляд на Японию. URL: <https://www.nippon.com/ru/features/h00124/> (дата обращения: 23.08.2020).

Adam J.-M. Les textes: types et prototypes. Récit, description, argumentation, explication et dialogue. Paris : Nathan, 2001. 223 p.

Allwood J. Meaning potentials and context: Some consequences for the analysis of variation in meaning // Gothenburg papers in theoretical linguistics. 89. 2003. Available at: https://www.researchgate.net/publication/238683716_Meaning_potentials_andcontext_Some_consequences_for_the_analysis_of_variation_in_meaning (date of access: 12.01.2021).

Barsalou L. W. Deriving Categories to Achieve Goals // Psychology of Learning and Motivation. Vol. 27. 1991. P. 1–64. [https://doi.org/10.1016/S0079-7421\(08\)60120-6](https://doi.org/10.1016/S0079-7421(08)60120-6) (date of access: 10.01.2021).

Barsalou L. W. Grounded cognition // Annual Review of Psychology. 2008 Vol. 59. P. 617–645. First published online as a Review in Advance on August 15, 2017. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.59.103006.093639> (date of access: 03.01.2021).

Best Disease. URL: http://eyewiki.aao.org/Best_Disease (date of access: 26.01.2018).

Brown P., Levinson S. C. Politeness: some universals in language usage (Studies in intercultural sociolinguistics). Cambridge : Cambridge University Press, 1987. 345 p.

Bussmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft. Zweite, völlig neu bearbeitete Auflage / unter Mitbehilfe und mit Beiträgen von Fachkolleginnen und -kollegen. Stuttgart : Alfred Kröner Verlag (Kröners Taschenausgabe; Bd 452). 1990. 904 p.

Charaudeau P. Grammaire du sens et de l'expression. Paris : Hachette, 1992. 927 p.

Charaudeau P. Réplique à Daniel Dayan : quelle vérité pour les médias ? Quelle vérité pour le chercheur ? // *Revue Questions de communication*. 2006. Ch. 9. P. 181–194.

Collins English Dictionary. London ; Glasgow : Collins, 1976. 1264 p.

Coveney J. *Food, Morals and Meaning: the Pleasure and Anxiety of Eating*. Routledge London and New York : Rutledge, 2006. 188 p.

Coveney J. *Food*. London and New York : Routledge, 2014. 108 p.

Creuzer M., Mühlbacher H., Wallpac S. von. Home in the re-making: Immigrants' transcultural experiencing of home // *Journal of Business Research*. 2018. Vol. 91. P. 334–341. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jbusres.2017.10.047>.

Crystal D. *The Cambridge Encyclopedia of Language*. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 1997. 487 p.

Dewey J. *My Pedagogic CREED* // *Selected Educational writings with an introduction and commentary by G. W. Garforth*; Lecturer in education university of hull. Heiremenn, London, 1966. P. 44–59.

Dijk van T. A. *Discourse and Knowledge: A Sociocognitive Approach*. Cambridge University Press, 2014. 549 p.

Fairclough N. *Language and Power*. London : Longman, 1989. 259 p.

Fauconnier G., Turner M. *Mental spaces: conceptual integration networks* // *Cognitive linguistics: basic readings* / e. by Dirk Geeraerts. Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. P. 303–371.

Fauconnier, Gilles. *Mental Spaces : Aspects of Meaning Construction in Natural Language*, MIT, 1985. 185 p.

Fillmore Ch. J. *Frame semantics* // *Linguistics in the Morning Calm*. Seoul, Hanshin Publishing Co., 1982. P. 111–137.

Fillmore Ch. J. *Frame semantics and the nature of language* // *Annals of the New York Academy of Sciences: Conference on the Origin and Development of Language and Speech*. 1976. Vol. 280. P. 20–32.

Flowerdew J. *The discursive construction of a world-class city* // *Discourse & Society*. 2004. Vol. 15, N 5. P. 579–605.

Fraas C. *Gebrauchswandel und Bedeutungsvarianz in Textnetzen. Die Konzepte Identität und Deutsche im Diskurs zur deutschen Einheit*. (Studien zur deutschen Sprache 3). Tübingen : Narr, 1996. 175 s.

Fraas C. *Multimodale Stil- und Frameanalyse – Methodentriangulation zur medienadäquaten Untersuchung von Online-Diskursen*. In: Roth, Kersten Sven/Spiegel, Carmen (Hrsg.): *Angewandte Diskurslinguistik. Felder, Probleme, Perspektiven*. (= *Diskursmuster – Discourse Patterns* 2). Berlin : Akademie, 2012. S. 135–162.

Graves' Disease. URL: <https://byebyedoctor.com/graves-disease/> (date of access: 26.01.2018).

Grice H. P. *Studies in the Way of Words*. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1989. 394 p.

Jackendoff R. *A User's Guide to Thought and Meaning*. Oxford : Oxford University Press, 2012. P. 274.

Jackendoff R. *Meaning and the Lexicon: The Parallel Architecture 1975–2010*. Oxford : Oxford University Press, 2010. 504 p.

Jackendoff R. *Semantic structures*. (Current studies in linguistics, 18) Cambridge, MA : MIT Press, 1990. 322 p.

Joly A. Autour du concept d' 'opération' chez Gustave Guillaume // Les formes du sens. Études de linguistique française, médiévale et générale offertes à Robert Martin à l'occasion de ses 60 ans / Sous la direction de Georges Kleiber, Martin Riegel. Paris : Edition De Boeck Supérieur, 1997. P. 203–218.

Khantakova V., Shvetsova S. The Role of Synonymy as a Method of Systematization of Medical Terminology in Intercultural Interaction // Easton and Central European Philosophical Studies. Vol. 55. Washington : Library of Congress Cataloging – in – Publication, 2016. P. 155–165.

Konerding K.-P. Frames und lexikalisches Bedeutungswissen. Untersuchungen zur linguistischen Grundlegung einer Frametheorie und zu ihrer Anwendung in der Lexikographie (Reihe germanistische Linguistik 142). Tübingen : Max Niemeyer. 1993. 492 s.

Konerding K.-P. Frames, Fields, and Contrasts. New Essays in Semantic and Lexical Organization. Edited by Adrienne Lehrer and Eva Fedder Kittay. Hillsdale, N. J. : Lawrence Erlbaum Associates 1992. 464 p.

Konerding K.-P. Konzept, Bedeutung und sprachliche Handlung. Grundzüge einer methodisch fundierten Framesemantik für Sprechaktverben // Edda Weigand & Franz Hundsnurscher (Hg.): Lexical Structure and Language Use. Proceedings of the International Conference on Lexicology and Lexical Semantics. Münster, September 13–15, 1994. Vol. 2. Tübingen : Niemeyer. (Beiträge zur Dialogforschung 10). S. 77–88.

Konerding K.-P., Wiegand H. E. Framebasierte Wörterbuchartikel. Zur Systematisierung der lexikographischen Präsentation des Bedeutungswissens zu Substantiven // Lexicographica. 1994. Vol. 10. S. 100–170.

Kövecses Z. Language, Mind and Culture. Oxford, 2006. 397 p.

Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. Chicago and London : The University of Chicago Press, 1987. 614 p.

Lakoff J., Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought. N. Y. : Basic Books, 1999. 624 p.

Langacker Ronald W. Cognitive Grammar: A Basic Introduction. Oxford : Oxford University Press, 2008. P. x+562.

Lapaire J.-R., Rotgé W. Séminaire pratique de linguistique anglaise. Toulouse : Presses Universitaires du Mirail, 1991. 285 p.

Leber disease. URL: https://medicine_en_ru.academic.ru/41873/leber%27s_optic_atrophy (date of access: 26.01.2018).

Lee D. Cognitive Linguistics: An Introduction. Oxford : OUP, 2004. 223 p.

Levinson S. C. Pragmatics. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. 420 p.

Longman Dictionary of Contemporary English. 3rd ed. Essex : Longman Group Ltd., 1997. 1680 p.

Lönneker B. Konzeptframes und Relationen. Extraktion, Annotation und Analyse französischer Corpora aus dem World Wide Web (Dissertationen zur künstlichen Intelligenz 275). Berlin : Akademie Verlag. 2003. 341 s.

Lustig M. V., Koester J. Intercultural Competence: interpersonal communication across cultures. 6th ed. Boston : Pearson Education Inc., 2010. 388 p.

Maugham W. S. Cakes and Ale or the Skeleton in the Cupboard. Moscow : Manager, 2004. 256 p.

Micro R. Dictionnaire du français primordial. Paris : Dictionnaire LE ROBERT, 2008. 1208 p.

Minsky M. A Framework for Representing Knowledge // Patrick Henry Winston (ed.). The Psychology of Computer Vision. McGraw-Hill, New York (U.S.A.), 1975. URL: <https://web.media.mit.edu/~minsky/papers/Frames/frames.html> (date of access: 02.02.2021).

Montana P. J., Charnov B. H. Management. 3rd ed. New York : Barron's Educational Series, Inc., 2000. 541 p.

Morel M.-A. La concession en français. Paris : Éditions Ophrys, 1996. 156 p.

Nettleton S. Wisdom, Diligence and Teeth: Discursive Practices and the Creation of Mothers // *Sociology of Health & Illness*, 1991. Vol. 1, N 1. P. 98–111.

Nikolopoulou A. A critical Approach to the Discursive Construction of Work and the Self as an Employee in Present Day Greece: Doctoral Thesis. Barcelona, 2016. 278 p.

Nye J. S. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York : Public Affairs Group, 2004. 191 p.

Palmer S. E. Fundamental Aspects of Cognitive Representation // *Cognition and Categorisation* / Rosch Eleanor, Lloyd B. Barbara (Hrsg.). New York ; Hillsdale : Erlbaum, 1978. P. 259–303.

Pitt D., Katz J. J. Compositional Idioms // *Language*. 2000. Vol. 76, N 2. P. 409–432.

Plotnikova S. N. Discourse Spaces: a Systemic Approach // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2019, Vol. 1 (12). P. 106–116.

Pottier B. Sémantique générale. Paris : Presses Universitaires de France, 1992. 237 p.

Quine W. Bemerkungen über Existenz und Notwendigkeit // *Zur Philosophie der idealen Sprache*. München : Deutscher Taschenbuchverlag. Wissenschaftliche Reihe, 1972. S. 34–52.

Quine W. On what there is // *Semantics and the philosophy of language*. Urbana, 1952. P. 189–206.

Retinoblastoma in an eye with features of Coats' disease / C. L. Shields, Y. Uysal, R. Benevides, R. C. Eagle, B. Malloy, J. A. Shields. *J Pediatr // Ophthalmol Strabismus*. 2006. Vol. 43, N 5. P. 313–315.

Rosch E. Cognitive representations of semantic categories // *Journal of Experimental Psychology: General*, 1975. Vol. 104, N 3. P. 192–233.

Rosch E. Principles of Categorization // *Cognition and Categorization* / ed. by E. Rosch and B. B. Lloyd. Hillsdale (New Jersey) : Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1978. P. 27–48.

Ryazanova-Clarke L. Putin's Nation: Discursive Construction of National Identity in Direct Line with the President // *Инструментарий русистики: корпусные подходы / под ред. А. Мустайоки, М. В. Копотева, Л. А. Бирюлина, Е. Ю. Протасовой*. Хельсинки : Slavica Helsingiensia, 2008. С. 311–331.

Salins de G.-D. Grammaire pour l'enseignement. Apprentissage du F.L.E.: Paris : Les Éditions Didier, 1996. 272 p.

Schwarz M. Einführung in die Kognitive Linguistik. (Linguistik). UTB für Wissenschaft, 1996. 238 s.

Searle J. Intentionality. An Essay in the Philosophy of Mind. Cambridge Univ. Press, 1983. 278 p.

Smirnova U. V. "Time of Culture": an Essential Category of Discourse Analysis // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2015. Vol. 8. P. 1738–1753.

Taylor J. R. Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory. Oxford : Clarendon Press, 1995. 309 p.

Termes et concepts pour l'analyse du discours / J.-M. Barbéris, Ch. Béal, B. Bonu, J. Bres, A. Cassanas, Ch. Charney, C. P. Détrie. Editions Chamion, 2001. 347 p.

Vanderveken D. Meaning and Speech Acts. Vol. I. Principles of Language Use. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1994. 244 p.

Vitelliform macular dystrophy. URL: http://psychology.wikia.com/wiki/Vitelliform_macular_dystrophy (date of access: 26.01.2018).

Vitelliform macular dystrophy. URL: <https://medical-dictionary.thefreedictionary.com/vitelliform+macular+dystrophy> (date of access: 26.01.2018).

Wagner R. L. Grammaire du français classique et moderne. Paris : Librairie Hachette, 1962. 640 p.

Wierzbicka A. Lingua mentalis: The semantics of natural language. Academic Press, Sydney ; New York, 1980. 368 p.

Wierzbicka A. Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German and Japanese. New York ; Oxford : Oxford University Press, 1997. 317 p.

Wodak R. Disorders of Discourse. London : Longman, 1996. 200 p.

Yule G. Pragmatics. Oxford : Oxford University Press, 1996. 138 p.

Ziem A. Frames und sprachliches Wissen. Kognitive Aspekte der semantischen Kompetenz. / hrsg.von Ekkehard Felder. Wissenschaftlicher Beirat : M. Hundt, W.-A. Liebert, Th. Spranz-Fogasy, B. Wanning, I. H. Warnke, M. Wengeler. Walter de Greyter: Berlin New York, 2008. 485 s.

みそソムリエ すずなの味噌を知る！大百科 = Энциклопедия мисо. URL: <https://miso-sommelier.com/category20/note71.html> (date of access: 20.10.2020).

向熹. 简明汉语史（上）. 北京：高等教育出版社，1998. 757 页.

向熹. 简明汉语史（下）. 北京：高等教育出版社，1998. 555 页.

吕叔湘. 近代汉语指代词. 上海：上海出版社，1985. 426 页.

周祖谟. 语言文字论集. 北京：学苑出版社，2004. 655 页.

国語辞典 = Словарь родного языка. URL: <https://dictionary.goo.ne.jp/word/日本料理/> (date of access: 18.09.2020).

岩波ことわざ辞典、東京：岩波書店、2000.

広辞苑 = Толковый словарь японского языка. 東京：岩波書店、1998.

李梅燕. 基于语料库的六朝与隋唐五代石刻楷书异体字比较调查[电子版]. URL: <https://wenku.baidu.com/view/624fa75a77232f60ddcca134.html> (date of access: 01.02.2019).

毛远明. 魏晋南北朝汉字的特征及规律[电子版]. URL: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotat-SXDD201206007.htm> (date of access: 09.01.2019).

- 毛远明. 魏晋南北朝碑刻文字的时代特征[电子版]. URL: <https://www.docin.com/p-284856621.html> (date of access: 10.01.2019).
- 永山久夫和食ことわざ辞典 [テキスト] —東京: 堂出版, 2014. P. 2–80.
- 潘允中. 汉语语法史概要. 河南省: 中州书画社出版, 1982. 273 页.
- 王力. 汉语史稿. 北京: 中华书局出版社, 2009. 714 页.
- 陆锡兴. 论汉字史研究 [电子版]. URL: <https://wenku.baidu.com/view/6f9d8829f6ec4afe04a1b0717fd5360cba1a8dee.html> (date of access: 15.02.2019).
- 马伯乐. 唐代长安方言考. 北京: 中华书局, 2005. 215 页.
- 高本汉. 中国音韵学研究. 北京: 商务印书馆, 2003. 748 页.
- 黄典诚. 汉语语音史. 合肥: 安徽教育出版社, 1993. 262页.

Список словарей

- Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. М.: Рус. яз. 2000. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/операция>
- Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996. 246 с.
- КСГТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац. М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. 245 с.
- Кузнецов С. А. Оптимизация. URL: <http://endic.ru/kuzhencov/Optimizacija-20912.html>
- Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 688 с.
- Ляпон М. В. Модальность // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/2221549>
- Мазаник М. Н., Белоковьяльский М. С. Футурология / Гуманитарная энциклопедия: Концепты. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7317>
- Мультитран. URL: <https://www.multitran.com>
- Новый французско-русский словарь // В. Г. Гак, К. А. Ганшина. М.: Русский язык – Медиа, 2005. 1160 с.
- Русский Викисловарь. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki>
- Словарь иностранных слов. URL: <http://endic.ru/fwords/Kriticheskij-18695.html>
- Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильичева, П. Н. Федосеева. М.: Советская энциклопедия, 1989. 840 с.
- Французско-русский фразеологический словарь / ред. Я. И. Рецкер. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. 1112 с. Электронный толковый словарь русского языка. URL: tolkslovar.ru/o4737.html (дата обращения: 05.08.2020).
- Электронный толковый словарь русского языка. URL: tolkslovar.ru/o4737.html (дата обращения: 05.08.2020).
- Cambridge International Dictionary of Current English. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995. 1104 p.

Dictionnaire des Expressions et Locutions. Le Trésor des manières de dire anciennes et nouvelles / par Alain Rey et Sophie Chantreau. Paris : Dictionnaires Le Robert, 1989. 1322 p.

Digitales Wörterbuch. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 12.01.2021).

Dixel 2010 – Dixel dictionnaire 2010. Paris : Dictionnaires Le Robert, 2009. 2097 p.

Langenscheidts Großwörterbuch. Deutschals Fremdsprache: das neue ein sprachige Wörterbuch für Deutschlernende / Herausgeber Professor Dr. Dieter Götz, Professor Dr. Günter Haensch, Professor Dr. Hans Wellmann. Langenscheidt KG, Berlin und München. Auflage 8. 1997. S. 633.

Larousse 2010 – Le petit Larousse illustré 2010. Paris : Larousse, 2009. 1782 p.

Macmillan English Dictionary for Advanced Learners (MED). 2nd edition. Oxford : Macmillan, 2007. 1748 p.

Micro Robert. Dictionnaire du français primordial sous la direction de Paul Robert. P. : S.N.L. Le Robert, 2008. 1155 p.

Wahrig. Wörterbuch der deutschen Sprache. Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG München. S. 614

Список источников примеров

Варламов И. А. Алло, это Красноярск! // Живой журнал. 2018б. URL: <https://varlamov.ru/2876855.html?page=5> (дата обращения: 29.04.2020).

Варламов И. А. За что я люблю Красноярск // Живой журнал. 2018а. URL: https://varlamov.ru/2898642.html?page=4&cut_expand=1 (дата обращения: 29.04.2020).

Варламов И. А. Красноярск хочет перемен! // Youtube. 2018. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_vTDN9ezioI (дата обращения: 29.05.2020).

Варламов И. А. Лютая жесть и красотища в Красноярске // Живой журнал. 2018в. URL: <https://varlamov.ru/2886946.html?page=9> (дата обращения: 29.04.2020).

Варламов И. А. Почему вы ненавидите русских? // Живой журнал. 2016а. URL: <https://varlamov.ru/1810009.html> (дата обращения: 29.04.2020).

Видеоролик «Месяц в подарок». URL: <https://youtu.be/CP9хDKrPZow> (дата обращения: 07.06.2019).

Встречи с Владимиром Соловьевым. URL: <https://soloviev.xyz/>

Выступление В. В. Жириновского с политическим докладом на XXVI Съезде ЛДПР от 25.03.2013. URL: http://ldpr.ru/#events/videos/LDPR_always_in_the_centerreport_Zhirinovskys_LDPR_Congress_XXVI (дата обращения: 01.04.2019).

Герасюкова М. Ковидиот, карантины, зумбомбинг: какие неологизмы принес коронавирус. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2020/04/20/13055605/coronawords.shtml> (дата обращения: 04.12.2020).

Дела.ru Красноярск может принять зимние юношеские Олимпийские игры // Дела.ru. 2020. URL: <https://dela.ru/lenta/250038/> (дата обращения: 21.02.2020).

Дела.ru Строительство красноярского метро могут начать в 2020 году // Дела.ru. 2019. URL: <https://dela.ru/news/248646/> (дата обращения: 21.02.2020).

Жутовская Н. М. «Мой миленок... старик из Перу»: английские лимерики и русские частушки // XVII Царскосельские чтения : материалы междунар. науч. конф., 23–24 апреля 2013 г. СПб. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина, 2013. С. 279–283.

Заповедник Столбы // Государственный природный заповедник «Столбы». 2020. URL: <https://www.zapovednik-stolby.ru/about/> (дата обращения: 06.12.2019).

Каганов Л. Как идет вам маска, девушка // Новая газета. 2020. 6 апр.б № 36. URL: <https://novayagazeta.ru/articles /2020/04/05/84726-kak-idet-vam-mask-a-devushka> (дата обращения: 20.11.2020).

Как отличить коронавирусную инфекцию Covid-19 от простуды. URL: https://ria.ru/20200310/1568376473.html?utm_source=ria.24smi.info&utm_medium=referral&utm_campaign=11049&utm_content=2795361 (дата обращения: 10.03.2020).

Коновалов А. Как Пушкин воевал с саранчой // ИсторияРФ.ру. URL: <https://histrf.ru/biblioteka/b/kak-pushkin-voieval-s-saranchoi>.

Кракова С. Затмить ЧМ: справится ли Красноярск с Универсиадой // Газета.ру. 2018. URL: https://www.gazeta.ru/sport/2018/11/15/a_12060007.shtml (дата обращения: 21.02.2020).

Кронгауз М. Словарь эпохи коронавируса: «Ковидиоты на самоизоляции зачали корониалов, зумились и оформили ковидиворс». URL: <https://www.irk.kp.ru/daily/27132/4221683/>(дата обращения: 04.12.2020).

Лесков С. Инноваторы и лохи // Известия. 2019. № 45.

Мелихова Е. Коронавирус пополнил русский язык новыми словами // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2020/05/01/reg-ufo/koronavirus-popolnil-russkij-iazuk-novymi-slovami.html> (дата обращения: 04.12.2020).

Меттан Г. Запад – Россия: тысячелетняя война / пер.: М. Аннинская, С. Булгакова. М. : Паулсен, 2016. 464 с.

Митрухин С. Мост с десятирублевой купюры. Внесен в справочник ЮНЕСКО за уникальность // Аргументы и факты. 2020. URL: https://krsk.aif.ru/society/most_s_desyatirublyovoy_kupyury_vnesen_v_spravochnik_k_yunesko_za_unikalnost (дата обращения: 27.02.2020).

Мишустин М. В. Стенограмма видеообращения к участникам IX Московского международного форума «Открытые инновации» от 20.10.2020. URL: <http://government.ru/news/40650/>

Саранча. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%87%D0%B0>

Седов А. Самарский пример: «Едро в ведро!». URL: <http://alsedov.ru/samarskij-primer-edro-vvedro/> (дата обращения: 12.08.2019).

Синонимы слова «хорошо» в современном русском языке. URL: <https://sinonim.org/s/%D1%85%D0%BE%BE>

Столярова В. «Платинум», «Кристалл» и «Сопка»: что будет с наследием Универсиады после соревнований // ТВК. 2019. URL: <https://tvk6.ru/publications/news/40150/> (дата обращения: 27.02.2020).

Терентьев Д. Молоко без коровы. Почему России не удается построить инновационную экономику // Аргументы Недели. № 4 (546). URL: <https://argumenti.ru/economics/n575/521042> (дата обращения: 14.03.2020).

Трамп запретил въезд в США из Европы. URL: <https://ria.ru/20200312/1568465233.html> (дата обращения: 12.03.2020).

Ты за великую Россию? Значит, ты за Путина! URL: <http://lenta.ru/photo/2012/02/04/poklonnaya/#26> (дата обращения: 05.08.2020).

Эксперт объяснил причину быстрого распространения коронавируса. URL: <https://ria.ru/20200312/1568466512.html> (дата обращения: 12.03.2020)

Anne-Sophie Chazaud. Available at: <https://www.facebook.com/photo?fbid=1781448905362425&set=a.1454920722914> (date of access: 10.01.2021).

Arthur Chevallier – La démocratie participative, ce populisme chic. Available at: https://www.lepoint.fr/debats/arthur-chevallier-la-democratie-participative-ce-populisme-chic-05-01-2021-2408358_2.php

Brown D. The Da Vinci Code. London : Corgi Books, 2009. 590 p.

Calm down, carnivores: fake meat with real flavour is good for all of us. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/jun/12/fake-meat-plant-based-burgers-vegetarians-vegans> (date of access: 12.06.2018).

Clavell J. SHOGUN: A Novel of Japan. New York : Dell publishing Co., Inc., 1975. 1211 p.

CONCESSION bien que, malgré, cependant, pourtant, quoique, quand même / Although in French, français. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=sVplmAJdGPw> (date of access: 15.12.2020).

Connecteur alors que: употребление. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=8eUNjSC0TJs> (date of access: 12.12.2020).

Cooper J. Class. London : Corgi Books, 1999. 366 p.

Crook-Simiana O. Krasnoyarsk's Crystal Ice Arena – A Celebration of Curling // World Curling federation. 2020. Available at: <https://worldcurling.org/2020/02/crystal-ice-arena/> (date of access: 04.06.2020).

D'Ormesson, Jean. C'est l'amour que nous aimons. Paris : Editions Robert Laffont, 2017. 1312 p.

DieZeit. Zeit-Online 4.5.2005. Available at: https://www.zeit.de/zustimmung?url=https%3A%2F%2Fwww.zeit.de%2F2005%2F19%2FSpeer_und_er (date of access: 11.03.2021).

Dubois J.-P. Une vie française. Paris : Editions de l'Olivier / Le Seuil, 2004. 401 p.

Fake Meat: the Future of Food? Available at: https://www.theepochtimes.com/fake-meat-the-future-of-food_2676044.html (date of access: 09.02.2020).

François Molins. Available at: <http://www.tv5monde.com/emissions/episode/internationales-francois-molins> (date of access: 12.01.2020).

Hackwill R., Sherbakov S. Krasnoyarsk: an old city whose future will be defined by its youth // Euronews.ru. 2018b. Available at: <https://www.euronews.com/2018/09/20/krasnoyarsk-an-old-city-whose-future-will-be-defined-by-its-youth> (date of access: 20.05.2020).

Hackwill R., Sherbakov S. Taiga, taiga burning bright // Euronews.ru. 2018b. Available at: <https://www.euronews.com/2018/09/20/taiga-taiga-burning-bright> (date of access: 20.05.2020).

Hackwill R., Sherbakov S. The world comes to Siberia as Krasnoyarsk prepares for the Student Winter Games // Euronews.ru. 2018a. Available at: <https://www.euronews.com/2018/09/20/the-world-comes-to-siberia-as-krasnoyarsk-prepares-for-the-student-winter-games> (date of access: 20.05.2020).

Heuschrecken und verwandte Spezies. Available at: <https://drs-investment.com/de/heuschrecken-und-andere-arten/#:~:text=Der%20Begriff%20%>

E2%80%9EHeuschrecke%E2%80%9C%20gilt%20im,%C3%BCberzogenen%20 Renditeerwartungen%2C%20wie%20Hedge%2DFonds

Hold the beef: How plant-based meat went mainstream. Available at: <https://www.theguardian.com/food/2020/feb/09/hold-the-beef-how-plant-based-meat-went-mainstream> (date of access: 09.02.2020).

Houellebecq M. Soumission. Paris : Michel Houellebecq et Flammarion, 2015. 315 p.

How to use "Quand Même" in French – StreetFrench.org. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=BfHjkB2d9EM> (date of access: 15.12.2020).

Impossible Burger vs. Beyond Meat Burger: Taste, ingredients and availability, compared. Available at: <https://www.cnet.com/news/beyond-meat-vs-impossible-burger-whats-the-difference> (date of access: 07.02.2020).

Inside the Impossible Burger: is the meat-free mega trend as good as we think? Available at: <https://www.theguardian.com/food/2019/mar/14/impossible-burger-meat-from-cells-change-eating-habits> (date of access: 14.03.2019).

Kaku M. The transcript of full speech at the plenary session “Digital Economy. Society. Business. State”. Available at: <http://government.ru/en/news/29668/> (date of access: 26.10.2020).

Khadra Y. La Dernière Nuit du Raïs. Paris : Editions Julliard, 2015. 182 p.

Laurent Berger appelle à une hausse des salaires dans le médico-social. Available at: <https://www.lefigaro.fr/flash-actu/laurent-berger-cfdt-appelle-a-une-hausse-de-15-des-salaires-dans-le-medico-social-20210110> (date of access: 05.01.2021).

Le Figaro. Available at: <https://www.facebook.com/lefigaro> (date of access: 09.01.2021).

Mômes, créateur de bons moments. Available at: <http://www.momes.net> (date of access: 18.11.2020).

Must-know speeches. Bounty Books, 2010. 544 p.

New plant-focused diet would ‘transform’ planet’s future, say scientists. Available at: <https://www.theguardian.com/environment/2019/jan/16/new-plant-focused-diet-would-transform-planets-future-say-scientists> (date of access: 16.01.2019).

Newslab.ru «Болеют все!»: как на первенстве мира по керлингу поддерживают спортсменов россияне, канадцы и швейцарцы // Newslab.ru. 2020д. URL: <https://newslab.ru/article/949850> (дата обращения: 03.03.2020).

Newslab.ru «В спорте мелочей нет»: «Бобровый лог» готов встречать соревнования Зимней универсиады-2019 // Newslab.ru. 2019и. URL: <https://newslab.ru/article/886063> (дата обращения: 23.02.2020).

Newslab.ru «Весь мир откроет Красноярск»: как в городе готовятся к первенству мира по керлингу среди юниоров // Newslab.ru. 2020г. URL: <https://newslab.ru/article/948436> (дата обращения: 23.02.2020).

Newslab.ru «Впервые вижу такую классную арену»: иностранные керлингисты поделились впечатлениями о Красноярске // Newslab.ru. 2020и. URL: <https://newslab.ru/news/950413> (дата обращения: 23.02.2020).

Newslab.ru «Все под рукой и эстетически приятно»: как красноярцам живется в самом центре города // Newslab.ru. 2020з. URL: <https://newslab.ru/article/949600> (дата обращения: 01.05.2020).

Newslab.ru «Всегда мечтал вернуться на историческую родину»: как работает программа переселения соотечественников в Красноярский край //

Newslab.ru. 2019г. URL: <https://newslab.ru/article/937674> (дата обращения: 23.05.2020).

Newslab.ru «Забраться на скалу, скатиться с горы и сплавиться по Енисею»: как устроен экстремальный туризм Красноярска // Newslab.ru. 2019з. URL: <https://newslab.ru/article/929225> (дата обращения: 23.02.2020).

Newslab.ru «Красноярск занял свое место на карте зимних видов спорта»: в кластере «Сопка» стартуют этапы Кубка мира по фристайлу // Newslab.ru. 2020б. URL: <https://newslab.ru/article/953748> (дата обращения: 23.02.2020).

Newslab.ru «Лед хороший, настрой боевой!»: капитан шотландской сборной рассказал о впечатлениях от первенства мира по керлингу // Newslab.ru. 2020к. URL: <https://newslab.ru/article/949675> (дата обращения: 10.05.2020).

Newslab.ru «Переводим Стрелку»: во что превратится исторический центр Красноярска в ближайшие годы // Newslab.ru. 2020ж. URL: <https://newslab.ru/article/947191> (дата обращения: 26.06.2020).

Newslab.ru «Сальто в лыжах»: Красноярск готовится к этапам Кубка мира по фристайлу // Newslab.ru. 2019е. URL: <https://newslab.ru/article/939668> (дата обращения: 23.05.2020).

Newslab.ru «Стартуем в 20:19»: как в Красноярске отметили годовщину проведения Зимней универсиады-2019 // Newslab.ru. 2020в. URL: <https://newslab.ru/article/955833> (дата обращения: 23.05.2020).

Newslab.ru «Такого масштаба не было уже 20 лет»: красноярские энергетики рассказали о планах на этот год // Newslab.ru. 2020е. URL: <https://newslab.ru/article/950332> (дата обращения: 23.05.2020).

Newslab.ru «Трассы хороши, главное – не проиграть самим себе»: как призеры Зимней универсиады-2019 выступали на этапах Кубка мира по фристайлу в Красноярске // Newslab.ru. 2020а. URL: <https://newslab.ru/article/955146> (дата обращения: 21.02.2020).

Newslab.ru «Через 10 месяцев в Москве меня накрыла депрессия»: как красноярец не прижился в столице // Newslab.ru. 2019д. URL: <https://newslab.ru/article/936999> (дата обращения: 10.05.2020).

Newslab.ru «Это гораздо круче, чем по телевизору!»: в Красноярске прошел этап Кубка мира в парном могуле // Newslab.ru. 2020д. URL: <https://newslab.ru/photo/954877> (дата обращения: 23.05.2020).

NGS24.ru «Это столичная история»: официально запущена подсветка Коммунального моста // NGS24.ru. 2018. URL: <https://ngs24.ru/news/more/65308681/> (дата обращения: 23.02.2020).

Plant-based meat could create a radically different food chain. Available at: <https://www.economist.com/international/2019/10/12/plant-based-meat-could-create-a-radically-different-food-chain> (date of access: 15.10.2019).

Platinum Arena Krasnoyarsk: Compact IntiSLIMs to Illuminate the Key Facility of the World Winter Universiade 2019 // Intiled.ru. 2019. Available at: <https://intiled.ru/en/projects/platinum-arena-krasnoyarsk> (date of access: 04.06.2020).

Poulain C. Le grand marin. Paris : Editions de l'Olivier, 2016. 376 p.

Provocation sentimentale ou intellectuelle. Available at: <https://forum.wordreference.com/threads/provocation-sentimentale-ou-intellectuelle.3806531> (date of access: 13.12.2020).

Quoique, Quoi Que, Bien Que, Malgré. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=K2sJsvuqLas> (date of access: 02.10.2020).

Sainsbury's to sell vegan 'fake meats' next to real thing in trial. Available at: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2018/jun/11/sainsburys-to-sell-vegan-fake-meats-next-to-real-thing-in-trial> (date of access: 22.07.2020).

Sibnovosti.ru История одной прогулки или как мы посетили жилой район «Тихие зори» // Sibnovosti.ru. 2019б. Available at: <https://krsk.sibnovosti.ru/society/378355-istoriya-odnoy-progulki-ili-kak-my-posetili-zhiloy-rayon-tihie-zori> (дата обращения: 23.02.2020).

Sibnovosti.ru Красноярск встречает эстафету огня зимней Универсиады-2019 // Sibnovosti.ru. 2019а. Available at: <https://krsk.sibnovosti.ru/society/372890-krasnoyarsk-vstrechaet-estafetu-ognya-zimney-universiady-2019> (дата обращения: 23.02.2020).

Steel D. The House. London : Corgi Books, 2007. 510 p.

Stef_travelphotography // Instagram. 2019а. Available at: <https://www.instagram.com/p/Bu59JahnQm8/> (date of access: 04.06.2020).

Stef_travelphotography // Instagram. 2019б. Available at: https://www.instagram.com/p/Bu8qqX_nmng/ (date of access: 04.06.2020).

Stefanosaddimando // Instagram, 2019. URL: <https://www.instagram.com/p/BvFTsGPggpA/> (date of access: 04.06.2020).

SteveJobs' 2005. Stanford Commencement Address. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=UF8uR6Z6KLc&t=71s> (date of access: 21.12.2016).

The diet for a healthy planet: what should environmentalists eat? Available at: <https://www.theguardian.com/environment/2019/jan/27/environmentally-friendly-foods-samin-nosrat> (date of access: 27.01.2019).

The Siberian Times – Who says Siberian winters are boring? They are sparkly, fun, and amazingly beautiful! // The Siberian Times. 2012б. Available at: <https://siberiantimes.com/healthandlifestyle/opinion/news/who-says-siberian-winters-are-boring-they-are-sparkly-fun-and-amazingly-beautiful/> (date of access: 25.05.2020).

The Siberian Times Dawn to dusk in Krasnoyarsk // The Siberian Times. 2014б. Available at: <https://siberiantimes.com/home/sent-to-siberia/dawn-to-dusk-in-krasnoyarsk/> (date of access: 28.05.2020).

The Siberian Times Krasnoyarsk confirms its challenge for the 2019 World Winter Student Games // The Siberian Times. 2012а. Available at: <https://siberiantimes.com/sport/profile/news/krasnoyarsk-confirms-its-challenge-for-the-2019-world-winter-student-games/> (date of access: 28.05.2020).

The Siberian Times Krasnoyarsk on brink of winning right to host 2019 Winter University Games // The Siberian Times. 2013б. Available at: https://siberiantimes.com/sport/others/news/krasnoyarsk-on-brink-of-winning-right-to-host-2019-winter-university-games/?comm_order=best (date of access: 28.05.2020).

The Siberian Times Smashing the stereotype: welcome to a Siberian city of the Future Games // The Siberian Times. 2013в. Available at: https://siberiantimes.com/business/casestudy/news/smashing-the-stereotype-welcome-to-a-siberian-city-of-the-future/?comm_order=best (date of access: 28.05.2020).

'They do taste nice': consumers spoilt for choice for vegan fast-food options. Available at: <https://www.theguardian.com/food/2020/jan/02/fast-food-outlets-launch-new-vegan-options-for-veganuary> (date of access: 02.01.2020).

Trend of the year: Plant-based foods. Available at: <https://www.foodbusinessnews.net/articles/15105-trend-of-the-year-plant-based-foods> (date of access: 15.02.2019).

Trois hommes et un couffin [Enregistrement vidéo]: réalisateur Coline Serreau, 2019. 100 min.

What we eat matters for the planet. Available at: www.nytimes.com/2019/06/21/opinion/fake-meat-climate-change.html (date of access: 18.03.2020).

What we eat matters: to change climate crisis, we need to reshape the food system. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/oct/08/climate-change-food-global-heating-livestoc> (date of access: 08.10.2019) (date of access: 05.01.2021).

马云: 大数据时代应回归计划经济 2019年05月26日. Available at: http://blog.sina.com.cn/s/blog_4b712d230102yh9r.html (date of access: 28.10.2020).

习近平在深圳经济特区建立40周年庆祝大会上的讲话. Available at: <http://cpc.people.com.cn/n1/2020/1015/c64094-31892362.html> (date of access: 29.10.2020).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Воронина Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет.

E-mail: olizhe-07@mail.ru

Горшкова Вера Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры перевода и переводоведения, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет.

E-mail: gorchkova_v@mail.ru

Казыдуб Надежда Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева.

E-mail: nadejda_kazydoub@mail.ru

Камнева Ирина Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет.

E-mail: irina089@rambler.ru

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, Сибирский федеральный университет.

E-mail: nastiakol@mail.ru

Куницына Евгения Юрьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры перевода и переводоведения, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет.

E-mail: kunitsynaе@yandex.ru

Мельникова Марина Игоревна – магистрант Сибирского федерального университета, соавтор доктора филологических наук, профессора А. В. Колмогоровой.

E-mail: marishkalike17@mail.ru

Попова Дарья Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет.

E-mail: dasha.16.97@mail.ru

Садовникова Ольга Николаевна – аспирант кафедры романо-германской филологии, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет.

E-mail: olgasdvnkv@gmail.com

Семенова Татьяна Ивановна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет.

E-mail: tisemenova54@mail.ru

Серебренникова Евгения Федоровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романо-германской филологии, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет.

E-mail: serebr_ef_76@mail.ru

Тразанова Наталья Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет.

E-mail: nataha82@mail.ru

Хантакова Виктория Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Иркутский государственный аграрный университет имени А. А. Ежевского.

E-mail: achinj@mail.ru

Хахалова Светлана Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков с курсами латинского языка и русского как иностранного, заведующая кафедрой иностранных языков с курсами латинского языка и русского как иностранного, Иркутский государственный медицинский университет.

E-mail: ipswet@mail.ru

Якоба Ирина Александровна – доктор филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Иркутский национальный исследовательский технический университет.

E-mail: irina_yakoba@mail.ru

Научное издание

**ДИНАМИКА И СТАТИКА
В ПОЗНАНИИ РЕАЛЬНОСТИ ЯЗЫКА:
ПОДХОДЫ, ФЕНОМЕНЫ,
СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ**

ISBN 978-5-9624-1920-6

Редактор *Н. А. Михайлова*
Дизайн обложки: *П. О. Ершов*

Подписано в печать 11.05.2021. Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. л. 17,3. Усл. печ. л. 17,9. Тираж 100 экз. Заказ 49

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124